

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963.

Михаил Рыклин Метаморфозы великих гномов.

В 1920 году на праздновании дня рождения Эдмунда Гуссерля в его фрайбургском доме познакомились доктор медицины Карл Ясперс, только что ставший профессором философии в Гейдельберге, и Мартин Хайдеггер, молодой преподаватель философии местного университета. Их сблизило исключительно серьезное отношение к философии, бунт против засилья посредственностей в тогдашней университетской среде, – это относилось как к преподавателям, так и к студентам, – а также скрытая, молчаливо подразумеваемая уверенность в том, что именно им в будущем суждено изменить эту ситуацию, возродив философию во всей ее подлинности, которую они, впрочем, уже тогда понимали не совсем одинаково. Бывший психиатр и бывший теолог, избравшие философию по призванию во время омассовления культуры и банализации человеческих отношений (во всяком случае, так это виделось им самим), вскоре образовали то, что сами они стали называть "редким боевым содружеством", с целью возрождения духа настоящей философии, выветрившегося из немецких университетов. Хайдеггер, "маленький волшебник из Мескирха", уже тогда славился как преподаватель, обладавший даром делать мысли древних и новых философов наглядными; его семинары привлекали студентов, несмотря на очень высокие требования, которые он предъявлял к их работе. В Мар-бурге этой славе предстояло стать всенемецкой еще до опубликования "Бытия и времени". Ясперс же был не просто талантливым преподавателем, но автором считавшейся новаторской книги "Психология мировоззрений", которая содержала in pace зачаток оригинальной философской системы.

В том же 1920 году началась переписка, длившаяся, правда с очень большими перерывами, более сорока лет.

Читая эти в основном ясные тексты, испытываешь тем не менее трудность. Позднее начинаешь понимать, с чем она связана. Мы привыкли считать этот период серебряным веком немецкой философии и "наук о духе". В "Переписке" же такие имена, как Гуссерль, Шелер и связанный с ними круг идей, не говоря уже о Кассирере, Риккерт, Вивдельбанде и других философах, оцениваются изнутри этого времени и среды необычно критически, иногда даже иронически. По этим высказываниям можно судить, на какой высокий уровень Хайдеггер и Ясперс надеялись поднять планку подлинного философствования, каким масштабом предстояло измерять то, что они намеревались породить. Общение двух философов является по преимуществу устным (исключением остается рецензия Хайдеггера на "Психологию мировоззрений", которую Ясперс воспринял сдержанно-критически): они обсуждают философские проблемы в гейдельбергской квартире Ясперса во время визитов его младшего коллеги. Письма во многом – эхо этих бесед, которые не пересказываются, но интенсивно переживаются как нечто исключительно важное, даже решающее для осмысления ситуации в философии и своего места в ней. Впоследствии Ясперс признается, что читал бы тексты своего друга внимательней, не будь у него постоянной возможности беседовать с ним. "Ведь хороший разговор – самая подходящая и самая глубокая форма..." – пишет Ясперс (письмо 7). Не случайно именно он постоянно настаивает на том, что все основное, принципиальное должно решаться в форме беседы, разговора, личного общения. "Наше дело проиграно, если оно догматизировано и существует в виде произведения" (письмо 110). "Коммуникативная критика" ставится им выше опубликованных трудов и зафиксированных в них существенных различий; причем делается это не только на раннем этапе (когда замышляются непериодические выпуски под названием "Философия современности", для которых будут писать только они двое), но и после опубликования "Бытия и времени" и трехтомной "Философии". Постоянно обмениваясь мнениями об этих книгах, надо сделать достоянием публичности то, в чем мы "заранее едины": на Рождество 1931 года Ясперс предлагает опубликовать обсуждение этих книг в виде совместного произведения. И это несмотря на то, что к тому времени на уровне текстов ясно, что различия между философами, как минимум, не менее существенны, чем сходства. Общение является обманчивой призмой, которая, безмерно преувеличивая сходства, не преломляет различия; то, в чем они "заранее едины", окажется уже через полтора года разочаровывающе эфемерным не только по политическим, но и по философским причинам.

Нас, за последние годы привыкших к исключительной слабости российских академических институтов (и нередко благословляющих эту слабость на фоне их прежнего "величия"), удивляет еще одна черта переписки. Эти буквально одержимые делом философии люди – Ясперс даже в большей мере, чем Хайдеггер, – прекрасно разбираются в институциональной, карьерной стороне

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org своего призвания. Заинтересованно, местами страстно, они обсуждают освободившиеся вакансии и перемещения в университетской среде: вопрос о том, кто был на каком месте в списках на занятие должностей, дебатруется не менее подробно, чем собственно философские проблемы. Претендентов при этом оценивают не просто по "гамбургскому счету", но и с точки зрения реализации собственных карьерных устремлений; причем в качестве советчика и знатока почти неизменно выступает Карл Ясперс. В статье "Еще один возможный мир" Ричард Рор-ти измыслил краткую воображаемую биографию Хайдеггера[1]. Переписка содержит реальные возможности этого рода: в ней, например, обсуждается перспектива трехгодичной гостевой профессуры Хайдеггера в Токио с хорошим жалованием; не будь у него на тот момент места в Марбурге, кто знает, как сложилась бы карьера знаменитого шваба, столь красноречиво писавшего о преимуществах жизни в родной провинции.

Другими словами, бескорыстное парение в чистой среде духа не исключает искушенности в практических деталях, а низкая оценка тогдашней университетской философии не только не означает институционального разрыва с ней, но, напротив, обосновывает право на более сильные институциональные позиции, чем те, которые занимают критикуемые "посредственности". Оба корреспондента вынашивают планы реформы немецкой университетской философии в русле по-разному (но это выяснится чуть позже) понятого "аристократического принципа", и один из них вскоре попытается воплотить свои планы в жизнь в радикально изменившихся обстоятельствах.

Пока же "аристократический принцип" проявляется в поднятии планки истинной философии на такую высоту, что, кроме их самих, на нее никто не может взобраться. Когда Хайдеггер отказывается от берлинской профессуры, Ясперс констатирует: "...в Берлине теперь не будет философии... Берлин падает в цене" (письмо 102). А вот как Хайдеггер судит о Гуссерле: "...говорит такие тривиальности, что просто жалость берет... люди уже не следуют за ним" (письмо 16). Ясперс высказываясь о Шелере следующим образом: "...он был светом обманчивым... я никогда не мог ни ненавидеть его, ни любить..." (письмо 65). Во всех этих оценках присутствуют пророческие интонации: философ видится как вождь, за которым должны идти, который должен быть истинным, а не обманчивым светом, подлинным, а не поддельным (до 1933 года молчаливо предполагалось, что оба корреспондента интуитивно понимают слово "подлинный" одинаково; потом выясняется, что это совершенно не так). Число такого рода суждений можно без труда многократно умножить: первые две трети переписки переполнены профетическими оценками студентов, профессоров и просто общих знакомых, совершенно неспособных им соответствовать, не оправдывающих ожиданий, не отвечающих великому призванию. И только в 1936 году находится, наконец, идеальный немецкий студент; им, правда, оказывается... девятнадцатилетний Фридрих Ницше, текст которого Хайдеггер посылает Ясперсу: он способен дать "нынешней молодежи пример того, как видит свою жизнь девятнадцатилетний юноша" (Хайдеггер, письмо 122). "Да, – соглашается Ясперс, – вот таким должен быть немецкий студент!" Появление имени Ницше в 1936 году не случайно. Ясперс только что выпустил посвященную ему монографию, которую Хайдеггер резко отрицательно оценил в одной из своих лекций о Ницше[2] (первое публичное отмежевание от своего друга, о котором тому, скорее всего, стало известно), положивших начало знаменитому "повороту" в его философии.

После процитированной фразы Ясперса в переписке наступает более чем двенадцатилетний перерыв. Следующее письмо Ясперс отошлет уже в 1949 году. Что значили эти двенадцать с лишним лет, объяснять, думаю, не надо.

Возвратимся к реальным студентам от их идеального, но давно умершего предка. Большинство из них "неподлинно", поверхностно, склонно к пустым разговорам, слепо верит в ложные авторитеты, к докторской степени стремится из утилитарных соображений. Есть редкие исключения, но и они неустойчивы и в любой момент могут быть поглощены неблагоприятной средой; они существуют не сами по себе, а благодаря исключительным преподавательским усилиям членов "боевого содружества", прежде всего Хайдеггера.

Стройную картину подлинного служения философии несколько нарушает вскользь упоминаемая фигура доктора Эрне-сто Грасси. Ясперс, рекомендуя его Хайдеггеру, пишет, что тот "неожиданно хорошо" знает "Бытие и время" и доставит ему радость ясными вопросами и живым интересом. Пообщавшись с Грасси, Хайдеггер заподозрил его в неподлинности, хотя вначале он и на него "произвел впечатление энергичностью и определенным пониманием": "Но потом я усомнился: не говорит ли здесь во многом журналистская натура, рыщущая в

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org поисках *demier cri*" (письмо 53). В ответном письме Ясперс соглашается с этим суждением своего друга, но добавляет: "И все-таки поразительно, что именно он понимает философские вещи". Впервые оказывается, что философию можно глубоко понимать, не будучи "подлинным" во всех отношениях, оставаясь в чем-то существенном журналистом, устремленным на поиски *demier cri*. Между подлинностью постижения философии и безупречным служением ей появляется трещина. Правда, доктор Грасси всего лишь понимает, а не создает философию. Однако прецедент создан, и он не останется без последствий для "дела Хайдеггера", которое молчаливо предполагает соответствие между глубиной постижения философии и пониманием "всего остального" (если по отношению к философии вообще допускается нечто принципиально внешнее).

Совместно исповедуя "аристократический принцип", Хайдеггер и Ясперс были согласны и в том, что надо оставить философские кафедры за лучшими, пусть немногими "избранными умами", что обилие посредственностей наносит делу преподавания огромный вред. При этом молчаливо предполагалось, что они сами, будучи такими умами, владеют критериями выделения этих немногих из общей массы и, главное, что им удастся сколько-нибудь приличным образом, не прибегая к явному насилию, убедить "массу" (в которой, кстати, многие вынашивали подобные же проекты) с этим решением согласиться. Пока при Веймарской республике университетская система функционировала более или менее упорядоченно (права ректоров и деканов уравнивались сенатами, признавалась известная автономия университетов перед министерствами и т. д.), революционные замыслы были частным делом "заговорщиков" и не представляли особой опасности, тем более что последние были сами интегрированы в университетскую среду и прекрасно знали, по каким правилам она работает.

Все это радикально меняется в 1933 году с приходом к власти национал-социалистов. Слово *Gleichschaltung* начинает звучать угрожающе; оно означает: в Германии теперь есть господствующая идеология и к ней надо присоединяться. Революционность – уже не чья-то приватная фантазия, реализация которой зависит от прихотливого стечения обстоятельств, а закон, вменяемый новой господствующей силой всем. "Время состарилось" (Хайдеггер), все ветхие слова обретают новый контекст, звучат и воздействуют по-другому. Ясперс прекрасно понимает это. Отмечая ницшеанские коннотации в ректорской речи друга, он констатирует существенное различие: "Здесь Вы едины с Ницше, с одной только разницей: есть надежда, что однажды Вы, философски интерпретируя, осуществите то, о чем говорите. Вот почему [курсив мой. – М. Р.] Ваша речь приобретает реальную убедительность" (письмо 119). 21 апреля 1933 года Хайдеггер был избран ректором Фрайбургского университета, и теперь ему предстояло осуществить то, что Ницше только замышлял: реформу университета, вытекающую из сущности идущей от греков философии.

Письмо Ясперса написано в конце августа 1933 года и заключает скрытую иронию. Уже в мае он разочаровался в своем друге, прослушав его доклад в Гейдельберге. Это была их последняя в жизни личная встреча. "По форме это была мастерская лекция, а по содержанию – профамма национал-социалистского обновления университета" (примечание 304). Слова Хайдеггера о "великолепных руках Гитлера" и его вера в существование "опасного международного союза евреев" окончательно отрезвили Ясперса. Он понял, что философ опьянен (вещь непростительная для "избранного ума") тем же "дурманом", что и немецкий народ. Запись сделана Ясперсом более чем через двадцать лет после встречи, и, возможно, он, хотя и в неизмеримо меньшей мере, чем Хайдеггер, разделял тогдашний энтузиазм. Во всяком случае, вызывает удивление то, что его удивила следующая филиппика Хайдеггера: "За столом он сказал слегка сердитым тоном: это безобразие, что существует столько профессоров философии – во всей Германии следовало бы оставить двух или трех. «Кого же?» – спросил я. Никакого ответа" (примечание 304). Разве эта фраза не вытекала из всего контекста предшествующей переписки, разве сам Ясперс уже в 1936 году не настаивал на резком сокращении числа заведующих кафедрами, разве к этому не подталкивал сам дух "аристократического университета"? Все это так, но что-то радикально изменилось. Вроде бы одно и то же приобретает совершенно другой смысл. Не потому ли, что один из членов "боевого содружества" теперь, в мае 1933 года, выпал из числа этих "двух или трех" вовсе не по философским причинам, а потому, что он женат на еврейке и не является – да и не может являться – членом национал-социалистской партии? По-человечески Хайдеггер, пусть ненамеренно, совершает бестактность, заводя этот разговор в доме Ясперса после своего "совершенно театрального", по выражению Гуссерля, вступления в партию, хотя, казалось, он лишь повторяет то, что до этого многократно проговаривалось. Ясперс видит в этом

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org повторении только различие, Хайдеггер – только банальное повторение. Различие состоит в том, что на вопрос "кого же?" он не может ответить: "тебя и меня"; он нарциссически включает себя в узкое множество, откуда другой исключен логикой новых обстоятельств, которые только на поверхностный взгляд не имеют к философии никакого отношения. Впоследствии, через три года,

Хайдеггер придет в римскую квартиру своего бывшего студента, изгнанника Карла Левита, в пиджаке, на лацкане которого будет красоваться значок национал-социалистской партии, чем вызовет недоумение последнего. Еще один пример: уволена с работы его близкий друг Элизабет Блохман, полуеврейка; она ждет от учителя слова сочувствия: "Он выражает Элизабет Блохман сожаление, как если бы с ней произошел несчастный случай"[3].

Гуссерлевское слово "театральность" лучше всего характеризует краткий, но интенсивный период ректорства Хайдеггера. Хуго Отг сообщает, что по настоянию философа профессора при его вступлении в должность ректора должны были петь гимн движения "Хорст Вессель" и поднимать руку в партийном приветствии, причем в отдельном циркуляре объяснялось, что поднятие рук в "немецком приветствии" не может автоматически толковаться как принадлежность к национал-социализму. Хайдеггер пытался ввести среди преподавателей "суды чести" на манер офицерских; он поручил профессору Штилеру, бывшему морскому офицеру, заниматься со студентами военным делом; естественники жаловались, что во время ректорства Хайдеггера их питомцев слишком много времени заставляли уделять военным играм и общественным работам в ущерб учебе. Знакомство с негативным отзывом, который Хайдеггер написал на Эдуарда Баумгартена, Ясперс, воспринявший его как донос, отнес к "решающему опыту своей жизни": в нем заклеимлялся "гейдельберг-ский либеральный кружок вокруг Макса Вебера" (к которому принадлежал и он сам, с молодости боготворивший великого социолога) и презрительно упоминался "еврей френкель" (врач, лечивший Ясперса). Не пришел Хайдеггер и на похороны своего учителя Эдмунда Гуссерля в 1938 году. И, наконец, главное: Хай-деггер осенью 1933 года стал первым ректором-фюрером Фрайбургского университета. В земле Баден принцип фюрерства восторжествовал раньше, чем в других землях. Историк Хуго Отг приводит в своей книге дневниковую запись (от 22 августа 1933 года) прелата Иозефа Зауэра, которого Хавдеггер сменил на посту ректора (не считая очень короткого ректората анатома фон Мёллевдорфа) и который оставался при нем номинальным проректором: "дело рук Хайдеггера. *Finis universitatum...* И всю эту кашу заварил у нас этот дурень Хайдеггер, которого мы избрали ректором [в надежде], что с ним в Университет придет новая духовность. Какая ирония! Теперь нам не остается ничего другого, как надеяться, что другие немецкие, прежде всего прусские, университеты не сделают вслед за нами этот шаг в бездну, хотя их довольно явно к этому подталкивают. В таком случае эта баден-ская диковинка сама собой уйдет в небытие"[4]. В 1945 году даже такие благожелательные к философу коллеги, как ботаник Ёль-кен, признавали, что в тот период он нанес Фрайбургскому университету "очень большой вред". Вердикт гласил: "...[Хайдеггер] грубально поставил университет на путь национал-социализма и благодаря своей международной известности как философа способствовал ослеплению и введению в заблуждение многих тысяч людей"[5]. "Большинство Фрайбургских профессоров, – пишет Р. Сафрански, – видели в Хайдеггере разбушевавшегося (*einen wild gewordenen*) бескомпромиссного фантазера"[6]. И они же с немалым удивлением констатировали, что за девять месяцев своего ректорства этот политический явно неопытный человек – "мечтательный мальчик", как назовет его впоследствии Ясперс – причинил их университету огромный вред.

Я перечислил некоторые (далеко не все) из постоянно упоминаемых в немецкой и французской литературе обстоятельств ректорства Хайдеггера для того, чтобы прояснить контекст послевоенной переписки с Ясперсом, которому почти все эти факты были хорошо известны, хотя прямо, за редким исключением, им не упоминались. Ясперс верил даже в то, что его корреспондент не совершал: например, что он лишил Гуссерля права пользования университетской библиотекой. Знал он и то, что Хайдеггер запретил вывешивать "еврейские плакаты", организовал в Англии стипендию для своего ассистента-еврея; знал, что он какое-то время состоял под негласным надзором гестапо, что его философское размежевание с некоторыми сторонами национал-социализма началось уже в 1935–1936 годах. Но тем не менее в известном отзыве от 22 декабря 1945 года, сыгравшем решающую роль в "деле Хайдеггера", Ясперс настаивал на отстранении философа от преподавательской работы как представляющего опасность для молодежи в нестабильной послевоенной

Не знаю, сознавал ли Ясперс уникальность составленного им по запросу Комиссии фрайбургского университета документа, решившего исход первоначального "дела Хайдеггера", но, насколько мне известно, впервые философ столь крупного ранга вынес от имени победителей вердикт по политическим мотивам другому крупнейшему философу. Как Хайдеггер в 1933 году перешел на сторону победителей, – со всеми фатальными последствиями этого шага для его будущей самооценки, – так теперь в стане победителей на неопределенно долгое время оказывается Ясперс. Конечно, победители совершенно разные, но речь не об этом. Просто я отнюдь не уверен, что позиция победителя обладает интеллектуальными преимуществами сравнительно с положением побежденного, получающего преимущество молчания (это не значит, что он не говорит и не пишет: просто он неслышим) и одиночества, которое в его власти оказывается сделать "хрустальным" (Ницше). Послевоенный Хайдеггер напоминает глубоководную рыбу, которую Ясперс пытается выманить на поверхность, добившись "полного" признания вины, вслед за чем якобы последует очищение. При этом забывается, что существенная часть вины философски уже преобразована в знаменитом "повороте", в радикализации первоначального вопрошания о бытии, а другая часть – она-то, видимо, и заботит Ясперса – относится к области банальной фактичности, которая, предупреждает Хайдеггер, чтобы стать мыслимой, нуждается в практически бесконечных пояснениях. Вина не поддается персонификации: окончательно разуверившись на примере Ницше в способности метафизики избавиться от одержимости техникой и "поставом", фрайбургский философ ликвидировал свою личную вину в форме всемирно-исторического фатума. На уровне же здравого смысла Хайдеггер выработал в 1945 году линию защиты, от которой, в сущности, никогда не отходил, более полно повторив ее в "Tatsachen und Gedanken" (опубликованных посмертно в 1983 году). Именно приверженность языку здравого смысла делает положение победителя интеллектуально столь ненадежным: побеждая в предполагаемой реальности и будучи вынужден отстаивать ее привилегированный статус, он ослабляет свои позиции в большом числе возможных миров, одним из которых является мир мысли. Хотя создаваемый побежденным язык является отчасти языком травмы, здравый смысл не дает нам критериев, с помощью которых мы могли бы не только судить, но и просто понимать его. Разрастаясь, "дело Хайдеггера" все более видится ему самому делом философии и, что еще важнее, делом того молчания, которое вызывает эту философию к жизни, питает ее. Этот язык все более стремится стать языком внешнего, продублировать в себе любой возможный упрек. Ясперс пытается спорить с его пророческим ритмом, указывая на его истоки, на сложные процессы вытеснения, которым он обязан своим появлением на свет; но, парадоксальным образом, сам он находится под обаянием этого языка, который попеременно чарует и отталкивает его. На уровне здравого смысла он уже задал свой главный вопрос (в письме к Ханне Арендт): "Как может душа [имеется в виду душа Хайдеггера. – М.Р.], будучи нечистой... созерцать чистейшее?" [7] – но повторить его Хайдеггеру в таком виде он не может, зная, что за каждым из этих слов скрывается бездна проблем, относящихся к компетенции философии; к тому же со времен Платона этот вопрос относится к любой, а не только к "виновной" душе.

При всем осуждении Ясперс лучше чем кто-либо другой понимает масштаб дарования Хайдеггера, что отражается в его отзыве: "Хайдеггер – сила значимая, и не содержанием философского мирооззрения, но владением спекулятивными инструментами... Иногда создается впечатление, будто серьезность нигилизма в нем объединилась с мистагогией волшебника. В потоке речи ему порой удается сокровенным и великолепным образом затронуть нерв философствования. Здесь, насколько я вижу, ему нет равных среди современных философов в Германии" (примечание 341). "Волшебник" тут явно пересиливает "нигилиста": отметив указание на виртуозное владение "спекулятивными инструментами" (в устах профессионала оно многого стоит) и на уникальную способность Хайдеггера затрагивать "нерв философствования". Никакая ненаучность ничего не может поделаться с даром волшебства, которым обладает фрайбургский "гном". Поэтому в 1950 году Ясперс будет просить восстановить Хайдеггера в профессорской должности, чтобы дать студентам возможность благодаря ему общаться с великой философской традицией.

Уже в 20-е годы оба философа по-разному читают философские тексты, по-разному понимают саму процедуру их повторяющегося перечитывания. Для Ясперса перечитывание означает, что философия полностью состоялась и надлежит повторять ее как состоявшуюся, излагая то, что она уже, в сущности, сделала. Мы проясняем ее истинные намерения, оставаясь в пределах

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org системы. Для Хайдеггера повторение – нечто принципиально иное. Он повторяет в текстах традиции то, что является в них изначальным в его понимании, т. е. чаще всего настолько периферийным, что их авторы впервые могли бы узнать об этом от столь позднего читателя, как Хайдеггер. Это и есть знаменитый "шаг назад", отступление в непрозрачную глубину традиции, которая очищается лишь в акте отступления, через него. Если Ясперс интерпретирует философские системы, то Хайдеггер медленно – и со временем все медленнее – читает конкретные тексты (например, известное высказывание Парменида о тождестве мышления и бытия, которое в его прочтении преобразуется в фундаментальное положение всей европейской метафизики). Способность такого чтения заставлять тексты говорить о несокрытом, которое, наконец, начинает звучать после долгого молчания, очень велика. Она очаровывает и вместе с тем раздражает Ясперса. Он традиционалист потому, что текст продолжает видиться ему средой, в которой живут и размножаются мысли. Он постоянно взыскует по-своему понимаемой простоты от того, кто видит простату в том, что представляется его корреспонденту непроницаемой сложностью. Оба философа понимают, что различия между ними, сами по себе значительные, могут если не исчезнуть, то по крайней мере на время раствориться в непосредственном общении. Но после ректорства и злоключений нацистского периода путь к окончательному объяснению проходит через письмо, через письма, которые и делают его невозможным.

После войны условия встречи, которая должна столь многое прояснить, формулирует Ясперс; он добивается решающего признания, которое, по мнению Хайдеггера, невозможно в сфере фактичности, где не происходит ничего принципиального. "Простое объяснение будет изначальным до бесконечности превратным", – предупреждает фрайбургский философ (письмо 129). Кроме того, остается неясным, как Ясперс проделывает свой отрезок пути к встрече и решающему объяснению. Ведь "боевое содружество" 201х годов основывалось на общей оценке тогдашней ситуации; и, по сути, Ясперсу предстояло разобраться со своей укорененностью в том времени так же, как и его бывшему другу. Но условия формулирует именно он, и, к сожалению, важнейшим из них оказывается зона предполагаемой невинности, из которой он говорит. Речь идет, конечно, об интеллектуальной, а не политической невинности; в политическом смысле, по Ясперсу, в существовании национал-социалистского режима виновны все немцы. Мы, сказал он в 1945 году, не вышли на улицу, когда депортировали наших еврейских сограждан, мы не протестовали. Следовательно, в том, что мы живы, – наша вина. "Мы жили в государстве, которое совершило эти преступления. Мы сами, правда в моральном [курсив мой. – М. Р.] и юридическом смысле слова, невинны. Но поскольку мы были гражданами этого государства, мы не можем отделать себя от него. А это означает, что вместе с новым государством мы отвечаем за содеянное государством преступным. Мы должны нести последствия. Это означает политическую ответственность (Haftung)" – читаем в тексте Ясперса "Автопортрет" [8]. Казалось бы, совершается радикальный жест, акт вменения коллективной вины, но в нем удивительным образом отсутствует моральная ответственность каждого отдельного лица; оказывается, что некто, нравственно невинный, добровольно принимает на себя вину преступного государства, отвечает за него. Открывается лазейка чистой совести, берущей на себя чьи-то грехи. Бывший друг, очевидно, не попадает в категорию людей нравственно невинных, и ему надлежит каяться; в его случае добровольной ответственности явно недостаточно.

Конечно, публичное объяснение не состоялось прежде всего потому, что в нем не было нужды, оно состоялось в той невозможности состояться, каким являются тексты обоих философов. После войны различия между тем, что они делают, становятся столь существенными, что их уже нельзя ликвидировать в акте дружбы, а тем более в ходе публичной дискуссии. Остается апелляция к "ранним годам" как к некоему Золотому веку. Но если внимательно читать письма 20-х годов, выяснится, что нечто, магическим образом пропадавшее в моменты личных встреч, потом вновь и вновь появлялось, требуя в качестве компенсации новых встреч и т. д.

К середине 30-х годов Хайдеггер обрел способность сущностного одиночества в созданном им пространстве языка, одиночества, которое делает коммуникацию своим необязательным дополнением. Понимая невозможность "решающего объяснения", – не потому, что его не хотят, а потому, что его не существует, – он желал встречи на любых условиях, чтобы просто пожать руку, посмотреть в глаза. Прочитав "Введение в философию" Ясперса, он окончательно понимает, какую всепроникающую роль коммуникация играет в его мире. Но и монологи, возражает он, "могли остаться тем, что они есть. Мне

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org думается, они [монологи] еще не таковы – еще недостаточно сильны для этого. Читая эти строки Вашего письма, я вспомнил слова Ницше, которые Вы, конечно, знаете: «Сотня глубоких одиночеств в совокупности образует город Венецию – это его очарование. Картина для людей будущего». То, что подразумевает Ницше, лежит вне альтернативы коммуникации и не-коммуникации... В сравнении с тем, что мыслится в том и другом случае, по существу мыслью будущего, мы просто гномы" (письмо 132). Монолог остается таковым потому, что недостаточно монологичен; перейдя определенную черту, став "достаточно сильным", овладев, как Венеция в афоризме Ницше, "сотней глубоких одиночеств", он также окажется вне возможного противопоставления коммуникации и не-коммуникации. Именно по сравнению с этой мерой одиночества мы, всё еще противопоставляющие одиночество неодинокости, "просто гномы". Поэтому он хочет обычной встречи. Если бы Хайдеггер не верил в дружбу Ясперса, он вряд ли попросил бы фрайбургскую Комиссию по чистке обратиться за отзывом о нем именно к нему. Во всяком случае, никого ближе этого философа в 1945 году у него не было. Ясперс бескомпромиссен в своем стремлении к окончательному объяснению. Хайдеггер бескомпромиссен в своем мышлении: комментирующий философ, он в процессе максимально медленного перечи-

тивания открывает в оригинале то, что от него ускользало, то, что находилось за пределами систематически передаваемого смысла. От своих студентов он также ждет укорененного в открытой традиции слова – в этом ауратический момент его лекционной работы. Он понимает устную практику принципиально отличным от Ясперса образом. Речь для него – это нечто более обязательное, сложное, мучительно подготавливаемое, чем конвенциональное письмо. Это своего рода сверхписьмо. С одной стороны, он запрещает студентам зачитывать заранее скомпонованные рефераты, а с другой – необязательно импровизировать, демонстрируя "спонтанность". Он добивается, чтобы их речь укоренялась в принципиально незавершаемой традиции, была полностью обязательной и полностью открытой. Ясперс хорошо описывает впечатление от доклада его друга в 1929 году: "Я слышал в Ваших словах столь самоочевидное для нас обоих, отчасти мне чуждое, но все-таки тождественное. Есть еще философствование!" (письмо 95). В этой лекции Хайдеггером была воссоздана атмосфера личного общения, когда чуждость слов не препятствует тому, что всего лишь понятное воспринимается как тождественное; текст не в силах передать это близкое к экстазу состояние. Но именно эту речь, по Хайдеггеру, и надлежит записывать; при этом акт записи менее значим, нежели вызов к жизни этого типа речи, создание точек, из которых она может исходить. В их создании он видел свою главную заслугу как преподавателя.

Оба философа чувствуют себя находящимися "на службе Великого". Но если Ясперс просто истолковывает это Великое, то Хайдеггер постоянно подтверждает его статус в качестве Великого, аутентифицирует его. Своими анализами он постоянно вторгается в интимную сферу Великого, отыскивая в ней то малое, бесконечно малое, что делает его Великим. Его стихия – не философские системы, не мысли, а то, в чем мысли никогда не могут отразиться, чтобы просто узнать себя. Оба философа унижаются перед Великим, чтобы еще увереннее возвыситься над современным. Они – довольно гордые "гномы", взбирающиеся на спину такой традиции, с высоты которой гномами смотрятся скорее те, кто их окружает. "Подобно Вам, я чувствую, что нахожусь на службе Великого. И, как я формулирую в книге, моя философия стремится стать органом усвоения этого Великого, и не больше" (письмо 110). Но пребывание в области великой традиции, непосредственное общение с избранными умами, чувство того, что ты "там был", выделяет гномов из среды профессоров философии, к которой они принадлежат, как бы и не принадлежат.

Отличие Хайдеггера от Ясперса состоит в том, что для первого *philosophia perennis* не является целиком делом прошлого: акт стирания пыли с манускриптов также крайне существен. Хайдеггер называет себя "смотрителем галереи", который отвечает за освещение выставленных на стенах шедевров: "...я существую в роли зрителя галереи, который, в частности, следит за тем, чтобы шторы на окнах были надлежащим образом раздвинуты или задернуты, дабы немногие великие произведения прошлого были более или менее хорошо освещены для случайно забредших посетителей. Не имея картины, я преподаю и занимаюсь только историей философии, т. е. пытаюсь без оглядки на лекционное время изложить то, что полагаю важным для оживления философствования" (письмо 109). В этом отрывке важно буквально все: и "в частности" (значит, смотритель отвечает не только за освещение, но и за многое другое), и "немногие великие произведения" (отбор их также

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org (осуществляется смотрителем), и "случайно забредшие посетители" (никто не в состоянии оценить работу скромного смотрителя, фактически он приводит галерею в идеальный порядок для себя самого, из чистого стремления к совершенству), и "оживления философствования" (неприметное приведение архива в порядок, работа со светом и т. п. влияет на содержание выставленного: это форма сотворчества и внесения решающих изменений). Я не знаю другого текста Хай-деггера, где его философская установка выразалась бы с такой классической простотой, не теряя при этом ничего существенного. Приводить в порядок, налаживать освещение значит не просто расставлять по местам, которые предшествуют приведению в порядок, но, главное, определять место, возобновлять традицию, создавая всё новые инструменты ее истолкования. Непрерывно меняя освещение, развеску, отбор картин, выдающийся смотритель превратил то, что до него считалось основой традиции, в глубокую периферию, в событие, которому еще предстоит случиться. Он отказался от системосозидания на иных, принципиально отличных от ясперсовских, основаниях: для Яс-перса – как впоследствии и для Мераба Мамардашвили – системосозидание лишено смысла потому, что оно полностью состоялось в традиции, для Хайдеггера же то небольшое, чему еще предстоит состояться, систематично совершенно по-иному; все наши предвзятые представления бессильны против этого завещанного будущему "иного". Дело мышления в его работах – это то, что всегда еще предстоит открыть, но что уже сейчас значительно менее законченно, чем та форма, в которую оно отлилось изначально. Изначальное в понимании Хайдеггера не обнаруживается в традиции в готовом виде: его – перечитывая – нужно мучительно создавать. Бесконечность и незаконченность решающих фраз традиции не дает ему добраться до целого произведения; Ясперс неоднократно упрекает его за увязания в деталях, в то же время прекрасно понимая, что на его глазах совершается нечто философски исключительно важное.

Все более разным становится отношение обоих философов к языку. По мнению Ясперса, соответствие тому, что делает Хай-деггер, следует искать в "Азии". В ответ на азиатскую аналогию фрайбургский философ рассказывает, как во время войны его студент, китаец-христианин, переводил для него Лао-цзы; в результате он понял, что это даже графически совершенно другой мир. Без знания языка оригинала, заключает он, в эту традицию не проникнуть. Хайдеггер вводит для себя запрет на работу с текстами, которые он не может прочитать в оригинале, что для смотрителя вполне естественно: смешно было бы годами размышлять о системе наилучшего освещения... копий. В отличие от Ясперса, буддизм, конфуцианство для него – закрытая книга, с которой он не берется стирать пыль. Его ориентация в философии становится все более текстуальной, даже микротекстуальной (в современной философии ее продолжает деконструкция Жака Деррида). Параллельно текстуализации в работе Хайдеггера все настойчивее присутствует поэзия; он углубляется в такие глубины традиции, где герменевтики уже недостаточно – в каких-то моментах нужно быть демиургом, творить оригинал. Идея, мысль, система – слова, которые он все менее может назвать своими: его философия не делается на этом уровне, не обладает единством идеи, мысли, системы. С традицией Хайдеггера прочно связывает то, что извне воспринимается как лирика, необязательное словотворчество. Но для знатоков его текстов это принципиально не так: сам он как бы вообще ничего не создает, и им как медиумом пользуется воплощенная в "доме бытия" сила традиции. Говоря, он создает условия собственного говорения. Это для него, видимо, и означает быть вне оппозиции "коммуника-ция/не-коммуникация". Для такой философии ресурс одиночества, из которого она рождается, никогда не бывает достаточным, его всегда слишком мало. Это сущностное одиночество не имеет ничего общего со здравосмысловым одиночеством, одиночеством как не-коммуникацией. Никакое трансцендентное, никакое молчание не существует при таком подходе вне пространства языка, и здесь перед нами, в отличие от Ясперса, радикальный имманентист, которому отделение философской веры от откровения представляется явно недостаточным.

"Редкое боевое содружество" 20-х годов распадается также потому, что институт, внутри которого оно зародилось и который оно стремилось преобразовать – я имею в виду университет, – был не без помощи Хайдеггера столь неудачно преобразован в национал-социалистский период, что это впоследствии отбило охоту к совершению других радикальных преобразований. К тому же исчезло страстное самоотжествление с этим институтом. В 1937 году нацисты увольняют Ясперса. "Я получил от Гитлера восьмилетний отпуск, без которого я не разработал бы свою позднюю философию и не приобрел бы знаний, нужных для написания истории великих философов", – напишет он с грустным юмором впоследствии, но в момент свершения это было для него воистину трагическим событием[9]. Ясперс так и не простил Хайдеггеру, что тот не

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org поддержал его – как и Гуссерля, и многих других друзей – в то время. В 1946 году на пять лет увольняют уже Хайдеггера, но и после возвращения его отношение к университету никогда уже не будет столь страстным, как в 20-е годы (вспомним, как в письме от 8 ноября 1927 года он желает Ясперсу "вступить в семестр с таким же воодушевлением и беззаветностью"); смотритель к тому времени окончательно разочаровался в способности случайных посетителей оценить нюансы освещения, которое он создал для избранных шедевров галереи.

Ясперс предпринимает попытку объяснить поведение Хайдеггера в 1933–1934 и в последующие годы. Он сравнивает его с "мечтательным мальчиком" ("ein Knabe, der traueimt"), который в своей невинности дал себя увлечь "зловещему", не перестававшему затем, вопреки его воле и предвидению, нарастать и в этом нарастании повлекшему непредсказуемые последствия. Хайдеггер с радостью принимает данный образ, делая акцент на своей наивности и неискушенности в узко понятом политическом; тем более что и в собственном объяснении в 1945 году он настаивал на полной неискушенности в реальной политике из-за длительного пребывания в высоких духовных сферах. Но и фрайбургской Комиссии, и Ясперсу, который хранит у себя копию его "характеристики" на Баумгартена, осталось – не совсем ясным, почему столь выдающемуся уму потребовалось так много времени, чтобы осознать это банальное обстоятельство, и почему до этого он действовал так, как если бы с приходом национал-социализма небо опустилось на землю и осуществились его самые смелые духовно-политические грезы. В этом смысле "дело Хайдеггера" и для Левита, и для Ясперса, и для Целана, и для Маркузе, и для многих других, добивавшихся Слова от смотрителя галереи избранных философских шедевров, есть также дело его философии, а ввиду той значимости, которую последняя приобрела уже в то время, когда фрайбургская Комиссия занималась этим делом (впоследствии известность Хайдеггера только возрастала), и дело всей философии (в той мере, в какой она – сколь угодно критически, т. е. подлинно – наследует метафизике). "Мечтательный мальчик" не совершил в конечном счете ничего юридически наказуемого, а по масштабам времени, которое *post factum* очень трудно понять, в его предосудительных действиях не было ничего уникального, а некоторые – хотя далеко не все – из них были относительно умеренными. Величие этого дела (и Ясперс был первым, кто это осознал и артикулировал) связано с величием традиции, которой наследовал его бывший друг, и с соотношением в ее рамках жизни и текста как не независимо друг от друга существующих, а сущностно взаимопереплетенных. На карту в деле Хайдеггера была поставлена изначальная существенность этой связи; именно она в его случае патетически распадается. Если бы этот философ, подобно Ясперсу, эволюционировал в либеральном направлении и отказался бы от "веймарских тем" (от критики техники как эманации существа метафизики, от констатации наступления бездуховности в результате технического захвата сущего, от культа подлинности, в рамках которого пересекаются философия и жизнь, и т. д.), растворилась бы и значительная часть его "дела". Я называю эти темы "веймарскими" потому, что в период с 1918 до 1933 года они в разных формах варьировались в работах очень большого числа авторов, далеко не все из которых примкнули к национал-социализму. Не является исключением не только предлагаемая читателю переписка, но и "Духовная ситуация времени" (1931) Ясперса и общая тональность других его работ того периода. Но Ясперс, дело на которого, как мы знаем, никогда не было заведено, отказался от этих тем мочаливо, не придавая отказу форму "поворота". В результате его философия доходит до нас в форме кажущегося монолита, по которому проходит невидимая для автора трещина. В отличие от него, Хайдеггер не только не отказался от "веймарских тем", но радикализовал многие из них, придав им еще более сущностную, недоступную политическим манипуляциям форму. С доселе невиданной систематичностью он размежевался с "волей к власти" как волей к воле в философии Ницше (через двухтомник его лекций о Ницше, читавшихся во второй половине 30-х годов, проходит водораздел между нищезанством Фуко – Делёза и деконструкцией Деррида, важнейший для послевоенной европейской философии) и нашел в гимнах Гёльдерлина кайрос – наиболее благоприятный момент – подлинного философствования. Из этого нового места мышления он обращается к Ясперсу после войны, прекрасно, видимо, понимая, что в философии его корреспондента также произошли существенные изменения, но, во-первых, в противоположном направлении, а во-вторых, произошли как нечто само собой разумеющееся, в неправомерной презумпции сохраняющейся непрерывности. В презрении Хайдеггера к банальной фактичности сквозит не простое запирательство, а сознание невозможности пока еще сказать о ней из нового места мышления. Он откладывает разговор на бесконечно долгое время. Он уверен, что "большая глупость" (die grosse Dummheit) времени ректорства и

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org последовавшее "опьянение властью" (Machtrausch) стали возможны по причине того, что тогда он еще не думал достаточно радикально, не совершил достаточного числа "познавательных поступков"; теперь, когда нужные поступки совершены, о повторении не может быть и речи. После войны Хайдеггера обрели на одиночество победители, но еще раньше он сам принял другое, сущностное, одиночество как дар.

Уже в 20-е годы Ясперс и Хайдеггер понимают "познавательные поступки" по-разному. Свой разрыв с католицизмом, верой, в которой он был воспитан, Хайдеггер считал таким поступком. В начале 1927 года умирает его мать. Ее расстраивает то, что сын отошел от веры: огорчение из-за этого, а не только болезнь "делает ее смерть нелегкой". Ясперс советует другу не оскорблять религиозные чувства старой женщины и, "уважая веру любимого человека", вести себя так, как если бы он остался в лоне церкви; просить замолвить за себя "словечко на небесах". Различие между философией и верой, продолжает он, вопрос специальный, тогда как отношения матери и сына – непосредственные, теплые, человеческие отношения. Причины отхода сына от веры мать все равно понять не может, так зачем же ненужным упорством отравлять ее последние земные часы? Впрочем, зная своего друга, Ясперс грустно добавляет: "Но Вам все это, наверно, покажется очень далеким и безнадежным" (письмо 42). Хай-деггер действительно не последовал терапевтически совершенно правильному совету, данному из лучших побуждений. Совет неприемлем потому, что отказ от веры отцов был важнейшим "познавательным поступком", и совершивший его ни перед кем не вправе от него отказываться. Это было бы неподлинным.

Хайдеггер не просто пропускает совет мимо ушей, но совершает нечто прямо противоположное. На смертный одр матери он кладет верстку "Бытия и времени", книги, которой суждено было стать Библией новейшей европейской философии; т. е., вместо того чтобы в терапевтических целях имитировать отречение от одного "познавательного поступка", он совершает еще один, продолжающий и закрепляющий первый. Уже тогда отношения Ясперса со здоровым смыслом были гораздо более незамутненными и беспроблемными, чем у его младшего друга. Каждый по-своему прав, но обе правоты нельзя соединить в одной позиции. Зачем огорчать дорогого тебе человека, упорствуя в том, что тот в любом случае не в силах понять? – спрашивает один. Затем, – фактически отвечает другой, – что он должен принять меня таким, каков я есть, даже если аргументы в пользу совершения "познавательного поступка" для него непостижимы. Остаться при непостижимом лучше, чем исказить свою подлинную природу под сколь угодно благовидным предлогом.

Ясно, что в любой ситуации и при любом режиме Ясперс действовал бы куда более благоразумно, чем его более бескомпромиссный и в силу этого более подверженный опьянению друг. Предложенная им реформа университета отличалась от хайдег-геровской в двух решающих пунктах: неподчиненность университета никакой внешней политической инстанции ("только знание может контролировать знание") и периодическая отчетность "избранных умов" перед коллегами, которым они должны были доказывать эффективность своей работы. Ясперс не мог бы поддаться опьянению в такой степени, чтобы присягнуть фюреру или огорчить умирающую мать, но это преимущество лишало его возможности проследить логику собственного дрейфа во времени. Он представлял себе неизменнее, чем был на самом деле.

"В отношениях между обоими, – справедливо замечает Р. Сафрански, – стороной, к которой стремятся (das Umworbene), был Хайдеггер"[10]. Читая послевоенные письма, трудно избавиться от впечатления, что, хотя Ясперс определяет условия встречи, которая так и не состоялась, в плане философском бывший друг интересуется его больше, чем он Хайдеггера. Ясперс считает его нераскаившимся сторонником национал-социализма, совершившим ряд "нацистских действий". Нацистскими действиями, – писал он, – следует считать, например, содействие определенным противозаконным действиям... путем обоснования и оправдания в печати нацистских принципов, расовой теории, преследования евреев и даже положения о том, что «воля фюрера – высший закон». В данном случае речь идет не об уголовных преступлениях, а о действиях, которые выявляют характер соответствующих людей и должны исключать возможность пребывания их на видных постах в новом государстве, строящемся на принципах свободы"[11]. Не стремясь к "видным постам" в послевоенной Германии, Хайдеггер тем не менее ранее совершил некоторые из упоминаемых в книге "Куда движется ФРГ?" действий; кроме того, это не мешало его философии одиночества становиться все более "видной", привлекать к себе публичное внимание. Двойственность послевоенной позиции Ясперса

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org определяет изменившийся тон писем. Если в 1933 году Хайдеггер, воодушевленный перспективами духовного возрождения немецкого народа и примкнувший к лагерю победителей, в личной беседе сказал Ясперсу немало неприятных вещей, то теперь такт местами изменяет его бывшему другу. Позиция победителя позволяет Ясперсу игнорировать собственное бессознательное, которое просачивается в письма помимо его воли, и сознательно писать вещи, заведомо неприятные его корреспонденту (хотя, естественно, в новой ситуации они не представляют угрозу для жизни). Разберу в качестве примера "аргентинский эпизод" (письма 131–133). Неназванный друг сообщил Ясперсу со ссылкой на газету "New York Times", что Хайдеггер получил из Аргентины приглашение преподавать философию и уже принял его. Он сердечно поздравляет безработного философа – идет 1949 год, запрет на преподавание еще не снят – с приглашением, добавляя: "А нашему брату всегда приятно чувствовать себя востребованным" (ему хорошо известно, что его корреспондент неоднократно декларировал свою нелюбовь к востребованности). В ответном письме Хайдеггер пишет, что никакого приглашения в Аргентину он не получал и даже, "в виде исключения, послал краткое опровержение в гамбургскую газету «Вельт»", которое осталось незамеченным. Ясперс возмущается недостоверностью сведений, опубликованных в "New York Times", слышущей столь надежной, и добавляет: "Кстати, я рад, что Вы не едете в Аргентину. Не говоря о *stabilitas loci*, о котором Вы мне давеча писали... мне было бы не очень приятно видеть Вас там, в большой компании нацистов" (письмо 133). Не знаю, осознавал ли Ясперс парадоксальность ситуации: в одном письме он "сердечно" поздравляет бывшего друга с приглашением в Буэнос-Айрес, а в следующем столь же сердечно радуется тому, что приглашения не было и что благодаря этому тот не попадет в дурную компанию бежавших в Аргентину нацистов. Так в каком же случае он был действительно рад, в первом или во втором? Первое "поздравляю" может расшифровываться так, что, согласившись работать в Аргентине, Хайдеггер попадет наконец-то в свою среду (ведь там полно нацистов). Радость при таком прочтении не лишена оттенка злорадства. В следующем письме к радости по случаю отсутствия приглашения примешивается – в контексте первого "поздравляю" – толика разочарования: "Так Вы не едете в Аргентину? Ну, и хорошо. Ведь там полно нацистов, и мне не очень-то приятно было бы видеть Вас в их обществе[15]. В первом случае нацисты не упоминаются, но подразумеваются – иначе зачем было во втором письме обглаголють по поводу того, что Хайдеггер не оказался в их обществе? "Поздравляю" и "рад" в приведенных контекстах столь различны, что быть искренним в обоих случаях Ясперс не мог.

"Будь я молод, – читаем в письме 130, – я бы, без сомнения, устремился в Америку, чтобы добраться до духовных рычагов и подлинного опыта эпохи". Зная, как Хайдеггер относился к Америке и "американизму", нетрудно представить себе его реакцию. Здесь Ясперс еще раз косвенно подчеркивает глубину пропасти, отделяющей его от бывшего друга. Тот молчаливо принимает это к сведению и прямо никак не реагирует.

С точки зрения Ясперса, его корреспондент может лишь ограниченно проживать в философии свою жизнь до тех пор, пока важнейший эпизод этой жизни остается необъясненным. То, что для Хайдеггера является языком, позволяющим, пребывая в "просвете", уклоняться от фатальности технического захвата сущего, видится его корреспонденту в лучшем случае как виртуозное владение "спекулятивным инструментарием", а в худшем – как пророчество без "мандата", расшифровываемое как фигура умолчания. Поскольку техника представляется Хайдеггеру прикладной метафизикой, уклониться от нее можно только развернув язык традиции к тому, что предшествовало его техническому извращению. Только на этом в высшей степени техническом, т. е. укорененном в традиции языке и может быть сказано самое существенное о техническом как таковом и о таком его отдаленнейшем следствии, как национал-социализм. Это сказывание может растянуться на века, и уж конечно в грандиозности этого вопрошания утонет то, что интересует Ясперса и будет интересовать других. Попытки Хайдеггера на новом возвышенном языке говорить о недавнем прошлом оказались не очень продуктивны. Выступая в 1949 году в Бремене, философ сравнил механизированную обработку почвы с производством трупов в газовых камерах, и это шокировало многих. Этот язык слишком возвышен для того, чтобы объяснить энтузиазм, с каким философ вовлекся в национал-социалистскую революцию. "Философски, – пишет Сафрански, – он промолчал о... себе самом, о согласии философа быть соблазненным властью... Случайность его личности растворяется в мыслящей самости и ее великих взаимоотношениях. Онтологическая дальность делает оптически ближайшее неясным"[12]. Новый язык производит собственные эффекты, отбрасывая в сферу

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
банальной фактичности то, что представляется существеннейшим другим, вводя все новые запреты на "само собой разумеющееся", осуществляя "приведение к сущности через абстрагирование" ("verwesentlichung durch Abstraktion", как выразится впоследствии Ю. Хабермас, но в других терминах эти ходы уже описаны Ясперсом). В 1936 году Хайдеггер согласился с Карлом Левитом в том, что его присоединение к национал-социализму вытекало из существа его философии и было связано с пониманием "историчности"; [13] критикуя Ницше, он внес в философию необходимые изменения, позволяющие избежать подобной ошибки в будущем, и тем самым духовно аннулировал ректорский эпизод. От Хайдеггера постоянно ждали слова об "опьянении", а получали слово о Слове. На него бессознательно проецировали последствия "зловещего", которых он не мог предвидеть и которые, случившись, ужаснули его так же, как и тех, кто спрашивал его об этом. Создавался порочный круг, одновременно требовавший "окончательного признания" и исключавший его доведением логики признания ad absurdum. Классическим памятником такого вопрошания является переписка Хайдеггера и Ясперса – позднейшие варианты "дела Хайдеггера" формировались по ее канве; кроме того, в большинстве этих попыток отсутствовало важнейшее – слово самого фрайбургского философа, его главный аргумент в этом "деле"; его защита – в том числе и молчаливая – оказалась при этом настолько продуктивной, что ее редукция к фактичности в создаваемом ею контексте закономерно воспринимается как неправомерная. Добиться признания на обычном языке от того, кто стал частью своего собственного языка, не удалось даже такому мастеру философии, как Карл Ясперс; и будь эти письма опубликованы не в 1990 году, а раньше, "дело" не разрослось бы до нынешних размеров и не содержало бы такого числа почти одинаковых страниц.

Переписка демонстрирует две важные вещи. Во-первых, непродуктивность, тщетность, патетическую неточность ярлыков вроде "фашист от начала и до конца", "активный антисемит", "морально нечистоплотный карьерист" и т. д., которые встречаются иногда в работах В. Фариаса, Х. Отга и других. Там, где не сработал скальпель Ясперса, дело нельзя решить дубиной. Но это не значит, – в отличие от того, что полагают многие, – что такие работы вовсе бесполезны или даже вредны из-за интеллектуальной беспомощности их авторов: тот же Отг расширил архив "дела Хайдеггера", нашел множество новых документов, которые проливают свет на неизвестные моменты ректорства. Вместо того чтобы отвергать такого рода работы, стоит попытаться установить более тонкие связи между тем, о чем сообщает этот историк, и работами Хайдеггера того периода, понэтлег^товдашше поступюуга]^^ беспомощного перед

лицом радикально изменившихся обстоятельств. Поспешные обобщения не вытекают из существа сообщаемого и не лишают его самостоятельной ценности, которую можно толковать и по-иному. Знай тот же Ясперс об обвинениях Хайдеггера против химика, будущего Нобелевского лауреата Германа Штаудингера, о нюансах его отношений с Гуссерлем в тот период, о том, с помощью каких сил он стал ректором, и т. п., это придало бы переписке дополнительное измерение; хотя он был информирован об этом периоде в жизни его друга намного лучше, чем обычный читатель текстов философа.

Но есть и вторая крайность, которой стоит избегать. Я имею в виду растворение жизни Хайдеггера в его философствовании как единственно существенном. Да, признает Вальтер Бимель, в редких случаях жизнь дает нам юзможность понять происхождение тех или иных творений, хотя и не объяснить их. "Однако в случае Хайдеггера подобные ожидания оказываются обманутыми. Здесь жизнь отнюдь не является тем, через что мы могли бы почувствовать его труды, но, напротив, его труды являются его жизнью. Найти подступ к его жизни означает пройти путем его творчества..." [14]. Почему, спрашивается, так происходит именно в случае Хайдеггера, а не других творцов? Не в силу ли особой трав-матичности соотношения этого творчества и этой жизни, вполне осознанной самим философом, являющейся темой его мышления? Противник любых упрощений в этом вопросе, Хайдеггер тем не менее не считал связь жизни и философии принципиально непроясняемой из-за несущественности жизни: философия была его жизнью, но и жизнь была его философией; после войны он не просто пишет другие тексты, но и живет совсем по-иному, в существенно большей гармонии со своей мыслью. "Поэтому внешняя агрессия в основном оставляет его безучастным ("азиатская" аналогия Ясперса не случайна и проясняется, например, в тексте "Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим"). К тому же эту позицию легче заявить, чем провести в жизнь: буквально на следующей странице в книге Бимеля всплывает "политическое заблуждение 1933 года...", которому дается столь же краткое, сколь и упрощенное объяснение. Когда жизнь философа открывается более широкому политическому контексту, хотя с точки зрения бездеятельного пребывания в

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
протополитическом он (объ)является узким, выясняется, что: во-первых, он в нем плохо ориентируется (протополи-тическое не готовит политиков); во-вторых, дезориентированность только подхлестывает его энтузиазм, вызывая "опьянение властью", в том контексте отнюдь не невинное; в-третьих, его философия – даже если вербально повторяются известные положения, как в ректорской речи, – попадает в условия, которые навязываются ей извне, сохраняя лишь иллюзию автономности, облегчающую ее инструментализацию новой властью. Если раньше его вопрошание делало самоочевидное несамоочевидным, то теперь все наоборот: "...философия Хайдеггера попадает в водоворот политической реальности... [так как эту последнюю] он считает частью воплощенной философии (ein Stück verwirklichter Philosophie)" [15]. В этих условиях различие между "языком Хайдеггера" и "национал-социалистской речью", само по себе значительное, теряет большую часть своей существенности. Да, хайдеггеровский Führung, как замечает Ф. Лаку-Лабарт, по сути духовен, но на духовность тогда притязали и другие его разновидности, интеллектуально менее респектабельные. Возможно, позднее Хайдеггер так держался за обретенный язык потому, что в переломный момент он оказался больше сыном своего народа и меньше сыном своего языка, чем в обычных обстоятельствах он мог себе вообразить; "неудача ректорства" радикализовала его "полемику с верой современности". Второй раз небо спустилось на землю и обосновалось на ней в виде языка, в котором косвенно отразился опыт первого, "неудачного" сошествия; именно поэтому прямые упоминания об этом опыте сначала запрещены, а потом отложены на неопределенно долгое время.

Экономист Диль, ботаник Лампе и другие коллеги по университету не понимали новой позиции философа. Как и Ясперс, они полагали, что поскольку ректорство философа было воинствующе публичным, то и отречение от него не могло замкнуться в рамках полемики с Ницше о природе воли к власти и нового прочтения гимнов Гёльдерлина, а должно было принять столь же публичную форму, еслАне в нацистский период (по всем понятным причинам), то позднее. Его версию происшедшего они воспринимают как отписку, уклонение от признания. Но публичность – причем любая – скомпрометирована в глазах философа так глубоко, что требуемое признание заранее рисуется ему актом интеллектуально недостойным и даже нечестным. Слишком много вокруг него "каются" действительных палачей.

И только после возвращения из русского плена его старшего сына в начале 1950 года он делает в письме к Ясперсу признание, что не приезжал в его дом "не потому, что там жила еврейская женщина, а потому, что мне просто было стыдно" (письмо 141). В его устах выделенные курсивом слова значат

очень многое. Ведь он погрузился в пространство обретенного в традиции языка потому, что, всплывая, ему пришлось бы столкнуться с чем-то значительно более травматичным, чем одиночество: с реализацией своего желания 1933–1934 годов в его пугающей массовидности. Этого столкновения он избегает любой ценой; "зловещее" одновременно не допускается внутрь и лежит в основе неуловимого для поверхностной социальности вопрошания. Семь выделенных курсивом слов философа значат больше, чем тома покаянных сочинений (сколько их было надиктовано в постсоветский период!), чьи авторы каялись, чтобы не изменяться, а оставаться на плаву. Эти слова продиктованы дружбой; не случайно в том же письме Хайдеггер пишет, что приедет в Гейдельберг не раньше, чем встретится с Ясперсом "по-доброму, но с неизбывным чувством боли". Он согласен на встречу без надежды на прощение и примирение, на встречу как таковую: ведь город Гейдельберг существует для него благодаря дружбе, как Венеция существует для Ницше благодаря "сотне одиночеств", и станет вновь существовать после встречи. Это единственное совершенно искреннее и неспровоцированное признание Хайдеггера о "том" времени, это то Слово, которого от него ждали многие, но ответил он одному. Пауль Делан, побывав в Тоттнаумберге, записал в "книгу хижин": "Глядя на звезду в колодце, с надеждой на будущее слово". Он был одним из тех, благодаря кому для Хайдеггера существовала поэзия, и перед его выступлением во Фрайбурге 24 июля 1967 года 78-летний старец обошел книжные магазины города и попросил продавцов выставить на витрины книги живущего в Париже поэта; тот был приятно удивлен своей известностью. Разве это не было частью будущего Слова, которого Делан ждал, даже если он так никогда и не узнал об этом жесте Хайдеггера?

Если бы не требования французских оккупационных властей и созданной по их инициативе Комиссии по расследованию деятельности сотрудников университета в нацистский период, Хай-деггер, скорее всего, вообще не стал бы

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org оправдываться на фактологическом уровне. Факты для него – это не то, что было, а то, что он способен помыслить и вынести в качестве таковых; остальное – сфера фактичности для других, ему недоступная. И чем больше мы узнаем об этом периоде в жизни философа, тем заметнее разрыв между тем, что было, и тем, что мыслимо и выносимо; не случайно "девятый вал" разоблачений разразился после смерти философа. Для того чтобы оценить его силу и доказательность, надо знать, на что были способны миллионы немцев того времени, в их числе большое число профессоров; кроме того, надо отказаться от презумпции того, что выдающийся мыслитель должен во всех смыслах возвышаться над посредственностью (мнение, которое авторы писем разделяли в 20-е годы) и поэтому его заблуждения имеют какой-то особый вес и для них нужно вырабатывать свой масштаб суждения и критерии оценки.

Конечно, представление Хайдеггера и Ясперса о величии философского призвания и вытекающая отсюда бескомпромиссность, с какой они судили других, естественным образом заставляет посмотреть и на их жизнь так же строго. Соблазн столь же понятный, сколь и бесплодный. К тому же "гномы" предусмотрели такую возможность и по-разному защитились от нее. Хайдеггер впервые упоминает в переписке о "гномах" в связи с Венецией "из ста одиночеств" и "ветряными мельницами" Лес-синга: в этих метафорах, пишет он, заключена "мысль будущего", перед лицом которой "мы просто гномы". Т. е. "гномы" мы не перед ясно прочитываемым смыслом этих метафор, а по сравнению с тем, что является в них открытым, что еще не состоялось; только постепенно выходя за пределы коммуникации/не-коммуникации, мы приблизимся к тому, что здесь сказано. "То, что Вы говорите о нас как о "гномах", – отвечает Ясперс, – вполне созвучно моему ощущению. Иногда я употребляю это же выражение... Но я сознаю и какая гордость заключена в том, чтобы войти в пространство великих, осмелиться в каком-нибудь закоулке негромко сказать свое скромное слово и заметить, что не принадлежишь к их кругу [курсив мой. – М. Р.], однако был среди них, причем иначе, нежели большинство твоих современников. Потому-то мы знаем, насколько мы малы. Но вместе с тем – какое притязание: ты находился в общении с ними!" (письмо 133).

В этом абзаце различия между философами не декларируются – напротив, в своем отношении к традиции здесь они как бы едины, – но присутствуют более упорно, чем в начале переписки. Если Хайдеггер является "гномом" перед "мыслью будущего", еще не высказанной в наличной традиции, то его друг признает себя "гномом" по отношению к Великому в том виде, как оно состоялось в традиции. "Пространство великих" для него – это город с улицами и "закоулками", построенными на века: в одном из "закоулков" философ осмеливается "негромко сказать свое скромное слово", после чего замечает, что "не принадлежит к их [великих] кругу". Но сам факт посещения одного из закоулков великой традиции возвышает философа над современниками – ведь он был там, хотя и не был принят за своего.

Хайдеггер понимает традицию принципиально иначе. Великие не являются ее хозяевами, которые могут признать или непризнать его своим; в лучшем случае они такие же носители "мысли будущего", как и он сам. В силу открытости традиции нет "круга", к которому можно было бы принадлежать; можно лишь поддерживать ее открытость, делая ее принципиальной – в этом "скромное слово" Хайдеггера, но оно не нуждается в одобрений великих системосозидателей. Основное для него происходит не на улицах, а как раз в закоулках, так что нахождение в одном из них не свидетельствует, в отличие от того, как думает Ясперс, о необычайной скромности "гнома": просто это знак того, что он на правильном месте, где случается основное. У хайдеггеровского "гнома" по идее нет своего слова, пусть даже "скромного"; извлекаемое им из традиции настолько аперсо-нально и чуждо системосозиданию, что даже величайшему "автору" не от чего его отлучить. Когда Ханна Арендт справедливо заметила, что философия Хайдеггера идет не от бури нашего времени, а от изначального, она забыла добавить, что до Хайдеггера этого изначального не было и что в нем отразились бури нашего времени. Принадлежность к так понятой великой традиции для Хайдеггера настолько естественна, что не является предметом гордости: в конечном счете общение с избранными великими шедеврами входит в обязанности зрителя галереи и не может возвышать его над людьми с улицы, которые иногда в эту галерею заглядывают. В этом качестве Хайдеггер вменил себе в обязанность формировать тот круг, принадлежность к которому казалась Ясперсу слишком большой честью: ведь простое пребывание на службе Великому уже возвышает его над большинством смертных. Написав в "Заметках о Мартине Хайдеггере", что тот "обладает волшебством как гном", не будучи демоничен в гетевском смысле слова, он имел в виду

Метаморфозы великих томов

волшебство творения слова из слова, возобновление традиции в ее истоках: это волшебство притягивало и отталкивало его, заставляя писать письма, которые не всегда отправлялись адресату (любопытно, что нет ни одного неотправленного письма Хайдеггера Ясперсу).

В переписке нередко упоминаются горы, особенно когда Хай-деггер пишет из "хижины" в швабских Альпах. В самом конце (письмо 152) Ясперс также вспоминает заснеженные горы в Фельдберге, где он отдыхал восемнадцатилетним юношей. Но это не такие высокие горы, как те, в которых оба философа встречаются в последней записи Карла Ясперса из его "Заметок о Хай-деггере" для окончательного объяснения и борьбы: "На широком скалистом плоскогорье высоко в горах издавна встречались философы одного времени. Оттуда открывается вид на заснеженные вершины гор, а ниже видны долины, где живут люди; горизонт простирается [15] до самого неба. Солнце и звезды там ярче, чем в других местах... Воздух чист и прохладен... Попасть туда не представляет особого труда... надо только решить время от времени оставлять свое жилище (Behausung), чтобы там, наверху, узнавать подлинное (was eigentlich ist). Там философы вступают между собой в беспощадную борьбу. Они захвачены силами, которые борются друг с другом посредством человеческих мыслей... Ныне на такой высоте уже, кажется, никого не встретишь. Мне показалось, что я встретил там одного, всего одного. Но он оказался моим учтивым врагом. Ибо силы, которым служили мы, были непримиримы. Вскоре мы уже не могли говорить друг с другом. Радость превратилась в безутешную боль, как если бы была упущена возможность, бывшая где-то рядом. Так случилось у меня с Хайдеггером" [16].

Итак, финальная сцена, вслед за романтиками и Ницше, разыгрывается в высокогорном ландшафте. Именно в горах, в их чистом разреженном воздухе, и должна состояться дуэль. Кажущийся демократизм не должен вводить в заблуждение: несмотря на видимую доступность, путь одолели только два "гнома" – на "скалистом плато" Ясперс застал только Хайдеггера. Но встреченный оказался "учтивым врагом" – не потому, что понимал философию иначе, а так как через них изначально говорили разные, несоединимые силы. Высокогорная дуэль не состоялась, даже ее главное орудие, разговор, вскоре стал излишним. Общим был только преодоленный маршрут, обретенное плоскогорье. В его чистом, холодном воздухе множатся вопросы. Зачем помещать встречу в столь "нечеловеческий" ландшафт (высокогорный воздух не прохладен, а жгуче морозен)? Почему разрыв с возвышенным легче декларировать в определенных политических контекстах, чем осуществить в мысли? Почему, например, так высоко не могли взобраться не только упоминавшийся доктор Грасси, но и Гуссерль, Кассирер или Ханна Арендт? И как объяснить вскользь брошенную Ясперсом в одном из последних писем фразу: "между нами может быть либо все, либо ничего"?

Став политическим символом новой Германии, Ясперс, как показывает приведенный отрывок, сохранил "веймарские темы" в первоначальной чистоте – иначе он допустил бы в разреженный воздух горного плоскогорья кого-то еще кроме самого себя и своего "учтливового врага". Но туда не попал даже Макс Вебер, которому Ясперс поклонялся всю жизнь.

Когда в декабре 1997 года в берлинской квартире, где на полках стояли несколько тысяч книг, я впервые читал эту переписку, у меня было чувство, что в эпистолярном жанре осуществляется здесь что-то очень значительное, настолько значительное, что опубликованный корпус текстов Хайдеггера и Ясперса, сам по себе огромный, не смог вместить его до конца. Сейчас я точно знаю, что это чувство не обмануло меня, хотя на каждый ответ приходится, как минимум, десять вопросов. А может быть, именно поэтому?..

Москва, апрель – май 2000 года

Предисловие немецких издателей

Ясперс и Хайдеггер переписывались с 1920 по 1963 год. В общей сложности сохранилось 155 писем и набросков. Еще 15 писем Ясперса Хайдеггеру, копий которых в архиве Ясперса нет, следует, вероятно, считать утерянными.

В архиве Ясперса есть также письма к Хайдеггеру с пометкой "не отправлено". Поскольку Ясперс не изъясил их из переписки, но включил в нее в соответствии

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org с хронологией, мы также воспроизводим их, а так как Хайдеггер знать о них не мог, они набраны другим шрифтом.

С1936 по 1949 год в переписке был перерыв. Последнее письмо Хайдеггеру датировано 16.5.1936 и в бумагах Ясперса сохранилось в виде наброска. Поскольку в архиве Хайдеггера этого письма нет, оно предположительно не дошло до адресата, что и могло привести к обрыву переписки. Однако обмен публикациями продолжался и после этого: от Ясперса Хайдеггеру до 1938 года, от Хайдеггера Ясперсу также и во время войны. Правда, ни благодарственных писем, ни иных сообщений не было.

Письма приведены без сокращений и купюр. Отдельные сокращения оговорены особо; правописание модернизировано, явные ошибки исправлены. По обоюдному согласию издатели решили отказаться от интерпретаций и редакционную ответственность несут раздельно: Вальтер Бимель – за письма Хайдеггера Ясперсу и примечания к ним; Ханс Занер – за письма Ясперса Хайдеггеру и примечания к ним. Издание осуществлено по поручению д-ра Германа Хайдеггера и Фонда Карла Ясперса в Базеле, которые в свою очередь установили принципы издания для каждого из двух издателей раздельно.

Вальтер Бимель благодарит магистра искусств Штефана Винтера за помощь в расшифровке писем Хайдеггера и за чтение корректур, Хермину Бимель – за сверку рукописей, д-ра Германа Хайдеггера – за помощь в идентификации упомянутых в переписке лиц и за консультации, а также Г-на Марка Михальского – за проверку библиографических сведений.

Ханс Занер благодарит г-на д-ра Марка Хенги за научное сотрудничество, а г-жу Дану Хоххут и г-жу Лизелотту Мюллер – за техническую помощь.

Оба издателя выражают признательность Архиву немецкой литературы в Марбахе за постоянную любезную помощь.

Фонд Карла Ясперса благодарит Гейдельбергский университет за поддержку в издательской работе, а также выражает благодарность за финансовую поддержку следующим организациям: Швейцарскому национальному фонду поддержки научных исследований (Берн), Фонду Макса Гельднера (Базель), Немецкому научно-исследовательскому объединению (Бонн), а также Фонду Нижней Саксонии (Ганновер).

Издатели Ахен, Базель, февраль 1989 г.

Мартин Хайдеггер/ Карл Ясперс Переписка 1920–1963

1920–1922

[1] Мартин Хайдеггер – карлу Ясперсу

Глубокоуважаемый г-н профессор!

Только сейчас, когда обременительные доклады о Шпенглере[1] остались позади, я наконец берусь за перо. В то утро[2] я выехал спозаранку, потому что не хотел ехать скорым поездом, а иначе добрался бы сюда только в час ночи. Если на обратном пути будет время, я загодя дам знать. Вечер у Вас очень меня порадовал, главное, у меня было "чувство", что мы работаем над оживлением философии, исходя, по сути, из одних и тех же предпосылок. В Гёттингене мне обещали предоставить еще больший объем для моего текста[3], и я теперь подумываю о более подробном изложении.

Благодарю Вас и Вашу супругу за сердечный прием и кланяюсь Вам обоим, преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

Висбаден, 21 апреля 1920 г. Кайзер-Фридрих-ринг, 54.

[2] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 21 января 1921 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Могу ли я просить о любезности сообщить Ваше мнение о Г-не Фридрихе Ноймане[4] как философе и о его докторской диссертации по философии? По причинам внешнего характера он хотел бы защищаться у меня в Гейдельберге. В принципе я согласен. Но, к сожалению, я уже многим отказал, поскольку готов принять только отличную работу и вовсе не хочу содействовать тому, чтобы звание доктора философии немецкого университета носили люди не очень достойные. Ваше суждение для меня очень важно, ведь Вы, как я слышал, давно знаете этого господина и работа его относится к Вашей проблематике.

Почему Вы сами не можете довести его до защиты?

Простите мне, пожалуйста, этот прямой вопрос. Судя по нашей незабываемой беседе[5], в таких вещах Ваши ценностные критерии совершенно совпадают с моими.

С сердечным приветом,

преданный Вам

К. Ясперс

Хандшусхаймерландштр., 38.

[3] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, Лерхенштр., 8.22 января 1921

Глубокоуважаемый Г-н профессор!

Я охотно отвечу Вам, хотя бы затем, чтобы не создавалось впечатления, будто я пытаюсь подсунуть Вам Г-на Фр. Ноймана[6].

Г-н Н. учится здесь уже второй семестр – не могу сказать, что я его знаю: в его случае это так нелегко. Не потому, что он необычайно сложная натура, а потому, что он очень непостоянен, ха-латен и, пожалуй, во всем фальшив.

Когда летом он приехал сюда, он был в полном восторге от Гуссерля[7], каждая тривиальность была откровением, каждое положение – классическим, он вычитывал для Гуссерля рукописи, некоторые из них переписывал и был с ним неразлучен, даже собирался писать работу по философии языка. К началу нынешнего семестра между ними, должно быть, что-то произошло; Гуссерль теперь решительно отвергается, мои критические высказывания воспринимаются по-мальчишески односторонне. И при этом почти ничего не понято. Он общается с определенным кругом посредственных людей, которые постоянно надоедают друг другу, они пытались примазаться ко мне, но не на того напали. Думают, что, бессмысленно повторяя фразы, выхваченные из моих лекций, добьются успеха. А при этом не замечают, как крепко я держу их под контролем. На моем семинаре для начинающих по "Размышлениям" Декарта – пока что речь шла только об основательной интерпретации, о солидной работе – они всякий раз один за другим оказываются несостоятельными, они считают, что освобождены от серьезной работы, и занимаются болтовней – студенты первого и второго семестра куда скромнее и искренне увлечены делом.

В прошлом семестре он восхищался Гуссерлем, теперь же восхищается моей лекцией, которой не понял (признаю, несовершенство ее разработки, особенно изложения, тому способствует). Это видно из чернового варианта его работы о "ценности жизни", представленного мне перед рождественскими каникулами. Еще раньше он спрашивал меня, как бы ему устроить возможно более скорую защиту докторской диссертации (сейчас он на восьмом семестре – чем он занимался в Вене, мне до сих пор неясно).

У Гуссерля он защищаться не хочет; я сказал ему, что экзаменовывать не могу, самое большее, могу написать отзыв на его работу, так что в конечном счете он все равно попадет к Гуссерлю. На это он сказал, что в таком случае пошел бы скорее к Вам, поскольку хочет защищаться в Германии, причем побыстрее (видимо, по финансовым причинам). Я ответил, что охотно порекомендую Вам его работу, если сам по совести сочту ее достойной. Его наброски, бессистемные, написанные за неделю-другую, я просмотрел во время каникул и, по его настоятельной просьбе, тотчас же отослал ему в Вену мой отзыв.

Я без обиняков написал, что так дело не пойдет и что у него есть две

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
возможности: либо ориентировать исследование на Диль-тея[8], а значит, по-настоящему его проработать, на что уйдет несколько месяцев, по крайней мере до лета, либо подойти к работе систематически, что в обозримом будущем сделать невозможно.

В примечаниях я указал ему на грубейшие ошибки. По возвращении он заявил, что выбирает первый путь; Г-н Шайер[9], с которым они теперь закадычные друзья и которого он летом высмеивал как глупца, якобы посоветовал ему послать Вам какую-нибудь часть своей работы. Он намеревался отправить Вам то, что показывал мне; я сказал ему, что это бессмысленно, у него ведь уже есть мой отзыв.

Чем он занимается теперь, я не знаю. Еще когда он впервые назвал Ваше имя, я, памятуя о разговоре с Вами, тотчас предупредил его, чтобы он не обольщался насчет легкости своей задачи. Я имею в виду, что ситуация простая: если работа не удовлетворит меня, я спокойно отклоню ее, а ему скажу, что обращаться к Вам нет смысла. Если же он все-таки это сделает, Вам придется взять на себя труд и отказать ему. В этом семестре я выкинул уже четверых. Одного-единственного пока формально оставил – это Г-н Левит[10], – чем он занимается и как все будет, я понятия не имею.

Вчера у меня была Афра Гайгер[11]. Финке[12] она объяснила дело так: философия, дескать, слишком трудна, и ей хочется попробовать себя в истории. Без сомнения, сказано честно и прямо, но для тайного советника Финке возмутительно... Она спросила у меня, нельзя ли подготовить историко-философскую работу по средним векам. Я сказал, что в эту область невозможно проникнуть за один год, поскольку она не имеет никакого богословского образования (это основное условие, да и вообще самое главное) и не знает Аристотеля и Августина. Мне ее очень жаль; пожалуй, поговорю с Финке еще раз. Мое мнение о нынешних студентах, а тем паче о студентках утратило всякий оптимизм: даже те, что получше, либо экзальтированные фанатики (теософы, которые проникли уже и в протестантское богословие), георги-анцы и проч., либо, не ведая меры в чтении, впадают в нездоровую всеядность и всезнайство, при том что ничего не знают как следует.

Недостает подлинного понимания научной работы, а значит, истинной, сильной настойчивости, самоотверженности и настоящей инициативы. Но, в конце концов, чрезмерная критика тоже сковывает; я СУГ этого страдаю, поскольку любое якобы позитивное высказывание пробуждает ложные ожидания. До сорока нельзя заступать на кафедру.

На каникулах я опять непременно возьмусь за рецензию на Вашу книгу[13] – возможно, от этого она станет еще хуже.

С сердечным приветом,

преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

Передайте, пожалуйста, поклон Вашей супруге.

[4] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру Гейдельберг, 24 января 1921 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Большое спасибо за Ваше обстоятельное и многое разъясняющее письмо. Вечно одна и та же безотрадная ситуация!

Что до Г-на Ноймана, то я, разумеется, буду весьма Вам благодарен, если Ваша оценка избавит меня от ненужной работы.

Переписка

Г-ну Нойману, который хотел приехать сюда, я – одновременно с моим первым письмом к Вам – сообщил, что в его личном появлении нет необходимости, пусть лучше пришлет мне работу, когда она, по его мнению, достигнет определенной завершенности.

Афру Гайгер мне тоже очень жаль. Я бы пожелал ей работы в конкретной научной области, с которой она при ее усердии сумеет справиться. Мотивы,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
какие она изложила финке, искренни, но глупы. Надеюсь, ей все-таки удастся поработать у него. Однако историко-философская работа столкнется с теми же самыми сложностями. Ее работу как студентки университета я оцениваю целиком положительно, ведь кое-что существенное там было. Но докторская степень для нее вопрос чисто практический, обывательский (как, впрочем, и для большей части студентов). Она это сознает, к счастью. Ведь и в частных науках полно добротных ремесленных работ, лишь прорабатывающих материал согласно заранее заданной постановке проблемы. Для этого нужна лишь толика благожелательности соответствующего профессора.

Ваша рецензия на мою "Психологию мировоззрений"[14] – единственная, которой я ожидаю с нетерпением.

Еще раз большое Вам спасибо!

С сердечным приветом,

преданный Вам

Карл Ясперс.

Моя жена шлет Вам наилучшие пожелания!

[5] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу дорогой г-н профессор!

Переписка рукописи[15] затянулась, поскольку я целиком зависел от любезности одного студента, который занимался этим лишь по несколько часов в неделю, да и писал довольно медленно. Текст очень сжатый и сложный. Однако кое-что, вероятно, прояснит, что я имею в виду. Стиль скорее греческий, чем немецкий, поскольку во время работы над рукописью, да и сейчас тоже, я читаю почти исключительно греческие тексты.

Поскольку вместо ежегодных 12 номеров "Гёттингер анцай-ген" теперь выходят лишь 4, в мое распоряжение предоставили только 1/3 печатного листа. Напечатают ли рукопись вообще или нет, я не знаю. У меня есть еще две машинописные копии. Одну пошлю Риккерт[16], так как в свое время пообещал ему рецензию, другую получит Гуссерль. Я еще раз обдумал план сокращений и пришел к выводу, что лучше всего от них отказаться, но стиль сделать более лаконичным. Правда, звучит странно, когда я говорю о правилах стиля.

Зимой буду читать курс о "Метафизике" Аристотеля, может быть, удастся обнаружить всякие интересные вещи[17].

Впрочем, у меня мало студентов, с которыми на занятиях можно сделать что-либо толковое.

Что до Ваших возможных назначений[18], то я и моя жена[19] шлем Вам сердечные поздравления.

Сердечные приветы всей Вашей семье,

преданный Вам

Мартин Хайдеггер. Фрайбург, 25. VI. 21

[6] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 28 июня 1921 г. Дорогой г-н Хайдеггер!

Большое Вам спасибо. Сегодня я еще не могу Вам ничего сказать, поскольку пока не успел заняться изучением Вашей работы[20]. Но, по крайней мере, хочу сообщить Вам, что она получена. Надеюсь, ее изучение даст мне важный импульс.

Второе издание моей "Психологии мировоззрений", на котором давно настаивает мой издатель[21], вообще-то не требует особой переработки. Если захочется сказать нечто новое, я лучше напишу новую книгу. Поэтому ограничусь шлифовкой стиля, улучшу организацию материала, а "дух" книга оставлю прежним. Книга в самом деле не идеал, но перестроить ее очень трудно. Ведь в конечном счете она нравится мне и такой, какова она есть, и при всех недочетах я все же полагаю, что "интенция" вполне заметна и что изучение

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
книги в ее нынешнем виде может быть поучительно.

Вот почему Вашу критику я прочту больше с прицелом на мою дальнейшую работу, чем ради непосредственного использования. Хотя это, конечно, не окончательное решение, а лишь мой нынешний взгляд на подготовку 2-го издания.

Передайте поклон Вашей милой жене и сами примите сердечный привет от Вашего
Карла Ясперса.

Еще одно замечание: Вы что же, и впредь намерены титуловать меня "профессором"? Ведь между нами уже давно установились "философские" отношения? Или Вы так мало мне доверяете?

[7] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 1.8.1921

Дорогой г-н Хайдеггер!

Афра Гайгер рассказала мне, что Вы, по вполне понятным причинам, хотели бы узнать, как обстоит дело с преемством на должность внештатного профессора[22], в настоящее время занимаемую мной. Как Вы знаете, я был бы очень рад Вашей работе здесь. Но, к сожалению, в сложившейся теперь ситуации у Вас нет никаких перспектив. И у Кронера[23] тоже. Подробнее пока ничего сообщить Вам не могу и прошу, чтобы это осталось между нами.

Надеюсь, Вы в самом деле собираетесь приехать к нам осенью, как сказала Афра Гайгер. Я бы с удовольствием обсудил с Вами тогда Вашу критику[24], которую внимательно прочитал. Ведь хороший разговор – самая подходящая и самая глубокая форма, чтобы говорить о таких вещах. А пока лишь несколько предварительных замечаний.

Думаю, что из всех рецензий на мою книгу, какие я читал, Ваша наиболее близко подходит к истокам моей мысли. Поэтому она по-настоящему затронула меня внутренне[25]. Однако – также и в размышлениях о "я есмь" и "исторический"[26] – я все еще не вижу позитивного метода. Читая, я постоянно ощущал потенцию продвижения вперед, но затем с разочарованием обнаружил, что настолько я и сам уже продвинулся. Ибо одна только программа волнует меня так же мало, как и Вас. Некоторые суждения показались мне несправедливыми. Но я отложу все до устного обсуждения. В вопросах и ответах я разбираюсь лучше, чем в докладах. Однако никто из "философов" молодого поколения не интересует меня больше, чем Вы. Ваша критика может оказаться для меня полезной. Она уже принесла пользу, поскольку побуждает к подлинным размышлениям и не дает расслабиться. Можно ли мне оставить Вашу рукопись у себя?

Сердечные приветы Вашей жене от меня и моей жены,

Ваш Карл Ясперс

Афра Гайгер прислала нам сегодня письмо с Матгерхорна.

[8] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Мескирх, 5 августа 1921 г.

Дорогой г-н Ясперс!

Сердечно благодарю Вас за оба Ваших письма. На первое я не ответил, так как не знал, что писать, и в последние недели был перегружен работой. В целом семестр оказался для меня разочарованием; работа ради тех, что сидят перед тобой, себя не оправдывает. То один, то другой изредка возьмется за дело, чтобы тотчас же вновь предаться любимым простеньким занятиям. В минувшем семестре я часто спрашивал себя, что же мы, собственно, делаем. При этом я вовсе не гонюсь за "преподавательским успехом" и тому подобным. Но если отвести все ориентации такого рода как в конечном счете несущественные, то собственное право на деятельность в университете можно мало-мальски оправдать лишь тем, что сам относишься к ней вполне серьезно, берешься за поставленные задачи и продвигаешь их на шаг вперед.

Тем самым рискуешь только не поспеть за "процессом", но это едва ли не лучшая и постоянная проверка себя на то, своим ли делом ты занят – если оно тебя зацепляет, подстегивает, доказательство налицо. И все же снова и снова обнаруживаешь в себе мелкое создание, которое норовит ловко улизнуть от трудностей и строит карточные домики.

Конечно, пусть критика останется у Вас. От писем толку мало. Приеду ли я на эти каникулы в Гейдельберг, пока не ясно. Я так медленно работаю, что все каникулы, наверно, уйдут на подготовку следующей лекции. Начиная с 16-го я все время буду дома. Гуссерль тоже сказал, что я во многом несправедлив к Вам; для меня это всего лишь доказательство, что я хотя бы попытался помочь. Цель достигнута, если моя критика даст Вам какой-нибудь стимул, может быть, и такой, о котором я даже не думал. Если оценивать ее согласно критериям, которыми я руководствуюсь в работе, то она – просто смешной и убогий опус начинающего, и я отнюдь не воображаю, будто продвинулся дальше, чем Вы сами, тем более что я забрал себе в голову пойти окольными путями. Выберусь ли я оттуда, не знаю, – если только заставлю себя удержаться на ногах и вообще идти.

Касательно бесперспективности надежд на гейдельбергскую внештатную профессуру[27] я уже был должным образом осведомлен благодаря косвенному замечанию Афры Гайгер в письме Карлу Левиту. У меня нет задатков для охоты за местами – но поскольку в Гейдельберге для меня открывалась уникальная возможность, я, понятно, был в ней заинтересован. Прежде всего я радовался за свою работу, которая стала бы "свободнее" и раскованнее". Атак по-прежнему живу под внутренним и внешним гнетом, но при том обладаю одним важным благом: мне не нужно втискивать свою работу в рамки бюрократических предписаний, я направляю ее согласно собственным потребностям.

После моего отъезда из Фрайбурга там – судя по тому, что говорил в Гейдельберге д-р Маннгейм[28], – кажется, пошли слухи, что я, мол, "буду непременно взят на заметку". Когда я здесь, на родине, услышал об этом, я начал было надеяться. Поскольку теперь я знаю все от Вас, вопрос для меня исчерпан. А пишу я об этом во избежание неясностей, Вы должны знать, что любая "мнимая" утечка информации (или хитрость?) идет "от других".

Я рад за Вас, что все получилось так благополучно и Вам не понадобится просить о переводе.

Вот теперь наконец Вы сможете по-настоящему "развернуться".

Сердечный привет всей Вашей семье,

Ваш Мартин Хайдеггер.

[9] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 27 июня 1922 г. Дорогой г-н Ясперс!

Сердечно благодарю Вас за любезную пересылку Вашего труда[29]. Мой ответ задерживается, поскольку на Троицу во время каникул я прихворнул и лишь теперь вновь начинаю работать.

Сперва должен сознаться: из Стриндберга не читал ничего, Ван Гога в подлиннике не видел ни разу. Правда, с письмами знаком.

Ваша философско-научная позиция выражена в этом труде еще яснее, прежде всего начиная с той страницы, где Вы пытаетесь позитивно вписать каузально-психическое в старом смысле в мир духовно-исторический.

В основе этой задачи лежит вопрос: как "встроить" эту область, напр, шизофренического, в сущностно единую понятийно-категориальную пронизанность жизни по ее бытийному и предметному смыслу. В этом виде вопрос поставлен еще по-старому. Упомянутое предметное как раз и не следует понимать как "сферу", "область" с неопределенным бытийным характером. Необходимо отказаться от предметного и конкретного характера, которым снабдила эти феномены прежняя научная установка, и придать им понятийно-категориально тот смысл, какой они имеют, поскольку они суть нечто и как таковые являются подвижностями в "как" основополагающего смысла фактивности (формально: бытийного смысла) жизни. Необходимо прояснить, что значит – со-образовывать

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
бытие человека, участвовать в нем, иными словами, необходимо изначально выявить и категориально определить бытийный смысл жизни, бытия человека. Психическое не есть нечто такое, что человек "имеет", осознанно или неосознанно, а нечто такое, что он есть и что им "живет". То бишь принципиально: есть предметы, которых человек не имеет, но которыми "является", притом еще и такие, чье "что" покоится в "что они суть"; точнее: старое онтологическое различие "Was-" и "Da?sein" недостаточно не только содержательно, но имеет начало, в смысловую область которого не входит доступный ныне бытийный опыт жизни (говоря короче: "исторического") и его бытийный смысл.

Старую онтологию (и вытекающие из нее категориальные структуры) необходимо создать совершенно заново – если всерьез подойти к задаче постичь и направить собственно нынешнюю жизнь в ее основополагающих интенциях. Наша философия более не способна даже понять то, чего в своей области достигли для себя греки, не говоря уже о том, чтобы мы имели хоть какое-нибудь представление о том, что значит добиться того же и только того же в нашей области; это, однако, не означает обновлять Платона или Аристотеля либо восхищаться античностью и твердить, будто греки знали уже все самое важное.

Требуется критика всей прежней онтологии, самых ее корней в греческой философии, особенно Аристотеля, чья онтология (хотя уже само это понятие не годится) у Канта и у Гегеля жива ничуть не меньше, чем у какого-нибудь средневекового схоласта.

Но эта критика требует принципиального понимания реальных проблем греков исходя из мотивов и установок их подхода к миру, способа их обращения к предметам и осуществленного при этом формирования понятий. Решить эту задачу – только как предварительную – конкретно и четко, даже хотя бы ясно ее сформулировать, весьма трудно. И если всерьез постоянно и живо держать ее в поле зрения, рассматривая вопрос экспликации бытийного смысла жизни как того самого предмета, каковой мы суть, а тем самым всякое общение и всякая озабоченность – всякое душевное движение как забота в предельно широком смысле, тогда уже само внутреннее уважение к предмету, с которым имеешь дело при философствовании, не позволит тебе делать какие-либо заявления только ради того, чтобы их опубликовали.

Либо мы всерьез относимся к философии и ее возможностям как к принципиальному научному исследованию, либо мы как люди науки впадаем в глубочайшее заблуждение, продолжая барахтаться в произвольно выхваченных понятиях и наполовину проясненных тенденциях и работая только на потребу.

Выбрав первое, выбираешь опасность поставить на карту все свое "внешнее" и внутреннее существование, заведомо зная, что успеха и результата этого не увидишь.

Без всякой сентиментальности я отдаю себе отчет в том, что для философа как ученого возможен лишь первый путь. Это вещи, о которых не говорят и которые в беседе вроде нынешней лишь обозначают. Если не удастся позитивно и конкретно пробудить такое сознание у молодежи, то вся болтовня о кризисе науки и тому подобном так болтовней и останется. Если нам самим не ясно, что такие вещи мы, сами их и формируя, должны показать молодежи на собственном живом примере, то у нас нет ни малейшего права жить в научном исследовании.

В контексте задачи по созданию изначальной категориальной структуры предмета "жизнь" я вполне осознал принципиальное значение исследований, в которых Вы стремитесь встроить шизофреническое и тому подобное в бытийный смысл жизни.

На этом конкретном пути можно выявить невозможности, заключенные в проблематике изолированного, свободно парящего сознания.

Нельзя *postfestum** ввести "низкую" реальность и приклеить тело к духовным актам (даже у негров нет таких представлений о человеческом существовании, какие в ходу у нынешней научной философии). Однако сегодня в философии все поставлено на голову, спрашивать философа о его принципиальной позиции считается "некорректным", остается лишь вдосталь критиковать второстепенные вещи. Насколько я знаю, во времена Платона и Аристотеля было наоборот. Покуда не решишься вступить в эту принципиальную борьбу, в эту схватку не на жизнь, а на смерть, находишься вне науки. Имеешь, конечно, прекрасный

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
учебный процесс и каждый семестр дурачишь несколько десятков человек одним только безразличием, с каким сам относишься к принципам и взаимосвязям собственных научных выводов.

Ваша работа еще больше прояснила мне, что в критике психологии мировоззрений Ваши исследования отмечены позитивной тенденцией и находятся на верном пути.

И это укрепляет во мне сознание редкого и самобытного боевого содружества, которого я нигде больше – в том числе и теперь – не нахожу.

Я желаю только, чтобы Вы без ущерба для объективности подошли к делу еще решительнее. Излишняя осторожность Вам совершенно не нужна.

* Задним числом (лат.).

Я также все яснее вижу, что моя "Критика психологии мировоззрений" недостаточна – пока слишком мало позитивна. Я уже расширил ее, многое вычеркнул и написал заново. Собираюсь опубликовать новый вариант, по возможности параллельно с "Интерпретациями к Аристотелю", которые начнут печатать этой осенью в "Ежегоднике"[30]. Главную роль для меня играет опасение, что Вашу книгу хотя и много читают и продуктивно используют, однако ж особая возможность ее воздействия в нынешней философской возне остается незамеченной и невостребованной. Выйдет ли в скором времени второе издание?

Поскольку при сегодняшних обстоятельствах даже короткие поездки для меня исключены, навестить Вас я не сумею.

Но надеюсь, что в ближайшее время Вы сами вновь окажетесь в наших краях.

Сердечный привет всей Вашей семье,

Ваш Мартин Хайдеггер.

[10] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гендельберг, 2 июля 1922 г.

Дорогой г-н Хайдеггер!

Огромное спасибо за Ваше письмо! Особенно благодарю Вас за дружеское отношение и за то, что Вы воспринимаете нас как "боевое содружество", – при всех Ваших осторожных нападках и уколах это было мне приятно. Тем больше мне хочется, чтобы мы как-нибудь смогли обстоятельно поговорить. Может быть, все-таки удастся в не слишком отдаленном будущем.

Очень рад, что намечается выход Вашей интерпретации Аристотеля (недавно мне уже говорил об этом один студент из Фрайбурга). Не только потому, что мне хочется почитать что-нибудь новое из Ваших работ, но и потому, что от таких публикаций зависит если и не внутренняя, то по крайней мере внешняя судьба, о которой мы говорим, – прежде всего для Вас, поскольку кое-кто питает к Вам лично большое доверие и теперь только и ждет появления "каких-нибудь результатов". Об этом и обо всем том, что в этой связи можно сказать в этическом и социологическом плане, мы уже говорили ранее.

То, что Вы намерены опубликовать отзыв на мою книгу, очень для меня ценно. Ведь это единственный отзыв, который меня заинтересовал, и если Вы напали в моей работе на след еще одного позитивного момента, то я, конечно, могу только порадоваться.

В новом издании моей книги результаты Вашей критики еще не заметны. Я внес лишь очень незначительные изменения и оставил книгу как она есть. Я продвинулся вперед и не могу изменить эту книгу – вот в "Психопатологии"[31] такое возможно, – но должен написать новую. И думаю написать, однако торопиться не буду, поскольку планы и претензии у меня достаточно большие. Да и смогу ли я вообще, пока не ясно[32].

Мое отношение к университетской философии становится все более однозначным, чем дальше я к ней причастен. Слишком беспокоиться о ней – пустая трата времени, если не вникнул в настоящих великих философов и в современный дух

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
до предела своих сил. Мне и раньше казалось – по-моему, я Вам говорил, – что Вы в большей степени, чем я, находитесь в контексте полемики неокантианства и проч.; я в эти хигросплетенья ввязываться не хочу. У меня есть только желание рассчитаться сразу по всем статьям, – чего только нет на совести у этих университетских профессоров! – но пока я это откладываю, во-первых, потому, что сам не чувствую себя свободным от греха и еще борюсь за полное место университетского профессора, а также потому, что, прежде чем сводить счеты, надо иметь собственные положительные достижения. Возможно, опять получится так, как в "Психиатрии". Тогда я хотел начать с критики Крепелина[33], включил ее в свою "Психопатологию", а когда последняя была готова, критика стала неинтересна, поскольку имплицитно уже была заключена в книге.

Самое главное – нельзя "ант и"-настроениями, неприятием и ненавистью мешать себе в чистом развитии собственных импульсов. За мной водится такая склонность, и потому я стараюсь по возможности подавлять в себе ярость, игнорируя ее возможный объект.

Я сознаю небывалую дерзость этой позиции и пишу Вам о ней лишь потому, что Вы находитесь в том же положении. Внешняя мягкость и спокойствие – вот та форма, которая позволяет сохранить наибольшую свободу собственного мышления. Если когда-нибудь придется дать бой, будет бой. А до тех пор я расплыться не хочу.

Но в дискуссии с Вами я намерен пустить в ход все резервы, ведь и я думаю, что мы находимся на одном уровне, Вы, возможно, сознательнее и критичнее, я хоть и неловок, но более напорист. Философское содержание Вашего письма я не хочу обсуждать письменно. Мне не все понятно, и только в дискуссии выяснится, что я, отчасти нападая, смогу на это сказать. Я все же по-прежнему надеюсь, что осенью такая возможность представится.

Сердечный привет Вам и Вашей жене, Ваш Карл Ясперс.

[11] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 6.9.1922

Дорогой г-н Хайдеггер!

Позволю себе вновь заговорить о Вашем приезде в Гейдель-берг и еще раз пригласить Вас остановиться у нас; должен, однако, повторить, что у меня все довольно примитивно (постель будет на кушетке в библиотеке, мыться придется в туалете – иначе в нашей тесной квартире невозможно). И все же как было бы замечательно, если б нам удалось денек-другой пофилософствовать в удобные для этого часы, испытать и укрепить наше "боевое содружество". Я представляю себе, как мы живем вместе: каждый в своей комнате (моя жена в отъезде), каждый делает что хочет, а еще мы – кроме трапез – встречаемся, когда хотим, и говорим друг с другом, в особенности вечерами или в иное время, без всякого принуждения. Если у Вас есть охота и возможность, приезжайте, пожалуйста, поскорее – и сообщите об этом заблаговременно. 14 сентября моя жена возвращается, и я бы снова предпочел быть один. В нынешней внешней ситуации наших с Вами жизнью транспортные расходы я, разумеется, беру на себя. Спорить об этом, думаю, нет необходимости. Деньги (1000 марок) на дорогу прилагаю.

Сердечный привет Вашей жене и Вам, Ваш Карл Ясперс

От издателя Вы скоро получите второе издание моей "Психологии мировоззрений". Просто поставьте этот экземпляр на полку в Вашей библиотеке, ведь никаких существенных изменений в новом издании нет, только кое-что убрано и кое-что отшлифовано стилистически.

[12] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 19 ноября 22 г.

Дорогой г-н Ясперс!

Восемь дней, проведенных у Вас, постоянно со мной. Внезапность, полное отсутствие внешних событий в эти дни, твердость "стиля", в каком один день безыскусно перерастал в другой, лишенная сантиментов, суровая поступь,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org которой к нам пришла дружба, растущая уверенность обеих сторон в боевом содружестве – все это для меня непривычно и странно в том смысле, в каком мир и жизнь непривычны и странны для философа.

Еще раз сердечно благодарю Вас за эти дни.

Когда я вернулся сюда, Гуссерль ожидал меня с сообщением, что в Марбурге знают о моих лекциях по Аристотелю и т. п.; по его словам, Наторп[34] хотел бы иметь конкретное представление о планируемых мною работах. После этого я на три недели засел за компиляции из себя самого и в результате написал "Введение"; все это (60 страниц) я затем надиктовал и через Гуссерля послал по одному экземпляру в Марбург и Гёттинген.

"Успех" в Гёттингене Вы увидите из прилагаемого письма Миша[35]. Правда, мне это ничего не даст, поскольку в правительствах меня знают еще меньше, чем на факультетах. Необходимые для этого "деловые поездки" мне не по душе.

В Марбурге работа также произвела впечатление; Наторп пишет, что, кроме трех других кандидатов, я в любом случае окажусь в списке на "выдающемся месте". Предполагаю, что это знаменитое второе место. Кронер, о котором речь, по-видимому, шла еще в предыдущем семестре, соответственно будет на первом месте – он "старше" и главное, бумаги много[36].

Сам я такое распределение мест воспринял бы как "позор" для себя.

Но прежде всего мне – так или иначе – хочется покоя. Эта дерготня, половинчатые надежды, лесть и тому подобное приводят в отвратное состояние, даже если даешь себе зарок с ними не связываться.

В этом семестре я веду лишь два семинара: один для начинающих, другой – по Аристотелю[37].

Однако у людей нет инициативы и твердости в работе.

Пока их можно научить лишь тому, чтобы они не говорили пустых фраз и не попадались на надувательство.

Для большинства и этого достаточно. Лёвиг, по-видимому, облегчил себе задачу. Работа должна быть представлена Гайгеру[38]. Поскольку я так и не увидел требуемой переработки, я снял с себя всякую ответственность.

После завершения "обзора" я провел несколько прекрасных солнечных дней в хижине, с женой и детьми[39]. А еще как следует запасся дровами на зиму.

Одновременно посылаю Вам работу шелера[40].

На семинарах по Аристотелю[41] у меня есть настоящий иезуит, который передавал мне приветы от моих старых знакомых.

При случае перешлите мне, пожалуйста, письмо Миша обратно. Все связанное с назначением, разумеется, как и прежде, "конфиденциально".

С сердечным приветом всей Вашей семье,

благодарный Вам

Мартин Хайдеггер.

[13] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 24.11.22 дорогой Хайдеггер!

Сердечное спасибо! Вы знаете, как много значила и для меня наша с Вами совместная жизнь и какие у меня надежды на будущее. В философской пустыне нынешнего времени чудесно ощутить, что можно питать доверие. И мы оба сами не знаем, чего хотим, т. е. нас обоих несет знание, пока не существующее эксплицитно. Что еще может из этого получиться! В частых размышлениях о тех днях я истолковал Ваше давнее высказывание, что когда-нибудь должен бы возникнуть настоящий "Критический ежегодник", в том смысле, что нам обоим нужно создать таковой: "Философия современности. Критические выпуски Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса"[42]. Писать в нем будем только мы двое,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org а выходить он будет произвольными номерами. Мы начнем его, только когда у нас обоих наберется достаточное количество статей. И прекратим выпуск, когда устанем или когда пропадет охота. Он будет посвящен подлинной философии современности, каждой черте философской и антифилософской жизненной позиции, и профессора философии будут лишь одной темой из многих. Краткие статьи, ясные и определенные. Наука – на заднем плане, как основа, но сама она не представлена в эксплицитном виде. Мы должны заняться и такими людьми, как Макс Вебер[43] и Ратенау[44] (это "и" не режет мне слух[45]). Мы не станем ругать, однако разбор будет нелицеприятным. Потому начнем мы, только когда у Вас будет должность. Но в мечтах я радуюсь этому уже сейчас. В то, что у Вас есть желание, я верю, [даже] не зная этого.

То, что Вы находите невыносимым это дерганье между возможными должностями, я понимаю тем более хорошо, что и сам в течение двух лет переживал такое, правда не при нынешней, много более тяжелой ситуации. Но, несмотря ни на что, я рад, что Ваши работы произвели впечатление в Гёттингене и Мар-бурге. К сожалению, я, как и Вы, весьма скептически настроен относительно конечного результата. Но небольшая надежда у меня все же есть. Вы в обоих списках, будем надеяться, что другая нет. Правительство (я познакомился с Венде[46] и Беккером[47]) относится к факультетам с недоверием и старается привлечь все возможные отзывы. Давнего проталкивания через руководителей подразделений больше не существует. Во всяком случае, Вы серьезно осложняете людям задачу. Ведь нельзя же требовать от каждого, чтобы он видел, кто Вы есть. Письмо Миша мне нравится. Оно совершенно безобидно, видимо, он не слишком разбирается в ситуации, однако же, вне всякого сомнения, написал прекрасный отзыв о Вас и за это заслуживает похвалы.

Шелера – сердечно благодарен Вам за его пересылку – я пролистал. Многие суждения я почти в точности высказал в своей лекции по истории[48]. Кое-что он видит верно. Но в целом кажется мне поверхностным – не в приемах работы, это бы еще ладно, а в жизни. Он игнорирует различия в уровнях. В конечном счете сваливает все в одну кучу. И при том, как мне кажется, даже не раз превосходно формулирует современные задачи. Как бы то ни было, он читается. Это много, ведь большинство нынешних "философов" я читаю, только если должен.

Еще спасибо за Овербека[49]. Вы его оплатили для меня. Сколько я должен? – Я тогда сразу прочитал его. С большой симпатией. Но в конечном итоге с тем же недоверием, с каким читал его прежде. Тошная, бескровная манера, много осторожности – и лишь для защиты. Для меня никакого стимула. Тем не менее порядочный человек, оказавшийся Ницше верным другом, и неподкупный ученый. Все прекрасно. Когда читают философскую классику, используют и иные критерии. Критика его всегда разгромна. То позитивное, из чего эта критика произрастает, настолько малозаметно, для меня по крайней мере, что совсем ускользает. Самого по себе его можно обозначить лишь негативно, – однако он принадлежит к миру Ницше и Буркхардта, и уже потому я читаю его с почтением, сознавая, что нахожусь в одном из немногих оазисов современной европейской пустыни.

С сердечным приветом, не менее

благодарный, чем Вы,

Ваш Карл Ясперс.

1923–1925

[14] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 19. VI. 23

Дорогой г-н Ясперс!

Вчера я получил приглашение в Марбург на место внештатного профессора, с положением и правами ординарного. С той же почтой пришла Ваша "Психопатология"[50]. Стечение обстоятельств – я воспринимаю это как настоятельное напоминание о том, что теперь должно быть сделано.

Поскольку у меня нет денег на поездку и пребывание в Берлине, я начал письменные переговоры относительно подъемных. Иных претензий у меня нет. Но поскольку, вероятно, можно бы высказать кое-что, о чем я не помышляю, прошу

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
дать мне краткий совет исходя из Вашего опыта. Так как проблема жилищных условий, наверное, решится сразу, мы с женой поедем в Марбург и по этому случаю заглянем к Вам.

Радуюсь предстоящему изучению Вашей книги – безобразиям в психиатрии, похоже, сильно способствуют безобразия в феноменологии. Гуссерль увлечен вздором, который плодит фроляйн Вальтер[51]. Он не понимает, что писанина, где одним махом цитируются Рикарда Хух[52] – Кьеркегор – Хедвиг Мартиус[53], сама ставит на себе крест. Всю эту стерильную шумиху не стоит игнорировать лишь постольку, поскольку она на каждом шагу осложняет позитивную работу по воспитанию молодежи. В последних двух семестрах у меня было много радости – но и сил потрачено много. Буду рад спокойному городку и работе без помех.

Сердечный привет от моих Вашей семье, Ваш верный друг Мартин Хайдеггер.

д-р Хайдеггер, Лерхенштр., 8

[15] Карл Ясперс – Мартыну Хайдеггеру

Гейдельберг, 20 июня 1923 г.

Дорогой Хайдеггер!

Наконец-то замяте снято! Я поздравляю Вас, себя и Ваших друзей. Хорошо, что в мире порой в виде исключения происходят разумные вещи. При этом у меня осталась только небольшая печаль: что смогли марбургцы, должны были суметь и мы; [54] тогда бы мы жили вместе. Может, еще доведется!

Вы просили совета. Очень важна дата получения права на пенсию и начала ее начисления. Обычно это дата получения доцентуры, но здесь надо говорить особо, иначе юридически ею будет день зачисления на службу, что очень существенно с точки зрения вдовьей пенсии. (Во время переговоров по поводу моего приглашения Онкен[55] пустил в ход выражение: единственной сложностью остается вдова Ясперс.)

Касательно жалованья Вы вряд ли сможете выдвигать какие-либо требования. Расходы по переезду, как правило, возмещаются полностью – разумеется, за исключением новых приобретений. Предварительная выплата округленной суммы, чтобы на руках были деньги, дело обычное, это мне предлагали и в Берлине[56].

Расходы на поездку с целью переговоров, если Берлин считает таковую желательной, обычно также возмещаются по всем статьям (ночлег, еда).

Мы будем очень рады повидать Вас и Вашу жену. Если Вы удовлетворитесь кушетками (на которых мы устроим постели), мы охотно предоставим Вам кров. Тогда один будет жить в моей комнате, другой – в комнате моей жены. У нас теперь немного просторнее (живем на Плёк, 66, наискось от библиотеки, второй дом от церкви Св. Петра). Причиной переезда была опасность, что трамвайное сообщение заглухнет, а в таком случае надо жить ближе к университету.

Так много нужно спросить и обсудить, поэтому приезжайте не на очень короткое время!

Сердечные приветы,

будем крепить нашу дружбу!

Ваш Карл Ясперс Если Вам нужны деньги, я могу Вам одолжить, до миллиона, который получу от продажи одной акции Немецкого банка.

Сердечный привет Вашей жене!

Когда письмо было готово, пришел Курциус[57]. Просил передать Вам сердечные поздравления, заметно радовался Вашему успеху.

До свидания, сердечные пожелания по поводу независимости!

Гертруда Ясперс

[16] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 14 июля 23 г.

Дорогой г-н Ясперс!

Сердечно благодарю Вас и Вашу жену за поздравления. Главный вопрос решился письменно. Но Рихтер[58] хотел бы и познакомиться со мной – зачем, не знаю, – в августе, после своего отпуска, дать добро на служебную поездку. Несмотря на три предложения (в Кенигсберге я также был включен в список), я уже не верил в назначение – после того как узнал новейшие способы попасть на кафедру. В Марбурге Кронер предлагался

Переписка

третьим – в январе он сам поехал в Берлин и повсюду жаловался, а затем даже предложил себя в Марбурге *in persona**.

Такая ничтожность человеческой природы мне еще ни разу не встречалась – теперь он, как старая баба, ждет от всех сочувствия, а единственное доброе дело, которое для него можно было бы сделать, – прямо сейчас лишить его *venia legendi***.

Для Гартмана[59] он был бы удобнее – ведь Кронер прямо в глаза обещал ему в случае приглашения в Марбург ходить на его лекции. Я этого не сделаю, но уже одним "Как" моего присутствия задам ему жару; вместе со мной прибудет ударная группа из 16 человек – кое-кто, конечно, неизбежные попутчики, но есть и люди вполне серьезные и дельные.

Как видите, я не намерен становиться чванливым и осторожным профессором, который в своем благополучии будет на все смотреть сквозь пальцы, – иными словами, наша дружба должна теперь конкретизироваться – на это я и намекал, когда писал о "стечении обстоятельств": одной почтой пришло приглашение в Марбург и знак дружбы от Вас.

Уже без малого год прошел с тех прекрасных дней, которыми я все еще живу, – правда, я до сих пор еще ничего и не напечатал и поневоле терплю, когда на меня показывают как на того, кто ничего не публикует; "Введение"[60] стало книгой, но самое главное – я сам стал увереннее в подлинной конкретной неуверенности; 90 % моих сил уходит на преподавательскую деятельность – в этом семестре я читаю 1 час лекций[61] и веду 3 се-

* лично (лат.).

** Право на преподавательскую деятельность (лат.).

минара (6 часов), оставляю миру его книги и литературную юз-ню и беру себе молодых людей – "беру" в оборот, крепко, – так, что они целую неделю находят "под давлением"; один не выдерживает – простейший способ отбора, – другому нужно два-три семестра, пока он поймет, отчего я ничего ему не спускаю – ни лень, ни поверхностность, ни вранье, ни фразерство, в первую очередь "феноменологическое". Вы знаете, я никогда не заставляю делать доклады – только дискуссия, причем не безудержная; в импровизации и диалектические игры я не вступаю, все это требует подготовки, т. е. интенсивных занятий определенными вещами, что далеко не так легко, как написать книгу, и даже не одну. Более всего меня радует, что я могу добиться здесь перемен личным примером и что теперь я свободен. К сожалению, библиотеки в Марбурге очень плохие.

Впрочем, конкретизация нашей дружбы была бы достигнута в том случае, если бы у меня было соответствующее место в Гейцельберге, – основательная перестройка философствования в университетах, т. е. в науках и вместе с ними, никогда не достигается одним только писанием книг. Кто сегодня еще не видит этого и ведет лишь видимость существования в рутине теперешнего [учебного] процесса, не знает, где находится. И чем органичнее, и конкретнее, и незаметнее осуществляется этот переворот, тем более необратимым он будет. Для этого необходимо незримое сообщество – вообще-то сильное слово, слишком похоже на "союз", "кружок" и "направление". Предстоит искоренить идолопоклонство, т. е. раскрыть ужасное и жалкое ремесло различных шаманов от философии, притом при их жизни, чтобы они не думали, будто с ними нам сегодня явилось царствие Божие. Вы, наверное, знаете, что Гуссерль получил приглашение в Берлин; [62] он ведет себя хуже

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
приват-доцента, пугающего должность ординарного профессора с вечным блаженством. Происходящее окутано туманом – прежде всего мнят себя Praeceptor Germaniae, учителем Германии. Гуссерль совершенно расклеился – если когда-либо вообще был "целым", что мне в последнее время представляется все более сомнительным, – мечется туда-сюда, говорит такие тривиальности, что просто жалость берет. Он живет миссией "основоположника феноменологии", хоть никто не знает, что это такое; кто провел здесь один семестр, видит, что происходит, – Гуссерль начинает догадываться, что люди уже не следуют за ним, он, конечно, думает, что это слишком сложно, ведь "математику этического" (новейшее!), разумеется, не понимает никто, хотя он пошел дальше Хайдеггера, о котором он теперь говорит: да, уж конечно, он должен был сразу сам читать лекции и потому не мог посещать мои, а то пошел бы дальше, – и вот это намерено сегодня спасти в Берлине весь мир.

Такая среда изматывает, даже когда полностью от нее отмежевываешься.

Самое большое мое желание сейчас – провести несколько дней у Вас до начала семестра в Марбурге.

И я думаю, оказии для этого будут теперь появляться чаще.

Философствовать будем по-сократовски.

С надежным рукопожатием,

Ваш

Мартин Хайдеггер.

Дружеский привет Вашей жене; моя жена и мальчики сейчас в хижине.

Вопрос с жильем, по-видимому, решится без проблем. Я своевременно объявлюсь.

[17] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 2 сент. 23 г.

Дорогой Ясперс!

Завтра еду со старшим сыном на озеро Штарнбергер-Зе, пока не завершится переезд (конец сентября). Оттуда – на несколько дней в родные места, а потом к Вам. Из гейдельбергских дней хочу почерпнуть новый стимул для Марбурга. В ближайшие недели собираюсь работать над лекцией[63], как только буду знать точную дату, заранее Вас извещу. За Вашу дружески предложенную помощь сердечно благодарю. Моя поездка (отвезти детей на время переезда) оплачивается из подъемных – правила довольно либеральны. За "Идею университета"[64] сердечное спасибо. Об этом при встрече.

Сердечный привет от нас всей Вашей семье,

Ваш Мартин Хайдеггер.

Адрес: у проф. Силаши[65]

Фельдафинг под Мюнхеном

[18] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 9 окт. 23 г.

Дорогой Ясперс!

К сожалению, вынужден пока отложить свой визит. С обменом жилья ничего не вышло, так как в семье одного из участников кто-то умер. Первоначально нас еще обнадеживали, до конца прошлой недели. Между тем тяжело заболел мой отец[66], и мне пришлось на несколько дней съездить домой. А теперь надо спешить в Марбург, искать там комнату. Не очень хорошо, но на первый семестр, возможно, вполне достаточно. Надеюсь, что смогу заехать к Вам на рождественских каникулах.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Излишне говорить Вам, как я радовался, что проведу у Вас денек-другой. То, что хочется сказать, в письмах всегда получается неполным и каким-то "книжным".

Но, может, оно и лучше, если я привезу из Марбурга кое-какие новые впечатления, как раз насчет того, что я хотел с Вами обсудить.

Моя жена останется с детьми здесь и сдаст комнаты внаем, свою библиотеку я тоже пока оставляю – буду снова вести монашеское существование со столом, стулом и кроватью. Если напишете мне в Марбург, я буду очень рад и наверняка найду время ответить.

Сердечные приветы от нас всей Вашей семье,

Ваш Мартин Хайдеггер.

[19] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 4.11.23 [почтовый штемпель]

Дорогой Хайдеггер!

Я был несколько разочарован, что вообще вас не увижу; до устного обсуждения было отложено так много всего, а теперь в потоке забвения кое-что затеряется. По поводу иных тезисов Вашего письма, первого после назначения, у меня есть вопросы, касательно некоторых нюансов, – вполне могла бы состояться важная философская дискуссия. Теперь я пуще прежнего робею писать об этом, тем более что моя "Идея университета" – хоть еще и находится по манере и стилю на уровне и в кругу моей "Психологии мировоззрений" – содержит кой-какие высказывания, которые можно считать письмом к Вам. Что ж, надеюсь на следующий раз. Поскольку Вы ничего не пишете и не печатаете, нить слишком тонка, – не то что при встрече, когда Вы можете сами дать ответы и объяснения [67]. Желаю Вам хорошего семестра и плодотворной работы – вот все, что я могу сказать содержательного, покуда размышляя в молчании.

Искренне Ваш Карл Ясперс

[20] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 17 апреля 24 г. Шваналлее, 21

Дорогой мой Ясперс!

На первый взгляд, философствовали мы "меньше", чем во время предыдущей встречи. Но уже само сравнение подобных ситуаций абсурдно, а еще более абсурдно – оценивать их на предмет успехов и неудач. С 23 сентября живу с Вами, уповая, что Вы мой друг. Такого доверия, на котором зиждется все в любви.

Врожденная замкнутость и обстоятельность, вероятно, доставляют Вам как собеседнику изрядные трудности. Но то, что Вы с этим справляетесь – т. е. имеете доверие – и что я имел возможность отчетливо это почувствовать, было самым замечательным переживанием этих дней.

Я живу одиноко – жизнь вместе с женой и детьми есть совершенно иная позитивная возможность. Но для меня как мужчины, которому непременно приходится бороться, дружба – высочайшая возможность, кфсую способен подарить ему другой.

Слова о "боевом содружестве" пришли тогда из моего одиночества. Я думал при этом и о полемике с современностью. Но с тех самых дней я становился все более и более "неполемичным"; не в смысле соглашательства, но в силу растущего понимания, что решающее значение имеет надлежащим образом проделанная позитивная работа. И пробудили это во мне Вы.

За последние "гейдельбергские дни" я Вам особенно благодарен – я захватил их с собой в мою рабочую келью, и они будут сопровождать меня весь семестр. Не пришлете ли мне после праздников Ваш доклад о Канте? [68] Я очень быстро его верну. Вашу "Идею университета" я прочитал еще раз. Когда-нибудь нужно будет "солидарно" высказаться о ней. Но пока я не готов.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

Вашу жену я сердечно благодарю за чуткое гостеприимство.

Искренне жму Вашу руку,

Ваш Мартин Хайдеггер.

Необходимую сумму я все-таки достал.

[21] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 2 мая 1924 г.

Дорогой Ясперс!

Сердечное спасибо за Ваше письмо[69]. Второпях только две вещи.

У моего отца случился удар, и жить ему, вероятно, осталось недолго.

На случай, если на обратном пути из Мескирха я не уложусь в один день, хочу попроситься к Вам на ночлег. Кушетка в Вашей комнате на крайний случай вполне подойдет.

И еще: Марсей[70], друг Левита, просил узнать, не согласитесь ли Вы проверить почерк его (больной) матери. Он очень беспокоится за нее и очень верит в Вас. Может быть, в скором времени дадите мне знать?

Сердечный привет,

Ваш

Мартин Хайдеггер.

Сердечный[71] привет Вашей жене.

[22] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург-на-лане, 18. VI. 24

Дорогой Ясперс!

Вчера ко мне заходил японец, уже некоторое время работающий у меня, и спросил – будучи уполномочен к этому официально, – не соглашусь ли я поехать на 3 года в Японию.

Японская знать и финансовые тузы основали в Токио институт по изучению европейской культуры, с особым акцентом на гуманитарные науки. Обязанности: еженедельно одна лекция или семинар, а также сотрудничество в ежеквартальном издании. Институт пользуется поддержкой правительства и нацелен на диалог с Европой. Одновременно правительство даст право читать лекции в Токийском университете, где в настоящее время история философии никем не занята.

Годовое жалованье – 10 000 иен (17 000 марок). Переезд с семьей бесплатно. Если я вообще решусь ехать, то лишь наведу подробные справки и после выхода моего "Аристотеля". Преимущества таковы: расширение горизонта, возможность спокойной работы, деньги на строительство дома по возвращении. И все же я не уверен, нужна ли мне такая экскурсия и следует ли на нее пойти.

Кстати, осуществить это не составило бы труда. Моя жена была бы в полном восторге, а значит, встретила бы эту затею с готовностью.

1. Можете ли Вы дать мне совет?

2. Если я не поеду, позволительно ли мне предложить Вас! Упомянутый г-н в известной степени правомочен принять решение.

Как такой случай соотносится со служебными обязанностями? Может ли вообще отпуск быть столь долгим? Как обстоят дела у Ледерера?[72]

Кого бы Вы предложили?

Здесь у меня учится некий г-н Хайс[73]. Хорошо ли Вы его знаете? Погода замечательная, в университете ничего не происходит, сонно, самая умеренная посредственность, никакого беспокойства, никакого стимула. Единственный человек – богослов Бультман[74], с которым я встречаюсь каждую неделю. Совсем не закоснелый.

Глупо, что мы не в одном университете. Здесь больше, чем где бы то ни было, замечаешь, что живешь среди сплошных профессоров.

Сердечный привет от нас всей Вашей семье,

Ваш Мартин Хайдеггер.

[23] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 19.V.25 Шваналлее, 21

Дорогой Ясперс!

Большое спасибо за Ваше письмо[75]. Я, конечно, был удивлен Вашим "предприятием"[76], – да и сейчас еще удивлен, что Вы на это пошли. Конечно, "технические" причины весьма существенны. При Вашей склонности воспринимать вещи как они есть, они оказываются важными. Однако облегчение в то же время и приманка, и диссертации будут множиться. Я-то надеюсь, что их станет меньше и они будут делаться в других, конкретно-научных областях.

Но только теперь, когда мне не грозит опасность обюрокрачивания, я вижу, как постоянно приходится иметь дело с компромиссами. То, что я пережил на государственных экзаменах, ужасно. Удручает не невежество кандидатов, а то, что мы вынуждены спрашивать такой вздор.

Правда, где могу, я работаю так, как считаю нужным. Этим летом с 7–8 утра я по четыре часа читаю об истории понятия времени[77], и на лекции у меня собирается 120 человек. Я нашел здесь хорошую почву и прочно укрепился. Конечно, единообразная преподавательская деятельность на уровне усредненных требований невозможна. Философия, которую преподает Йенш[78], слишком примитивна даже для учителей средней школы. И что теперь будет с Гартманом[79], который определенно согласится на Кельн, неясно.

Не зная, захотите ли Вы вообще оставить Гейцельберг, я говорил с Йеншем о возможности пригласить Вас. (Вы вообще согласились бы?)

Однако он сразу же отреагировал отрицательно, заметив: в первую очередь это означало бы двойную укомплектованность его узкой специальности, – попросту говоря, он боится конкуренции.

И вообще, этот переполох среди профессуры! Гаргман и Йенш хотят, чтобы на повышение пошел я, – возможно ли это, не знаю. Во всяком случае, мне все равно – мне даже лучше быть не столь официальным ординарным профессором и делать свое дело. Я хочу лишь одного: чтобы пришел лучший. Но никого другого я не знаю. У Кассирера[80] здесь перспектив нет. Иными серьезными кандидатами являются люди вроде Макса Вундта[81], Бауха[82] и Шольца! [83] Гаргман против всех троих. Но не хочу задерживать Вас этой ерундой. Еще только одно замечание: Ваш коллега Гофман[84] на Берлинской конференции друзей гимназии произвел самое жалкое впечатление, и все недоумевали, как такой человек попал на философскую кафедру.

Насколько я доволен своей работой здесь, настолько же мало я чувствую себя здесь дома. Мои наиболее упорные и от долгой учебы постепенно отупевшие студенты уходят, и я нахожу людей помоложе.

Небель[85] хотел в Киль, в Бергманхаус. Меня спрашивали о нем, но я не мог порекомендовать его так, чтобы его взяли. Он смышлен, самостоятельность невелика, трудолюбив, но ненадежен и фальшив. Что он изо всех сил играет меня там, где его не знают, я вполне могу себе представить. С него глаз нельзя спускать.

Если Вы можете дать мне совет насчет этой вакансии, буду Вам очень признателен.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Прежде всего напишите мне, пожалуйста, когда во время осенних каникул Вы будете дома. Возможно, в октябре, на обратном пути из хижины, я сумел бы к Вам заехать.

У моей жены и детей все отлично. Сердечный привет,
преданный

Вам

Мартин Хайдеггер.

[24] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 21 июня 1925 г.

Дорогой Хайдеггер!

Сердечно благодарю за Ваше письмо, пространный ответ на которое у меня уже в голове; но пока не пишу, поскольку боюсь еще непонимания, и тем более радуюсь Вашему предстоящему октябрьскому визиту. С середины сентября мы снова будем в Гей-дельберге. Буду Вам очень признателен, если Вы как можно раньше сообщите, когда Вас ожидать. И, пожалуйста, оставайтесь у нас подольше!

Ответить Вам я хотел прежде всего в связи с Вашими замечаниями по поводу моей публикации докторских диссертаций, тем более что я склонен воспринимать вещи такими, каковы они есть. Тут сразу надо бы пофилософствовать. – Теперь о Вашем вопросе, поехал ли бы я в Марбург вообще. К сожалению, могу ответить только отрицательно. Я еще раз все это обдумал. Вы знаете, как много значило бы для меня работать рядом с Вами. Но я не могу жить в Марбурге. То, что из практических соображений я был бы рад приглашению (чтобы повысить жалование или размер вдовой пенсии и получить отпуск на целый семестр), не должно дать Вам повод проигнорировать мой ответ. Вам нельзя этого делать по отношению к Вашему факультету и правительству.

Но Вы спрашиваете, кого Вам следует пригласить. Если Вы получите место ординарного профессора, я бы предложил в первую очередь Франке[86], Вам известны мои сомнения на его счет, но Вы сами цените его, и на фоне других он для меня неизмеримо выше. Эббингауз[87] должен сперва что-либо предъявить, так что пока Франк, без сомнения, его превосходит. Небольшая статья Эббингауза о Канте, на мой взгляд, недостаточна для получения должности. Если Вы не получите ординатуру, то положение усложнится. Кассирер, безусловно, лучший. Хотя читать его мне скучно, он знает много, а главное, у него благородная манера письма, без злобной язвительности и тайной полемики с профессорами философии. Это говорит о том, что он и по-человечески порядочен. Я не нахожу у него того, что ищу в философии, – но где мы это находим?

С Вашим продвижением в Марбурге Вы, на мой взгляд, можете согласиться, если оно произойдет без малейших усилий с Вашей стороны. Сам по себе этот процесс противоречит принципам университета, в Гейдельберге он был бы невозможен (в случае приглашения извне все совершенно иначе), а проистекает он из типичных размышлений коллег: опасный конкурент в Вашем лице уже есть, а других, новых конкурентов им не надо. Я желаю Вам продвижения, потому что мне оно кажется объективно оправданным, в данном необычном случае. Будь я на мар-бургском факультете, мне бы пришлось быть против, из принципа. Я знаю здесь подобные случаи, которые закончились благополучным отказом.

Я в самом деле ужасно рад, что смогу поговорить с Вами в октябре, давно мечтаю об этом. Если бы я мог пофилософствовать с Вами по поводу повседневных переживаний и опыта, которые я пытаюсь реализовать здесь в основном с моей женой и Марианной Вебер![88] Ведь в конечном счете у нас нет никакого иного подтверждения, кроме нашего понимания, воления и действия в реальных ситуациях, – "значимы" они или "вторичны", к делу не относится. В реальности важно все. И я очень недоволен собой, неспокоен, душа "сознанием истины полна"[89] зачастую с некоторой робостью, – но не всегда. Но все-таки я начинаю писать о том, что может быть высказано лишь конкретно и из протеста издано или, наоборот, забыто.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
До свидания! Искренне

Ваш Карл Ясперс

[25] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

24. VII. 25

Д[орогой] Я[сперс]!

Сердечно благодарю за Ваше письмо, которое было для меня весьма поучительно.

Теперь только коротко сообщу, что хотел бы приехать на неделю в первой половине октября. Точнее пока сказать не могу, поскольку прежде поеду на родину, а сроки этой поездки пока не определены. Уточню в течение сентября.

1. VIII еду в хижину и с огромной радостью предвкушаю бодрящий воздух гор – эта мягкая невесомая материя здесь внизу по большому счету губительна. Восемь дней заготовки дров – затем снова писать.

Все остальное устно.

Моя жена с мальчиками уже уехала.

Искренне

преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

Передайте, пожалуйста, привет Вашей жене.

[26] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Тодгаауберг, 23 сент. 25 г. Баденский Шварцвальд

Дорогой Ясперс!

Мои каникулярные планы отодвигаются, потому что 15 октября я должен быть в Мескирхе на свадьбе брата[90].

Поскольку читать лекции я начинаю только 2 ноября, у меня еще будет время, тем более что, кроме учебной работы, в Мар-бург меня ничто не тянет.

Вопрос в том, пригожусь ли я Вам после 16 октября. Если нет, то нашу встречу придется отложить на Рождество или на весну.

Здесь наверху восхитительно – я бы с удовольствием так и остался работать здесь до весны. В общество профессуры я совершенно не рвусь. Крестьяне куда приятнее и даже интереснее.

Здесь, в хижине, я останусь до 8 октября[91]. Жена и дети – еще дольше. Напишите мне о своих предложениях прямо сюда.

В любом случае я очень хочу повидать Вас и Вашу жену и мог бы приехать 17–18-го, если только у Вас не будет других гостей.

Наши сердечные приветы

всей Вашей семье,

преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

[27] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Хижина, 2 окт. 25 г.

Дорогой Ясперс!

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

Очень рад, что после 15-го у Вас найдется время для меня[92]. Я приеду 17 октября. Пока не могу сказать, каким поездом.

С сердечным приветом,

Ваш

Мартин Хайдеггер.

Пожалуйста, передайте от меня привет Афре[93].

[28] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 30 ноября 25 г.

Дорогой Ясперс!

Сердечно благодарю Вас за прекрасные гейдельбергские дни. Я столько всего узнал, что не скоро это осмыслю.

Сегодня мое письмо будет кратким. Вся семья болеет – жена лежит с высоченной температурой, а прислуги у нас нет.

С рукописью все уладилось. Куратор сообщил мне, что настаивал на срочном назначении, однако Рихтер хочет прежде видеть меня в Берлине. Что это значит, я не понимаю. Прямо-таки опасаюсь, что Рихтер намерен сначала выяснить мои планы на случай дальнейшего повышения.

Куратор дал мне понять, что в Берлине, к сожалению, идут всякие закулисные игры.

Я смотрю на эти события спокойно. Гартман и наши классические филолога[94] оценивают Франка положительно.

Благодарю Вашу жену за теплый прием.

Когда опять буду спокоен, напишу больше.

Ко дню рождения жена подарила мне новую фотографию мальчиков. Вы получите копию.

Сердечный привет Вам и Вашей жене

от Вашего

Мартина Хайдеггера.

Моя жена тоже шлет привет.

[29] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 10.12,25

Дорогой Ясперс!

Еще раз спасибо за письмо[95], которое в те дни очень меня порадовало.

Надеюсь, Ваши лекции идут с таким подъемом, что Вам не нужно прибегать к "психологии религии"[96]. Мне семинары по Гегелю и Кашу приносят много радости[97], и я рад, что подошел к этим вещам лишь сейчас, когда по крайней мере хотя бы есть возможность что-то понять.

"Гегель" для Вас, наверное, продвигался слишком медленно – мы добрались до "становления". И здесь, на мой взгляд, большая загвоздка. Прежде всего, я совершенно не понимаю, в какой мере бытие и ничто – в гегелевском смысле – должны быть различны. И очень хорошо понимаю то, что Гегель выдает за собственно парадокс, а именно, что бытие и ничто идентичны. Ведь Гегель определяет – примечательное начало! – бытие всецело негативно: неопределенное непосредственное. И что это есть ничто – действительно тавтология. Как из этого вообще что-либо может "стать", если вдобавок тезис

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org о различии бытия и ничто совершенно неясен, – я не понимаю. И каждый раз думаю, что такие семинары нам бы следовало вести сообща. Поскольку семинары у меня протоколируются, весной Вы сможете в общих чертах увидеть, что мы творим. Ко мне на занятия ходят несколько гегельянцев, от которых, к сожалению, никакой помощи – они настолько огегельянились, что в голове у них полный ералаш, ведь огегельянились они совершенно бестолково. Но самое замечательное: я начинаю действительно любить Канта.

Теперь у меня есть к Вам просьба. Я рассказывал Вам – насколько я вообще умею "рассказывать" – о здешнем Академическом объединении, которое сродни прежним студенческим обществам и научные вечера которого я немного курирую. Я предложил им почитать Вашу "Идею университета". Нам нужно 12 экземпляров. Вот я и хочу спросить, получаете ли Вы от издателя книги для такой цели по авторской цене. Кажется, кто-то говорил, что издатели больше не идут на подобные льготы. Если же это возможно, я хотел бы заодно воспользоваться льготой на 1 экземпляр Вашей "Психологам мировоззрений", который Академическое объединение хотело бы приобрести для своей библиотеки.

Из Берлина ни звука. Возможно, на рождественские каникулы я заскочу к Вам. Моя жена еще не вполне поправилась. Поэтому мы поедем в хижину, на солнышко.

Сердечный привет от

Вашего преданного

Мартина Хайдеггера.

[30] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 16 дек. 25 г.

Дорогой Ясперс!

Сердечно благодарю за Ваше письмо[98] и за решение вопроса о цене на Ваши книга. Шпрингер ответил незамедлительно и дал 20 %-ную скидку. Книга, очевидно, придут со дня надень. Ваши замечания оказались чрезвычайно полезны в том смысле, что я теперь пытаюсь понять через становление. И собственно говоря, становление есть первое мыслимое – коль скоро оно действительно мыслится лишь в снятости различенного, – поэтому Гегель, чтобы начать в действительном мышлении, начинает со становления, которое эксплицирует себя в себе самом, и тогда бытие выступает в качестве условия возможности начала диалектического мышления и вместе с тем должно быть началом, ибо является наиболее пустым определением "конца" в смысле абсолюта.

Из становления я "понимаю", что в нем в снятом виде заключены бытие и ничто. Их можно формально найти в становлении, но это вовсе не означает обратного: что бытие и ничто конституируют становление. Мне кажется, Аристотель еще в противовес Платону совершенно справедливо утверждал, что из Γ , $\beta\upsilon$ со $\rho\acute{\iota}$ $\beta\upsilon$; еще не дано и не понято никакое движение.

Дальше двинуться не могу, "дыра", которая имеется здесь в диалектическом движении, наиболее фундаментальна, ведь она доказывает мне, что Гегель с самого начала категориально не совладал с жизнью – существованием – процессом и тому подобным. Т. е. он не видел, что совокупность традиционных категорий логики вещей и мира принципиально недостаточна и что необходимо радикальнее спрашивать не только о становлении и движении, свершении и истории, но и о самом бытии.

Совершенно неясно, является ли бытие – которое Гегель называет "абстрактным" – вообще абстрактным в смысле высшего рода, что, по Аристотелю, принципиально невозможно, или оно в какой-то мере есть нечто формально-предметное. В последнем случае непонятно, как это формальное бытие должно определять себя относительно конкретных категорий.

Мне кажется, оно не есть ни род, ни формально общее, но нечто, для чего сам Гегель не имеет никакой возможности характеристики и о чем он даже не спрашивает.

Я благодарен судьбе: она уберегла меня, и я не испортил для себя Канта и

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Гегеля какими-либо из ныне продающихся очков.

По-моему, вблизи этих двоих я чувствую мировой дух.

К Рождеству мы пришлем Вам и Вашей жене наших мальчиков[99]. 20-го (в воскресенье) мы в 730 выезжаем скорым поездом и около трех будем во Фрайбурге. Поскольку мы взяли семейный билет (и обратно тоже), я, к сожалению, не смогу сойти в Гейдельберге. А стоянка в Гейдельберге слишком коротка, чтобы я просил Вас приехать на вокзал. Так что, увы, только в марте.

Сердечно Вас поздравляет и желает Вам и Вашей жене радостного праздника
Ваш Мартин Хайдеггер.

Моя жена шлет Вам обоим сердечный привет.

1926–1928

[31] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург-на-Лане, 17. II. 26

Дорогой Ясперс!

Большое спасибо за Ваше письмо[100]. В последние дни я все собирался Вам написать. До моего отъезда я назначу Вашему студенту время для беседы. Я рад, что "обмен" становится оживленнее.

Кажется, Г-н Небель в итоге оказался у Гофмана. Там проще с чужим добром играть большого человека. Если при этом еще и выйдет что-нибудь достойное, тоже неплохо. Еще у меня есть просьба. Левит желает подать прошение в Общество поддержки[101]. Но я не знаю вообще никого из важных персон, и тем более никто из них не знает меня. Как мне известно, Г-н Майер[102] – референт по философии. И было бы неплохо как-нибудь подготовить почву. О феноменологии в прошении ни слова, но ведь она могла косвенно – через меня – отпугнуть Майера. Знаете ли Вы его по Гейдельбергским временам настолько, чтобы ему написать, и считаете ли вообще возможным такой путь? Здесь уже два года околачивается ученик Кронера, который якобы занимается Гегелем, и все это время получает стипендию. В моем семинаре он произвел довольно-таки жалкое впечатление.

После Италии Левит стал гораздо спокойнее и увереннее, и я думаю, в определенных пределах из него кое-что получится. И новость: несколько дней назад правительство вернуло список с пометкой, что я не отвечаю значимости кафедры и что оно просит дальнейших предложений. Факультет намерен настаивать на своем предложении – практически ничего не изменится, – мне все это безразлично. Единственное и главное, чтобы мы не получили теперь что-нибудь вовсе посредственное; говорят, правительство имеет в виду вполне определенного кандидата.

С тех пор как референтом стал Виндельбавд[103], мне изначально не следовало ожидать ничего иного. Я теперь, разумеется, в комиссии. В начале марта мы едем в Шварцвальд и проведем там все каникулы. Значит, я заеду к Вам только в апреле. Надолго ли – зависит от моей работы. Я в превосходной форме и продержался эту зиму без малейшей усталости, а теперь хочу направить энергию семестра в каникулы. В Гегелевской логике я не продвинулся дальше становления и, соответственно, второй триады. Весной привезу с собой журнал протоколов.

Сердечный привет от моей жены и
от Вашего

Мартина Хайдеггера.

[32] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Тодгнауберг, 24. IV. 26

["штемпель от 26/4" – приписка Ясперса]

Дорогой Ясперс!

Как видите, мы все еще в горах. 1 апреля я начал печатать мою работу "Бытие и время"[104]. В ней примерно 34 листа. Я в приподнятом настроении и досадую лишь по поводу предстоящего семестра и мещанской атмосферы, в которой опять оказался.

Факультет намерен выдвинуть меня снова и приложить уже отпечатанные листы. Вся история зашла в тупик и совершенно мне безразлична.

Что Отто[105] интриговал против меня, известно совершенно точно. Что Майер или Йегер[106] неблагоприятно отозвались о моем "Аристотеле" – невозможно, потому что я никогда и никому рукопись не давал. А что этот слух ходит именно в Гевдельберге, имеет свои причины. Вероятно, это отвлекающий маневр, исходящий с Шеффельитр., [107]. Самое обидное, что на сей раз я не сумею остановиться в Гей-дельберге. Не могу тащить с собой все мои материалы, а главное – толку от меня было бы мало, поскольку я слишком односторонне сосредоточен и недостаточно открыт.

За томик Шеллинга[108] должен особо поблагодарить вас сегодня еще раз. В философском плане Шеллинг дерзает пойти значительно дальше, чем Гегель, хотя понятийно он небрежнее. Работу о свободе[109] я только пролистал. Слишком это большая ценность, чтобы для первого знакомства читать ее наспех.

Итак, увидимся мы не раньше осени, если только вы с Вашей женой прежде не объявитесь в Марбурге.

Мальчики в хижине переболели скарлатиной.

Уже глубокая ночь – ветер бушует над вершинами, в хижине скрипят балки, а жизнь распростерта перед душой чистая, простая и величавая.

Часто я мечтаю, чтобы и вы в такие часы были здесь, наверху. Иногда я перестаю понимать, что можно играть столь странные роли там, внизу.

Вам и Вашей жене

сердечные приветы, Ваш Мартин Хайдеггер.

Моя жена тоже шлет сердечный привет. 30 апреля мы возвращаемся.

[33] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 24.У.26 Дорогой Ясперс!

Дней 14 назад я писал вам об одной моей студентке – она заболела – и просил практического совета по нескольким вопросам. Ответа я до сих пор не получил и, зная, что вы в таких случаях отвечаете без промедления, предполагаю, что письмо не дошло[110].

Подруга больной, тоже моя студентка, хотела бы лично спросить у вас совета. Она сможет куда лучше рассказать вам обо всем, что вам необходимо знать, чтобы составить мнение о болезни.

Я знаю, что своей просьбой помочь советом и принять фрл. Вайс[111] на собеседование требую от вас многого, тем более что вы больше не практикуете и подобные вещи отнимают у вас много сил.

Но вы не откажете мне в просьбе, если я скажу вам, что это люди достойные, заслуживающие вашей поддержки.

Возможно ли еще помочь при нынешнем положении вещей и не зашла ли болезнь слишком далеко, я судить не берусь.

Кристаллером[112] я пока очень доволен; он кажется мне очень восприимчивым человеком. С тех пор как мы попросили его играть на нашем рояле – он играет превосходно и "сопровождает" меня в моей работе, – он стал менее замкнут. Что он может – об этом я пока не имею четкого представления.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Я по-прежнему в приподнятом настроении и от возбуждения не чувствую никакой усталости. По случаю Троицы прочитал сегодня Академическому объединению, которое в зимнем семестре изучало Вашу "Идею университета", лекцию "О сущности истины"[113].

Надеюсь, после напряжения этих месяцев меня не ожидает тяжелый спад. Но ведь чем-то все-таки приходится платить.

В прошлом письме я писал Вам, как порадовали и ободрили меня Ваши слова. Я рассчитываю на немногих, кто будет это изучать; подлинные интенции того, что я хочу, поймете лишь Вы. В целом эта работа для меня переходная. Из того, что Гуссерлю все в ней кажется странным и он не может "найти этому место" в феноменологии, я делаю вывод, что de facto продвинулся значительно дальше, чем сам вижу и думаю.

Последняя версия: здесь говорят об Эрнсте Гофмане как о кандидате на вакантное место.

Больше ничего пока не произошло.

Если у Вас найдется немного времени для фрл. Вайс, значит, Вы уже ответили на это письмо. Не хочу больше тревожить праздничные дни, которые Вы проводите в кругу своих близких.

У моей жены и у мальчиков все хорошо. Сердечно Вас приветствую,

преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

Огромный привет Вашей жене.

P. S. Если визитеры Вам сегодня совсем некстати, фрл. Вайс может задержаться еще на день.

[34] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 31.У11.26 дорогой Ясперс!

Большое спасибо за Ваше письмо[114]. Я оттягивал ответ до сегодняшнего дня, поскольку вчера у меня была беседа с Кристел-лером[115].

Прежде всего, мое впечатление о нем из всего семестра в целом. Он, без сомнения, обладает философским инстинктом. Но одного этого мало. Ему не хватает двух вещей: во-первых, конкретных философских знаний, выросших из глубокой интерпретации (это относится и к немецкому идеализму), далее – уверенности конкретного исследования проблемы. Он мыслит в общей структуре, музыкально конструирует и сочиняет. Для него главное, чтобы идея была не "фальшива" и чтобы постройка была внутренне хорошо скреплена. Я ему однажды сказал это по поводу реферата о Гегеле. Реферат имел все достоинства философской догадки и законченного изложения, однако тем не менее оперировал слишком туманными общими местами. Вчера я настойчиво отсоветовал ему заниматься чисто систематической работой. Я также не сомневаюсь, что у него есть способности и сила сесть за настоящую работу. Освоится ли он с моим методом работы, я отнюдь не уверен. И все же надеюсь, что при строгом руководстве кое-что ценное получится. К Вам ли он пойдет, ко мне ли – в любом случае, думаю, над ним стоит потрудиться.

Печатание моей работы[116] до конца июня двигалось хорошо. Потом я по уши увяз в университетских делах, ведь на мне висят все экзаменационные заботы. В начале июня факультет направил в министерство два экземпляра I части моей работы – во второй корректуре – и еще раз подчеркнул, что настаивает на своем предложении. Практически успеха не будет. Непонятная тактика Беккера[117] имеет для меня лишь тот недостаток, что вот уже третий семестр я вынужден управляться со всем учебным процессом и попусту растрачивать свои силы.

Мы наконец-то выбираемся из нашей нездоровой квартиры. Переезд состоится на следующей неделе. На 8 дней я еду в Энга-дин[118], куда меня пригласил Гуссерль. Затем – в хижину, где закончу с корректурой. В конце каникул надеюсь приехать к Вам. Желая Вам как следует отдохнуть на каникулах и

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
хорошо поработать.

Сердечно приветствует Вас

Ваш

Мартин Хайдеггер.

Сердечный привет Вашей жене.

[35] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Тодгнауберг, 4 окг. 26 г. Баденский Шварцвальд

Дорогой Ясперс!

Мне очень нелегко сообщить Вам, что приехать я не смогу. В середине летнего семестра я приостановил печать, а когда после короткого отдыха снова взялся за дело, начал переписывать. Работа стала более объемной, нежели я рассчитывал, так что теперь придется разделить ее на части, примерно по 25 листов каждая. Конец 1-го тома нужно сдать до 1 ноября. Потому каждый день у меня на счету. Я уже написал матери в Мескирх, к которой хотел заехать из Гейдельберга, что с визитом ничего не выйдет.

Теперь надеюсь на Рождество. Вряд ли мы на сей раз поедem в хижину.

К тому времени том будет напечатан. Хочется, чтобы Вы прочитали эту работу во внешне приятном виде: как только придет вторая корректура, я ее незамедлительно Вам вышлю. О том, как я радовался встрече с Вами и радуюсь до сих пор, распространяться незачем. Я совершенно уверен, что на этот раз мы поговорим как никогда основательно и сойдемся еще ближе.

Не проходит и дня, чтобы я не думал о Вас и Вашей работе, с благодарностью, что мы нашли друг друга.

Тем больше мне сейчас, что я не могу приехать, ведь я знаю, что у Вас было тяжелое лето[119]. Очень хочу, чтобы Вы освободились от этой тяжести для Вашей предстоящей работы.

Здесь наверху мы провели чудесные недели, почти ни одного непогожего дня. Я, правда, выходил из хижины меньше обычного, однако заготовка дров, крестьяне, с которыми я очень подружился, и вольный воздух высокогорья дарят бодрость. На этот раз моя жена опять на протяжении 4 лучших недель была прикована к хижине: мальчики один за другим заболели корью. Теперь они снова бегают и скачут.

В Марбурге в конце семестра мы переехали в намного более здоровую и удобную квартиру (Барфюсергор, 15), что значительно облегчает мне жизнь в этом туманном городишке.

Г-н Кристеллер переметнулся к Гофману. Я думал, он выберет себе что-нибудь другое.

Напишите же мне, пожалуйста, поскорее, удобно ли вообще Вам и Вашей жене, если я приеду после рождественских праздников. Моя жена планирует съездить с детьми к своим родителям в Висбаден.

Сердечный привет из хижины Вашему дому,

Ваш Мартин Хайдеггер.

[36] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 27/10.1926

Дорогой Хайдеггер!

Спешу сообщить Вам, что мне теперь предложили кафедру Штёрринга[120] в Бонне. Кафедру Венчера[121] получил и уже принял Ротхаккер[122]. На переговоры в Берлин я приеду только 8 ноября. Что мы будем делать, пока неясно. Все решат жилье и жалованье. Завтра мы собираемся в Бонн.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

В спешке и с сердечными приветами,

Ваш Карл Ясперс.

[37] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Дорогой Ясперс!

Марбург, 2 дек. 26 г.

Несмотря на задержку, на этот раз мы непременно увидимся. На каникулы я ничего не запланировал. До 1 января дел у меня достаточно. Наши каникулы продолжаются до 11-го.

Вчера декан сказал мне, что г-н министр[123] во второй раз отклонил предложение факультета. Что я предвидел, то и произошло. Мне это дело полностью безразлично. Менее безразлично мне, что при нынешнем состоянии нашего факультета касательно новых предложений ничего сделать нельзя. Я теперь ведь тоже в комиссии. Одна часть факультета руководствуется принципом: не еврей и, по возможности, национал-консерватор; другая (Йенш и иже с ним): только посредственность, никого опасного.

Впрочем, наверняка отсюда будут вести маневры в Берлине, как в моем случае, чтобы мои предложения остались безрезультатны.

В остальном у нас все хорошо. Новая квартира превосходна. Университет скучен. Студенты – ограничены, без особой инициативы. А так как я много занимаюсь проблемой негативности, у меня есть тут прекрасная возможность изучить, как выглядит "ничто".

И пожалуйста, сообщите мне точное время, когда я могу приехать.

С сердечным приветом, Ваш Мартин Хайдеггер.

[38] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Сердечно благодарю за Ваше письмо[124].

То, к чему я стремился относительно "само собой разумеющегося" понятия, я на днях нашел у Гегеля в самой четкой формулировке (предисловие к "Феноменологии духа", с. 25: "наиболее распространенное заблуждение...") [125].

Я взял быка – или то, что считаю таковым, – за рога. Иначе не могу.

Мнение Р. [126] не останется единичным.

Я не позволю вывести себя из равновесия – не потому, что оцениваю работу непомерно высоко, но потому, что благодаря Вам научился понимать, к чему стремились великие.

Я могу ждать, пока не придет кто-то, кто по крайней мере поймет инстинкт и сделает лучше. – Радуюсь предстоящим беседам.

С сердечным приветом,

Ваш Мартин Хайдеггер. 21. XII. 26

[39] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 26 дек. 26 г.

Дорогой Ясперс!

За Ваши письма сердечно благодарю[127]. Ваше впечатление и инстинктивное одобрение ценны для меня более всего. Работа вообще не даст мне больше, чем уже дала: я сам для себя вырвался на свободу и с некоторой уверенностью и направленностью могу ставить вопросы. Связь с историей назначения, хоть из него ничего и не вышло, имеет тот плюс, что я эти вещи высказал. А главное, возможность нашей коммуникации стала чуть более конкретной.

Я бы не понимая собственных устремлений, если б ожидал от Риккерта чего-либо иного, кроме неприятия. Его "недружелюбная" оценка объясняется, скорей всего, тем, что из-за этих листов он пришел в ярость.

Если работа и написана "против" кого-то, так это против Гуссерля, который это сразу понял, но с самого начала придерживался позитивной позиции. Против чего я, конечно лишь косвенно, пишу – подделка под философию, а борюсь я за понимание того, что мы в философии можем – и должны – лишь повторять как основное возможное. И задача эта беспредельно сложна.

Несмотря на многие "тривиальности" и "затянутости", все, конечно, остается еще слишком сложным, чтобы сделать страсть к само собою разумеющемуся столь же плодотворной, сколь это удавалось Платону, Аристотелю и Кашу. Стоит мне вспомнить, как в процессе работы я научился понимать (а значит, любить) Канта, и удачливая ныне недружественность так называемых кантианцев становится мне совершенно безразлична. Кстати, что в принципе общего имеют с Кантом люди вроде Вивдельбанда[128] и Риккерта, чтобы заслуживать названия кантианцев, мне и по сей день совершенно непонятно.

Думаю, мы не будем говорить о Риккертe и всей этой истории и настроим наше совместное бытие на другое.

Итак, я приеду 1 января. Точное время сообщу позднее.

Одновременно Вы получите листы 17-й и 18-й. Остальное, вплоть до 23-го, я привезу с собой. Еще 4 листов пока нет. – Я очень рад.

Сердечно приветствует Вас

Ваш

Мартин Хайдеггер.

Пожалуйста, передайте поклон Вашей жене от нас обоих.

[40] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 30 дек. 26 г.

Дорогой Ясперс!

Я приезжаю в Гейдельберг утром 1 января, в 1102. С сердечным приветом и наилучшими пожеланиями к Новому году от нас всех Вашей семье,

Ваш

Мартин Хайдеггер

[Отправитель:] Хайдеггер марбург, Барфюсертор, 15

[41] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 1.ш.27

Дорогой Ясперс!

Простите, что только сейчас выбрал время написать Вам и сердечно поблагодарить Вас и Вашу жену за рождественские дни. На этот раз, как Вы заметили, л, к сожалению, был слишком усталым и расслабленным.

Но все же я очень рад, что побывал у Вас, и полагаю, мы вновь продвинулись на шаг вперед. Мне радостно, что Ваша работа[129] уже в набросках имеет четкие контуры – это самое главное.

Мальчики передают большое спасибо за игру. Меня встретили настоящими индейскими воплями.

В начале февраля меня телеграммой вызвали в Мескирх, моей матери предстояла операция (рак кишки); с тех пор она не встает – надежды больше нет. Что она серьезно тревожится за меня и не может спокойно умереть, Вы себе примерно

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org представляет.

Последний час, проведенный с матерью – я ведь должен был возвращаться обратно, – был частью "практической философии", которая навсегда останется со мной.

Думаю, что для большинства "философов" вопрос теологии и философии или, точнее, веры и философии, – вопрос чисто теоретический.

Типография опять сделала изрядный перерыв, так что я только сегодня могу отослать первую корректуру последних листов.

У меня есть просьба. Если Вы еще не внесли для себя в эти листы никаких пометок и сейчас их не читаете, буду очень Вам

признателен, если Вы отошлете их фрл. канд. фил. Е. Вайс, Берлин, W-15, Бранденбургше-штр., 26, п. I. Мне хочется еще раз провести сквозную ревизию листов на предмет смысловых опечаток, и помощь фрл. Вайс очень для меня ценна. Тогда я отправлю фрл. Вайс и остальные листы. А Вы в скором времени получите приличный экземпляр.

Вчера в полвторого ночи закончилось решающее заседание факультета. Результат таков, что мне, во всяком случае, "блеснуть нечем". I – Дриш[130]. II – *philosopho*:* Пихлер[131] и Манке[132]. – Предвидя далеко идущие последствия, я отклонил Бауха, Макса Вундта и Бехера[133]. Кассирера почетно отвергли во введении к списку. Если б я, с небольшой помощью, чего-то для Вас и добился, то именно такой же судьбы. А Вы этого никак не заслуживаете, тем более что я повсюду – также и среди моих "друзей" – тщетно пытался объяснить, какова цель Вашей "Психологии". Формулировку "двойная укомплектованность", идущую от Йенша, было уже не побороть. Даже нынешний список и тот был факультету слишком хорош. Еще немного, не прошел бы и он, но тут энергично включился я. На этот раз страдали не чувства, а уши. И что хуже всего – дело этих господ не интересовало вообще, речь шла единственно о том, чтобы усилить на факультете немецкую национальную и народную партии. Впрочем, я отнюдь не уверен, не пошлет ли правительство все-таки Бауха, потому что это имя декану официально называли в Берлине. Ясно, откуда ветер дует. В начале выступления я сказал кое-что о неокантианстве, это позабавит Виндельбанда.

* На равных (лат.).

Завтра мы с несколькими студентами поедem в хижину; я теперь хочу только спокойствия, гор, солнца и физического отдыха.

Надеюсь, Вас и Вашу жену грипп пощадил. Как будет обстоять с нашей обратной дорогой, пока неясно. Вероятно, моя жена и дети останутся наверху до самой Троицы.

На весну желаю Вам хорошо поработать и как следует продвинуться вперед.

С сердечными приветами Вам и Вашей жене,

Ваш Мартин Хайдеггер.

Моя жена тоже шлет сердечный привет.

[42] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 2 марта 1927 г.

Дорогой Хайдеггер!

Ваше письмо, за которое я сердечно Вам благодарен, встретило меня в гостиной на письменном столе, за которым Вы обычно работаете. В квартире ремонт – красят, белят, клеят обои и т. д. Меня пока выселили, однако я часто бегаю вниз, чтобы проконтролировать и вообще для пущей важности. Потому я сейчас и не работаю как следует, только готовлюсь к летнему семинару по "Феноменологии духа" Гегеля.

С Вашей матерью Вы столько пережили, я так Вас понимаю, даже со стороны. То, что здесь может иметь значение альтернатива философия – теология,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
разрывает сердце. Окажись я в таком положении, я бы – сознавая неведение, уважая веру любимого человека, и даже более того: признавая ее как истину, – возможно, говорил бы его выражениями и представлениями, и просил бы замолвить за меня словечко на небесах, и со своей стороны обещал бы сделать все, что в моих силах. Но Вам все это, наверно, покажется очень далеким и безнадежным.

Объективно я бы не стал заменять альтернативу философия–теология альтернативой философии и веры. Есть неверующие философы и теологи. Неверующий богослов обращается к объективности церкви и здесь слышит подтверждение и получает гарантии. Неверующий философ поступает так же. Как, например, престарелый Великий герцог[134], который спрашивал Куно Фишера[135] относительно бессмертия и успокоился, когда ученый и мудрый человек заверил его в этом. Альтернатива между верой и неверием значительно глубже. И лишь на определенном уровне образования возникает альтернатива теология–философия.

Однако это несущественно перед лицом реальности, с которой Вы соприкоснулись в связи с Вашей матерью. Здесь с Вами наверняка происходит то же, что и со мной: философствовать – значит вспоминать, но не о довременном опыте души, а о реальной современности, которую я философски понимаю и не понимаю, тем самым подготавливая возможность новой реальности. За информацию о списке философов, предлагаемых на должность, большое спасибо! Теперь Вы, по крайней мере, покончили с этим делом.

Сердечный привет!

Ваш Карл Ясперс

Я старался писать разборчиво. Однако старое перо мешало – а все остальное запакковано.

[43] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Дорогой Ясперс!

Хижина, 18. IV. 27

Завтра я покидаю хижину и на несколько дней еду к матери. Мы провели здесь замечательные недели. Жена выезжает восемью днями позже. Мальчики останутся здесь наверху.

Некоторое время назад я сообщил в издательство, чтобы они послали Вам экземпляр "Бытия и времени". Надеюсь, Вы успели хорошо поработать и отдохнули от тяжелой зимы. – Этим летом я займусь "Логикой" Гегеля и "Метафизикой" Аристотеля[136]. Насколько я помню, Вы ведете занятия по "Феноменологии духа"[137]. Если можете, одолжите мне Розенкранца[138] "О логике Гегеля" и историю развития логики того же автора (точного названия я не знаю), для меня это очень важно. С 23. IV я буду снова в Марбурге. Поскольку из-за юбилея[139] мы начинаем раньше, на этот раз я, увы, заехать к Вам не могу.

Надеюсь, осенью мы сумеем погостить у Вас с мальчиками. А как Вам такой план – приехать этим летом к нам в Марбург? Мы бы по мере сил позаботились о Вас. Я был бы очень рад, и моя жена тоже.

Сердечный привет от нас всей Вашей семье,

преданный Вам Мартин Хайдеггер.

[44] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 1 мая 1927 г.

Дорогой Хайдеггер!

Большое Вам спасибо за открытку и за книгу[140]. Я пока не начал снова читать ее, только пролистал и просмотрел десяток–другой страниц. У меня все так же, как на Рождество:[141] будто мы взобрались на новую высоту, но пока что не сумели там устроиться; отсюда и общность – в истоках, которые пока не определены, и несовпадение, даже обоудная диковинность первых движений и

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
еще наполовину слепой ориентации каждого. Проблемски истины почти погребены под всеми этими сложностями. Сходным образом я отношусь и к собственным попыткам.

К сожалению, я пережил дурные месяцы – внешние помехи, начиная с ремонта квартиры – и мало работал. Теперь все спокойно, – надолго ли? – и в течение семестра я надеюсь продвинуться, если удастся соединить лекции и работу. В ближайшее время вышлю Вам Розенкранца:

1) Модификации логики...

2) Комментарии к "Энциклопедии" Гегеля[142].

Кроме того, есть еще "Наука логической идеи", самостоятельная гегельянская логика направления, расходящаяся с Гегелем в одном важном пункте (в духе Эрдмана[143] и Куно Фишера[144]). Я думаю, в Марбурге Вы легко ее найдете. – Она иногда полезна мне для сравнений, правда, большей частью разочаровывает, как и оба труда, которые я Вам высылаю.

Извините за усталое письмо. Я сейчас хотя и чувствую себя физически хорошо, однако совсем не в ударе.

Искренне Ваш,

Карл Ясперс

[45] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 8 мая 1927 г.

Дорогой Хайдеггер!

Ваше извещение из Мескирха принесло нам весть, что страдания Вашей матушки подошли к концу[145]. Искренне жму Вашу руку. Что именно означает для Вас смерть матери, мне знать не дано. Надеюсь, судьба была благосклонна к Вам и позволила без неправды успокоить сердце Вашей матери. Если нет – ни какая философия этого не разрешит, а только принудит сохранить вопрос.

Искренне Ваш,

Карл Ясперс

Дорогой г-н Хайдеггер, примите искренние соболезнования по поводу смерти Вашей матери.

Ваша Гертруда Ясперс

[46] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Тодгаауберг, 27. к. 27

Дорогой Ясперс!

Близится время, когда я обычно навещаю Вас. Этому завершению летних каникул и переходу к зимнему семестру я всегда начинаю радоваться загодя.

Сегодня я хочу только спросить, примете ли Вы и Ваша жена меня в качестве гостя после 15 октября.

В нашем достославном юбилее[146] я участвовал только один день, а потом, истощенный душевно и физически, сразу уехал с женой и детьми в хижину.

Этот летний семестр, на начало которого прихлась смерть моей матери, не был очень-то легким. Но во время моего последнего визита я все же смог умиротворенно попрощаться с матерью. Но этот избыток доброты сделал расставание далеко не простым.

Здесь наверху мы довольны и спокойны. Жена и дети вернутся в город лишь в конце октября.

Надеюсь, у Вас и Вашей жены все так же хорошо, как и у нас, обитателей

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org хижины.

Буду очень рад, если смогу навестить Вас вновь. С тех пор как Вы подарили мне томик Шеллинга[147], трактат о свободе не отпускает меня. В следующем семестре буду вести по нему семинар. И здесь я надеюсь на Вашу помощь.

С сердечным приветом из "дома" всей Вашей семье, преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

[47] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 1 октября 1927 г.

Дорогой Хайдеггер!

Большое спасибо за Ваше письмо. Очень рад, что Вы собираетесь приехать. Вы для меня всегда желанный гость. Напишите только, в какой день Вас ожидать. Мую жену Вы вряд ли застанете. Она сейчас в Париже[148] и пробудет там еще дней десять, потом заедет на денек-другой в Гейдельберг и отправится к отцу[149]. Поэтому на сей раз я опять не могу пригласить Вашу жену и детей, которых охотно повидал бы при иных обстоятельствах. К началу семестра мы ожидаем племянницу[150], студентку, которая будет жить у нас. Если Вы с ней "пересечетесь", надеюсь, Вас тоже удовлетворит северная мансарда (наверху больше никто не живет, все комнаты в нашем распоряжении).

Дома я восемь дней. Мы были на Северном море. Начиная с Рождества бытовые хлопоты отняли у меня много сил, остаток я потратил на мою работу[151], которая продвинулась, однако еще далека от завершения. Меня вовсе не устраивает, что из-за этого я все еще не изучил Вашу книгу, – после рождественского беглого чтения. Время для этого придет само собой и без принуждения[152]. Будьте, пожалуйста, терпеливы, хоть это не без основания наверняка Вас огорчает.

Тем важнее нам увидеться и поговорить.

Сейчас я пытаюсь опять войти в работу, штудируя к зимнему семестру Канта ("Критику способности суждения").[153] Лекции должны составить пятую главу моей работы:[154] "Метафизику". Если этого окажется недостаточно, пойду обычным, более простым путем: займусь "Историей", которую я предусмотрительно в скобках добавил к теме лекционного курса[155].

Сердечные приветы Вам и Вашей жене

от Вашего

Карла Ясперса

[48] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Дорогой Ясперс!

Тодтнауберг, 6 окт. 27 г.

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо и очень рад, что могу приехать.

"Кантонские штудии" мне тоже очень кстати. Этой зимой я по четыре часа в неделю читаю интерпретацию "Критики чистого разума"[156]. С нетерпением ожидаю дальнейшего развития Вашей работы. Погода здесь наверху превосходная, и я задержусь еще на некоторое время. Приеду только около 20 октября и, если Вам это удобно, хотел бы остаться на восемь дней.

Куда Вы меня запихнете, совершенно не важно. "Претензий" у меня нет.

Жаль, что на сей раз я не застаю Вашу жену.

Надеюсь, Вы хорошо отдохнули на море.

С середины августа до сентября я перенес сильное воспаление среднего уха. Поэтому, что касается работы, каникулы прошли довольно бездарно.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Позднее я сообщу Вам точно, когда приеду, и сделаю это заблаговременно.

С сердечным приветом от меня и от моей жены, преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

[49] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 19. X. 27

Дорогой Ясперс!

Только сегодня уезжаю на родину, так что мой приезд к Вам немножко откладывается. Приеду 23-го или 24-го. Сегодня сообщу новость: я только что получил назначение на должность ординарного профессора[157]. Одновременно на мое место назначен Манке.

С сердечным приветом, Ваш

Мартин Хайдеггер. [Отправитель:] Хайдеггер Тодгнауберг, Баденский Шварцвальд

[50] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 8.XI.27

Дорогой Ясперс!

В сумятице начала семестра я лишь сегодня наконец выбрал время сердечно поблагодарить за проведенные у Вас дни. Шеллинг стал для меня ближе, так что я подступаю к этим "сложным" вещам не совсем без подготовки.

Работу фрл. Зальдитт[158] я прочитал целиком. Написано не о философии, а философски – здесь открываются настоящие перспективы интерпретации Шекспира.

Конечно, зависимость от Вас здесь сильнее, чем Вы сами видите, но в данной форме это не во вред, и о повторении с чужих слов здесь нет речи. Со мной и моей "негативной" философией, имеющей лишь узкий "позитивный" зазор, такое случается значительно чаще и легче.

Мне и самому непросто сохранять независимость относительно собственной работы и поддерживать ее готовность к новым внезапным переменам точек зрения.

Желаю Вам вступить в семестр с таким же воодушевлением и беззаветностью, с какими, по крайней мере мне так кажется, вступаю в него я.

Сердечный привет Вам и Вашей жене,

преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

Сердечный привет от моей жены.

[51] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 4 янв. 1928 г.

Дорогой Хайдеггер!

Я до сих пор не поблагодарил Вас за ноябрьское письмо. Ваши слова о фрл. Зальдитт[159] я ей передал, за исключением последних. Раз в две-три недели от нее приходят философские письма, которые пробуждают во мне странную "тоску" по Америке.

Я часто вспоминал дни, проведенные вместе с Вами. Полнейшее одиночество, на которое обрекает философское "мышление", тогда на миг отступает. То, что другой тоже считает это интеллектуальное напряжение важным – и даже еще более важным, чем я сам, – несет не только удовлетворение, но и дает мощный

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org импульс. Он перекрывает слабую боль, вызванную ощущением, что в некотором смысле Вы иногда не "отвечаете" – хоть я сам не знаю, какой ответ я имею в виду и ожидаю.

В этом семестре я покуда работал неплохо, залез в весьма щекотливые вещи, относительно которых меня одолевают сомнения: сочтут ли их глубокими или чепуховыми? Сомневаюсь я только в языке и форме сообщения, а не в субстанции того, о чем я думаю, размышляя на эти темы. Такова наша судьба: нам открывается новый мир, а мы – жалкие люди, способные разве что "заметить", но не творить философское или, что важнее, поэтическое выражение.

Однако все это пустая болтовня. Как бы я хотел в ближайшее время показать Вам текст! [160] Но до этого еще далеко. Сегодня я пишу Вам, собственно говоря, случайно: хотел поблагодарить Манке за присланные рецензии на Дильтея [161], но не могу отправить письмо в Марбург, не написав также и Вам. Эти рецензии отводят Вам достойное место в противовес Дильтею и Гуссерлю [162], однако не касаются того, что я ценю в Вашей философии превыше всего и о чем те двое не имеют ни малейшего представления, а именно – что на самом деле всё есть метафизика или находится с нею в непосредственной связи.

Надеюсь, у Вас все хорошо. Сердечный привет Вам и Вашей жене от нас.

Ваш Карл Ясперс

[52] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 14/1.28

Дорогой Хайдеггер!

Человек, который передаст Вам это письмо, д-р Грасси [163] из Милана, очень хотел бы поговорить с Вами лично. Он изучает немецкую философию, читал Вашу книгу и на удивление хорошо ее понимает – конечно, не без заблуждений, обусловленных традицией, но вместе с тем на редкость хорошо. Уверен, Вас порадуют его живой интерес и ясные вопросы, которые он ставит.

Сердечные приветы!

Ваш К. Ясперс

[53] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 10. II. 28

Дорогой Ясперс!

Сердечно благодарю Вас за рождественское письмо. В конце каникул, на обратном пути из Шварцвальда, я собирался заглянуть к Вам на часок-другой. Однако в конце концов оказалось сложно со временем. Д-р Грасси вначале произвел впечатление энергичностью и определенным пониманием. Но потом я усомнился: не говорит ли здесь во многом журналистская натура, рыщущая в поисках *dernier cri**. Семестр перегружен всякой ерундой, и, если так пойдет дальше, мне вовсе не улыбается быть ординарным профессором. – Почему я не "отвечаю" – я и сам хорошо это чувствую, – так это потому, что еще не вник опять, по-настоящему, в существо "дела". Сейчас я ежедневно "наслаждаюсь" Кантом, которого можно интерпретировать обстоятельно и с еще большим подъемом, чем Аристотеля. Думаю, его необходимо открыть заново.

Летом мне предстоит читать "логику" [164], и надеюсь, что весной опять буду в хорошей форме для подлинного "разговора". Шеллинга пока одолеть не могу, уже просто из-за объема материала, я очень медленный читатель.

Жена и дети с рождественских каникул так и остались наверху, но живут у одной крестьянки. Я рад, что им не приходится торчать в этом сыром дождливом городишке.

* Здесь: сенсация (фр.).

Пишу я сегодня, собственно, только по причине практического и срочного

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org дела. У нас на философском факультете открылась вакансия ординарного профессора по национальной экономике. Оба заместителя – ндиоты, таковы же и сведения, какие они дают. Нам нужен специалист помоложе, который не только конкретно владеет экономической наукой, но сумеет взяться и за теоретическую национальную экономию. Могу ли я просить Вас обратиться к Альфреду Веберу [165], которого я не знаю лично, с просьбой обобщить ситуацию в этой дисциплине, а также охарактеризовать специалистов, которые могут оказаться в данном случае подходящими? На наших "заместителей" в самом деле нельзя положиться. Увы, я сам вхожу в комиссию и не вижу иного выхода. Пустить все "на самотек" тоже нельзя.

Надеюсь, у Вас и Вашей жены все хорошо.

С сердечным приветом Вам обоим, Ваш

Мартин Хайдеггер.

[54] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гевдельберг, 12/2.28

Дорогой Хайдеггер!

Не откладывая, пишу Вам обо всем, что я только что узнал от А. Вебера. Если ему придет на ум что-нибудь еще, Вы получите второе письмо. Среди тех, кто еще не стал ординарным профессором, без сомнения, наиболее значительная фигура – Курт Зингер [166] из Гамбурга. Начинать он в теории денежного обращения (работа "Деньги как знак" [167] – в ней он явно ученик Кнаппа [168]). Необычайно опытен в теории и практике. Возглавляет "Экономический бюллетень" [169], весьма влиятельный еженедельник. Чрезвычайно образован. Приверженец Георге. Недавно выпустил книгу о Платоне [170]. Блестящий стилист. До сих пор повсюду незаслуженно обойден. Около 40 лет. Еврей, невысокого роста; комплекция часто была ему помехой!

Г-н фон Эккардт [171], директор здешнего Института газетного дела, подтвердил мне эту оценку, причем с горячностью (хотя он, насколько я знаю из других источников, с Зингером в плохих отношениях). Он говорит. Зингер – духовно значимый человек. Его идеалы: Кнапп и Георге, "страсть, граничащая с научным фанатизмом". "Чистая, искренняя душа". Чуть-чуть ожесточен и "экзальтирован". Самый значительный человек из тех, о ком могла бы идти речь.

Далее Вебером названы:

Артур Зальц [172], здесь, в Гейдельберге. Его я лично знаю как порядочного, благородного человека. Обеспеченный. Благородство в каждом движении. Тоже еврей. Друг Гундольфа [173]. Отношение к Георге свободное. Работы в: "Очерке политической экономики" [174] и др. В молодости совершил одну научную глупость, Макс Вебер взял его под защиту, и при этом не то чтобы публично скомпрометировал себя, но, вероятно, несколько подпортил себе репутацию. Но было это 20 лет назад и давным-давно забыто. Хорошим учителем не был, хотя после операции на желудке, поправившей его здоровье, стал намного лучше. Объективно намного уступает Зингеру. Светило среди ужасной посредственности более молодого поколения (хотя ему самому, вероятно, лет 45). Фигура, которая задает тон и требовательна к себе и другим. Не энергичен. Могу себе представить, что аристократическое спокойствие в один прекрасный день может оказаться и пассивностью.

Наконец, Вебер назвал еще Ричля [175], из богословской семьи [176], однако не знал, где он защищался. Ричля Вебер знает лично только на основании пятиминутного знакомства. Многие его хвалят. Очень молод. Высоко поднимается над низким уровнем молодого поколения. Занимается, в частности, "вопросами территориального размещения" [177], областью специализации А. Вебера. Целостного впечатления о нем у меня не сложилось.

Ледерер в отъезде. Я смогу поговорить с ним только завтра или послезавтра. Если услышу что-нибудь новое, сразу дам знать. Однако Ледерер не обладает чутьем к личному уровню кандидата, а в нынешней ситуации общего упадка именно это для нас наиболее важно.

Я бы всеми силами поддержал Курта Зингера. В 1914 г. я мельком видел его и с

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
тех пор не забыл.

Из более молодых ординарных профессоров фон Эккардт назвал Ленца[178] из Гисена.

Д-р Грасси в конечном счете произвел на меня то же впечатление, что и на Вас. Ему палец в рот не клади – всю руку откусит. И все-таки поразительно, что именно он понимает философские вещи. Блестящий интервьюер.

С замиранием сердца читаю то, что Вы пишете о Канте! Он – единственный, кому я по-настоящему верю. Открыть его заново? Да, но в конечном счете – только для себя самого. Ведь и так все очевидно. И весь труд интерпретации толпа воспримет лишь как очередное "учение" вроде давнего неокантианства – этой служанки, только уже не теологии, а науки (но уж лучше бы – теологии). Я замечаю это на семинаре[179], где мысли, которые сами по себе имеют для меня весьма малый смысл – только как функция усвоения проблемы, – повторяют наизусть как "знание". Когда я недавно, теряя терпение, процитировал Вирхова:[180] "наши положения возвращаются к нам в облике, нас ужасающем", – смысл этой фразы остался совершенно не понят.

Кем на самом деле является Кант – я не могу определить навсегда. Сейчас я бы сказал: он наконец всерьез говорит о сокрытости Бога и о том единственном требовании Бога к человеку, которое тем самым становится очевидно, – быть свободным. Он интерпретирует свободу и без высокомерия являет в жизни и мыслях достоинство, присущее человеку, и малость без жалкого смирения. На нем кончается всякая "онтология". Мысль есть лишь прозрачность трансцендентного в явлении. Это – дивное парение, в котором человек приходит к моменту, когда может сказать "я сам", но сказать так, что именно тогда, когда он по-настоящему есть "я сам", он является не только самим собой.

От всего сердца радуюсь Вашему приезду весной. Сообщите, пожалуйста, дату, как только будете ее знать.

Моя работа несколько продвинулась, однако еще далека от завершения.

Сердечные приветы,

Ваш Карл Ясперс

[55] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург, 25. II. 28

Дорогой Ясперс!

Сегодня я получил приглашение во Фрайбург; тамошний факультет единогласно предложил меня *ipso loco*. Прежде чем вступать в переговоры и принимать решение, я хотел бы обсудить все это с Вами.

Мы все равно во вторник (28-го) едем в Шварцвальд; я хотел бы остановиться в Гейдельберге, а затем утром в среду поехать в Карлсруэ, в министерство.

Я приеду во вторник около 12 часов и прошу Вас, не беспокойтесь; особенно если во второй половине дня Вы заняты чтением, просто не замечайте моего присутствия. Что до прочего, то будет достаточно дивана для ночлега.

Все остальное – при встрече. Я довольно-таки устал от этого семестра.

Сердечный привет Вам и Вашей жене

от меня и от моей жены, Ваш Мартин Хайдеггер.

* Как единственного кандидата (лат.).

[56] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Тодгауберг, 6 марта 28 г.

Дорогой Ясперс!

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Переговоры мои были сравнительно коротки; Швёер[181] незадолго до того должен был отправиться в лавдгаг по случаю дискуссии о высшей школе. Он просил меня приехать туда. Был он чрезвычайно любезен и вел себя по-землячески, однако тотчас осведомился о моем марбургском жалованье и пометил себе мои пожелания. Он, мол, сразу поговорит с министром и незамедлительно меня известит. Сегодня известие пришло.

1. Вступление в должность 1 октября.
2. Базовый оклад 4-й категории по тарифному разряду A-1 составляет 11 600 марок. Надбавка за наем жилья – 1728. Надбавка на детей.
3. Гарантийное обеспечение за преподавание – 3000 марок.
4. Возмещение расходов на переезд.
5. Включение времени с момента защиты в трудовой стаж (имеет отношение к выходу на пенсию).
6. Субсидия на строительство дома – рассматривается благожелательно.

Итак, № 3 урезан; № 6 – очень неясен. Последнее, однако, очень важно, так как жилье во Фрайбурге снять очень сложно. Но я думаю, мы договоримся. Из Бонна один из членов комиссии сообщил мне:

I. Психология: философия – педагогика.

Бехер[184] – unісо Јосо I. литт[182], Баух, Фрайтаг!![183]

II. Ясперс, Ротхаккер!![185]

Комиссия была очень большая; не-философы были за меня, на что католик Дюроф[186] заявил, что воспринимает это предложение как личный вызов. Так моя кандидатура пала.

Вы оказались на этом странном месте и в весьма странной компании также благодаря не-философам. Окончательно список факультетом еще не одобрен.

И все-таки я считаю Ваши шансы весьма благоприятными. Правда, правительство может вернуть весь список.

Я рад, что нахожусь здесь, наверху. Мы успели несколько раз покататься на лыжах при великолепном солнце.

Как только я более или менее спланирую ближайшие недели, сообщу Вам, когда приеду.

Вам и Вашей жене большое спасибо за прием.

Сердечный привет (от моей жены тоже!),

Ваш

Мартин Хайдеггер.

[57] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 23/3.28

Дорогой Хайдеггер!

Большое спасибо за Ваше письмо. Ваши условия все же неплохи. Жаль, что почти постоянно предпринимаются попытки что-нибудь урезать! Надеюсь, Вам повезет!

Ваши сообщения о боннских списках заинтересовали меня, разумеется, живейшим образом. Я был бы рад приглашению[187] и не прочь пожить в Бонне. Однако шансы, как видно, невелики.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Теперь жду сообщения от Вас и заранее радуюсь нашим беседам.

Работа потихоньку продвигается.

Сердечный привет Вам и Вашей жене,

Ваш Карл Ясперс

[58] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Тодгнауберг, 25. III. 28

Дорогой Ясперс!

Сердечно благодарю за письмо. То, что ранее было урезано, Шв.[188] мне безоговорочно утвердил. К 28. III Р.[189] телеграммой вызвал меня в Берлин. На обратном пути в Карлсруэ, где я сообщу о своем окончательном решении, мне хотелось бы сначала посоветоваться с Вами. Я позволю себе заглянуть к Вам в течение четверга (29-го) и остаться до утра пятницы. Время "настоящего" визита пока не могу определить точно; по крайней мере, не раньше 15 апреля.

Все остальное – при встрече.

Здесь наверху мне вновь удалось прекрасно отдохнуть.

Сердечные приветы от нашей семьи всем Вашим,

Ваш Мартин Хайдеггер.

[59] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Хижина, 13. IV. 28

Из-за покупки участка (!) в понедельник, 16-го, я еще должен быть во Фрайбурге. Во вторник, 17-го, отвезу нашего старшего в Майнц и в тот же день вечером поеду в Гейдельберг.

Я в радостном ожидании.

Сердечный привет,

Ваш

Мартин Хайдеггер.

[60] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Дорогой Ясперс!

Марбург, 1 мая 28 г.

Сердечно благодарю Вас за прекрасные гейдельбергские дни. Их итог всегда поддерживает меня на весь семестр. Желаю только, чтобы Ваша работа вызревала теперь без помех, приближаясь к завершению. – Ситуация: Йенш "болен" или был болен и потому хочет, как он мне пишет, просить о временном освобождении от должности. По этой причине он в ближайшее время не сможет активно заниматься важнейшим делом – вопросом о новом замещении вакансии. Но он, "конечно", охотно обсудит это дело со мной лично. Итак, уловка, нацеленная на затягивание, чтобы отделаться как от меня, так и от

неудобного декана[190]. Однако уловка эта слишком неуклюжа, чтобы мы на нее попались. Заседание комиссии, очевидно, назначат на следующую неделю. Предполагаю, что Йенш резко выздоровеет и появится. Гартман действительно участвует, декан сразу мне его назвал. В остальном все пока неясно.

Здесь появились книги Бенгта Берга[191] в издательстве Дитри-ха Раймера (Берлин):

"Мой друг зуёк",

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

"Последние орлы",

"АбуМаркуб",

"С перелетными птицами в Африку".

Швёер уполномочил окружное ведомство по строительному надзору представлять мои планы перед высшим административным управлением по строительному надзору. – Ну и довольно об этом! Теперь можно приступать к делу. Как только вопрос с назначением сдвинется с места, я дам знать.

Сердечный привет от нас Вашему семейству, Ваш

Мартин Хайдеггер.

[61] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Дорогой Хайдеггер!

Гевдельберг, 4.5.28

Огромное спасибо за книги и за списочек книг о птицах.

То, что Вам было у меня хорошо, искренне меня радует. Было замечательно. Пусть это повторится еще много раз, чтобы мы еще больше раскрылись навстречу друг другу, в близости и различии, которое опять-таки может стать источником близости.

С проблемами назначения Вы, значит, еще хлебнете горя. Ну что же, Вы ведь уже знакомы с "психиатрической мягкостью" и позицией доброжелательного наблюдателя. Надеюсь только: Вы достигаете своей цели, хотя бы и с преимуществом в один поддерживающий голос, если уж нельзя иначе.

Адрес Л. Курциуса:

Roma, Istituto germanico archeologico

ViaSardegna79.

Сердечный привет и пожелания хорошего семестра!

Ваш Карл Ясперс.

[62] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Марбург?13.У.28

Дорогой Ясперс!

Позавчера состоялось первое заседание комиссии; я информировал о Беккере[192], Франке, Боймлере; [193] обсуждали также и Штенцеля[194].

Гартман не придет. Однако комиссия желает чего-то "еще лучшего" – разумеется, не просто как украшения. В последние дни перед первым заседанием я вновь так и этак прикидывал, не внести ли Вас все-таки в список. Но поскольку решил, что Вы все же не поедете в этот маленький городок, я не смог действовать так, будто это возможно.

Однако теперь я все же хочу спросить Вас еще раз, хотя знаю, что не следовало бы задавать этот вопрос. Но если у меня не будет уверенности, что Вы поедете, я не смогу бороться за Вас.

В пользу Марбурга я не могу привести Вам ничего. Сам я ни часу не чувствовал себя здесь хорошо. Факультет такой же, как везде. Студенты четко ориентированы на экзамены или же полностью зависят от студенческих корпораций. Разве что богословы[195], – но это дело ненадежное. Единственное, что было бы для Вас позитивно: более высокий оклад – Вам бы пришлось оставить Гейдельберг, а это и сейчас, хоть он уже не таков, как

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org прежде, все же весьма "дорогая" цена. Из Гейдельберга в Марбург ординарным профессором не переходят, – так здесь все говорят. Я нарочито описал ситуацию в столь мрачных тонах.

Посоветовать Вам такой переходя не могу. Но если Вы все равно скажете "да", буду рад вдвойне – ведь мой преемник будет весьма известен, и я наконец сделаю что-нибудь для Вас.

Кстати, я слышал, что Вашу кандидатуру как будто бы рассматривают в Кельне. Может быть, поэтому Гартман приезжал в Гейдельберг.

Сердечные приветы от нас Вашей семье, Ваш

Мартин Хайдеггер.

[63] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 15/5.28

Дорогой Хайдеггер!

Сердечно благодарю Вас за Ваши намерения и за Ваш вопрос. Вы действительно не можете бороться, зная, что я не согласен. Мы с женой еще раз все обдумали. И как ни хочется мне сменить обстановку и улучшить наше финансовое положение, ничего не выйдет. Я не могу даже и наполовину обещать Вам, что это возможно.

Ваша характеристика Марбурга намеренно непривлекательна. Богословы были бы для меня весьма заманчивы – если была бы возможна настоящая борьба. Но они, скорее всего, будут увивать, такая уж у них натура. Мое тайное желание – встретить истинно верующего, чтобы он всерьез поставил меня под сомнение, – останется неудовлетворенным. – Думая о высоком окладе, я бы, может, на миг и заколебался. Но в Марбурге и это маловероятно. И даже если б мне предложили большие деньги, я бы все равно сомневался. Во всяком случае, имея в Гейдельберге примерно то же самое, я бы остался здесь.

Не будь мы дружны, я бы написал: при очень благоприятных условиях я бы обдумал весьма основательно возможность перехода; не исключено, что я бы согласился. Но Вам я ответить так не могу. Хотя даже в этих вещах ни одну возможность нельзя исключить полностью – ведь все только и развивается по-настоящему в конкретной ситуации, – в высшей степени маловероятно, что я поеду в Марбург. Насколько иначе обстоит для меня с Бонном и даже Франкфуртом и Кельном!

Итак, еще раз большое спасибо! И успеха в Вашей новой теперь борьбе!

Ваш Карл Ясперс.

[64] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Дорогой Ясперс!

Марбург, 2 июня 28 г.

Сердечно благодарю за Ваше письмо. Жаль, что я не могу назвать Вас здесь с реальной надеждой на Ваш переход. Однако при, по существу, отчаянном положении вещей должен же наконец забрезжить просвет. Долго Вам в Гейдельберге уже не пробыть. Мне больно от этого.

Сегодня сообщу только, что 31 мая я отправил для первого раза 1000 марок вкуче с процентами и сердечной благодарностью.

Еще я через Вас прошу франка прислать более подробные сведения о работе, которую он сейчас планирует, а кроме того, основные данные его биографии – причем как можно скорее. Следующее и первое настоящее заседание состоится 8. VI.

С сердечными приветами от нас Вашей семье,

преданный Вам

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Мартин Хайдеггер.

Конфиденциально: Беккер предложен в Киле на втором месте.

[65] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру 1 %

Гейдельберг, 4. 6.28

Дорогой Хайдеггер!

Большое спасибо за Ваше письмо. 1000 марок и проценты я по-лучил. Франка уведомлю сегодня в середине дня.

За это время я побывал в Берлине. Спустя два дня после смерти Шелера™ я задумал речь, которую хотел произнести на семинаре. И пришел к выводу, что все-таки не смогу ее произнести. Он был "человек"! Его чутье и УМ", несмотря ни на что, надо уважать как качества, в наше время незаменимые. Также и "публично" – т. е. в разговорах не с друзьями – я не дам его в обиду. Однако Шелер не был светом, который озарил мне путь, – он был светом обманчивым. А главное, я никогда не мог ни ненавидеть его, ни любить. Но характеризовать его студентам как особый "феномен" именно в связи с его смертью показалось мне бесчеловечным. Это можно сделать позже. Столкнувшись со смертью, вдруг разом осознаешь, как относишься к человеку. Он как бы становится завершенным образом. Мне было ясно, что в пространстве тех "людей" которые мне безразличны, Шелера со мной не будет. И когда я размышлял об этом, пришла телеграмма от Рихтера, где говорилось, что он был бы весьма признателен, если б я мог приехать. Я поехал и был принят с заметным уважением и потенциальной наглостью. Причина: от имени франкфуртского факультета он приглашает меня прямо сейчас, в этом летнем семестре, прочитать во Франкфурте цикл лекций. По словам Рихтера, он воспользовался этой возможностью, чтобы установить со мной контакт. Предложение насчет лекций я вежливо отклонил. Засим последовала часовая беседа в присутствии Виндельбанда, прерываемая разговорами по телефону. Суть беседы: что станет с философией в Пруссии? Я старался говорить поменьше. В качестве кандидата на Марбург он назвал Пихлера! Но без нажима. наших кандидатов я (характеризовал-разумеется, никак "наших". Упомянули Рот-хаккера, обозначив, однако, дистанцию, но не отверг его радикально. Кстати, я думаю, эти люди быстро забывают услышанное. Они ведь целый день говорят. Рихтер, правда, твердил, что "прекрасно помнит" нашу переписку семилетней давности, говорил о моей "Идее университета". В заключение он заявил, что надеется отныне видеть меня здесь чаще! – Итак, я не продвинулся дальше прежнего и настроен весьма скептически.

Д-р Йонас [199] посещает мой семинар. Превосходный человек! Надеюсь кое-что от него услышать. Он говорит только то, что имеет смысл. Подлинно Ваш ученик!

Сердечно

Ваш К Ясперс.

[66] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 6 июня 28 г.

Дорогой Хайдеггер!

Прилагаю заметки Франка, о которых Вы просили! Надеюсь на Ваш успех! Большое спасибо за 1000 марок и проценты!

По телеграфному приглашению Рихтера я успел побывать в Берлине. Часовой разговор, чтобы "установить контакт". Ничего реального! Расскажу при встрече.

Д-р Йонас посещает мой семинар. Судя по всему, превосходный человек! Подлинно Ваш ученик, который меня еще порадует!

В спешке, искренне Ваш

К. Ясперс [200].

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
[67] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

[почтовая карточка в конверте]

11. VI. 28 'Ввиду сказанного ниже, я луч-
ше пошлю эту открытку почтой.

Дорогой Ясперс!

Человек, который доставит Вам это послание *, д-р Юстус Шварц[201],
несколько семестров слушал мои лекции и работал у меня; до того был у
Кронера, защитил докторскую диссертацию ухаймзёта[202].

Он занимается Гегелем и, вероятно, хочет поговорить с Вами о включении
своей работы в Вашу серию. На мой взгляд, диссертация для этого непригодна.
Но можно бы подумать о его более поздней работе, из которой я видел
небольшую часть.

Стоят ли за нею настоящие философские способности, сказать не могу.

У Франка ситуация неплохая. Другие кандидаты – это Беккер, Штенцель (!),
Эббингауз.

Боймлер отпал[203].

То, что Вас вызывали в Берлин, – несомненно, добрый знак. Я рад, что могу
наблюдать за предстоящими перетасовками совершенно незаинтересованно, с
высоты уголка того царства, которое соседствует с Якобом Буркхардтом.

С сердечным приветом от всех нас Вашей семье, Ваш Мартин Хайдеггер.

[68] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

29. VI. 28

Дорогой Ясперс!

Вчера на заседании факультета единогласно принят следующий список: I.
Беккер. \\paripassu*: Эббшруз, Франк, Штенцель.

* Одинаково подходящие (лат.).

Предполагаю, что Беккер пойдет в киль; Эббингауза вряд ли возьмут, а у
Франка шансы неплохие.

Избежать Штенцеля было нельзя – иначе не прошел бы и Франк.

В спешке

с сердечным приветом от всех нас Вашей семье, преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

Прошу Вас конфиденциально сообщить об этом списке Франку.

[69] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг 8/7.28

Дорогой Хайдеггер!

Благодарю Вас за деньги! Долговую расписку прилагаю. Спасибо и за список, о
котором я конфиденциально сообщил Франку. Последовательность – как Вы
знаете – совсем не та, какую предложил бы я. Вы знаете почему. Наконец, я
благодарю Вас за рецензию на Кассирера[204], которую я пока только один раз
пролистал. Она кажется мне ясной как в изложении взглядов Кассирера, так и
в критике – словом, рецензия образцовая. Но, к моему удивлению, именно то,
что я недавно предрекал Вам как возможное искажение смысла Вашей философии,
Вы совершаете сами – в "применении" экзистенциальной философии к
"первобытным" народам[205]. Это одна позиция, я придерживаюсь другой[206].

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Вчера ко мне пришел хайдеггеровский номер журнала[207], который, несомненно, есть и у Вас. Я еще не успел его прочитать, но, раскрыв на одной из страниц, смог заметить, что Вас объединяют с марксизмом[208].

На моем семинаре[209] несколько недель назад я в течение двух часов обсуждал Вашу интерпретацию Гегеля[210] и Вашу книгу; поводом послужила проблема времени у Гегеля. Я испытывал особенное чувство, когда впервые в моей преподавательской деятельности произнес Ваше имя с такой значительностью. Д-р Йонас сделал по Вашей книге замечательный доклад. Студенты живо заинтересовались. Моя критика[211] коснулась Вашей книги совершенно поверхностно, а вот Вашей интерпретации Гегеля – всерьез, но во введении и заключении я подчеркнул, что Вы ведь не хотели давать критику Гегеля, Гегель служил Вам только для контраста и в конечном счете Гегель был Вам для этого не очень нужен.

Последнюю неделю я читал лекции о Максе Вебере[212], семестр был довольно утомительный, и, к сожалению, я не очень продвинулся со своей книгой.

Сердечный привет!

Ваш Карл Ясперс.

[70] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Тодгнауберг, 24. IX. 28

Дорогой Ясперс!

Вчера мы вернулись из поездки в Ригу. Жена осталась в Мар-бурге, чтобы подготовиться к переезду в начале октября. А мне пришлось ехать прямо сюда, поскольку семья из Марбурга, присматривавшая за детьми в наше отсутствие, должна была уезжать, а дети не могли оставаться одни.

До 15 октября мы вряд ли переедем, и до тех пор я поневоле буду здесь. Поэтому на сей раз моя осенняя поездка к Вам несколько под вопросом, к тому же с подготовкой лекций для зимнего семестра я изрядно отстал.

Если до середины октября мне удастся хорошо поработать и Вы сможете принять меня после этого срока, я постараюсь все-таки приехать.

В Риге было довольно напряженно; морское путешествие от Штеттина до Риги просто чудо – море как зеркало, – так что от величия моря я мало что ощутил; да и вообще, должен сказать, что море не производит на меня впечатления и кажется скучным, но в этом-то и заключается односторонняя восприимчивость жителя гор.

В августе я быстро отдохнул после очень напряженного семестра. А когда решил взяться за работу, началось воспаление роговицы, пришлось то и дело ходить в клинику и щадить глаза.

Теперь я надеюсь на спокойное время для работы и более спокойную деятельность во Фрайбурге. Далеко ли продвинулась Ваша книга?[213] я уже и забыл, что сам недавно опубликовал так называемую книгу[214] – время от времени мне напоминают об этом "рецензии".

Станный приобретаешь опыт. Для рецензентов и прочих книга вовсе не предназначалась. Да и вообще, писал ли я ее для близоруких современников? Сколько раз я уже читал, будто я – давно запланированный другими – по-настоящему удачный "синтез" Дильтея и Гуссерля, приправленный Кьеркегором и Бергсоном[215].

Я только укрепляюсь в своем давнем убеждении, что сегодня при рутинном многочтении и только-чтении вообще бессмысленно что-либо публиковать – разве только затем, чтобы, благодаря новому назначению, увеличить жалованье. Но и это можно позволить себе лишь один раз.

Хотя, наверно, я чересчур увлекся размышлениями о публикациях и их влиянии – это ведь не в наших руках, потому-то мы и должны дать случаю возможность проявиться, чтобы тот или иной собрался с духом и на свой манер что-нибудь из этого сделал.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Но если уж на то пошло, человеку, даже профессору философии, необходимо умение быть также и "метафизиком", несмотря на то что в этом случае ему придется довольно нелегко, ибо двусмысленность такого бытия довольно велика.

В минувшем семестре я читал "логику"[216] как метафизику истины – к изумлению и ужасу "учеников".

Фрайбург вновь станет для меня испытанием – есть ли там что-то от философии или все грязнет в учености.

Для моего "Введения" к зимнему семестру я наряду с немногими центральными проблемами (свободы, природы, истории) взял на прицел вопрос: философия и наука – философия и мировоззрение. И, пробуя свои силы в этой области, я особенно хочу разговора с Вами. Надеюсь, Вы не перестанете быть моим соседом.

С сердечным приветом,

Ваш верный

Мартин Хайдеггер.

Сердечный привет Вашей жене.

[71] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейцельберг, 2 окт. 1928 г.

Дорогой Хайдеггер!

Со дня на день откладываю ответное письмо, потому что очень хочу с Вами поговорить, а на этот раз все время что-нибудь да мешает. И вот теперь я с тяжелым сердцем решаюсь предложить Вам этой осенью от визита отказаться. Ввиду надвигающегося семестра у меня трудновато со временем – подробности неинтересны, – да и Вы, очевидно, в аналогичном положении. Ничего особенно срочного сейчас нет. Давайте договоримся на весну!

Впрочем, накапливается кое-что, о чем хотелось бы поговорить. Я много дискутировал с Вами в душе. Когда мы увидимся, многое уже разрешится, остальное, надеюсь, вызреет настолько, что мы куда больше прежнего займемся первоначалами.

Море было к Вам благосклонно. Гладким "как зеркало" ему позволительно быть, только когда покой является выражением его жизни. Как бы то ни было, Балтика все равно не настоящее море. Мы были в Альпах, в Церматте, напоследок – на Женевском озере. Поскольку железная дорога делает сегодня возможным все, я побывал на высоте 3000 м, на Горнерграте, среди сплошных ледников. У меня было такое ощущение, как у Сос-сюра:[217] будто передо мной лежал труп вселенной[218]. Но было и ощущение случайности этих оцепенелых чудовищ – всего-навсего нагромождений материи в пределах малого пространства, как песок на берегу меж двух потоков. В Альпах прекрасно, но я по ним не тоскую: вероятно, для этого нужно самостоятельно на них подняться. Как простой зритель чувствуешь себя здесь глуповато.

На мою книгу увидет еще много времени. В 1929 г. она точно не появится. Продвигается рывками. Семестры очень мешают, на каникулах остается, как правило, несколько недель. Но не это главное. До сих пор я переписывал заново каждый "готовый" раздел, как только опять брал его в руки, а ведь есть еще кое-какие, хотя и немногочисленные, куски, которые не написаны вовсе и состоят только из заметок. Ради новой должности ускорять публикацию я, во всяком случае, не буду. Поскольку я хочу собрать в этой книге мысли, в реализации которых мне представляется возможным жить, – а значит, эта книга у меня единственная, с которой связано нечто существенно-важное, – я хочу написать ее как можно лучше и в как можно более спокойной обстановке.

Зимой буду читать о "Канте и Кьеркегоре". Кьеркегора я с 1917 г. так и не брал в руки (только летом 1923 г.[219], да и то урывками и поверхностно). Теперь заранее радуюсь его изучению.

Желаю Вам благополучно водвориться в Вашем доме. Живите счастливо с женой и

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
детьми под собственным кровом. Надеюсь, когда-нибудь и мы сможем погостить у Вас. Я был бы очень рад – но пока что впереди зима.

Сердечный привет,

Ваш Карл Ясперс

[72] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Дорогой Ясперс!

30.X.28

Сердечные поздравления! Я очень рад, что приглашение [220] наконец-то пришло, да еще таким образом. Теперь, если Вы решитесь, Вы сможете осуществить свои планы насчет института. Какие перспективы откроются для Вас помимо этого, будет видно потом.

Я был очень огорчился, если б соседство – едва лишь или еще даже и не начавшееся – так и закончилось.

В любом случае для Вас это приглашение – нечто конкретное, и мне хочется, чтобы баденское министерство повело себя столь же благородно, как и в моем случае. Гейдельберг теперь лишается философов; как видно, Р. [221] и прочим требуется много места.

Ввиду двукратного отклонения кандидатуры Беккера я считаю рогахаккеровское назначение [222] позором.

Но этот добряк может теперь жить спокойно и в полной мере развернуть свой талант "факультетского трудяги".

Франку я очень желаю назначения, хотя и считаю, что подлинному философствованию в Марбурге пришел конец.

Учитывая, как делаются дела в Берлине, боюсь, что Беккер получил очень скверные рекомендации, – ведь то, что он делает, всем не по нутру.

Я и сам со многим не согласен, но по другим причинам. А выдвижение Беккера было явно воспринято как протаскивание "феноменологии".

Хочу просить Вас, если Вы оцениваете Беккера так же, сообщить г-ну Рихтеру Ваше мнение по этому поводу и, если возможно, по многим другим принципиальным аспектам.

Мы переехали и живем в величайшей радости. Я теперь желаю только, чтобы работа в университете, которая после моего ухода в 1923 г. стала до невозможности "гнусной", все-таки имела смысл.

А "еще" должен сказать, мне кой-чего не хватает, потому что перед этим семестром я не был в Гейдельберге – кроме всего прочего, я мог бы тогда более полно радоваться этому своему новому назначению.

Вам и Вашей жене

сердечный привет,

Ваш

Мартин Хайдеггер.

Моя жена искренне желает удачи и шлет привет.

P. S. письмо [223] я только сегодня обнаружил в университете.

[73] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 3/11.28

Дорогой Хайдеггер!

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Сердечно благодарю Вас за письмо. Мы только что вернулись из Бонна[224]. Много чего надо рассказать, но сейчас не могу. В Берлин[225] поеду только в четверг. Если мне предложат очень много, мы, наверное, согласимся на Бонн. Но мы в растерянности и теперь только, в ходе этого развития, которое в конечном счете проясняет действительность, начинаем понимать, что это такое: не знать, чего хочешь.

Беккера я стану теперь поддерживать при всякой возможности – раз уж я, пока у Франка еще не было никакого приглашения, называл его вторым. Когда я был в Берлине – и еще не знал Вашего марбургского списка, – я, по своей инициативе, назвал только Франка, Боймлера, Беккера, однако особенно выделил Франка, а двух других охарактеризовал как *pagipassu*. Как сложится дальше в Берлине, пока не знаю. К стати, думаю, у Беккера хорошие шансы – нужно лишь еще немножко потерпеть. Рот-хаккера в Берлине знали давно и как бы "взяли на заметку". Против Беккера, думаю, ничего не было. В Киле он стоял в отдельном списке Шольцена и не был среди большинства – так я слышал, правда, не из первых уст.

В Бонне Дюроф спросил меня, хорошо ли я знаю Ширмера[226]. Я сказал, что вообще его не знаю. Он очень удивился. И тогда я осознал Ваше влияние, которое привело там в движение мою кандидатуру. Теперь я получил приглашение по списку Венчера[227] – как раз когда франкфуртский список[228], где я на первом месте, был получен в Берлине. Так мне говорили.

Все это, разумеется, конфиденциально!

Скоро Вы вновь получите от меня весточку – когда я съезжу в Берлин.

Сердечный привет Вам и

Вашей жене,

Ваш Карл Ясперс

Сообщите, пожалуйста, Ваш адрес – тогда мои письма будут доходить быстрее.

[74] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 10. XI. 28

Дорогой Ясперс!

Сердечное спасибо за Ваше письмо. Я теперь всерьез опасаясь, что Вы согласитесь. Ваш выбор нетруден в том смысле, что здесь или там Вы будете иметь открытую и более широкую среду для философии "в соответствии с пониманием мира". И, вероятно, в Бонне возможности будут еще шире – по крайней мере, в прошлом году мне там очень понравилось. А Кёльн в конечном счете относится туда же.

Моя первая неделя миновала, и пока я могу только сказать, что любопытствующих много – что-то вроде странствующей публики, вперемежку со шпионами; странное чувство, какого другие на моем месте испытать не могут, я-то совершенно точно знаю, где сидит такой вот шпион, – потому что сам мог бы сидеть на его месте*. Но я знал, что займу этот "передовой рубеж", только, по моему глубокому убеждению, "рубеж" обречен – католики достигли небывалых "успехов", теперь уже повсюду сидят молодые католические приват-доценты, которые с необходимостью появятся и здесь.

Философский факультет стал существенно хуже.

Но, наверно, сейчас везде так.

* В личной корреспонденции Хайдеггера многие факты подвергаются тенденциозному истолкованию. Так же "посчастливилось" и этому месту. Речь, однако, идет не о "подозрительности" Хайдеггера, а о следующем совершенно несомненном обстоятельстве: некогда тесно связанный с католиками, Хайдеггер отошел от католической теологии и мировоззрения. Вполне естественно, что, вернувшись во Фрайбург, для которого была характерна преимущественно католическая ориентация, он был настороженно встречен всеми теми, кто готов был увидеть в нем чужака. Эту настороженность Хайдеггер очень хорошо

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org "улавливал", поскольку был хорошо знаком с католической системой преподавания. Выражение "потому что сам мог бы сидеть на его месте" следует понимать: "если бы я не перешел в философию". Единственная новизна – то, что в своем философствовании я больше не "прячусь". Где-то свершился рывок. –

Франкфуртцы, очевидно, не нашли в себе мужества последовать моему совету. В конце прошлого семестра декан философского факультета[229] попросил меня от имени комиссии составить из следующих имен: Гризебах[230], Ясперс, Кронер, Тиллих[231], Вер-тхаймер[232] – список из трех кандидатов, поскольку, по их словам, у них нет специалиста для консультаций[233]. Это было несложно. Я написал им, что совершенно невозможно даже и назвать Вас в компании со всеми остальными. Единственный выход: Ясперс ipso ioso\ о всех прочих кандидатах, насколько мне известно, однажды высказался и сам Шелер – в том смысле, что не выбрал бы их в качестве своих преемников.

Но во Франкфурте, вероятно, боялись очередного отказа из министерства и подкрепили свои позиции полным списком. Я даже и не знал, что там дело зашло так далеко.

Надеюсь, Вы и Ваша жена "также и во всем остальном" хорошо провели дни в Берлине.

С нетерпением ожидаю известий не только о результатах Вашего дела, но и вообще об этом визите в министерство. Правда, сейчас, да еще в начале семестра, я, конечно, не могу требовать от Вас пространного письма.

Сердечный привет от Вашего

Мартина Хайдеггера.

[75] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гевдельберг, 12/11.28

Дорогой Хайдеггер!

У меня все пока в подвешенном состоянии. Из Карлсруэ[234] по-прежнему слышны лишь обтекаемые формулировки; кандидатуру еще обдумывают – боюсь, оценят слишком низко[235]. Атмосфера прохладная. В Берлине – наоборот, однако предложение таково, что я вряд ли соглашусь на Бонн; правда, мне сказали, что это предложение не последнее. Цифры я сообщу Вам, когда дело подойдет к концу. Сейчас это слишком затруднительно.

Во Франкфурт меня пригласили в одно время с Вами, но для устного доклада на комиссии. Я был там, гоюрил о многих именах, о которых меня спрашивали. Сначала мне дали список из 180 имен! В ответ мне показалось уместным довести его до 200. На вопрос о списках из трех кандидатов я так и не ответил, сказал, что судьба факультета заключается именно в том, как он отреагирует на разные характеристики. Я полагал, что Вам и мне предложат [во Франкфурте] философские кафедры, а Вертаай-меру – по психологии, и немного поиграл этой мыслью, хоть она и казалась мне невозможной, ведь Вы едва ли пошли бы во Франкфурт, а я если и пошел бы, то весьма неохотно. Но так или иначе, ситуация реального приглашения что-нибудь да значила бы. Соответственно я гоюрил о Вас как о друге, обстоятельно, с теплотой, но и с обозначением потенциального соперничества, описал тот тип философствования, который был бы ювозможен лишь благодаря таким приглашениям, когда приглашенные соотносятся друг с другом. Кроме того, я гоюрил о Франке, Беккере, Боймлере, но более прохладно, а также упомянул многих других. Обратил ли факультет на это внимание? Нет, не обратил, ибо, вместо того чтобы primo ioso* вписать наши имена в списки на три вакансии, он поместил их в один список. Этот список, как я слышал (из третьих уст), Берлин вернул обратно во Франкфурт.

В Берлине я спросил Виндельбанда[236] о Беккере. Ответил он примерно следующее: "Летом Вы порекомендовали нам Франка, Беккера и Боймлера. На Марбург мы утвердили Франка, так как не хотели делать ту кафедру традиционной собственностью феноменологов. На очереди Беккер. Теперешнее назначение Франка не направлено против Беккера. А о Боймлере у нас есть и другие положительные рекомендации". Я не спросил, дошли ли до них неблагоприятные отзывы о Беккере, поскольку этот вопрос показался мне

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
слишком неделикатным. Однако у меня не сложилось впечатления, что они были.
Поэтому мне кажется, Беккер с полным правом может быть в хорошем настроении.

В остальном, в Берлине мы говорили только о Бонне и обо мне! При случае как-нибудь Вам расскажу. Я был весьма неловок, но могу чувствовать удовлетворение.

То, что Вы пишете об обреченном рубеже, меня волнует – в особенности потому, что такова же ситуация и в Бонне.

Внутренне я напряжен и встревожен – так оно бывает, когда человек сам не знает, чего хочет. Обожду, как-нибудь уладится. Материальная сторона очень важна, однако не является решающей – ее значение лишь в том, что на Бонн я соглашусь только в случае очень высокого оклада. Иначе не решусь. В Гейдельберге я никогда не чувствовал себя скованным в своих возможностях.

* Первым делом (лот.).

В Бонне же я боюсь провинциальной узости, если финансовая независимость не обеспечит красоту и подвижность жизни. Устал к вечеру – извините за почерк и стиль.

Сердечный привет,

Ваш Карл Ясперс

[76] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 1/12.28

Дорогой Хайдеггер!

Мы остаемся в Гейдельберге. Процесс длился долго. Была неделя, когда мы уже совсем решились на Бонн. Полное вживание в возможности – на основании реальных впечатлений – есть предпосылка осмысленного решения. Материальная сторона – это условие, но решает не она одна. В Пруссии я бы зарабатывал больше (23 300 с доплатами, причем я мог высказать свои пожелания – эта сумма не была их последним словом; здесь в Бадене – 20 700, но льготы делают мое дальнейшее пребывание в Гейдельберге равноценным, особенно это касается жилья [237]) [238], – однако в любом случае этого достаточно [239], и решение можно было принять независимо от этого (Вам будет интересно знать составляющие: базовый оклад – 14 000; 1700 – на жилье; 5000 – преподавание) [240]. Деньги все же кое-что значат, и за 30 000 марок я бы согласился на Бонн, тем более что меня очень привлекали возможности касательно института. Но я не хотел ни выдвигать это наглое "требование", ни "торговаться", а потому остановился на "первых" предложениях обоих правительств и послал в Берлин ответ с отказом, не дожидаясь их последних предложений насчет жалованья. Благородство правительства земли Баден сделало возможным такой поступок. Займи оно другую позицию, мне бы все-таки пришлось поторговаться. Я вовсе не считаю своим долгом избегать этот путь. Только когда речь уже не идет о жизненно важном, можно самому быть "благородным". Вернее, можно быть благородным, когда другие ведут себя так же.

И вот теперь я рад, что остаюсь неподалеку от Вас. Вместе мы, наверно, сойдемся, только когда однажды встретимся в Берлине, – что весьма маловероятно.

Удовлетворитесь, пожалуйста, этими внешними сведениями. У меня действительно очень много дел, предстоит ужасающе много написать, а душевно я сейчас почти вконец измотан. Новый покой, наверно, опять даст возможность пробудиться к настоящей жизни; сейчас же все стало таким нереальным, хоть и весьма поучительно... Но довольно об этом.

Сердечный привет от нас

Вам обоим,

Ваш Карл Ясперс.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
[77] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 3 дек. 28 г.

Дорогой Ясперс!

Сердечное спасибо за Ваше письмо. Я очень рад, что Вы остаетесь в Гейдельберге. Рад и как баденец, ведь правительство вело себя достойно.

В последние дни я часто с тревогой думал о том, какую будет Ваше решение. И уже видел Вас в Бонне. Но все же думаю, что Вы выбрали (точнее: сохранили) лучшие условия. И я уверен, таким выбором Вы вновь обрели Гейдельберг.

Он более не может быть старым Гейдельбергом времен Макса Вебера. Вы должны создать его заново. Это, по-моему, не самое сложное, но то, что в эти годы настоящей позитивной работы приходится ставить крест на безмолвном преклонении перед безупречным и неуязвимыми идеалами, приносит в наше существование странную отчужденность – такое мрачное стояние перед собственным другим, которое полагаешь необходимым принести в дар времени.

Быть может, эти последние недели пойдут Вам на пользу. Собственный труд, который на стадии "разработки" с легкостью превращается в нечто блеклое и слишком хорошо знакомое, вновь обретает большую реальность.

Я сейчас на подъеме и совершенно не обращаю внимания на затхлое окружение. Если меня оставят в покое, будет совсем хорошо.

Не в пример Марбургу здесь очень много молодых студентов, и тем важнее, что и как им дают.

Если еще несколько семестров назад я шел только одним путем, причем по возможности медленно и выверенно, то теперь я пытаюсь предпринять атаку по всему фронту.

В будущем я каждое лето наряду с основной лекцией буду читать для желающих "Введение в академическую учебу" [241].

Дом наш вполне готов – даже сад заложили. Вскоре состоится небольшое новоселье. Жаль, что Вы с Вашей женой не можете заехать к нам хоть на часок.

Однако теперь есть новый канал общения: нам установили телефон-7104.

Итак, если вдруг будет желание поболтать или возникнет необходимость серьезного разговора, это большое подспорье.

Вчера мы все вчетвером были в Шварцвальде, попали под великолепный снегопад, и я то и дело думал: если б только Яс-перс остался в Гейдельберге – мне тогда ничего больше не нужно. Когда вечером мы вернулись домой, в ящике лежало Ваше письмо.

В. Йегер прислал мне на днях оттиск своей статьи в "Отчетах о заседаниях Берлинской академии": "О происхождении и кругообороте философского идеала жизни" [242].

В ближайшие дни я посмотрю эту вещицу, и мы как-нибудь непременно о ней поговорим – хотя бы по причинам духовно-политического характера.

С сердечным приветом Вам и Вашей жене, остаюсь Ваш

Мартин Хайдеггер.

Моя жена тоже шлет Вам обоим сердечный привет.

[78] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 19/12.1928

Дорогой Хайдеггер!

Сердечно благодарю за Ваше последнее письмо. Мне нужно о многом Вам

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
написать – но это не спешно. Сегодня же хочу только срочно спросить Вас кое
о чем.

В нашей комиссии по замещению вакансии историка искусства[243] очень энергично расхваливают Янца[244] (Фрайбург). Некоторые члены комиссии – в том числе и я, – не имея пока достаточных сведений, т. е. на стадии проверки, несколько обеспокоены: возможно, он "по-немецки" профессионален, а возможно, тривиален в постановке задач. Все "авторитеты" превозносят его до небес. Не могли бы Вы сказать, какова деятельность Янца во Фрайбурге? Авторитетна ли[245] его школа, и если да, то в чем это проявляется? Распространяется ли его влияние также и вширь? – чтобы можно было сказать: он из тех, кто определяет исторические исследования во Фрайбурге?

Мы думаем о кандидатуре Панофски[246], а также о людях помоложе, которые могут оказаться самобытнее. Пока никакой определенности.

Если Вы сочтете целесообразным, напишите сразу два письма – одно, чтобы я мог представить его комиссии, а во втором Вы можете в случае необходимости еще более откровенно сообщить мне то, что нежелательно делать достоянием широкого круга.

Буду очень Вам благодарен за немедленный ответ, ведь если серьезные сомнения насчет Янца оправданны, медлить рискованно.

Сердечные приветы!

Ваш Ясперс

[79] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

20. XII. 28

Дорогой Ясперс!

Охотно отвечу на Ваш запрос относительно Янца. О его нынешней преподавательской деятельности я судить пока не могу, зато вполне могу рассказать о впечатлениях, какие сложились у меня в течение моего первого фрайбургского периода 1919–1923 гг. Тогда на моих семинарах постоянно присутствовал целый ряд необычайно прилежных и восприимчивых учеников Янца.

Янцен гамбуржец, по натуре сдержанный, слегка медлительный, отличается большой объективностью и осторожностью в мыслях и суждениях. Если не знать его близко, легко может возникнуть впечатление, будто он ученый сухарь. Однако на самом деле он совершенно иной – много путешествовал, открыт миру и одновременно проявляет горячий интерес к фундаментальным вопросам. Из многих бесед о средневековье я знаю, как энергично он вникает в общую духовную историю, не чураясь и более сложной работы – средневековой философии, которая не входит в сферу его специализации.

Янцен из тех, кто понимает и знает не только то, о чем пишет и говорит в настоящий момент.

Осенью он вернулся из поездки в Испанию, и, как я заметил, наблюдения его весьма глубоки.

Семинары его ценятся необычайно высоко, и посещают их студенты не только его цеха.

Как человек очень симпатичен, целеустремлен и решителен.

На каникулах надеюсь найти время для более подробного письма.

Сердечно Вас приветствую,

Ваш Мартин Хайдеггер.

[80] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

21. XII. 28

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Дорогой Ясперс!

Янцен во всех отношениях порядочен – волнений от него не будет, на какой-либо новый путь он вряд ли вступит.

Я не написал ничего негативного, потому что: 1) ценю его таким, каков он есть; 2) чисто внешне он с четырьмя взрослыми детьми находится в довольно паршивом положении (вакансии в Мюнстере и Лейпциге его обошли). Добьется ли улучшения при переводе в Баден – вопрос другой. И, наконец, наряду с Гуссерлем и Фабрициусом[247] именно он более всего содействовал моему повторному сюда назначению.

Учитывая, что среди историков искусства так многие и с такой легкостью занимаются фразерством и пространной безосновательной болтовней, я отдаю предпочтение человеку вроде Янца.

Пановски талантливее, одареннее в теоретическом отношении и сообразительнее – но, на мой взгляд, значительно одностороннее и на свой лад догматичнее; однажды я ввел его в Гамбурге – мне он несимпатичен.

"Немецкость" Янца вполне безобидна; он столь же решителен в своей науке, сколь и открыт для чужих аргументов и разумных мнений.

Если у вас нет какого-нибудь необычайно одаренного и сколько-нибудь устоявшегося в своем развитии более молодого представителя этой дисциплины, я бы непременно предпочел Янца. Я, конечно, не знаю, впишется ли он вполне в гейдельбергские обстоятельства – ведь они нестабильны, а кроме того, имеют свои теневые стороны.

Предполагаю, что Вы тоже получили приглашение в Давос[248]. Я поеду – хотя бы ради возможности покататься на горных лыжах. Тема: "«Критика чистого разума» Канта и задача основоположения метафизики". Приезжайте и Вы – причем так, чтобы мы были наверху в одно время. Мое выступление будет между 17 и 27 марта.

Хорошо, что наступили каникулы. Мы радуемся, что поедem в хижину. Зима пришла в своем самом прекрасном обличье.

Сердечный привет от нас всей Вашей семье, Ваш

Мартин Хайдеггер.

1929–1932

[81] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Дорогой Хайдеггер!

Гейдельберг, 6.4.29

Вы, наверное, уже вернулись из Давоса. Как раз сейчас у меня есть возможность принять Вас. Не хотите ли приехать? Может быть, в последней декаде месяца?

В последнем семестре ничего особенного не произошло. Я читал свои лекции[249], но книга продвигалась лишь косвенно. Сейчас, на каникулах, я, по счастью, вновь целиком погружен в работу.

Моя жена до конца месяца будет в Риме.

Если Вы не приедете, то я как-нибудь напишу Вам обстоятельное письмо и обо всем расскажу. А вообще лучше бы устно.

Сердечный привет,

Ваш Карл Ясперс.

[82] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Дорогой Ясперс!

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Фрайбург, 14. IV. 29

Сердечно благодарю за приглашение. По крайней мере, я рад, что Вы наконец-то дали о себе знать. Я, конечно, хотел бы приехать. Но до конца месяца мне нужно закончить рукопись моей интерпретации Канта[250], которую я неоднократно излагал в докладах и потому лучше уж опубликую сам, иначе она так и будет курсировать в бесконтрольных записях. Вот почему я сейчас очень-очень занят. И плюс ко всему толком не подготовился к семестру. По этой причине я и сейчас ничего не могу рассказать и вынужден утешить Вас обещанием сделать это позднее.

Лучше Вы сами напишите подробное письмо.

Как только немного освобожусь, напишу больше. В следующем месяце пойдут корректуры второго издания[251], которое я назвал "просмотренным". Замечательно, что Вы на подъеме!

Мы все здоровы, радостно живем в прекрасном доме на природе.

Сердечный привет, Ваш

Мартин Хайдеггер.

[83] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру[252]

20/6.29

Дорогой Хайдеггер!

На этот раз я весьма огорчился, что мы так и не поговорили. В особенности после того, как прочитал в газетах[253] о конференции в Давосе, мне очень хотелось услышать об этом непосредственно от Вас. Год с лишним – большой срок, столько всего накопилось, и кое-что из того, что когда-то требовало обсуждения, опять забывается или отпадает. Общая для нас нелюбовь к писанию писем, разве что по объективно срочным вопросам,

делает слишком долгий перерыв в нашем общении весьма прискорбным. Будем надеяться на осень!

Вы начали свой общественный путь и, как мне кажется, можете быть довольны серьезностью дискуссии, которая Вас встречает. Содержание начатых этим процессов – а я отнюдь не считаю его пустяковым, даже если Вы им не удовлетворены, – мы должны обсудить, когда увидимся.

За Вашу статью[254] сердечно благодарю. Я еще не успел ее прочитать, так как с весны вошел в хороший рабочий ритм и до сих пор не позволял себе отвлекаться.

Из новостей могу сообщить только о приглашениях на должность: из Эрлангена между тем приезжали четыре человека, так что у меня образовалась небольшая канцелярия. Что из этого вышло, я по сей день не знаю. Как я заключаю из наших предыдущих бесед, мои кандидаты были также и Вашими: Боймлер, Беккер, Эббингауз. На запрос, кого бы я предпочел – Беккера или Эббингауза, я ответил, что при любом выборе у меня будет ощущение, что со вторым обошлись несправедливо. Беккер благодаря своим заслугам снискал более твердую репутацию. Эббингауз, как человек философствующий, пожалуй, решительнее и, говорят, лдмше как преподаватель. Если бы выбор пришлось делать мне лично, я бы остановился на Эббингаузе, по причинам необъективного характера, связанным с личностью и не претендующим на всеобщую значимость.

Пишу сегодня, собственно, вот по какому поводу: этой зимой фрл. Арендг защитилась; [255] в целом работа не столь блестящая, как мы ожидали по первой ее части, но в философском отношении все же хорошая (исторически некоторые цитаты вызывают сомнение, кое-где так и не исправлены найденные мною оче-

видные ошибки; поскольку я не хотел потратить на эту работу более 1 у2 дней, боюсь, что какие-то ошибки еще остались) [256]. Работа превосходна с точки зрения того, чему она научилась у Вас в методическом плане, а в искренности ее интереса к проблемам сомневаться не приходится. Теперь она собирается подать в Общество поддержки [257] заявку на стипендию с целью

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org написать работу о Рахель Варнгаген[258]. Мне кажется, и по склонностям, и благодаря полученной подготовке она просто предназначена для этого. Не хотите ли Вы тоже написать ей небольшой отзыв? Я был бы Вам очень признателен. Послать можно мне или прямо ей: Hannah Arendt, Neubabelsberg bei Berlin, Merkurstr. 3 bei Luer. В последнем случае, пожалуйста, уведомьте меня.

О нашей профессуре по истории искусства и многих других вещах писать не хочется. В свое время Ваше письмо переубедило меня относительно Янца, ранее я был против него. Теперь, когда Янца отклонили, здесь все кувырком.

Сердечно,

Ясперс

[84] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 25. VI. 29

Дорогой Ясперс!

Сердечно благодарю за Ваше письмо. Отзыв, о котором Вы просили, прилагаю.

Я рад, что от Вас пришла весточка, а главное, что Вам хорошо работается.

С нетерпением жду осени, потому что дальше так продолжаться не может, хоть я в душе постоянно с Вами философствую.

Вопросами о новых назначениях меня, слава богу, больше не обременяют. Менее приятна для меня публичная жизнь, в которую я угодил.

С другой стороны, при всех безотрадных и не подходящих моему стилю моментах, в Давосе я непосредственно и сильно ощутил, что есть еще смысл жить; а потому приходится мириться с тем, что становишься предметом пересудов.

Сейчас я впервые читаю о Фихте, Гегеле и Шеллинге[259] – и опять передо мной открывается новый мир, – давняя истина, что другие за тебя читать не могут.

Первые 14 дней августа Вы, наверно, едва ли сочтете удобными для моего визита.

Да и мне это время не очень подходит; но жена с детьми будет тогда на озере Штарнбергер-Зе, а в хижину я один поехать не могу.

Пожалуйста, напишите об этом короткое письмо.

С сердечными приветами от нас всей Вашей семье, преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

Конверт с отзывом прошу Вас запечатать.

[85] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гевдельберг, 7 июля 1929 г.

Дорогой Хайдеггер!

Большое спасибо за письмо и отзыв. Я очень рад, что мы увидимся осенью, и сгораю от нетерпения: скорей бы уж это произошло. Но первая половина августа мне все-таки не подходит. Я бы предпочел конец каникул. Ведь раз уж можно поработать, то я хотел бы завершить главу – ту единственную, основную идею которой я еще не вижу вполне отчетливо, хотя и накоплено много материала, где она себя являет. Именно это постоянно занимает меня в настоящее время и должно выйти наружу, прежде чем я откроюсь для другого. И коли уж я сейчас не сумею этого сделать, то хотел бы на короткое время полностью расслабиться на природе или навестить родителей.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
На зиму я взял отпуск, наверное последний в моей жизни. Но пройдет еще> как минимум, год, прежде чем я доведу эту работу до печати.

Я слышал, Вы опубликовали свою речь по случаю дня рождения Гуссерля[260]. Разве я ее не получу?

В Эрланген взяли Херригеля[261]. Он был на 4-м месте. Я всячески предостерегал. На это решение тамошнему факультету понадобилось полгода консультаций.

Вчера здесь на заседании большого ученого совета опять грянуло новое бедствие и атмосфера была удручающая: борьба за выборы[262]. Мы проиграли. Хорошее, как правило, остается в

меньшинстве. Интересный вопрос: как ему добиться большинства, не испортившись при этом в своей основе?

Сердечный привет,

Ваш Карл Ясперс.

[86] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 14 июля 29 г.

Дорогой Хайдеггер!

За Вашу книгу о Канте[263] и речь, посвященную Гуссерлю, сердечно Вам благодарен. Книгу я пока только бегло пролистал и радуюсь предстоящему чтению. Это определенно совершенно новая интерпретация, единая по замыслу, для меня непривычная и пока еще не соотношенная с тем, чем является для меня философия Канта, однако в ней хорошо представлены [кантов-ские] структуры, которые мне – по первому впечатлению – кажутся излишне акцентированными, – правда, само по себе это не недостаток. Но мы должны поговорить – материала накопилось еще больше. По поводу гуссерлевской речи у меня есть не-

сколько дерзких вопросов[264].

Сердечно,

Ваш Карл Ясперс.

[87] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

30 июля 29 г.

Дорогой Ясперс!

Не возражаю, чтобы Вы так распорядились отзывом[265]. Спешу!

Сердечный привет,

Ваш Мартин Хайдеггер.

[88] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Висбаден, 8 окт. 29 г.

Дорогой Ясперс!

13 или 14 октября я заеду к Вам из Франкфурта, где я остановился на несколько дней у Рицлера[266] (Мариенштр., 1). Если Вам это не подходит или Вы бы предпочли, чтобы я приехал позднее, сообщите, пожалуйста, на мой франкфуртский адрес.

По просьбе г-жи Шелер[267] я был в Кельне, просматривал архив Макса Шелера.

Сердечный привет Вам и Вашей жене,

Ваш Мартин Хайдеггер.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс [89] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Ольденбург [268], 10 окт. 1929 г.

Дорогой Хайдеггер!

Сердечно Вас благодарю.

К сожалению, я сейчас не в Гейдельберге. Об этом я сообщил Вам телеграммой. Мне никак нельзя уехать от родителей [269] прямо теперь, ну, разве что на день-другой раньше, но к Вашему возвращению из Франкфурта все равно не успею.

Надеюсь, Вы все-таки сумеете заехать ко мне незадолго до начала семестра. Обидно ведь, если и на сей раз ничего не получится. В последние десять дней этого месяца я готов Вас принять – когда и на сколько Вы бы ни приехали.

Сердечные приветы от меня и моей жены,

Ваш К. Ясперс

[90] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-Церинген, 18. X. 29

Дорогой Ясперс!

Спасибо Вам за письмо. Я уже так и этак прикидывал, как бы встретиться с Вами в Гейдельберге, но не хотел и не мог оставаться во Франкфурте до 20-го. Кроме того, по решению учено-

го совета (я и сам голосовал за это решение), в этом семестре лекции у нас начнутся уже 24 октября.

На днях я получил приглашение Немецкого объединения специалистов Гейдельбергского университета прочитать там лекцию. Я дам согласие на 5 или 6 декабря и тогда, возможно, смогу два дня пробыть у Вас. Хоть какое-то возмещение, пусть и мизерное. Выступлю я на тему моей здешней инаугурационной лекции: [270] "Что такое метафизика?"

Я никак не ожидал, что Вы в это время будете в Ольденбурге, потому и не написал раньше.

С сердечным приветом от нас всей Вашей семье,

Ваш Мартин Хайдеггер.

[91] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 21.10.29

Дорогой Хайдеггер!

От всей души рад, что в начале декабря Вы приедете. Надеюсь, теперь ничто не помешает. Немецкое объединение специалистов заслуживает высокой похвалы.

Желаю Вам удачного семестра!

Прилагаю поступившую для Вас корреспонденцию.

Сердечный привет,

Ваш К. Ясперс

[92] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 1 дек. 29 г.

Дорогой Ясперс!

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Буду в Гейдельберге в следующий четверг в 1241. Если Вы и Ваша жена не против, я бы остался до воскресенья.

С сердечным приветом,
от нас Вашей семье, Ваш
Мартин Хайдеггер.

[93] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру
Гейдельберг, 2.12.29 (почтовый штемпель)
Дорогой Хайдеггер!

5-го состоится Ваша лекция. Буду очень признателен, если Вы коротко сообщите, когда приезжаете и как долго сможете у нас пробыть. Не сомневайтесь, комната у Вас будет теплая. Нет ли у Вас каких-нибудь особых пожеланий?

С сердечным приветом и радостью
по поводу долгожданной встречи,
Ваш Карл Ясперс

Пожалуйста, останьтесь у нас как можно дольше! До свидания! И привет Вам всем!

Гертруда Ясперс 192

[94] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру
Гейдельберг, 2.12.29 (почтовый штемпель) Дорогой Хайдеггер!

Несколько часов назад я отправил Вам открытку. И вот уже получил подробнейший ответ. Мы будем очень рады, что до воскресенья.

На вокзале, как обычно, никого не будет. Ждем Вас здесь, дома.

Сердечный привет,
Ваш Карл Ясперс

[95] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру
5/12.29

Дорогой Хайдеггер!

С незапамятных времен я не слушал никого так внимательно, как Вас сегодня. В этом беспрестанном трансцендировании мне дышалось легко и свободно, как на свежем, чистом воздухе. Я слышал в Ваших словах столь самоочевидное для нас обоих, отчасти мне чуждое, но все-таки тождественное. Есть еще философствование!

Спокойной ночи!

Сердечно,
Ваш Карл Ясперс. [271]

7–3600 193

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс [96] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу
Фрайбург-им-Брайсгау, 29. III. 30

Дорогой Ясперс!

Вчера под вечер как гром среди ясного неба по телеграфу пришло приглашение

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
в Берлин[272].

К 7 апреля меня просят приехать на переговоры. Я был бы Вам очень благодарен, если бы перед поездкой – я, вероятно, поеду 5. IV – мог получить у Вас подробную консультацию.

С сердечным приветом от нас Вашей семье,
преданный Вам

Мартин Хайдеггер.

[97] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 29 марта 1930 г.

Дорогой Хайдеггер!

Я только что прочитал в газете, что Вы получили приглашение в Берлин. От всего сердца поздравляю. Вам не только выпала величайшая честь, какой может быть удостоен университетский философ, – Вы займете заметнейшую позицию и оттого получите и осмыслите доселе Вам неизвестные импульсы для философствования. Думаю, лучшей возможности не существует.

Поскольку я сам некогда питал надежды на Берлин, мне чуточку больно. Но совсем-совсем чуточку – потому что приглашение получили теперь Вы. Ведь сознание, что наконец происходит то, что нужно, и что сейчас в высшей степени безусловно и справедливо, чтобы именно Вы получили эту возможность действовать, – радость столь позитивная, что боль остается сугубо личной, частной и тихой и уже изначально стремится исчезнуть.

Увижу ли я Вас теперь в Гейдельберге по случаю Ваших берлинских поездок? Буду рад, если это окажется для Вас возможно.

С сердечным приветом –
и всего наилучшего!

Ваш Карл Ясперс[273].

[98] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 30 марта 1930 г.

Дорогой Хайдеггер!

Очень рад, что перед Берлином Вы заедете ко мне. Пожалуйста, сообщите только, когда именно это будет.

Сердечно,

Ваш Карл Ясперс.

7* 195

[99] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 1 апреля 1930 г.

Дорогой Ясперс!

Сердечно благодарю Вас за письмо.

Из того, что я еду сначала к Вам, а потом на переговоры, Вы, наверное, поняли, что этот визит я рассматриваю не как мое частное дело.

Приеду я в пятницу в 1109, а в субботу в 1302 продолжу путь.

С сердечным приветом от нас Вашей семье,
Ваш Мартин Хайдеггер.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

[100] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Дорогой Ясперс!

2. Г/.30

Если Вы не возражаете, я приеду к Вам уже завтра (в четверг) вечером в 830.

Если Вам это неудобно, сообщите, пожалуйста, до 4 часов пополудни.

До свидания, Ваш

Мартин Хайдеггер. 196

[101] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 17 мая 30 г.

Дорогой Ясперс!

Новостей у меня нет, могу лишь повторить то, что по дружбе уже Вам доверил. Несколько дней назад я отклонил приглашение в Берлин.

Это приглашение изначально содержало тенденцию, которую мы считали недопустимой. Прежде всего, денежная гарантия за преподавание не зависела от количества лекционных часов. А это количество отдавалось на мое усмотрение – буду ли я читать 1, или 2, или 4 часа в неделю. Сверх того никаких обязательств.

Баденское правительство, конечно же, не могло тут никак повлиять, да я этого и не требовал. Но все-таки пыталось. Впрочем, с самого начала было ясно, что все это не подлежит обсуждению.

У меня тотчас состоялся продолжительный разговор с министром, который произвел на меня наилучшее впечатление. Он немедленно посвятил меня в предысторию приглашения. Факультет *uniso* Лосо предложил Кассирера, отклонил Гартмана и "назвал" меня, высказав, правда, сомнения относительно возраста и проч.

Таким образом, к четырем посредственностям желали заполучить еще и пятого, неопасного.

Просто беда, когда берлинский факультет настаивает ныне на какой-нибудь кандидатуре.

По секрету, после того как стало известно о приглашении, некоторые на факультете, в том числе Йегер, вдруг обнаружи-

ли, что на "самом деле" хотели именно меня. Однако – бонзы. Я давно сомневаюсь, годятся ли такие трусы для того, чтобы поставить на ноги новый гуманизм.

Все это в целом не вызвало во мне внутреннего беспокойства, однако принесло много суеты и бесполезных разговоров.

После моего отказа министр в пространном письме пытается найти новый способ заманить меня в Берлин. И для этой цели намерен послать ко мне во Фрайбург Рихтера для новых переговоров.

Рихтер, кстати, встретил меня в Берлине возгласом: "Ну, вот мы и встретились!" По мне, пусть он останется в Берлине, я охотно откажусь от "сатисфакции", мне было бы это очень неприятно.

На Троицу мы – моя жена и я – собираемся с друзьями пройти на байдарках по Майну или Везеру. И по этому случаю можем заглянуть к Вам.

С сердечным приветом и пожеланиями по поводу завершения Вашего труда,

Ваш Мартин Хайдеггер. Пожалуйста, передайте поклон Вашей жене. Моя жена тоже передает большой привет Вам обоим.

[102] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гевдельберг, 24 мая 1930 г. Дорогой Хайдеггер!

Сердечно благодарю Вас за письмо. Ваш окончательный отказ все же вновь взволновал меня. Теперь, благодаря Вашим разъяснениям, я Вас понимаю. Твердость Вашего решения не оставляет сомнения в том, что Вы сделали правильный выбор. Те философские идеи, что еще дремлют в Вас и ощущаются только Вами, здесь, на юге, в одном из оазисов современной пустыни, могут проявиться куда лучше. И все же мне не безразлично, что ввиду нынешней действительности и при ее опасности в Берлине теперь не будет философии. С Вашей стороны в этом решении заключен отказ и притязание, значение которого я еще не вполне понимаю. Из этого выйдет что-нибудь хорошее. Я желаю самого лучшего Вашей работе, опирающейся на ту основу, которую Вы так решительно избрали.

В настоящее время Ваше решение имеет объективную значимость для нашего немецкого университета в целом. Ибо многим оно подскажет: Берлин падает в цене – малые университеты поднимаются. Не думаю, что это скоро забудут.

Теперь для Вас остается Гейдельберг[274]. Если Вы действительно хотите этого, то с Вашей помощью я сделаю все, чтобы Вы перебрались сюда. И начать следовало бы заблаговременно. Сложность будет с Гофманом, за которым, к сожалению, стоит большая часть факультета, однако вполне возможно, что, оказавшись в одиночестве, он сразу примет Вашу сторону. Другая сложность: Карлсруэ; [275] там Вы, правда в финансовом отноше-

нии, будете иметь преимущество перед Кассирером, поскольку вместо Вас во Фрайбург могут пригласить кого-нибудь, кто обойдется дешевле, если Карлсруэ вообще сохранит в Гей-дельберге три ординариата, что никогда не входило в планы и не было одобрено ландтагом. Но все это мы можем обсудить позднее.

Для меня, разумеется, Ваш переход в Гейдельберг – единственная из возможностей, которая имела бы значение. Тогда решилось бы, способны ли мы оба коммуникативно философствовать и в предельно радикальной дискуссии, или же свое существование продолжит старый солипсический путь, что всегда присутствовал в университетах: одна только полемика, но никакого реального итога и старания "не обижать друг друга". Для нас это была бы своеобразная проверка экзистенциальной философии, которую нельзя осуществить напрямик, волевым усилием. Если в обстановке публичности это произойдет как движение, реализуемое в течение нескольких лет, то в философствовании появится новая верификация и новый призыв к другим, который сумеет создать некую действительность. Неудача будет ни с чем не сравнимой трагедией для меня и, думаю, для Вас тоже. Страх перед неудачей порой ставит под вопрос мое желание такого пространственного соседства. В Берлине это было бы иначе, нежели в опасной тесноте небольшого города. Трудности велики, но тем значительнее удача.

Можно ли приостановить упадок Гейдельберга Вашим переходом сюда – сказать трудно. Ведь речь идет главным образом о назначениях и защитах диссертаций. У нас было много отказов (Бушор[276], Панофски[277]). Если придете Вы, значение Гейдельберга в глазах общественности наверняка возрастет. Зача-

стую мы здесь безоружны перед теми людьми, которые целенаправленно идут на приглашение посредственностей. Они в большинстве. С Вашим приходом солидарность двух (при которой мы почти наверняка могли бы рассчитывать на Вебера и Гундольфа) приобрела бы, возможно, ту силу, свидетелем которой я бывал лишь в краткие мгновения. Но в физическом отношении на меня полагаться нельзя, и сколько мне осталось жить – на это Вам тоже надо обратить внимание. План аристократического университета, который мы недавно обсуждали, пока утопия. Но сбрасывать его со счетов нет необходимости. Если рейх вправду когда-нибудь захочет создать "рейхсуниверситет", то, может быть, шанс и появится. Тогда без Вас не обойтись. Потому что в этом случае политически решающим фактором станет сотрудничество католических кругов. В этом вопросе мы все здесь как дети малые, тогда как Вы знаете в этом толк и, возможно, найдете варианты, которые и центр устроят[278], и университет не погубят.

Когда я размышляю о возможности Вашего перехода, еще одно обстоятельство усиливает мое желание видеть Вас здесь; вспоминая о Вашей молчаливости в

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org наших беседах, я тоскую по "обоюдоострым" обсуждениям, какие бывали раньше и давным-давно прекратились. Правда, по крайней мере в последний год, виноват в этом я. Завершение книги – каторжный труд, который необходимо закончить, чтобы снова стать свободным. Если не помешает болезнь и т. п., я надеюсь зимой завершить работу.

Ваше письмо застало меня в постели. После девятимесячного перерыва лекции привели мои бронхи в ужасное состояние. Однако я сумел продержаться, "не выходя из строя". Теперь пользуюсь первым свободным днем, чтобы ответить Вам. Мы очень

рады, что Вы приедете на Троицу, – надеюсь, Ваши планы этому не помешают.

Сердечный привет,

Ваш Карл Ясперс.

[103] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 5 июля 1930 г.

Дорогой Хайдеггер!

Срочно требуется кандидат на место штатного профессора романской филологии. Не могли бы Вы как можно скорее сообщить Ваше мнение о Райнфельдере [279] – о нем как о человеке, о его преподавательских успехах, об инаугурационной лекции и т. д. Я знаком с тем суждением, которое Вы сообщили Бесселе-ру [280]. Ваше письмо я хочу показать комиссии. Вероятно, оно окажется решающим, по крайней мере так говорил мне Ольшки [281]. Обычный автоматизм – для правительства так проще всего – подталкивает к Райнфельдеру.

Сердечный привет,

Ваш К. Ясперс.

Переписка [104] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 13.7.30 (почтовый штемпель)

Дорогой Хайдеггер!

Вы мне еще не ответили. Поэтому на всякий случай сообщаю Вам, что заседание комиссии, на котором должно быть принято окончательное решение, состоится в среду.

Сердечный привет,

Ваш К. Ясперс.

[105] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 15 июля 30 г.

Дорогой Ясперс!

Вчера у меня была лекция в Карлсруэ, и до поры до времени я забыл и отложил в сторону все остальное. Поэтому с ответом я, наверное, опоздал.

О Райнфельдере я, конечно, не могу судить как специалист. Мне довелось присутствовать у него на защите, а в таких случаях можно многое почерпнуть уже из формулировки автобиографии. Я не имею в виду основные вехи жизни. Впрочем, Райнфельдер знаком мне не только в связи с этим обстоятельством, а кроме того, я навел о нем справки.

Количественные показатели его преподавательского успеха весьма высоки, но речь ведь тут идет о чистой показухе и удобном способе накопить справки об участии в семинарах. И своей задаче Райнфельдер вполне соответствует. Рвения у него предостаточно, а предъявлять иные требования к этим кошмарным полчищам новоиспеченных филологов ему незачем.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Судя по тому, что я знаю о нем и слышал, он на это и не способен. Его лекция при вступлении в должность была, по общему мнению, просто жалкой. Там вроде бы что-то говорилось о "духовной личности", а мы как раз и требовали осветить тему Паскаля, чтобы кандидат не только все время доказывал, что он вполне прилично овладел и без того несложным ремеслом и с его помощью приходит к так называемым **результатам исследований**, но чтобы он вдобавок имел возможность убедить факультет: живой мир, о литературе и языке которого ему предстоит говорить, затрагивает его самого.

Эту возможность Райнфельдер получил, факультет не почувствовал ни малейшего намека на живое отношение к материалу. Я уж не говорю об оригинальности этого живого отношения, способного дать стимул исследованию.

Даже характерно католический мир Паскаля не получил у Райн-фельдера, верующего католика, никакого освещения. Жалкое зрелище.

Здесь, как и в других случаях, все дело в необходимости. В нынешних условиях без таких показушников уже не обойтись. Вне всякого сомнения.

Но за этим стоит вопрос: должен ли философский факультет становиться таким показушным заведением для учителей языка, которых потчуют вдобавок сомнительной эстетической болтов-

ней, – или же чем-то иным. Опыт последнего времени ясно показывает мне: защиты и назначения таких кандидатов, как Райн-фельдер, – которых наверняка будут усердно хвалить в соответствующих региональных газетах, – вообще нельзя обсуждать от случая к случаю, поскольку тогда дело становится совсем гиблым; если для философских факультетов их собственная судьба важнее продолжения "процесса", то такие защиты и назначения нужно пресекать а *limine*?. Ну почему – любой ценой! – всякое освободившееся место непременно должно быть занято, притом непременно теми, кто имеет соответствующий "мундир"? Давайте подумаем: как гёттингенскому [факультету] математики и естественных наук удастся держаться на высоте? Потому, что там идут на риск укомплектовывать предмет иногда двумя специалистами или представителем совершенно иной дисциплины – лишь бы кандидат был достойный.

Что же это будет за поколение филологов-романистов (а в других дисциплинах обстоит точно так же), если факультеты так поступают? Но, может быть, г-на Райнфельдера уже сегодня относят к великим романистам?

Тут решать должны Ваши специалисты.

Сердечный привет,

Ваш М. Хайдеггер.

* Изначально (лат.).

Мартин Хайдсггер/Карл Ясперс [106] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Дорогой Ясперс!

19 мая 31 г.

Пишу Вам эти строки в связи с внешними обстоятельствами. Человек, который передаст Вам это послание, проф. Миякэ [282], не принадлежит к многочисленным любопытствующим японцам, он – серьезный труженик. Быть может, у Вас найдется несколько минут для него.

В остальном я продолжаю молчать, ожидая, пока Вы завершите свою работу.

Надо сказать, о ней много спрашивают, но всякий раз я рад, что ничего не знаю.

Желаю Вам успешно завершить этот труд. Чем громче шум вокруг моего "имени", тем более одинок я в моей работе. В августе всей семьей поедем на Спикерог [283].

Сердечный привет Вам и Вашей жене,

Ваш Мартин Хайдеггер.

[107] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 24 июня 31 г.

Дорогой Ясперс!

Сегодня у меня есть срочная просьба. Беккер только что получил приглашение в Бонн.

Я в спешном порядке ищу ему замену на место ассистента, иначе эту ставку сократят.

Собственных "учеников" у меня нет, да я, собственно, и хочу совсем другого. Я думал о Броке [284], который на Троицу произвел на меня очень хорошее впечатление и теперь легко мог бы "перезащититься". Однако я не хотел бы действовать лишь по собственному усмотрению.

Вы ведь его знаете.

Если для Вас это не очень некстати, напишите, пожалуйста, что-нибудь о нем.

С сердечным приветом

Вам и Вашей супруге,

Ваш Мартин Хайдеггер.

Своей бесстыдной (и совершенно жалкой) "Гевдельбергской традицией" [285] Риккерт, очевидно, желает публично связать себя с будущей практикой приглашений.

[108] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 25. VI. 1931

Дорогой Хайдеггер!

Приглашение Беккера в Бонн очень радует. Передайте ему, пожалуйста, мои сердечные поздравления.

О Броке писать нелегко. Я знаком с ним десять лет, но, по существу, так его и не знаю. Он из тех немногих, кто меня постоянно интересовал.

Прежде всего: он кое-чему научился. Изучение медицины, к которому он приступил после первичного знакомства с началами философии, уже обитая в мире культуры, и которое довел до конца, много дало ему по части чутья к действительности и к научным методам; он знает, что такое наука. И все же он отнюдь не "медик", у него нет склонности к работе врача, скорее, он с первого дня и на всем протяжении учебы был по-настоящему движим именно философией.

Далее: он обладает невероятной чуткостью, вступает с людьми в чуть ли не пугающую, мудрую близость и благодаря этому по крайней мере соприкоснулся с очень важными вещами. Ведь общение с людьми не было для него побочным делом, я думаю, оно дало ему опыт, который потряс его и, кажется, сделал одиноким, хотя он дружен и поддерживает добрые отношения с прекрасными людьми. У него безошибочное чутье к уровню. Он отличается от огромного большинства окружающих, поскольку шагнул в то пространство, где спадают все покровы и становится возможна подлинная серьезность.

Эта моя высокая оценка имеет одно ограничение: я несколько не сомневаюсь в его серьезности и порядочности, но в нем есть опасная чрезмерность, и оттого возможны неожиданные срывы. Балласт, позволяющий кораблю сохранять остойчивость, у Брока невелик. Надеюсь, Вы истолкуете мои слова не как порицание, а как описание таланта и одновременно опасности, – кое-что в его натуре производит на меня впечатление истеричности.

О профессиональных философских достижениях Брока я судить не могу. Он наверняка может еще многому научиться, поскольку регулярно философствовал, но философов изучал нерегулярно. Я ожидаю от него результатов, ибо у него

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
есть искренность в сердце и голова на плечах.

Несколько лет назад (думаю, примерно в 1927–м) Брок был у меня, хотел защититься под моим руководством, намереваясь впоследствии защитить и вторую диссертацию – на право преподавания в университете (правда, вслух он об этом не говорил). Я тогда отсоветовал ему это делать, во-первых, потому, что не рискнул взять на себя ответственность за то, чтобы он, имея законченное медицинское образование и даже не пытаясь практиковать и вести научную работу в этой области, сразу же порвал с медициной, а во-вторых, потому, что его шансы в философии возросли бы, если бы он защитил докторскую диссертацию в другом месте и там же получил право на преподавание. Мой отказ он воспринял тогда как тяжелый удар и, вероятно, не простил мне полностью, однако примирился с ним и остался мне верен.

Летом 1929 года Брок снова побывал в Гейдельберге. Здесь его тогда хорошо знали, поскольку он философски изничтожил Манн-гейма на его же семинаре. Каждая беседа с ним была для меня огромной радостью. Он понимает самые сложные вещи, тончайший намек встречает в нем отклик.

Преимущество его в том, что он не является ничьим "учеником". Его окружает атмосфера свободы.

Если бы мне пришлось искать человека на место ассистента, то из знакомых мне сейчас молодых людей я безусловно выбрал бы Брока.

Риккерт, конечно, задумал свой труд, в частности, с намеком на то, кто унаследует его кафедру[286]. Недавно я говорил Гофману, что приглашение нового специалиста заинтересует меня, только если речь пойдет о Вас или о Кассирере. В противном случае нам никто не нужен. Гофман согласился. Кассирер не перейдет, так как баденское правительство не может платить новому профессору 30 000 марок. Полагаю, что баденская программа экономии вообще не поддержит ни одно назначение на избыточно укомп-лектованные дисциплины.

Вы едете на Спикерог, на остров, столь любимый моим отцом и всей нашей семьей! Надеюсь, Вам будет там хорошо.

Я остаюсь дома, пока рукопись не будет готова к печати. Пред-варительная публикация (своего рода конкретное введение[287]) уже сверстана и, вероятно, выйдет в сентябре. Надеюсь, что и книга скоро уйдет в набор.

С сердечным приветом Вам и Вашей жене, Ваш Карл Ясперс.

[109] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 20 дек. 31 г.

Дорогой Ясперс!

Сегодня и вообще к Рождеству – пока только это благодарное письмо за подарок, который Вы сделали мне Вашим большим трудом и его небольшим "введением"[288].

До сих пор я мог читать только "Метафизику*", причем "с конца" – две последние ее главы. Мне требуется очень много времени, чтобы понять [Ваш замысел], и я понимаю его лишь в той мере, в какой меня к этому вынуждают собственные интересы.

Поскольку я заранее целиком с Вами согласен, "о Вашей работе" я пока могу сказать меньше других.

Приводить здесь случайные мысли и неуклюжие возражения, которые, пожалуй, в большинстве своем основаны на незнании целого, я не хочу.

Главное – вместе с Вашим трудом в философии наконец появилось нечто необходимое и цельное. Вы говорите с четкой и решительной позиции победителя, опираясь на богатства экзистенциально проверенного.

Эта работа косвенно выявит скрытое бессилие слабых и всего лишь смысленных, заставит быть скромными всех подлинно старательных, но ограниченных и открылит тех неведомых нам, кто поймет Вашу задачу.

С тех пор как Ваш труд вышел в свет, меня огорчает только одно: что он не был известен, когда решался вопрос о берлинской вакансии.

Вы обладаете теперь не только базой, широчайшими горизонтами и твердостью позиции, но и несомненным мужеством, чтобы действительно быть там. А вместо этого к тамошним бесполезным прибавилась еще одна посредственность.

Многие молчаливые читатели, которые окажутся в поле воздействия Вашей работы, помогут перепахать почву, тем самым способствуя обновлению, которое Вы ведете.

То, что о Вашей работе будут писать, не должно иметь значе-

ния, разве что сами эти отзывы попадут под скрытый нажим необходимости.

Пусть радостный отдых по завершении этого этапа подготовит Вас ко второму, решающему шагу "сведущего" водителя и стража в подлинную публичность.

Ваш труд еще раз подтверждает мне, что все эти два года я поступал правильно, не тревожа Вас. Мне и сказать-то было нечего. Ведь я с давних пор – еще до берлинского эпизода! – испуган своим "сомнительным" успехом^[289] и понимаю, что дерзнул зайти слишком далеко, за пределы собственной экзистенциальной силы, не видя ясно ограниченности реально мною вопрошаемого.

С тех пор я существую в роли зрителя галереи, который, в частности, следит за тем, чтобы шторы на окнах были надлежащим образом раздвинуты или задернуты, дабы немногие великие произведения прошлого были более или менее хорошо освещены для случайно забредших посетителей. Не имея картины, я преподаю и занимаюсь только историей философии, т. е. пытаюсь без оглядки на лекционное время изложить то, что полагаю важным для оживления философствования. Наполовину шваб, я достиг также и "швабского возраста", когда человек становится достаточно умен, чтобы знать, что можно и должно, а что нет.

У моей жены и мальчиков все хорошо. Они втроем вернулись со Спикерога – в восторге и полные сил.

Брок очень усерден, добросовестен, хотя немного возбужден и неуверен; он по-прежнему чересчур всерьез относится к хай-деггерствующему кудахтанью нескольких "учеников", которые еще сопутствуют мне.

Завтра мы едем в хижину на все каникулы. Опять будут метели, и лисий вой в заснеженном лесу, и высокое ночное небо, и одинокие поездки по безмолвным горным долинам.

Сердечно приветствую Вас и Вашу жену,

с искренней дружбой, Ваш Мартин Хайдеггер.

[110] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 24/12.31

Дорогой Хайдеггер!

Читая Ваше письмо, я испытал необыкновенное счастье услышать важное для меня слово поддержки. Ваше дружеское отношение к моим печатным трудам позволяет мне надеяться, что между нами еще что-то произойдет. 12 лет назад – так мне кажется – едва тлеющая искра в моей "Психологии мировоззрений" была, наверное, едва заметна. Долгие годы я был обязан Вам критическим отношением и утверждением возможного. Вы были единственным моим коллегой, который знал, что мне не удалось. Когда затем в "Бытии и времени" стал вправду заметен настоящий огонек, он все же горел так, что читатель, продираясь через шлак и пепел феноменологии (поскольку они связывали на манер несущего каркаса), мог отвлечься на то, что Вы называете "хайдеггерствованием". И если мне теперь уда-

лось зажечь еще один огонек, то лишь огонек, и не более. Мой труд весьма несовершенен; силы моей мысли хватает только на минутные прозрения, и лишь

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
терпеливость, позволяющая исподволь, хитростью выманить еще и еще что-то из этого вечного погружения обратно во тьму, довольствование каплями дало возможность вырасти книге, в которой по-прежнему останется много недочетов. Наше дело проиграно, если оно догматизировано и существует в виде произведения. Поэтому я вовсе не чувствую себя "победителем", как гласит Ваша дружеская, однако опасно отстраняющая формула; я как бы перед дверью, словно необычайное еще только предстоит, словно мне не удастся постичь мыслью (я не говорю о редких мгновениях собственной жизни), но словно напряжением всех сил я сумею удержать угадываемое и ускользающее. Для публичности подходящей формой было бы не обладающее истиной произведение, а движение размежевания, которое вместо полемики впервые ввело бы в философский мир коммуникативную критику. Мне бы следовало расшатать" Ваше "Бытие и время"*, а Вам – мою книгу так, чтобы из разрушенного по-настоящему ярко вспыхнули их суть и возможность – иначе говоря, то, в чем мы "заранее едины". Потом мы должны продолжить обмен мнениями и наконец представить их общественности как совместный труд. Но такого нельзя достичь усилием, оно может только получиться само собой.

В последние годы мое отношение к Вам было обвеяно грустью. На мое письмо о возможности Вашего перехода в Гей-дел ьберг, написанное весной 1930 года[290] и продиктованное обеспокоенностью и боязнью, которые можно было развеять одним словом, я, как мне казалось, не получил в ответ ничего,

кроме: "у нас же не совместное предприятие", – эти слова Вы сказали мне на Троицу[291] по поводу Штернбергера[292], и я не мог их забыть, поскольку они были очень под стать письму, на которое мне больше ничего не ответили. Но я ошибся. Поэтому одной лишь возможности иного мне сейчас как бы и доста^–точно.

На путь "'подлинной публичности" я вряд ли смогу вступить. Физических причин, этому препятствующих, не изменить. Философия немецких университетов, судя по всему, надолго пребудет в Ваших руках. Пока жив, я смогу работать только с пером и бумагой. Мне очень больно сознавать, но так было всю мою жизнь: я не могу выйти в мир, не могу в живом общении будоражить умы и позволять людям делать то же со мной.

То, что Вы пишете о своей работе исключительно над историей философии, важно и для меня. Я не намерен добавлять свою "философию" ко всем прежним как некую новую форму. Подобно Вам, я чувствую, что нахожусь на службе Великого. И, как я формулирую в книге, моя философия стремится стать органом усвоения этого Великого, и не больше. А "больше" для нас обоих есть смысл и осознанность этого усвоения и потому – возможность новой критики и коммуникации. Вы как "комментирующий" философ рано поняли это и стали в наше время единственным, кто сумел проникнуть в тексты и тем самым установил контакт с началом; я же в муках одиночества и коммуникации, которая все же стала удаваться, значительно позже перенес это в занятия, посвященные философским трудам. И там мы встретились давным-давно – в этом я уверен, несмотря на Вашу книгу о Канте[293].

Очень рад, что Вы благожелательно пишете о Броке.

В хижине Вам будет замечательно хорошо. Ах, если бы встретить Вас среди горных долин, в лесном уголке!

Искренне Ваш,

К. Ясперс

Одновременно посылаю Вам мою заметку, напечатанную во "Франкфуртер цайтунг"[294], я как раз запечатывал ее в конверт, когда служанка принесла мне Ваше письмо.

[111] Мартын Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 8 дек. 32 г.

Дорогой Ясперс!

Велик, прекрасен, прост и ясен Ваш новый труд[295]. Диалог с М. В.[296] в благодарном вздохе после завершения Вашего великого труда.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

Это наводит меня на мысль: теперь, наряду с "Философией", Вам надо написать работу под названием "Философы". Это была бы совсем не традиционная история философии и, возможно, наиболее действенная "логика философии". Я радуюсь еще и по другой причине. Сегодня так мало того, чем можно восхищаться и в чем чувствуется присутствие духовной силы.

А кто пытается пробудить величие древних, растрчивает всю силу прежде, чем успевает воссоздать образ, если это вообще удастся.

М. В. я знаю недостаточно хорошо, и он, вероятно, в конечном счете останется для меня чужим. Я предполагаю, что и в Вашей работе присутствует нечто иное. Я говорю "предполагаю", так как еще не проработал Ваш труд по-настоящему и пока не созрел для внутренней полемики. Мой личный опыт с чужими оценками призывает меня к еще большей осторожности. Я пока что не верю, что постигаю подлинно творческую суть подобной работы. Но в один прекрасный день это непременно произойдет.

К собственным моим попыткам я теперь отношусь с несколько большей надеждой, ибо меня наконец-то единодушно отвергают по всему фронту так называемой "философии". Шум умолк, и я чувствую, что вернулся в благодатную анонимность, как до 1927 года.

Последние годы я целиком посвятил грекам, и они не отпускают меня также и в этом отпускном семестре. Небольшое "мое" все больше растворяется для меня в этой строгой атмосфере. Удастся ли в следующие десятилетия создать для философии почву и пространство? Придут ли люди, которые несут в себе далекое предназначение?

Когда Вы будете читать во Фрайбурге свой доклад? Ваш приезд важен по многим причинам.

Спасибо за книжицу.

С сердечным приветом,

Ваш

Мартин Хайдеггер.

1933–1936

[112] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 10.3.33

Дорогой Хайдеггер!

Вы до сих пор не получили от меня ответа на письмо, в котором так горячо благодарили меня за работу о Максе Вебере. Сегодня я только хочу сказать Вам, как Вы меня этим порадовали. Но прежде всего хочу спросить, не желали бы Вы вновь навестить меня на этих каникулах? Мы так давно не разговаривали – последние встречи были короткие, вроде как только поздоровались, – что нас необходимо подтолкнуть друг к другу силой. Поскольку и раньше это происходило не через наши труды, но только в беседе, наверно, и в будущем так останется. Если писания имеют тенденцию разобщать, тем более слово должно связывать. В конечном счете мы ведь больше того, что мы пишем. Буду очень рад, если Вы решитесь приехать. Лучше в марте, чем в апреле, – в марте в любое время.

С сердечным приветом от нас Вашей семье,

Ваш Карл Ясперс.

[113] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 16.11.33

Дорогой Ясперс!

Сердечно благодарю Вас за письмо и приглашение. В эти мартовские недели мой

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
отпуск заканчивается. Поскольку в конце

марта мы ожидаем гостей, а апрель мне нужен для подготовки к семестру, я бы охотно приехал к Вам прямо сейчас. Если до вечера пятницы от Вас не придет другого сообщения, то 18. III в 9я я буду в Гейдел}ьберге.

я бы хотел быть там инкогнито, чтобы не дробить ни время, ни настроение.

С сердечными приветами

от нас Вашей семье, Ваш

Мартин Хайдеггер.

[114] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 3 апреля 33 г.

Дорогой Ясперс!

Я все еще надеюсь получить какие-либо конкретные сведения о планах реформирования университетов. Боймлер отмалчивается; судя по его краткому письму, он, кажется, обозлен. От крика[297] во Франкфурте тоже ничего не узнать. В Карлсруэ – тишина.

6 апреля должно состояться заседание рабочей группы философских факультетов, здешним представителем будет Шаде-валвдг[298]. Кого пошлют из Гейдельберга, здесь неизвестно.

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс

Может быть, по этому случаю удастся что-нибудь выяснить, прежде всего через берлинских представителей. Основанная во Франкфурте рабочая группа, где распоряжается Крик, тоже медлит.

Наш ректор[299], с которым я беседовал, в ужасе от бездействия совета ректоров.

Я очень благодарен Вам за дни, проведенные в Гейдельберге, – вне всякого сомнения, они были бы еще плодотворнее, если бы я успел более подробно и конкретно познакомиться с Вашей "Философией". С другой стороны, наши разговоры подсказали мне кое-что важное. Что до главного пункта наших давних разногласий, то мне кажется, мы оба, хотя и совершенно различными путями, идем к взаимопониманию.

Как "комментатор" я, конечно, трачу много сил и времени на кустарный труд, так что важные идеи возникают только ad hoc.

Хотя все туманно и сомнительно, я все отчетливее чувствую, что мы вырастаем в новую действительность и что эпоха состарилась.

Все зависит от того, подготовим ли мы для философии надлежащее место и сумеем ли дать ей высказаться[300].

Если найду время продиктовать истолкование Парменида, я его Вам пришлю.

С сердечными приветами Вашей семье,

Ваш старый друг

Хайдеггер.

[1 15] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 20.4.33 Дорогой Хайдеггер!

С удовольствием вспоминаю дни, проведенные с Вами. Я благодарен Вам за то, что мы снова могли откровенно поговорить. В спокойные минуты, которые я не забуду, Вы позволили мне заглянуть в истоки Вашей мысли, как бывало и раньше, но теперь – благодаря подтврждению и повторению – они стали для меня еще весомее[301].

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

Желание пофилософствовать у меня так, увы, и не реализовалось. За это время я побывал в Берлине – заботы о близких[302], – сегодня ночью мы вернулись домой. Об университетских делах я ничего не слышал, однако ощутил берлинскую атмосферу – какова она в немецконациональных и в еврейских кругах. Я радовался смелости – подлинную же духовную линию еще не увидел.

Теперь наконец возьмусь за семестровую работу. Ее необходимо сделать лучше, чем когда-либо.

Дайте о себе знать!

Интерпретации Парменида или истолкованию притчи о пещере буду очень рад.

Сердечный привет.

С дружескими чувствами,

Ваш Карл Ясперс.

За Ваше письмо сердечно благодарю. Нынешнее время волнует Вас – и меня тоже. Посмотрим, что в нем, собственно, таится.

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс [116] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

[Фрайбург-им-Брайсгау] 24 мая 33 г.

Дорогой Ясперс!

К сожалению, в Гейдельберг я все-таки приехать не смогу, так как должен подготовить кое-что важное к 1 июня, дню высшей школы.

Сердечный привет от нас Вашей семье,

в спешке, Ваш

Хайдеггер.

[117] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 23.6.33

Дорогой Хайдеггер!

Я слышал, что в следующую пятницу Вы будете читать лекцию в Гейдельберге[303]. Если это правда, я очень рад. На всякий случай прямо сейчас предлагаю Вам остановиться у нас[304].

Сердечный привет,

Ваш К. Ясперс.

[118] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 25 июня 33 г.

Дорогой Ясперс!

Моя лекция состоится в пятницу. Около 5 часов буду в Гей-дельберге. Спасибо за приглашение, я охотно приеду. Надеюсь, смогу организовать работу здесь таким образом, что на субботу задержусь в Гейдельберге.

Сердечный привет,

Ваш

М. Хайдеггер.

[119] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Гейдельберг, 23/8.33

Дорогой Хайдеггер!

Спасибо за Вашу ректорскую речь[305]. Очень приятно, что, прочитав ее в газете, я теперь познакомился с нею в подлинном варианте. Широта Вашего подхода к раннему эллинизму вновь тронула меня как новая и одновременно совершенно естественная истина. Здесь Вы едины с Ницше, с одной только разницей: есть надежда, что однажды Вы, философски интерпретируя, осуществите то, о чем говорите. Вот почему Ваша речь приобретает ре-

альную убедительность. Я говорю не о стиле и не о насыщенности, которые делают Вашу речь, насколько я вижу, единственным пока документом современной академической воли, которому суждено сохранить свое значение. Моего доверия к Вашему философствованию – а после наших весенних бесед оно вновь укрепилось – не умаляют те особенности Вашей речи, что обусловлены временем, некоторая, на мой взгляд, форсированность и фразы, звучащие довольно пусто. В целом же я рад, что есть человек, способный говорить, достигая до подлинных пределов и начал[306].

Прилагаю копию, с которой Вы хотели ознакомиться и которую я прошу по прочтении уничтожить (заявление фюрера студентов университета)[307].

В конце июля – начале августа я написал статью с предложениями по реформе медицинского обучения[308]. Однако это оказалось возможно только в рамках идеи университета в целом: разрозненные предложения не имеют смысла – ведь этот смысл им придает единственно тот дух, в каком они задуманы и реализуются. Потому о самой медицине я не говорил. Эта статья – обработанный набросок – будет пока лежать у меня в столе. Я не стану посылать ее Вам. Когда приедете в следующий раз ко мне и если захотите, я ее Вам покажу.

Вчера в газете опубликовали новый Устав университета[309]. Это шаг чрезвычайный[310]. Коль скоро я по собственному опыту знаю, как работает прежний устав, и многие годы сознательно воздерживаюсь от всякой инициативы, ибо все разбивалось именно об эту стену, мне не остается ничего, кроме как признать новый устав правильным. Сожаление, что великая эпоха Университета, о конце которой мы давно знали, теперь кончается

зримо и резко, больно ранит пиетет, который я к ней питаю. Мне кажется, что новый устав сформулирован хорошо, только, на мой взгляд, недостает одного очень важного пункта: тот, кто обладает такими властными полномочиями, должен бы – если от устава со временем ждут результатов – нести также и ответственность за ошибки в своих действиях, будь то должностные или возникшие по недопониманию. Мне кажется, не определена форма, в какой критика может проявиться и воздействовать на властную инстанцию. Письменные мнения консультирующих членов факультетов замечательны[311], но что, если никто с ними не ознакомится, а тем паче даже не запросит их? Устав явно требует корректировок и дополнений, если мы не хотим, чтобы с годами выросла зависящая от случайностей система интриг. Первой пробой будет то, в какой мере руководители всех уровней, назначающие подчиненных, обладают "даром различения духов". Желаю этому аристократическому принципу всяческого успеха.

Если у Вас будет возможность в октябре снова приехать в Гей-дельберг, я был бы очень рад. За это время многое произошло, многое стало ясно. Я бы охотно поговорил с Вами, если мой конкретно-практический опыт и мои мнения представляют для Вас интерес.

Надеюсь, байдарочный поход с Вашим сыном прошел удачно. Вероятно, жаркая погода весьма способствовала такой близости с природой?

Сердечные приветы,

Ваш К. Ясперс.

8–3600 225

[120] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 1 июля 35 г.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Дорогой Ясперс!

На моем рабочем столе лежит папка с надписью "Ясперс". Временами туда попадает новая записка; там же лежат начатые письма, заметки, относящиеся к первым попыткам разобраться с третьим томом "Философии". Но пока ничего дельного. И вот появляются Ваши лекции [312], в которых мне видятся предвестники "логики". От всего сердца благодарю Вас за этот привет, который очень меня обрадовал, ибо одиночество стало почти полным. Кто-то говорил мне, что Вы работаете над книгой о Ницше, и я искренне рад, что и после большого труда Ваш порыв не иссяк.

Если говорить обо мне, то у меня сейчас время утомительных поисков; всего несколько месяцев назад я смог возобновить работу, прерванную зимой 1932–1933 года (во время отпускного семестра), но все это – жалкий лепет; да и еще две занозы – полемика с верой в происхождение и неудача ректорства – вполне достаточно сложностей, какие вправду необходимо преодолеть.

Обязательные высказывания на лекциях сводятся к интерпретациям; но это лишь новый повод осознать, как далеко отсюда до возможностей подлинного мышления.

Жизнь здесь – наполовину за городом, недели в хижине, взросление мальчиков (старший, Йорг, находится в замке Бибер-

штайн, в сельской школе-интернате, чувствует себя великолепно) – все это прекрасно.

С самыми дружескими чувствами,

Вши

Мартин Хайдеггер.

Перевод Софокла, возникший в связи с лекцией [313] этим летом, я прилагаю из желания сделать маленький ответный подарок.

Софокл, Антигона V, 332–375 τῶν ἄλλων τῶν θεῶν...

Строфа 1 Многие в мире трепет внушает, но более всех – человек; Он в бурливое море выходяг, Среда зимнего шторма, что с юга грядет, И путь свой стремится меж в глубины влекущих валов. Он же терзает

Из всех богов вешчайшую – Землю, Неутомимую, неистребимую, Год за годом взрывая ее Бороздами, что плуг оставляет, Влачимый конями.

Антистрофа 1 Стаи птиц легкокрылых он ловит в силки, и

8* 227

Сетью плетеной имает дикого зверя лесного, а равно и живность морскую, Сей муж многоумный, хитростью он побеждает зверя, что в горном краю обитает: и на коня жесткогривого, и на быка супротивного он возлагает ярмо.

Строфа 2 Слова звучаньем

и быстрой как ветер смекалкой

он овладел и сумел

воцариться во градах.

ловко измыслил, как защититься

от непогоды и от морозов суровых.

вечно в пути он, но, цели не зная,

все ж ничего не достигнет.

от одной лишь напасти – от смерти

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Ему не спастись никогда,

Хоть недуг лихой умело

Он способен победить.

Антистрофа 2 Префады всего, что трепет внушает, Его не страшат, но кознями
Знания – Он то впадает во зло,

То благое умеет измыслить.

Готов он законы земли ниспровергнуть

И даже законы бессмертных.

Полный гордыни, пускай и лишенный величья,

Шествует он и не-сущее сделает сущим

Дерзания ради.

Да не разделит мой кров

И советчиком мне не послужит

Тот, кто такое творит*.

[121] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру ш

Благодарю за Ваше июльское письмо и за перевод ттүүХос та Seiva.

То и другое очень меня порадовало.

Гейдельберг, 14.5.36

Ваш Ясперс

* Вариант перевода, который Хайдеггер послал Ясперсу, отличается от опубликованного в 1953 г. во "Введении в метафизику".

[122] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург, 16 мая 36 г.

Дорогой Ясперс!

Просто замечательно, что Ваши работы выходят одна за другой. В Риме, где я читал лекцию о Гёльдерлине[315] (она приложена к письму), я узнал, что Вы работаете над книгой о Ницше. В феврале этого года я объявил на зимний семестр лекцию о "Воле к власти" Ницше; она должна была стать первой. Но теперь, когда появилась Ваша работа[316], необходимость в этом отпала; ведь моя задача и заключалась именно в том, что ясно и просто сказано Вами в предисловии: показать, что пора перейти от чтения Ницше к делам. Теперь я могу на ближайших занятиях просто сослаться на Вашу работу, тем более что для студентов она вполне доступна. А зимой я прочту другую лекцию[317].

Прилагаемую брошюру с вновь найденным "Жизнеописанием" молодого Ницше[318] я получил на днях и без того хотел Вам послать, полагая, что оно пригодится Вам в работе. Еще осенью я вошел в комиссию по изданию трудов Ницше – крайне неохотно, только ради дела. По мере сил постараюсь, чтобы "желательности", о которых Вы говорили, не остались только желаниями.

В феврале этого года я ездил в Веймар на заседание комиссии и увидел там только что найденную рукопись автобиографии; находясь под непосредственным впечатлением, я предложил немедленно издать ее, чтобы дать нынешней молодежи пример того, как видит свою жизнь девятнадцатилетний юноша. Оригинал написан на листах канцелярского формата, увы, при издании не

удалось сохранить разбивку на страницы; кроме того, брошюра слишком дорогая, хоть я настаивал на возможно более дешевом издании.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Думаю, она Вас порадует.

Италия и Рим – впервые. Мы поехали все вместе – моя жена, и Йорг, и Герман. Собственно, все десять дней в Риме я был в замешательстве, чуть ли не в бешенстве и ярости – только позднее мне стало ясно почему. "Впечатления" действуют на меня не сразу; они как бы попросту тонут во мне – и лишь потом в один прекрасный день всплывают в памяти; и память моя, похоже, сильнее настоящего – я вдруг ловлю себя на том, что стою перед микеланджеловским Моисеем в полумраке церкви Сан-Пьетро-в-Винколи, или на площади Навона, или в Тускуле; и вообще, этот пейзаж...

Сейчас я уже вернулся к повседневной работе – к вечным интерпретациям; на сей раз это трактат Шеллинга о свободе[319] – точно так же 15 лет назад я корпел над Аристотелем. На семинарах – Кантова критика эстетической способности суждения; я постепенно подхожу к сути и не устаю поражаться. Швабы, к которым я должен себя причислить, становятся сообразительными, как известно, лишь после сорока – стало быть, как раз есть еще время понять, что именно происходило в философии. А тогда собственные немощные потуги становятся совершенно безразличны и служат всего-навсего подспорьем, чем-то вроде веревочной лестницы, чтобы спуститься по круче в бездну. Иногда я жалею, что у меня только одна голова и одна пара рук.

Папка с надписью "Ясперс" на моем рабочем столе все "толстеет".

А в остальном – одиноко.

По правде говоря, мы вправе считать, что философия, не имея авторитета, находится в превосходной ситуации, ведь теперь необходимо бороться за нее незаметно, например такой вот лекцией о трактате Шеллинга, что само по себе кажется чудаковатым. Но порой все же становится ясно, что произошло и чего нам не хватает: истинного знания, что нам чего-то не хватает.

Лучшее доказательство тому, что у Вас все хорошо, – Ваш новый труд. Желаю Вам всего, что нужно для следующего шага.

С самыми дружескими чувствами,

Ваш

Мартин Хайдеггер.[320]

[123] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру[321]

Гейдельберг, 16.5.36

Дорогой Хайдеггер!

Только что получил Ваше письмо с бесценными подарками. Рад получить от Вас весточку. А особенно меня радует, что Вы так энергично заняты своим делом. С нетерпением жду знакомства с Вашим "Тельдерлином", начну читать его сегодня же вечером. Однако уже сейчас хочу заранее Вас поблагодарить.

Ваше отношение к философии этой эпохи, наверное, совпадает с моим; те, кого Вы высоко цените – Ницше, Гёльдерлин, – сближают нас. Надеюсь, Вы поймете и простите, что тем не ме-

нее я молчу. Душа моя онемела, ибо в этом мире я остаюсь не с философией "без авторитета", как Вы пишете о себе, а делаюсь... но я не нахожу слова. Однако в безмолвном творчестве, пока оно нам даровано, мы можем найти себя[322].

С удовольствием прочитал о Ваших римских впечатлениях. Как замечательно – в таком возрасте впервые увидеть Рим и средиземноморский ландшафт! Удивительные вещи Вы рассказываете о характере своего восприятия, безучастного и все-таки усваивающего; роль памяти становится *сак бы творческой. Мне кажется, я не чужд этого феномена, только основная черта в моем случае другая. Я предаюсь мгновению с ненасытным энтузиазмом. Поэтому в своей беззащитности я, наверно, совершаю больше глупостей и меньше работаю, нежели Вы. Правда, затем и для меня память становится источником философствования, вечно оживляющей основой и масштабом, а само философствование – в значительной мере благодарностью.

Рукопись Ницше, которую я с удовольствием еще раз получил из Ваших рук, несколько дней назад была прислана мне из Веймара. На семинаре[323] я тут же показал ее студентам и разъяснил. Это раннее знание, уже в постановке вопроса превосходящее всё, это благородство и всеобъемлющая серьезность бе-руг за душу. Да, вот таким должен быть немецкий студент!

С сердечным приветом,

Ваш

К.Я.

1942–1949

[124] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру[324]

Гейдельберг, 12 октября 1942 г.

Дорогой Хайдеггер!

Я чувствую смущение, желая не только поблагодарить Вас за статью о Платоне* и за Вашу интерпретацию Гёльдерлина*26, но и ответить Вам. Я уж и не знаю толком, кому должен писать, ведь без малого 10 лет мы не разговаривали друг с другом, в 1936 году в ответ на моего "Ницше" Вы дружески подтвердили получение книги[321] и присовокупили еще одну фразу, касающуюся Вас лично, важную, однако без (хрытого вопроса, и сформулированную не так, чтобы в той ситуации имел возможность по поводу ее высказаться. Потомничего от Вас не слышал – ни касательно моей личной судьбы начиная с 1937 г. т, ни касательно двух посланных Вам в 1937 и 1938 гг. книг?29, отчего я могу теперь лишь предполагать, что они попали в Ваши руки. От Вас пришли только две эти работы, безусловно детища Вашего ума, но написанные языком, который я не вполне понимаю, вероятно, потому, что мне неизвестен общий контекст Ваших нынешних размышлений^.

Все это я пишу только затем, чтобы пояснить мое смущение.

То, что Вы пишете относительно учения Платона об истине, находит во мне отклик, ибо Вы, как столь часто в Вашем раннем философствовании, пытаетесь пробиться к истоку. Ваш ответ \.

на собственный вопрос, по-моему, менее значим, нежели сам факт постановки вопроса и то принципиальное требование, какое вы выдвигаете. И хотя ни "Гёльдерлин", ни "Платон" незатрагивают-ютвонметоео "настрою", исходя из которого я понимаю эти тексты, я тем не менее восхищаюсь Вашим необычным даром нашу-

пывать философское там, где никто другой его, похоже, не замечает. Быть может, все дело в моей неспособности, потому-то Ваши рассуждения по содержанию представляются мне слабее самого замысла. Мне кажется, первый шаг выводит Вас на верный уровень, однако дальнейший ход не схватывает возможную сущность, ему недостает метода, чье место занимает скорее порядок изложения, форма выражения, внешняя целостность. Я говорю в позитивном, собственно, одобрительном смысле, но, как ни смотри, это всего лишь замена подлинного метода. Когда я следую за Вами в частности, то прихожу в замешательство. Например, уже в самом начале: "невысказанное" у философа, на которое я себя "трачу"[332], – верно, я читаю эти слова, полностью с ними соглашаясь, глубинные воспоминания оживают во мне; однако затем: "мочь в будущем знать"[333] – это действует на меня как внезапное затемнение вот только что открытого пространства, ибо то "невысказанное", которое я впоследствии смогу знать, как раз никогда и не является тем, на что я себя "трачу", а тем, на что я на-правляю свою работоспособность, но не себя самого. В результате: "поворот в определении сущности истины"[334] хотя и кажется мне проблемой чрезвычайно важной и поставленной Вами по праву, но в той форме, какую Вы ей здесь придаете, исторически неправдоподобной. Тут я и замечаю, что, пожалуй, не могу судить о том, чего Вы на самом деле хотите.

Объяснение, видимо, в том, что я пока не понимаю истину как несокрытость в таком смысле, какой подразумеваете Вы. То, что Вы намечаете в последних шести строках?35, я хотел бы видеть в более подробном изложении. Если уж

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
ограниченный объем публикации, вынуждает к краткости, то для меня эти строки были бы неизмеримо важнее, нежели интерпретация Платона, которая по-

пятна опять-таки лишь на этой основе. Вот почему все в целом производит на меня впечатление постоянного напряжения без разрядки и обещания, которое в итоге не оправдывает надежд. Я бы даже сказал, что после чтения чувствую себя обманутым, ибо речь все время шла о несокрытости, но так и не было сказано, что же это, собственно, такое. Поначалу казалось, что все опирается на смысл греческого слова, о котором я вычитал у Зодена™, однако в конце концов об этом не сообщается ничего, кроме обещаний на будущее, на мой взгляд пустых. Таким образом, я вынужден признать недостаточность моего понимания, что не мешает мне оценить Вашу тщательность и осмотрительность, искусство интерпретации и серьезность обоснований.

С сердечным приветом из далекого прошлого

[125] карл ясперс – Мартину хайдеггеру**1

Гейдельберг, 1.3.1948 г. Профессор ясперс

Гейдельберг/Плэк, 66 [штемпель]

Дорогой хайдеггер!

То, что я Вам сегодня пишу, вызвано нынешней ситуацией перед переселением в Базель™, но основано на давнем желании после стольких лет сказать Вам хотя бы несколько слов. Я не мог взять на себя инициативу, коль скоро у Вас она исчезла, и я совершенно не

знал, с кем буду говорить. Этого я и сегодня не знаю, однако, мне кажется, молчания достаточно.

Когда в 1945 году миновала опасность национал-социалистской цензуры, я ждал от Вас письма, которое объяснило бы мне непонятное. Поскольку начиная с 1933 года Вы, не сказав ни слова, перестали встречаться со мной, а потом и писать™, я надеялся, что Вы воспользуетесь возможностью и откровенно объяснитесь.

Но произошло нечто иное. В конце 1945 года комиссия Фрайбургского университета™, ссылаясь на Ваше собственное пожелание, запросила меня о Вас. После некоторых колебаний я счел, что отказать нельзя, и ответил¹. Адресата я уполномочил, если Вы пожелаете, ознакомить Вас со всеми практически важными пассажами. На всякий случай прилагаю копию того письма. Содержание его я и сейчас считаю правильным.

Когда много лет назад, году в 1934, передо мной на столе лежала достоверная и полная копия Вашего письма насчет приглашения Баумгартена в Гёттинген[342], я еще мог сказать Вам, что я думаю. Я этого не сделал – из недоверия ко всякому, кто в государстве террора конкретно не выказал себя настоящим другом. Я последовал *caute* Спинозы[343] и совету Платона: в такие времена следует укрыться, как во время урагана[344]. То, что я мог сказать тогда, я не сказал и в упомянутом письме 1945 года. По мере сил отодвинув личные обиды – Ваши слова об интеллектуальном окружении Макса Вебера и о Вашем использовании слова "еврей", учитывая его тогдашнее значение, не могут быть между нами забыты, – в том письме во Фрайбург я ограничился объективно важным. Трезвая сдержанность этих слов не позволит Вам ощутить, что у меня на сердце. Письмо было написано с намерением высказать неизбеж-

нов и в опасной для Вас²⁴⁵ ситуации сделать все возможное, чтобы Вы могли продолжить работу,

Связывающие нас добрые воспоминания из давно ушедшего мира для меня живы по-прежнему. Хотя с 1933 года мы жили в разных мирах, не поддерживая никаких контактов. Фактически произошел разрыву тем более что безмолвно возобновить былые отношения едва ли возможно.

Но мне не по душе и почти невыносима разлука с человеком, с которым я был некогда связт. Разлука с Вами ящ>заламля с 1933 гола да, но со временем, как обычно бывает, еще в тридцатые годы, эта боль почти исчезла под напором куда более чудовищных, событий. Осталось лишь далекое воспоминание да изредка, снова и снова, удивление.

Однако сейчас, как и прежде, мне не хочется, чтобы этот разрыв – ведь он и в самом деле не был осуществлен Вами нарочито и определенно – стал окончательным оттого, что я о нем говорю. Что до меня, то я скорее хотел бы сохранить возможность когда-нибудь вновь серьезно с Вами побеседовать. Еще мне хотелось бы при случае помочь моими скромными силами, если Вам вдруг не разрешат печататься. Публикация Ваших работ важна не просто с точки зрения лично моего негасимого интереса, но, само собой разумеется, с точки зрения несомненного и реального общеевропейского интереса. С 1945 года я при всякой возможности твержу об

зимой 1945 года я послал Вам первый номер "Вандлунг" с двумя первыми моими заявлениями по поводу нынешней ситуации. Как и ранее, Вы не подтвердили получение. Я бы и впредь охотно посылал Вам мои публикации, коль скоро Вы бы не запретили мне это Вашим непрерывным молчанием, которому я уступаю.

Опасиотш, чтат>1пережили, янепишу. Что мы с женой все еще живы, я по-прежнему каждый день воспринимаю как чудо. Физическое мое нездоровье без изменений. Сил, как всегда, мало.

Приветствую Вас, с наилучшими пожеланиями,

Ваш

[Карлясперс]

[126] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру"*

Базель, 6.2.1949

Дорогой Хайдеггер!

Я уже давно хотел Вам написать. И вот сегодня, воскресным утром, наконец-то пришла решимость. Попробую.

Некогда между нами было что-то, что нас связывало. Я не могу поверить, что это исчезло без остатка. Мне кажется, настало время обратиться к Вам в надежде, что Вы пойдете навстречу моему желанию изредка обмениваться словечком-другим.

До 1933 года оба мы были не такими, как сейчас. Необходим какой-то минимум фраз, чтобы вновь отыскать точку соприкосновения, которая позволяла нам говорить друг с другом – уже и тогда с некоторыми странными сопутствующими обстоятельствами.

В 1945 году я ждал объяснения с Вашей стороны, – ждал, так как мне казалось, что инициатива с моей стороны разрушит все, что было в то время возможно. Осенью 45-го я послал Вам пер-

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс

вый номер журнала "Вацдлунг"[350]. Может быть, думал я, мои первые публичные заявления в этом издании дадут Вам повод сказать мне нечто такое, что до 1945 года высказать было невозможно.

В декабре 45-го на запрос фрайбургской комиссии, которая в свою очередь ссылалась на Вас, я написал касательно Вас письмо[351]. И уполномочил комиссию ознакомить Вас с этим письмом, прежде всего с важнейшими его положениями, а затем и с полным текстом. Читали ли Вы его, я не знаю, но смею предположить, что читали. Из него Вам известно, что вынуждало меня ждать, не найдете ли Вы слова для меня: не только Ваш молчаливый разрыв всех контактов с 1933 года, но прежде всего Ваше письмо о Баумгартене, копию которого я видел в 1934-м[352]. Эта минута была одной из важнейших в моей жизни. Личное недоумение было неотделимо от объективной значимости происходящего. Я не упомянул о письме, написанном Вашей собственной рукой и прочитанном мною в августе 1933-го. Молодой человек, которому оно было адресовано, в смятении приехал ко мне в Ольденбург, чтобы вместе со мной мотивировать радикальность решения – противоположного тому, которого Вы требовали в письме[353], причем в манере, дотоле мне незнакомой.

С тех пор прошло много времени. Теперь в качестве предпосылки для

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org дальнейшего я допускаю, что по отношению ко мне Вы не считаете необходимым дать объяснение этим вещам, которые лично касались нас обоих ("еврей Френкель", "интеллектуальное окружение Макса Вебера" и т. п.) [354]. Я это принимаю.

Что именно Вы – возможно, вполне оправданно, – ставите мне в упрек, я не знаю. Со своей стороны позволю себе сказать, что я Вас не обвиняю, так как Ваше поведение в этой мировой

катастрофе находится не на том уровне, который предполагает морализирующие рассуждения. Бесконечное горе начиная с 1933 года и нынешнее состояние, в котором моя немецкая душа лишь все больше страдает, не соединили нас, а, наоборот, безмолвно разделили. Чудовищность, которая не сводится к одной только политике, за долгие годы бойкота, когда и жизнь моя была под угрозой, не дала нам произнести вслух ни единого нужного слова. Как люди мы отделились друг от друга. У меня все время стоит перед глазами моя жена [355], о которой я при нашей предпоследней встрече [356] сказал, что она играла решающую роль для всего моего философствования (до сих пор вижу ее удивленное лицо).

На все это я не закрываю глаза. Принимаю как факт, который можно интерпретировать, но его объяснение, которого годы тому назад я ожидал, не должно оставаться условием нашего разговора друг с другом. Если между нами не случилось ничего чрезвычайного, непроясненность останется, но не помешает нам в философствовании, а может быть, и в личном плане общаться друг с другом.

Мне кажется, этому совсем не мешает, что в философии наши устремления, пожалуй, весьма различны и мое философское самосознание совершенно чуждо Вашему. Тот факт, что в мире наши имена так часто произносят вместе, не под стать ни Вам, ни мне. Вот почему мы независимо друг от друга в 1936-м или в 1937-м, в письмах Жану Валу [357], которые он опубликовал [358], высказали это, разным тоном, но сходно по смыслу [359]. Однако и это не повод для того, чтобы мы оба отмалчивались. Ведь при всех непростых подспудных различиях, достигающих до самых глубин наших позиций, философия, чем бы она ни являлась, в истоке и цели не может не быть едина. Эта вера подобна вере

коммуникацию – вера вопреки обманчивой видимости. Если память мне не изменяет, некогда мы были в этом едины.

Шлю Вам привет как бы из далекого прошлого, через бездну времен, цепляясь за что-то, что было и что не может быть ничем.

Ваш

[Карл Ясперс]

[127] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 22 июня 49 г.

Дорогой Ясперс!

Вчера Хайс [360] сказал мне, что в феврале Вы мне писали. К величайшему моему сожалению, это письмо не дошло. Иначе я безусловно тотчас бы Вам ответил. Кстати, это не первый случай за последние годы, когда важная почта из-за рубежа до меня не доходит.

Я сердечно благодарю Вас за это письмо; то, что Вы его написали, – большая для меня радость. Через все недоразумения, и путаницы, и временный разлад отношение к Вам, которое сложилось в начале наших путей в 20-е годы, осталось в неприкосновенности. С тех пор как пространственно мы стали еще ближе друг к другу, я еще болезненнее ощущал эту отдаленность.

Стражей мысли в растущей мировой беде осталось совсем немного, и все же они должны противостоять догматизму всякого рода, не рассчитывая на результат. Мировая общественность и

ее организация отнюдь не то место, где решается судьба человеческого бытия.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Не стоит говорить об одиночестве. Хотя это единственный край, где мыслитель и поэт в меру своих человеческих способностей защищают бытие.

Из этого края я и шлю Вам сердечный привет.

Ваш

Хайдеггер

[128] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 25 июня 1949 г.

Дорогой Хайдеггер!

Я только что получил Ваше письмо от 22 июня. Сердечно благодарю Вас. Мое февральское письмо было рукописным. Но я попросил жену сделать для меня копию на машинке. И сейчас прилагаю эту копию к письму. А если дьявол или техника вздумают нам мешать, мы со своей стороны будем терпеливы и осторожны. Надеюсь, это письмо дойдет. Для верности я отправлю его как заказное.

К огромной моей радости, Вы говорите о том, что в главном наши отношения остались неприкосновенны. Так пусть же они продолжатся!

Сегодня только эти сопроводительные слова к старому письму, а еще новость, дошедшая до меня вчера: спустя несколько

дней после возвращения в Европу Эрих Франк скорпостижно скончался в Амстердаме [361], на пути через Марбург к нам. Мы с женой очень скорбим, что больше не сможем поговорить с верным другом. Когда-то Вы сыграли решающую роль в его назначении в Марбург [362]. Эта весть, наверное, и Вас не оставит равнодушным.

С сердечным приветом,

Ваш Карл Ясперс

[129] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Тодтнауберг, 5 июля 49 г.

Дорогой Ясперс!

Большое спасибо Вам за оба письма. Мы с женой снова переехали в хижину, правда, из-за непогоды позже, чем в прежние годы, – хижина уже не так защищает от дождя и не так удобна для проживания, как в те времена, когда мы были моложе. Почту, поступающую на мой адрес во Фрайбурге, доставляют нерегулярно, с оказией. Поэтому мой ответ задержался.

На протяжении всех этих лет я сохранил убежденность, что связь между первоосновами нашей мыслящей экзистенции непоколебима. Но я не мог найти пути к диалогу. С весны 1934 года, когда я ушел в оппозицию и внутренне тоже отошел от университетских дел, такой разговор стал для меня еще труднее, потому что растерянность все росла и росла.

Кто сам не пережил того, что выпало на долю Вам и Вашей жене, никогда этого не поймет. Наш старший сын уже пятый год в русском плену и из-за имени и происхождения находится в особенной опасности, а младшего отпустили из лагеря в 1947 году по состоянию здоровья, – все это дает возможность хоть как-то восполнить понимание.

Если я не вдаюсь сейчас в объяснения по поводу Вашего первого письма, это отнюдь не означает, что я хочу их обойти. Простое объяснение будет изначально до бесконечности превратным.

Осмысление немецкой беды и ее всемирно-исторического переплетения с современностью будет продолжаться до конца нашей жизни! Равно как и осмысление страшного, и чем сущно-стнее будет взято сущностное, тем больше его свершение должно отчуждаться в фактическое, которое сегодня едва ли не неудержимо губит всякую сущность.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

Может быть, бытию необходимо сперва выкрутиться из этого – упрощенно говоря – платонизма, если у человеческой природы еще остался путь к выздоровлению.

При этом какое-то предназначение, пусть и незначительное, путям нашей мысли, вероятно, уготовано. Не следует искать его в том, что представляет себе нынешнее мнение, бездумно соединяя наши имена. Будет ли хоть одно зернышко наших усилий среди того, что незамеченно выстоит в ближайшие три столетия гибельного опустошения, нам и знать незачем.

Наверное, достаточно, если каждый из нас пройдет еще один отрезок своего пути.

Вы находитесь в процессе публикации широкомасштабного труда. Благодаря многосторонней академической деятельности у Вас есть источник свежих сил.

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс

У меня все идет вспять – я говорю это трезво, не жалуясь, – как будто необходимо отчетливо кое-что продумать там, в начале пути, когда в 1911 году я ушел из теологии, а значит, и из метафизики.

У меня такое чувство, будто мой рост продолжается уже не в ветвях, а только в корнях.

Итак, к благоприятному мгновению диалога я готов, но вместе с тем более тяжел на подъем и менее сведущ.

Последнее, что я читал из Эриха Франка, чей спокойный и основательный характер я всегда ценил, – это рецензия на Вашу "Философию"[363], которая, насколько я знаю, вышла в "Логосе". Из всего, что тогда говорили, это было самое лучшее и самое поучительное. Человек его склада вполне может умереть потрясенный таким возвращением.

Волна горя еще поднимается, однако же человек становится все более плоским.

Скорее всего, мы останемся здесь, в горах, до зимы. Мне хочется вобрать в себя еще больше мудрости, что скрывается в *stabilitasloci**.

Сердечно приветствую Вас,

Ваш

Мартин Хайдеггер

* Постоянство места (лат).

[130] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру[364]

Базель, 10 июля 1949 г. Дорогой Хайдеггер!

Как же Вам тяжело: ожидание Йорга – я не знал, что он в России, – возвращение заболевшего Германа, – кошмары этой политики затронули и Вас. Но надежда есть, и пусть она сбудется! Моя жена, которая в участии помнит лучше, чем я, рассказала мне с Ваших давних слов о Ваших сыновьях – ведь после 1921 года мы их не видели – и добавила: так это Йорг остался в России.

В Вашем письме сквозит что-то, чего с момента нашего расставания я почти не слышал, и это что-то в своей неуловимости затрагивает меня, как бывало раньше, – только звучание чуть иное и обозначена перспектива на дальнейшее.

То, что Вы называете выкручиванием из платонизма, я могу понять, только если под платонизмом Вы понимаете учение об идеях и более позднее его преобразование в понятийный реализм и антитезы последнего. Сам Платон, для чьих увлекательных игр "учение об идеях" было временным средством, которое он затем отбросил и превратил в непонятное нам мышление числами, в новую игру, мне кажется, что до этого Платона мы еще не дошли по существу, т. е. в серьезности, которой служила вся его философия. Если бы вторая часть его "Парменида" была разыграна заново сегодняшними средствами (но не в духе неоплатонизма), то всякая косная метафизика была бы преодолена и

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
освободилось бы пространство, чтобы услышать язык бытия в его чистоте. Мне так до сих пор и не ясно, что Вы называете явленностью

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс

бытия. А "тог край", откуда Вы шлете мне привет, – может быть, я ни разу там не бывал, но охотно принимаю, удивленный и заинтригованный, этот привет.

То, что Вы пишете о себе – "рост в корнях", – наверняка хорошо и важно. Решение 1911 года, известное мне пр Вашим рассказам, живо стоит у меня перед глазами. Оно-то и отличает Вас как предельно серьезное решение в самой основе философствования.

Обо мне у Вас, пожалуй, сложилось слишком радужное представление. Жизнь в скитаниях и жизнь в гостях – такова моя немецкая судьба; особенно ясно я понимаю это с 1934 года, когда мой восьмидесятичетырехлетний отец сказал мне: Мальчик мой, мы потеряли наше отечество! Горе накрыло все своим покровом. И при всей наружной беспечности я не в силах из-под него вырваться. В теперешних обстоятельствах мне кажется, что жить и преподавать в Базеле – самое благоприятное для меня и моей жены; за отбытый под угрозой смерти срок заключения на острове, существование которого есть странный анахронизм, – я получил ту же Германию, только лучше, причем по жизненному настрою и чувству свободы весьма сродни крестьянским общинам, из которых я вышел[365]. Для стариков Швейцария – прибежище. Будь я молод, я бы, без сомнения, устремился в Америку, чтобы добраться до духовных рычагов и подлинного опыта эпохи. Когда пришло приглашение в Базель – я не желал его и не прилагал никаких усилий, чтобы его получить, – решение все равно оказалось нелегким. Я никому не хотел причинять бол?. Однако связи со страной и ее населением, несмотря на наличие немногих прекрасных и надежных друзей, более не существовало. Мне стало ясно, что вопреки моим надеждам 1945 года новой

связи не возникло. Общественное мое бытие было бытием куклы, которая почти не имела ко мне отношения[366].

Меня не оставляет основополагающее сознание, будто я по-прежнему "стою перед воротами" и пока не вошел в них, а равно и чувство, будто нечто решающее еще может мне уясниться или прийти от других, и, кроме того, печаль Канта, Вам известная: необходимость уйти как раз тогда, когда мог бы начать философствовать по-настоящему.

Псылаю Вам некоторые из моих выступлений. Если у Вас есть желание заглянуть в мои труды, я с удовольствием пришлю Вам те, что вышли после 1945-го, если они у меня еще остались. Без Вашего желания я бы не хотел загружать Вас большим количеством бумаг. Насколько я помню, из Ваших публикаций у меня есть все, кроме Вашей статьи "что такое метафизика".

Сердечно благодарю за Ваше письмо, шлю привет Вам и наилучшие пожелания Вашим сыновьям.

Ваш Карл Ясперс.

[131] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

на наст, врем.: Санкг-Мориц, 6 августа 49 г.

Дорогой Хайдеггер!

Один мой американский друг рассказал, что читал в "Нью-Йорк тайме", будто Вы получили и приняли приглашение в Буэ-

нос-Айрес. как бы там ни было, я сердечно поздравляю Вас с этим приглашением – в таком слухе все-таки должно быть зерно истины. А нашему брату всегда приятно чувствовать себя востребованным.

За Ваши три работы[367], которые Вы мне выслали – очевидно, в ответ на мое последнее письмо, – я очень Вам благодарен. Сейчас, на каникулах[368], они оказались весьма кстати. "Письмо о гуманизме" я прочитал только сейчас, хотя еще в прошлом году купил его в швейцарском издании[369].

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Я был заморожен. Ваша резкая критика ложного понимания очень впечатляет. Ваши интерпретации древних философов всегда неожиданны. Верны они или нет, значения не имеет – ввиду того, о чем Вы говорите и куда желаете повести. Мне понравилось, хотя ясности нет. Вопросов возникает много. Ухватить главное пока не сумел. Помогают воспоминания об азиатском, к которому я с удовольствием шел все эти годы, прекрасно понимая, что по-настоящему в него не проникаю, но странным образом получаю стимул. Ваше "бытие", "просвет бытия", переворачивание отношения человека к бытию в отношении бытия к нему, "сохранение" самого бытия – мне кажется, в Азии я почувствовал нечто подобное. То, что Вы вообще идете в этом направлении и, согласно Вашей собственной интерпретации "Бытия и времени"[370], всегда шли, – необычайно. Добраться туда я не в состоянии, хотя и не желал бы ничего так сильно и хотя неизменно надеюсь, что нахожусь, так сказать, вблизи, на подступах. Все, что Вы делали до сих пор, по моему разумению, остается еще по сути своей обещанием – Вы говорите о подготовке и даже о запинках, но и это много. Очевидно, "Бытие и время" я понял совершенно не в Вашем смысле.

Спорить имело бы смысл только при непосредственном устном общении. Зная о сомнительном характере дискуссии, Вы все же намерены сделать ее возможной в сообщении. Вы спорите сами, даже резко, даже аргументированно. Однако вопрос о том, как выйти из монолога и из повторения монологов другими, вероятно, есть вообще жизненный вопрос нашего теперешнего философствования.

Я не перестаю спотыкаться о Ваши фразы. Смысловой материал, в котором Вы философствуете, я зачастую не могу воспринять в непосредственности его выражения. Я не могу понять иных Ваших центральных понятий. Язык как "дом бытия"[371] – я противлюсь, ибо всякий язык кажется мне только мостом. Ведь в сообщении язык можно привести к снятию в самой действительности – за счет действия, присутствия, любви. Я мог бы сказать прямо противоположное: где есть язык, там либо еще нет, либо уже нет самого бытия. Но тем самым я не скажу ничего, что имело бы отношение к смыслу, в каком об этом пишете Вы. С нетерпением жду, что еще из этого получится и как Вы одержите Ваше обещание.

С сердечным приветом,

Ваш Карл Ясперс

Ручка, которой я здесь пишу, делает почерк еще неразборчивее, прошу прощения!

[132] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Тодгауберг, 12 августа 49 г.

Дорогой Ясперс!

Уже более двух недель у меня на столе лежит наполовину готовое письмо для Вас – ответ на Ваше и благодарность за два Ваши доклада о Гете и инаугурационную лекцию[372]. Последнее время мне мешали корректуры, пустые визиты, начинающиеся с окончанием семестра и началом каникул, а также поездка жены во Фрайбург, чтобы посмотреть, все ли в порядке с домом, который сейчас полностью занят.

Я особенно рад, что Вы прислали мне Ваш франкфуртский доклад о Гете, ведь я еще не был знаком с этим текстом.

Опыт недавних и прежних лет позволил мне сразу заметить – по тону и низкопробному хамству Э.-Р. Курциуса[373], – что намерения его, в сущности, сомнительны. Но я все же никак не ожидал, что человек, ныне сльвущий первым филологом в мире, так плохо читает. В Вашем докладе обнаруживается полная противоположность тому, что Вам приписывает К. Мне все это непонятно и противно. Однако общественность питается исключительно подобными пустыми сенсациями. В своей ничтожности такая писанина не опасна; другое дело – направленная против меня атака лукача[374] в одном из берлинских журналов, преследующая вполне реальную цель: вовремя позаботиться о моей "ликвидации".

Конечно, атака могла быть направлена и против Ваше/го "Гете"; не знаю, правда, как бы это могли сделать, не скатившись в минувшую эпоху праотцев. К. совершенно не понима-

ет, где мы находимся', он просто не желает этого понять. Это заблуждение, возводимое ныне в университетах в принцип, – наихудшее, особенно когда вокруг еще и выстраивают псевдохристианский фасад. Центральное место, стержень Вашего доклада я вижу в страницах 19–21, где Вы говорите о технике нового времени.

Впрочем, все, что сегодня говорят о технике, насколько мне известно, нигде не входит в масштабы того, что происходит с нами теперь и будет происходить под этим именем впредь.

Мне кажется, нам пока не хватает еще оснований, чтобы это понять. Но уже само обращение к Гете не дает возможности задаться вопросом об этих основаниях. Правда, я и сам до сих пор не имею удовлетворительного отношения к Гете. Это действительно недостаток, однако лишь один из многих. Думаю, Вы давным-давно забыли о хамстве К-а. Хуже этого – всеобщий упадок прессы.

Ведь я не только не соглашался на приглашение из Аргентины, но и не получал оно. Эту "новость", пришедшую из Америки, еще в мае перепечатали немецкие газеты. Я тогда, в порядке исключения, послал краткое опровержение в гамбургскую газету "Вельт"; но там его вставили в номер так ловко, что оно, видимо, осталось незамеченным.

Но Ваши поздравления со всем этим не связаны. И я Вам за них благодарен.

С большим удовольствием я бы остановился на двух последних Ваших письмах. Но с чего начать? Все, что Вы говорите о монологах, верно. Однако было бы уже много пользы, если бы монологи могли остаться тем, что они есть. Мне думается, они еще не таковы, еще недостаточно сильны для этого.

Читая эти строки Вашего письма, я вспомнил слова Ницше, которые Вы, конечно, знаете: "**Сотня глубоких одиночеств в совокупности образует город Венецию – это его очарование. Картина для людей будущего",

То, что подразумевает Ницше, лежит вне альтернативы коммуникации и не-коммуникации.

Вспомните также слова Лессинга о ветряных мельницах[375].

В сравнении с тем, что мыслится в том и другом случае, по существу мыслью будущего, мы просто гномы.

Вы знаете, я читатель "экономный" и еще более медлительный, чем бережливый; отсюда – незнание многого и односторонность.

Ваши мысли об азиатском очень интересны; один китаец[376], который в 1943–1944 подах слушал мои лекции о Гераклите и Пармениде[377] (в те годы я по часу в неделю излагал интерпретацию отдельных фрагментов), тоже обнаружил созвучия с восточным мышлением. Не зная языка, я остаюсь недоверчивым; и моя недоверчивость еще возросла, когда китаец, сам христианский теолог и философ, перевел со мной на немецкий несколько фрагментов Лао-цзы; через вопросы я только и осознал, насколько чужда нам уже сама языковая культура; в итоге мы отказались от своей затеи. И все-таки здесь есть нечто привлекательное и, полагаю, очень важное для будущего – когда минуют века опустошения. Созвучия имеют, вероятно, совершенно иные корни; с 1910-го меня сопровождает мастер чтения и жизни [Майстер] Экхарт, – он и все новые попытки продумать слова Парменида: то уоср осото voelv e<mv те x<*1 etvai; вечный вопрос об аитгб, которое не есть //wvoelv, ни etvai, ни etvai, отсутствие субъект-объектного отношения в раннем эллинизме, наряду с собственными мои-

ми размышлениями, привели меня к тому, что выглядит как инверсия, однако кроме и прежде всего есть еще и нечто иное.

"Письмо о гуманизме"[378], которое мне пришлось опубликовать, поскольку из-за неумения иных людей хранить тайну оно уже полгода ходило по Парижу во всевозможных списках и переводах, вызовет, наверно, новые недоразумения и газетную шумиху.

Желаю Вам хорошо провести время в горах и между озер.

С сердечным приветом, Ваш

Мартин Хайдеггер

Как только буду посвободнее, напишу о Вашей инаугурацион-ной речи.

[133] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 17 августа 1949 г.

Дорогой Хайдеггер!

Спасибо Вам за письмо. Все, что Вы говорите о памфлете Кур-циуса, совпадает с моим мнением. И я был рад, что Вы его подтвердили. Сперва я испытывал болезненное разочарование: поток ненависти от человека, которого я знаю уже 40 лет, причинил мне боль, – очень все это не по-человечески. А дальше то, о чем говорите Вы: сенсация без всякого содержания, – но опять-таки болезненно: как симптом современной ситуации в Германии.

Ваше приглашение в Аргентину как газетная сенсация – просто возмутительно! И при том "Нью-Йорк тайме" слывет необыкновенно надежной в своих сообщениях! Кстати, я рад, что Вы не едете в Аргентину. Не говоря о *stabilitas /ос/*, о котором Вы мне давеча писали [379] (оно кажется мне чудесным, тем более что \ мне этого не дано), мне было бы не очень приятно видеть Вас там, в большой компании нацистов.

Нападки Лукача, конечно, имеют свой резон. Кстати, и тут нас бросают в одну корзину [380]. Полковник Тюльпанов [381] обрушился на меня лично, моя "Идея университета" [382] в Восточной зоне оккупации запрещена, а когда я похвалил одного автора из Вое- \ I точной зоны [383], он жаловался, что ему это вредит. В Женеве у меня

в 1946 году состоялась публичная дискуссия [384] с Лукачем. После он сказал: Хайдеггер – по крайней мере ясное явление упадка буржуазии, я же – вообще ничто без социологического контекста. Я знал его до 1914 года [385]. Страшно было наблюдать перемены, которые с ним произошли. Остроумный, блистательный человек превратился в скучный механизм. Удивительная духовная нищета. Но поскольку очень хотели иметь "представителя Востока", с этим примирились.

Ваши слова о монологах – что мы Недостаточно сильны для этого", а также об одиночестве ("вне альтернативы коммуникация – не-коммуникация") – мне кажется, я их понимаю, когда думаю, к примеру, о трудах Лао-цзы или Спинозы. Спиноза завещал опубликовать его "Этику" посмертно и без указания имени: он не считал важным, кто высказывает истину. Вот где высо-

кий стиль. Такие труды могут в результате способствовать коммуникации, однако не говорят о ней. Мы оба, как мне кажется, прежде всего заинтересованы в истине, которая нас связывает и которая фактически проявляется в углублении коммуникации.

Я согласен с Вами, что подлинное, сущностное всегда лежит "по ту сторону" коммуникации и не-коммуникации, субъекта и объекта, мышления и бытия и т. п. и что, утратив эту связь, все наше мышление становится беспочвенным и рассыпается. Но говорить – и сообщать – мы можем лишь в пределах противоречий, в явлениях конечного. Лишь благодаря последнему мы способны приблизиться к первому. Не только "безразличие" Шеллинга и все прочие выражения "идеалистов", но и мистика, изобилующая образами и говорящая всегда одно и то же, представляются мне великим искушением: бежать от мира, от людей и друзей и взамен не получить ничего, кроме – если получится – бесконечного света, бездонной пропасти. Признаться, я с огромным удовольствием иду этим путем об руку с древними. Но мощное усилие всегда освобождает от чар.

Освобождение, однако, происходит в основном через осознание "мыслительных техник" – Вы это отвергаете, понимая под техникой нечто более узкое, рассудочно-опосредующее. Я имею в виду: нам необходимо овладеть нашими мыслями и нашим мышлением – тогда мы всякий раз будем знать, что сделали осознанно, освободимся от образов и догматов и станем готовы к действительности.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
С помощью мыслительной техники или метода, понятий в этом смысле, необходимо прояснить и те мистическо-спекулятивно-мыслительные мысли – быть может, самое великое и сокровенное из всего, что создала философия. Они должны потерять присущую

9–3600 257

им наивность, чтобы не зачаровать нас и не вынудить упустить действительно необходимое по времени.

Когда Вы грамматическим насилием превращаете то оштыво фрагментах Парменида в субъект предложения [386], я охотно приобщаюсь к смыслу, какой Вам затем открывается, я тронут, мне сразу же хочется услышать больше, – но потом я сомневаюсь: не заведет ли этот путь в тупик, если только опыт не преобразуется в явление этого мира, в практику, познание, – иными словами, если в нас не запечатлятся масштабы и ориентиры, явленные косвенно.

То, что Вы говорите о нас как о "гномах"*, вполне созвучно моему ощущению. Иногда я употребляю это же выражение, которое, насколько мне известно, первым использовал Буркхардт [387]. Но я сознаю и какая гордость заключена в том, чтобы войти в пространство великих, осмелиться в каком-нибудь закоулке негромко сказать свое скромное слово и заметить, что не принадлежишь к их кругу, однако был среда них, причем иначе, нежели большинство твоих современников. Потому-то мы знаем, насколько мы малы. Но вместе с тем – какое притязание: ты находился в общении с ними!

Псылаю Вам также мое выступление (в Женеве, 1946 г.) [388] и мою последнюю книгу [389], – конечно не претендуя на то, чтобы Вы все это читали, но с надеждой, что Вы при случае кое-что посмотрите, например в последней книге разделы о технике [390] и о науке [391].

Послать ли Вам мои публикации, вышедшие начиная с 1945 года? Разумеется, не для чтения, вопрос только в том, захотите ли Вы поставить эти книги на полку, или Ваше пространство зарезервировано для лучших вещей.

Ницшевский лавдшафг [392], которым мы наслаждались целый месяц, был восхитителен. Я подумал, можно ли из того места, откуда Вы мне пишете, найти средства показать кое-что для меня очевидное: почему Рильке не таков по натуре, как Гёльдерлин и Ницше, а представляет собою бессознательную мимикрию под обоим в артистически приличной жижии и смерти, но без истока и подлинности, понятную только благодаря этим двоим и некоторым другим? И как возможно странное самооткровение, какое совершают Брехт [393] и Больнов [394], провозглашая Рильке "экзистенциальным философом" и читая о нем лекции, которые почти всех убеждают, захватывают, а притом столь же благонамеренны и приличны, как и сам Рильке, – нет, это слишком: Рильке, конечно же, нельзя поставить в один ряд с этими двумя.

Но довольно об этом.

С сердечным приветом,

Ваш Карл Ясперс

[134] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Тодгнауберг, 21 сент. 49 г.

Дорогой Ясперс!

Не хочу более откладывать благодарность за Вашу книгу, прекрасную внутренне и внешне, и за Ваше выступление [395]. Вы очень меня порадовали, особенно Вашим посвящением [396]. Надеюсь, в октябре смогу сделать ответный подарок.

9* 259

Волны общественного доходят и сюда. Поскольку я читатель медлительный, ответить надлежащим образом пока не могу. Вообще писать трудно. Надеюсь, в обозримом будущем Вы снова приедете в Германию. Тогда непосредственный разговор мог бы кое-что привести в движение, прежде всего самое важное.

Мне кажется, очень важно, что одновременность и параллельность китайских,
Страница 97

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org индийских и европейских столетий Вы мыслите как осевое время[397]. Ибо здесь скрыта мировая ось, и однажды она могла бы стать полюсом, вокруг которого вращается современная техника.

Я согласен с Вами – вскоре Вы увидите это отчетливее – и в том, что современная техника есть нечто сущностно иное, нежели вся предшествующая.

Но как раз это иное ведет свое сущностное происхождение от греческого начала европейского, и только оттуда. Я слишком мало знаю, чтобы решить, могла ли эта техника вообще произойти из двух других пространств осевого времени.

Но где масштаб интерпретации этих трех временных пространств?

Я не могу не высказать опасения, что Ваша интерпретация этих пространств (в том числе греческого), вероятно, находится в слишком традиционном круге представлений, где они выказывают больше сходства, нежели, возможно, имеют. Вы отвергаете мысль, что современная техника имеет наступательный характер. Но он у нее есть, и потому он также есть у естествознания наук и истории нового времени. Соотношение между современным естествознанием и современной техникой кажется мне у Вас недостаточно ясным. Но, по сути, оба коренятся в сущности техники, которую я намечаю в "письме о гуманизме"[398]. Эта

сущность, насколько я вижу, естьвершенная сущность европейской метафизики. Раскрытие сущности техники начинается, скрытым образом, с ISeos Платона. Нападение на сущее состоит уже в том, что отношение к нему приобретает характер "захвата", который в новое время развивается в опредмечивание. Сущее "ставится", т. е. привлекается к ответу перед судом исчисления. При этом судьи могут обладать до- и не-философским мнением, будто они смиренно склоняются перед природой. Однако это благоговение, разумеемое оптически, есть – онтологически – по сути нападение.

Ни о чем не подозревая (т. е. забыв о бытии), благоговение здесь находится на службе нападения; а это последнее не инсценируется исключительно человеком. Оно валится бытием, в образе воления.

Вот в таком плане я пытаюсь решить эту проблему. Когда станет поспокойнее, напишу снова.

Наш сын был уже в этапном лагере, но затем, по словам репатриантов, его опять отозвали оттуда.

С сердечным приветом,

Ваш

Мартин Хайдеггер

[135] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 23.9.49 дорогой Хайдеггер!

К Вашему 60-летию[399] мои сердечные поздравления! От души желаю, чтобы Ваш сын поскорее вернулся домой, а Ваши личные обстоятельства сложились благоприятнее, чем сейчас. И успеха Вам на философском пути к забытым ныне высотам!

Шестидесятый год, несомненно, начало старости. Веселье и подъем юности и зрелости более невозможны, а сейчас вдобавок неуместны. Но философствование не подчиняется биологии и как раз в старости способно активно развиваться. Быть может, только в этом возрасте и открывается непреходяще важное. Вопреки физическому упадку эта линия ведет ввысь, в вечное. Не сама собой – зачастую кажется, этого вообще не происходит; все зависит от конкретного человека. Желаю Вам добраться туда.

Старик Платон, старик Микеланджело, Рембрандт, Гете в старости – все они чудесным образом коснулись глубинного. И они вдохновляют нас, людей маленьких. Поистине загадка, что человек не обязательно должен стареть духовно.

Только что пришло Ваше содержательное письмо. Сердечно благодарю. О

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
"наступательном характере" я, возможно, как-нибудь Вам напишу. Мне кажется, здесь нужно еще кое-что прояснить, прежде чем принять решение. Из Вашей книги, которой я жду с нетерпением, узнаю больше.

Кэте Викгориус[400] рассказывала о Вас. Добрая душа, психологически проницательная, благожелательная к людям и смелая.

Сердечный привет,

Ваш Карл Ясперс

[136] Мартин Хайдеггер – Карлу Яспе:>су

Мескирх, 23 ноября 49 г. дорогой Ясперс!

Моя благодарность за Ваше письмо ко дню рождения запоздала[401]. Оно меня очень обрадовало. Я часто думаю о Вас, но за перо берусь с трудом. Непосредственность разговора не только избавляет от многих окольных путей, но и пробуждает неожиданное. Брошюры я получил только на днях. Текст[402] был написан этой весной для альбома о родных местах.

"Неторные тропы"[403] тоже вышли. Завтра я возвращаюсь во Фрайбург. Экземпляр книги Вы получите очень скоро.

Я работал здесь с братом, так как еще в начале месяца из-за непогоды оставаться в Тодтнауберге стало невозможно.

О моем положении я говорю неохотно. Хотя ректор Теллен-бах[404] весной предпринял шаги, чтобы достичь ясности.

Университет вновь дал ход моему заявлению от октября 1945 года о выходе на пенсию. Французская военная администрация известила меня, что и она, и министерство в Париже не возражают. 28 сент. с. г. от баденского министерства финансов – очевидно, в качестве подарка ко дню рождения – пришла весть, что мое жалованье определено в размере 160 марок в месяц.

Йорг еще в России. Срок возвращения перенесли на май 1950 года.

Я пишу все это не затем, чтобы жаловаться. Я и фрайбургских знакомых просил ничего не предпринимать. По сути, здесь боятся (в особенности политические инстанции католической церкви), что, выйдя на пенсию, я, возможно, опять начну читать

лекции и даже с нетерпением этого жду «Но с "чтением" покончено навсегда.

Вообще-то я хотел написать Вам о Вашем понимании техники, но сейчас я недостаточно сосредоточен. Надеюсь, что сумею сделать это в ближайшие недели.

Сердечно Вас приветствую,

Ваш

Мартин Хайдеггер

[137] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 25.11.49

Дорогой Хайдеггер!

Сердечное спасибо! "Проселок"*[405] я прочитал с огромным волнением. Воспоминание и вечность, прекрасно и верно.

Сообщение министерства финансов меня ужаснуло. С этим никак нельзя примириться.

Приеду ли я следующим летом во Фрайбург, пока не знаю. Сейчас у меня нет документов, с которыми я как немец мог бы пересечь границу. Но я хочу приехать и был бы очень рад поговорить с Вами.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Сегодня – только этот торопливый привет. Я потихоньку выздоравливаю после
опоясывающего лишая, и все силы уходят на учебную деятельность.

Сердечно,

Ваш К. Ясперс

[138] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 2 декабря 49 г.

Дорогой Хайдеггер!

Сейчас я пишу, увы, по досадному, хотя, в сущности, совершенно
незначительному поводу – речь идет об отзыве рецензента в газете "Цайг от 1
декабря[406]. Мое уважение к возможным читателям слишком велико, чтобы я
отказался от опровержения.

Упомянутое рецензентом место находится на с. 295 швейцарского издания[407].

Я хотел бы показать Вам мой ответ – он приложен к письму[408] – и до
отправки в газету услышать Ваше мнение, лучше всего одобрительное. Моя
позиция будет понятна из текста. Рецензент усматривает у меня
"ярость"[409]. Это ничтожный отзвук настроения, с каким я слушал речь Крика
в Гейдельберге: философия-де кончилась (начинается антропология), все
мышление от Платона до Ницше преодолено (по поводу моей книги о Ницше),
теперь начинается новая мировая эпоха и новый человек, речь идет о
тысячелетиях, Гитлер спасает человека от ничто, все поставлено на карту, –
а затем полный набор "героических" выражений.

Буду благодарен Вам за возможно скорейший ответ, чтобы я мог отослать свое
письмо. Ведь такие опровержения нужно делать сразу[410], иначе они
бездейственны.

Спешу!

Сердечный привет,

Ваш Карл Ясперс

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс Краткое сообщение Германа Хайдеггера Карлу
Ясперсу

Фрайбург, 5 дек. 49 г.

Глубокоуважаемый господин профессор!

Отец сейчас в отъезде. Только сегодня я получил его адрес, на который
перешлю Ваше письмо. Поскольку я полагаю, что на статью в "Цайт" Вы хотите
ответить как можно скорее, сообщаю Вам об этом.

Преданный Вам

Герман Хайдеггер

[139] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Хюфинген под Донауэшингеном, 10 дек. 49 г.

Дорогой Ясперс!

Как писал Вам Герман, я в пути и сейчас еду в Мескирх. Только здесь меня
догнало Ваше письмо вместе с текстом.

Читая Вашу книгу[411], я ни разу не почувствовал, что Вы критикуете меня,
тем более яростно.

Ваше опровержение кажется мне хорошим и кратким; в данном случае хорошо бы
его опубликовать. Отраднo ощутить, что в последние четыре года, когда я был
и остаюсь мишенью самых злобных нападков, окружение Вашего журнала "Ди
вандлунг" за-

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

нимало позицию, соответствующую Вашим убеждениям. Поэтому я изначально считаю невозможным, чтобы в Вашей последней книге было подобное место.

Конечно, сегодня вошло в привычку вычислять оппозицию имен, вместо того чтобы думать о деле. Такие вещи ищут и, разумеется, находят. Наверное, так обстоит дело и в других случаях. Несколько недель назад Ортега-и-Гассет[412] сообщил мне в письме, что везде, где он высказывается против экзистенциализма, Хайдеггер в виду не имеется. Хоть это и слегка наивно, но я принимаю это к сведению.

Я уже писал Вам, что у меня есть возражения насчет Вашей последней книги, прежде всего по поводу техники. Но вопросы эти настолько важны, что их нельзя обсуждать ни мимоходом, ни в прессе.

Вы, конечно, помните о нашем давнем замысле – я часто о нем вспоминаю! – как-нибудь вступить в публичную дискуссию. Ныне это более, чем когда-либо, стало бы сенсацией, и лишь немногие сосредоточились бы на <4теме". Но, может быть, эти немногие как раз и важны.

Мы с женой побывали в Бремене, где 19 лет назад я впервые прочитал лекцию "О сущности истины"[413]. Там еще осталось несколько моих старых друзей, появились и новые; я выступил в частном кругу, поскольку публично больше не выступаю[414]. Атмосфера там прекрасная, серьезная, ясная – открытая миру, в отличие от затхлого и коварного интриганства на юге Бадена. Там я познакомился с Вашим учеником д-ром Завацки[415], который мне очень понравился. На второй день в Бремене пришло известие, что Йорг находится на пути домой. Теперь, по крайней мере, и эта гора с плеч.

"Неторные тропы" я на днях Вам пошлю, на всякий случай – через издательство.

Сердечный привет,

Ваш

Мартин Хайдеггер

С рецензией в "Цайт" я не знаком; я редко читаю газеты.

1950–1958

[140] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 14.1.1950

Дорогой Хайдеггер!

Большое спасибо за Ваше письмо от 10.12. Получив его, я тотчас же отослал опровержение. Оно уже давно напечатано[416].

Рождество Вы встретили с обоими Вашими сыновьями. Я чувствую из Ваших строк: дивное счастье после стольких лет огромнейших тревог. Пусть же оба сына найдут в Германии свой путь, притом хороший!

Другая забота[417], о которой Вы пишете, уладится. Нужно набраться терпения, сколь бы нынешнее положение ни было недостойно Вас.

Вы напоминаете о нашем давнем плане – ах, как давно это было, в совершенно другом мире! – насчет публичной дискуссии между нами[418]. Если бы мы нашли подходящую форму дискуссии, под статью философствованию, которое практикуем мы с Вами, то, как Вы говорите, это могло бы пойти на пользу "делу". Polemika в профессорском стиле не имела бы смысла – ведь речь идет не о "проблемах", какие можно обсуждать спокойно или возбужденно; еще меньше смысла имела бы сенсация, которой Вы ожидаете и которую пришлось бы, очевидно, принять как неизбежность. Только если бы удалось глубокое взаимодействие в силу откровенных попыток прояснения, обоюдного постижения основ и возможностей наших импульсов, т. е. стала бы зрима коммуникация по существу и в связанном с ним личном, – тогда был бы сделан действительно стоящий шаг. Вероятно, подходящей возможностью могла бы стать философская переписка, которую мы бы попытались вести параллельно с нашей личной,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org обсуждая друг с другом все, до последних доступных основ, а затем опубликовали бы без всякой обработки? Переписка Лейбница и Кларка[419] ни в чем не является для нас образцом, кроме, как мне кажется, многократного челночного движения. При этом можно достичь ясности значительно быстрее и лаконичнее, чем при одноразовых критических обсуждениях. Держать ответ, объясниться – наверняка очень полезно. Но это предполагает обоюдное доверие и искренность. Каждый из нас должен проверить себя, коль скоро мы хотим это начать. Если удастся избежать обычной в подобных случаях склоки и осмелиться на предельное, тогда это себя оправдает. Появится документ, который сможет ныне ободрить и помочь. Особенно если в конце станет ясно, что есть общая точка соприкосновения – чего мы пока не знаем, – будет достигнуто необычайное. А именно, ответ на вопрос: способны ли философы по существу говорить друг с другом, когда между ними безусловно нет невыразимого единодушия в

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс

этом. Вот что необходимо показать. Может быть, стоит обдумать этот план. Сейчас, при моих малых силах, рабочая нагрузка является пока непреодолимой преградой. Но я надеюсь, что вопрос лишь в том, когда я разгрузу себя настолько, что стану достаточно свободен для такой переписки.

Спасибо за "Неторные тропы"[420]. Я читал о Ницше[421], об эпохе картины мира[422], о Рильке[423]. Мне кажется, теперь я по крайней мере яснее вижу, о чем мог бы Вас спросить. Во время чтения меня взволновали неожиданные совпадения[424] в деталях и в восприятии – при всей ощутимой для меня огромной разнице подхода в целом. Когда что-то меня раздражало, я говорил себе: не надо забывать о двух вещах, ведь речь здесь все время идет о неторных тропях[425] и о подготовке приготовлений. В этой книге Вы предстаете в своем давнем облике. Она увлекла меня больше, чем все Ваши прежние труды[426]. Однако я не сумел определить, в чем заключалось Ваше подлинное намерение. Начинать критику сегодня в кратком письме невозможно. Я остался в вопрошающем ожидании: возникает ли здесь фантастическо-обманчивая возможность мышления-поэтизации или осторожно приоткрываются врата, – имеет ли место соблазнительное освобождение от нынешнего осуществления этоса или, скорее, прокладывается путь, который в конце приведет к такому осуществлению, – ^заявляет ли здесь о себе гностическое безбожие или предчувствие божества.

Вы говорите о "других трудах, находящихся в подготовке" – в связи с этим мои наилучшие пожелания!

Ваш Карл Ясперс

[141] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 7 марта 1950 г.

Дорогой Ясперс!

Мой ответ на Ваше последнее письмо, которое я ежедневно перечитываю с благодарной радостью, опаздывает до неприличия и по сей день не готов.

Несчастье нашего вернувшегося домой сына, прояснение моего внешнего положения[427] и негаданное великодушие и радость[428] слились воедино.

Сегодня я хотел бы одной фразой, которая разрушит все другие догадки и толки, разъяснить то, что пытался в моем первом письме[429], вновь пришедшем к Вам, обозначить словом "растерянный".

Дорогой Ясперс!

Я не приезжал в Ваш дом с 1933 года не потому, что там; жмя еврейская женщина, а потому, что мне просто было стыдно. С тех пор я не бывал не только в Вашем доме, но и в городе Гей-дельберге, который я ценю как таковой только благодаря Вашей дружбе.

Когда в конце 30-х вместе с чудовищными преследованиями началось самое страшное, я тотчас подумал о Вашей жене. Через проф. Вильзера[430], которого я здесь тогда знал и который имел близкие связи с тамошним окружным руководством, я получил твердые заверения, что с Вашей женой

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
ничего не случится. Во

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс

страх оставался, как и чувство полного бессилия, – я и упоминаю об этом не затем, чтобы записать на свой счет хотя бы видимость помощи.

Я и сегодня не хотел бы ступить на землю Гейдельберга прежде, чем встречу с Вами по-доброму, но с неизбывным чувством боли.

Приветствую Вас сердечно,

Ваш

Мартин Хайдеггер

[142] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 19 марта 1950 г.

Дорогой Хайдеггер!

Сердечно благодарю Вас за Ваше откровенное объяснение. Свою благодарность передает Вам и моя жена. Для меня много значат слова о том, что Вам было "стыдно". Тем самым Вы вступаете в сообщество, объединяющее нас всех, живших и живущих в душевном состоянии, для которого и "стыд" слово подходящее.

От себя и своей жены я хотел бы сказать Вам, что мы никогда не допускали мысли, будто моя жена, будучи еврейкой, была для Вас причиной прекратить наши отношения. Думая об этом в минувшие годы, я сожалел единственно об отсутствии у Вас мотивов, которые в столь радикально изменившиеся времена при-

вели бы Вас ко мне, к нам. Но не будем говорить о взаимных обидах. Об этом Вам сказала уже мое первое письмо. Прояснение вряд ли возможно без осознания совокупной взаимосвязи событий в Германии.

Вы простите мне, если я выскажу то, о чем иногда думал: казалось, по отношению к национал-социалистским явлениям Вы вели себя как ребенок, мечтающий, не знаящий, что он делает, слепо и бездумно вовлекаясь в предприятие, которое видится ему совсем иным, нежели оно есть в реальности, а затем в недоумении стоит перед развалинами и опять плывет по воле волн.

Спасибо за Вашу обеспокоенность в 1939-м, когда Вы обращались к Вильзеру. Вы думали о нас. Ситуация была такова, как Вы говорите: хотя гейдельбергский крайслейтер был настроен ко мне весьма благожелательно (по ошибке, порою свойственной национал-социалистам) и хотя от него и других важных чинов я получил самые решительные заверения, даже в письме из СД[431] в Берлине, направленном в Гейдельберг на имя тогдашнего ректора[432], – я давно понял, что они все бессильны, что ни один национал-социалист не заслуживает доверия, поскольку все они терроризируют друг друга и в результате совершают преступления и нарушают свои обещания. Ведь вполне логично все кончилось тем, что Гитлер приговорил Геринга к смерти.

Вместе с Вами я надеюсь, что у нас еще будет возможность встретиться и поговорить. Тогда мы и поговорим о том, чего не скажешь в письме. До тех пор в распоряжении каждого из нас будут труды другого.

Примите мои добрые пожелания и сердечный привет. Давай-

те писать друг другу почаще!

Ваш Карл Ясперс 273

[143] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 25.3.50

Дорогой Хайдеггер!

В 1946 году вышли три мои работы, все три – одинаковым тиражом ("Идея университета", "Ницше и христианство", "Вопрос вины"[433]). Первые две разошлись еще несколько лет назад. "Вопрос вины" и по сей день не распродан[434]. Опубликованное в этой работе – часть лекции зимнего семестра 1945/1946 г.[435]. Студенты, конечно, заполнили аудиторию – это была сенсация. Но и их, и остальных моих соотечественников мало интересовали эти размышления. Для меня же тогда очень важна была эта попытка осмысления, которая уже год спустя захлебнулась.

Теперь я часто вспоминаю Ваши слова о "стыде". Мне кажется, Вас может заинтересовать моя старая работа, и она, вероятно, будет даже понятна Вам в ее подлинном импульсе. Поэтому я ее Вам посылаю.

В то время я получал много откликов на эту работу; некоторые ругали ("изменник" и т. п.), многие соглашались, дополняли, модифицировали; до странности часто встречалась фраза: "...но здесь, в наших краях, я, наверно, единственный, кто так думает". Все это, однако, словно бы давно миновало.

С сердечным приветом,

Ваш К. Ясперс

[144] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 8 апреля 1950 г.

Дорогой Ясперс!

Сердечно благодарю Вас за оба Ваших письма и за статью[436]. В ответ хочу поздравить Вас и Вашу милую жену с Пасхой, а еще сказать, что о "стыде" часто говорила и говорит моя жена.

Ваш образ мечтательного мальчика необычайно меток. Зимой 1932–1933 года я ушел в отпуск, обещанный берлинским приглашением в 1930 году. Когда я вернулся из хижины, меня буквально со всех сторон принялись толкать к ректорству. Еще утром в день выборов я пошел в университет и заявил снятому ректору фон Мёллендорфу[437], который хорошо знал меня как соседа и очень хотел видеть своим преемником, а также проректору прелату Зауэру[438], что я не могу и не хочу занимать эту должность. Оба ответили, что отказаться мне уже нельзя, поскольку все подготовлено для возможно более единодушного голосования и в случае моего отказа есть угроза, что назначат никудышного "старого бойца" из национал-социалистов.

Но даже и сказав "да", я не видел ничего далее университета и не замечал, что происходит в действительности. Ни на миг мне даже в голову не пришло, что теперь мое имя может оказать такое "воздействие" на немецкую и мировую общественность и повлиять на многих молодых людей. Только на днях бывший ректор Политехнического университета в Карлсруэ[439] рассказал мне и моей жене, как студенты в Берлине тогда целыми днями обсуждали мое вступление на пост ректора. А я мечтал и думал, по сути, о "том" университете, который мне грезился. Вместе с тем

Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс

я сразу угодил в сложную систему должности, влияний, борьбы за власть, групповщины, увлекся и – хотя всего на несколько месяцев – впал, как говорит моя жена, в "опьянение властью". Только начиная с Рождества 1933 года я стал прозревать и в феврале, несмотря на протесты, сложил с себя полномочия и отказался участвовать в торжественной церемонии передачи должности моему преемнику[440], который с 1946 года вновь занимает свое место. Разумеется, по поводу этого шага – не в пример обсуждению моего вступления в должность ректора – отечественная и зарубежная пресса хранила гробовое молчание. Я, конечно, не обольщаюсь, но в ту пору, когда ректоры оставались на должности по 3–5 лет, это был все же поступок. Однако тотальная организация общественного мнения была уже обеспечена. Одиночка был совершенно бессилён. То, что я сейчас говорю, не может ничего оправдать, может лишь объяснить, как год от года, чем ярче выявлялось зло, рос и стьщ, что когда-то я прямо и косвенно в этом участвовал.

Но когда я затем попытался в меру моих скромных знаний и сил прийти к

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
историческому пониманию, меня постигла неудача. Годы 1937 и 1938 были для меня самым тяжелым временем. Мы видели, что надвигается война, грозящая прежде всего подрастающим сыновьям, ни один из которых не был ни в гитлер-югенде, ни в студенческих партийных организациях. Такие угрозы прибавляют человеку пронизательности; затем начались гонения евреев, и все покатило в пропасть.

В "победу" мы не верили никогда; и если бы до нее дошло, жертвами в первую очередь пали бы мы. Уже к летнему семестру 1937 года я понимал это совершенно однозначно. Я вел тогда семинар по Ницше, обсуждали проблему "бытия и видимости". Не-

кий д-р Ханке, чрезвычайно одаренный, представившийся как ученик Ник. Гартмана, участвовал в работе. В первые недели он под впечатлением моего изложения (кое-что из этого, о "нигилизме", опубликовано теперь в "Неторных тропах"[441]) пришел ко мне и заявил, что должен по секрету кое в чем признаться: он – осведомитель СД по сектору Юг (Штутгарт) и хочет мне сообщить, что я там на первом месте в черном списке. Когда началась война, д-р Х. вышел из СД и погиб во французской кампании.

Я и это пишу опять-таки не затем, чтобы показать, будто чего-то добился, хотя в 1933–1944 годах каждый, кто умел слышать, прекрасно знал, что во Фрайбургском университете никто не осмелился на то, на что осмелился я. Тем больнее были для меня нападки, предпринятые против меня в 1945–1946 году и, собственно, предпринимаемые по сей день. Я и в 1945–1946 году еще не видел, какое общественное значение имел мой шаг в 1933 году. Лишь позднее я кое-что узнал об этом в связи с сомнительной известностью благодаря "экзистенциализму". Вина одиночки остается, и она тем более непреходяща, чем более он одинок. Но дело зла не завершилось. Только теперь оно вступает в подлинно всемирную фазу. В 1933 году и до того евреи и левые политики видели яснее, глубже и дальше, чем те, кто находится под непосредственной угрозой.

Теперь наш черед. Я не строю иллюзий. От вернувшегося из России сына я знаю, что мое имя опять возглавляет список и что угроза может стать явью в любое время. Сталину незачем объявлять войну. Он каждый день выигрывает сражение. Но "люди" этого не видят. Никакой возможности уклониться нет и у нас. И каждое слово, каждый труд сам по себе уже есть контратака, хоть все это разыгрывается и не в сфере "политического", кото-

рую уже давно заслонили иные бытийные отношения и которая ведет мнимое существование.

Я внимательно изучу Ваши работы, хотя с годами я стал еще более бережным и еще более медлительным читателем.

Ваше прекрасное предложение насчет дискуссии по переписке в свободные минуты – единственно возможное. Но опять все та же старая история: чем проще становятся "вещи", тем сложнее адекватно мыслить их и высказывать. А еще я часто "мечтаю", что было бы, если б Шеллинг и Гегель в двадцатых годах прошлого столетия вновь нашли друг друга и привели свои принципиальные позиции не к компромиссу, а к решению высокого уровня. Конечно, оба они принадлежат иному порядку, а исторические аналогии и вообще дело никчемное.

Но, несмотря ни на что, дорогой Ясперс, несмотря на смерть и слезы, несмотря на страдания и ужас, несмотря на нужду и муки, беспочвенность и изгнание, в этой бесприютности свершается не ничто; в ней скрывается преддверие Рождества, чьи самые далекие знаки мы, зероотно, все же можем ощутить в легком дуновении и должны воспринять, чтобы сохранить их для будущего, загадку которого не разгадает никакая историческая конструкция, и уж конечно не сегодняшняя, мыслящая исключительно технически.

Я слышал, что летом Вы будете читать лекции в Гейдельберге. Вы, наверное, едва ли захотите остановиться здесь, во Фрайбурге. Но если будете проезжать через Фрайбург, сообщите мне время, я подойду к поезду, чтобы по меньшей мере позвать Вам руку.

Сердечно приветствую Вас и Вашу милую жену. Моя жена тоже шлет Вам привет.

Ваш Мартин Хайдеггер

[145] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Мескирх, 12.У.50

Дорогой Ясперс!

Я приехал сюда на несколько недель, чтобы подготовить новое издание книги о Канте [442], для которой здесь еще хранятся рукописи. Я взял с собой Ваш "Вопрос вины" и "Введение" [443]. При чтении первого мне стало ясно, что второе способно мне помочь, не говоря уже о том, что это хорошая возможность приблизиться к самому главному, а значит, и к самому трудному в Вашем мышлении. "Введение" позволило мне наконец ясно увидеть, насколько решающими идя Вашего мышления являются отсутствие и возможность коммуникации. Но сейчас я еще недостаточно себе это представляю, чтобы судить с уверенностью, и потому следующим своим вопросом, вероятно, ломлюсь в открытую дверь.

Не стоило ли Вам попытаться представить внутреннюю систематику Вашей философии в ее строении и развитии только из основополагающего опыта коммуникации? Мне кажется, самое главное пока слишком скрыто традиционным схематизмом представлений и различий. Речь, однако, идет не о том, чтобы представить "новизну" Вашего мышления только из этого основополагающего опыта, но о том, чтобы таким образом привести это мышление к более четкой выраженности относительно традиционного. Формально это тот же вопрос, который я 30 лет назад ставлю перед Вашей "Психологией мировоззрений" [444], однако содержательно и в позиции все обстоит иначе. Но, может быть, то, что я ищу, Вы уже осуществили.

От студенческого союза в Гейдельберге я получил повторное приглашение читать там лекции в мае или в июне. Прежде чем принять решение и назначить время – если я скажу "да", – я хотел бы знать, будете ли Вы в Гейдельберге, и если да, то когда именно.

С сердечным приветом,

Ваш

Мартин Хайдеггер

[146] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 15.5.1950

Дорогой Хайдеггер!

Усталый после дневных трудов, хочу только быстро ответить на Ваш вопрос: если я буду выступать в Гейдельберге, то вскоре после 15 июля; а буду ли я выступать – пока не определилось окончательно, так как ясны еще не все технические условия для поездки; однако вполне возможно, что я поеду.

На Ваш вопрос о философствовании: по замыслу, "Введение¹" не является введением в "мое" философствование, которого, надеюсь, вообще нет; в силу самой своей задачи – посредством современного технического аппарата достичь людей – "Введение" представляет собой крайнее упрощение.

Тема "коммуникации", на которую Вы обратили внимание, подробно обсуждается в моей книге "Об истине" [447] (например, в альтернативе: католичество и разум), а также во втором томе моей "Философии" "9.

Построение философии из этого основополагающего опыта означало бы превратить "труд" в систематику, которая мне определенно чужда. Мне кажется, что философия, в той мере, в какой она выходит в публичную сферу языка, есть лишь одна грань действительности, которая актуализируется, только когда – в читающем или пишущем – добавляется другая сторона.

Насколько я понимаю свою работу, содержательно речь идет все о том же, что впервые без всякой специальной философской подготовки было представлено в "Психологии мировоззрений".

Не смею судить, оправданно ли Ваше пожелание "более четкой выраженности".

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Вероятно, в этих делах всегда остаешься очень далек от того, что бы должно быть.

Сокрытие "традиционным схематизмом представлений и различений" было бы мне, конечно, весьма неприятно, будь оно сокрытием. Простая изначально пытаюсь думать не оригинально и полагаю, что двигаюсь в пространстве *philosophia perennis*, дабы оттуда в меру своих сил прояснить для себя реальности и обрести средства коммуникации. Традиционное настолько богато и значительно, что его наиболее полное усвоение при постоянной опоре на простое, существенное представляется мне совершенно необходимой поддержкой и пищей для современного понимания. Мне кажется, невнимание к тем или иным необходимым различениям затуманивает сегодня наше мышление – например, в диалектике, в

* Вечной философии (лат.).

coincidentia oppositorum, в старательно культивируемых многозначностях, какие практикуют марксисты и психоаналитики, создавая тем самым мир неискренности и обмана. Коль скоро я говорю старым языком философии, мне кажется, присутствует ясность. Правда, Ваш вопрос, возможно, вполне оправдан в тех случаях, где я, вместо того чтобы думать, пользовался готовыми формулировками, – но это можно показать только конкретно. И это затронуло бы побочный сор, а не главное. Ваш вопрос побуждает меня к большей внимательности.

Я стремлюсь к учению о категориях и методе, над которыми еще работаю, чтобы достичь максимальной ясности того, что может быть сказано, однако не стремлюсь к созданию труда, который бы совершенно объективно рассматривался как философия.

При всяком повторении переданных нам традицией мыслей, настоящей проверкой кажется мне то, что они значат в совокупности собственной и общей действительности, т. е. что вместе с ними возникает, отвергается и стимулируется, иными словами, как с ними в действительности живут.

На Ваше письмо от 8 апреля я отвечу в другой раз. Сегодня – спасибо за оба письма!

Сердечный привет,

Ваш Карл Ясперс

* Совпадении противоположностей (лат.).

[147] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 16.5.1950

Дорогой Хайдеггер!

На оба Ваших письма от 8.4 и 12.5 я отвечу позже. Сегодня – только моя благодарность и ответ на вопрос по поводу Гейдель-берга.

Если я буду там выступать, то вскоре после 15 июля; буду ли я выступать – пока окончательно не решено. Еще нет полной ясности с техническими предпосылками моей поездки (к сожалению, сегодня они вдвойне сложны из-за бюрократии и моих *schwächen* со здоровьем). Но поездка весьма вероятна. Желаю удачи в Вашей работе

и шлю сердечный привет,

Ваш Карл Ясперс

[148] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Фрайбург-им-Брайсгау, 26. V. 50

Дорогой Ясперс!

Благодарю Вас за сообщение. От приглашения в Гейдельберг, а также от приглашений в пять других немецких университетов я только что отказался. В

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
июле я, скорее всего, уже буду в хижине. Сердечные пожелания по случаю
Троицы,

Ваш Мартин Хайдеггер

[149] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 24 июля 1952 г.

Дорогой Хайдеггер!

Более двух лет прошло с тех пор, как я писал Вам в последний раз: я все еще хочу ответить на Ваши последние письма. То, что этого по сей день не произошло, случилось неумышленно. Осенью 1950 года я подготовил документы[450], которые тогда были необходимы для поездки, договорился с Геншерами[451], чтобы во Фрайбурге поговорить и с Вами. Но ничего не вышло, поскольку в Санкт-Морице[452] я подхватил простуду с обычными для меня тяжелыми последствиями[453]. В конце сентября, к назначенному времени, я хотя и был здоров, однако физически очень слаб, к тому же спешил с подготовкой к семестру. На поездку я уже не осмелился. Я не писал Вам, поскольку откладывал письмо, не считая его абсолютно срочным. Но задержка эта была вызвана не только небрежностью, не только множеством вставших передо мной вопросов (однажды Вами перечисленных: с чего начать?[454]); главной причиной было замешательство, обусловленное содержанием Ваших последних писем, Вашими словами о 1933-м и последующих годах, с которыми мои воспоминания не вполне совпадают, а еще – ненужными сплетнями насчет Гей-дельберга[455], в которые я не буду вдаваться и которые пресекла Ханна[456]. Но теперь мне наконец хочется написать. – Слишком долго я непростительным образом это откладывал. Мною движет "добрая воля", проистекающая из сознания обязательства далекого неизгладимого прошлого. Если машина моих писем застряла от замешательства, а значит, от

надлежащим образом, то я все же надеюсь, что она снова придет в движение, если я ее подтолкну, а Вы, пойдя навстречу, ей поможете.

Ваши письма от апреля и мая 1950 года лежат передо мной. Когда я только что их перечитал, замешательство возникло вновь. Такое чувство, будто Вы не ответили мне в чем-то очень существенном, крайне для меня необходимом (после Вашего предпоследнего[457] письма, в ответ на которое я послал Вам мою работу "Вопрос вины", я ожидал критического отзыва об этой статье). Далее, дело, вероятно, в том, что каждый из нас слишком мало знает о публикациях другого. Потому, когда мы что-то говорим о них друг другу, наверно, легко выходит что-то случайное и искаженное – это касается безусловно как меня, так и Вас.

То, что мы оба понимаем под философией, чего желаем, к кому обращаемся, как философия связана с нашей собственной жизнью, – все это, вероятно, уже в истоках у нас чрезвычайно различно. Прояснение этого, наверно, привело бы к той, настоящей дискуссии. Но я к этому пока не готов, потому что недостаточно знаю Ваши труды. А то, что я знаю, уже сейчас побуждает меня время от времени делать заметки. Это различие, очевидно, заставляет нас при чтении философского текста применять совершенно различные масштабы. Однако должно быть и нечто такое, в чем мы, несмотря ни на что, можем сойтись и, быть может, даже едины. Иначе было бы невозможно то, что некогда было.

Из Вашего письма я беру то, что в наибольшей степени "объективно" и отделимо от личного, которое издавна определяет наши отношения. Вы высказываете решительные суждения о современных процессах: "Дело зла не завершилось", – да, верно, так я думаю вместе с Вами с 1945 года. Но Вы полагаете, что это зло нахо-

дится в своей "всемирной фазе" и усматриваете его в Сталине и соответствующих реальностях. Что это такое и как связано между собой, во многом показывает великолепная книга Ханны[458]. Вы, по всей видимости, так не считаете. Вы пишете: "Сталину незачем объявлять войну. Он каждый день выигрывает сражение. Но "люди" этого не видят. Никакой возможности уклониться нет и у нас. И каждое слово, каждый труд сам по себе уже есть контратака, хоть все это разыгрывается и не в сфере "политического", которую уже давно заслонили иные бытийные отношения и которая ведет мнимое существование". Мне страшно чигеть такое. Если бы Вы сейчас сидели передо

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
мною, то, как и десятилетия назад, на Вас бы обрушился поток моего красноречия, гневный, призывающий к разуму. Меня беспокоят следующие вопросы: не поощряет ли такой взгляд на вещи гибель – в силу 'его неопределенности? Не упускаем ли мы из-за иллюзии величия подобных воззрений то, что еще можно сделать? Как получается, что в одном месте Вы печатаете крайне позитивное суждение о марксизме[459], не высказывая одновременно со всей ясностью, что признаете силу зла? Не следует ли каждому из нас выступить против этой власти прежде всего там, где она нам явлена, и не следует ли тому, кто против нее высказывается, говорить ясно и конкретно? Не есть ли эта власть зла в Германии то, что постоянно росло и на самом деле способствует победе Сталина, а именно сокрытие JE забвение прошлого, так называемый "новый национализм", возврат старой модели мышления и всех призраков, которые, несмотря на свою ничтожность, губят нас? Не присутствует ли эта власть во всяком необязательном, неясном мышлении ("необязательном", потому что оно движется параллельно жизни и деятельности мыслящего)? Не это ли все обеспечивает победу Сталина? И не является ли, далее, философия, прозревающая и поэтизирующая в таких фразах Вашего письма, рождающая видения ужасного, опять-таки щщшовкой победы тоталитарного – в силу того, что отрывается от действительности? Точно также, как философия до 1933 года во многом наделала подаготовила приход Гитлера? Не происходит ли сегодня нечто сходное? Не впадаем ли мы в серьезное заблуждение, полагая, будто ровное достижение как таковое уже является контратакой? Не может ли быть наоборот: подобно тому как Георге и Рильке (но не Гофмансталь) способствовали становлению человеческого типа (разумеется, лишь в ужом кругу "образованных"), который, будучи уже не в состоянии думать, "растворялся", ускользал от выбора "или– или", а са&ш эти поэты становились чем-то вроде идолов, вместе с которыми человек рассчитывал внутренне побороть чертoviщну?

Может ли политическое, которое Вы считаете заслоненным уже другими отношениями, когда-либо исчезнуть? А если. оно лишь изменило свой облик и средства? И не должно ли признать именно это?

Далее Вы пишете: "в этой бесприютности... скрывается преддверие Рождества". Я читал это с возрастающим ужасом. Это – насколько я понимаю – чистое мечтание в ряду многих, которые – каждое "в свое время" – обманывали нас на протяжении этого полувека. Вы что же, намерены выступить в качестве пророка, который из тайного знания указывает на сверхчувственное, в качестве философа, уводящего от действительности? Из-за фикций упускающего возможное? В таком случае встает вопрос о полномочиях и оправданности притязаний...

Я заканчиваю, ставя многоточие, правда, теперь совершенно иначе и с большими надеждами, чем когда-то, в моем последнем

(цо 1949 г.) настоящем письме[460], году в 1934. Сегодня это многоточие обозначит не происшедший разрыв, сопровождающийся слабой надеждой, что Вы ответите, как это было тогда, но шанс, что мы, возможно, еще пойдем друг друга на уровне человеческих пределов и человеческих возможностей.

У Вас в письме есть прекрасные, верные слова: "чем проще становятся вещи, тем сложнее адекватно мыслить их и высказывать". Это простое принадлежит конкретной ситуации и лишь оттуда находит путь к высказыванию и объективному образ^ то, / что я до сих пор не умею сказать Вам это простое и не слъпйу его от Вас, для меня всего лишь знак недостаточности моего философствования. В старости жизнь становится так коротка, что каждый день бесценен. Выбираешь то, что считаешь самым важным. Надеюсь, я доживу до того дня, когда смогу прочитать все Ваши труды и сказать, что кажется мне таким простым, – в первую очередь для того, чтобы услышать Ваш ответ. Но все так неопределенно.

С сердечным приветом,

Ваш Карл Ясперс

[150] Мартин Хайдеггер – карлу Ясперсу

Фрайбург, 19 февраля 53 г.

Дорогой Ясперс!

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Радость и почитание близких и друзей украсят Ваш праздник[461] так, как Вам это подобает.

Множество людей, которые давно уже ведут с Вами беседы и учатся у Вас, составят широкий круг праздника и будут с благодарностью думать о Вас.

Университеты, мир литераторов и ученых сообществ покажут к этому дню современникам Ваши труды.

Все, что подобает этой годовщине и ее праздничности, свершится прекрасным и достойным образом.

И в то же время некто попытается проследить Ваш путь и заодно оценить свой собственный. Он вспомнит о совместных годах и горестных событиях и примет судьбу различных попыток мышления, стремящихся посредством вопрошания указать на сущностное в беспокойном и зыбком мире.

Такое вопрошание может быть столь неотступным, что затрагивает и самое себя в стремлении узнать, нет ли во всей различности мыслительных путей некоего сходства, знаменующего ту близость, в какой – по сути неприметно и непостижимо – находятся между собою все, кто одинок по причине того же дела и той же задачи.

Примите этот привет странника. В нем – пожелание, чтобы Вы сохранили силу и веру в то, что Вашей деятельностью и трудом Вы помогаете окружающим людям достичь ясности сущностного.

Ваш

Мартин Хайдеггер

10–3600 289

[151] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 3 апреля 1953 г.

Дорогой Хайдеггер!

Спасибо за Ваше поздравление с днем рождения. Вы были совершенно правы: сколько благожелательности и тепла достаются в такой день юбиляру! Я мог ответить всем лишь заранее напечатанной карточкой со словами благодарности. Эту карточку я прилагаю[462]. Но с Вами так обойтись нельзя. Ведь в Вашем письме сквозит одиночество, Вы чувствуете себя в стороне от всех этих людей, и, возможно, вполне оправданно.

В Ваших строках звучит нечто такое, что я не мог не услышать. Что ж, пусть то, что могло бы стать между нами возможно, пока остается открытым. Между нами обстоит иначе, чем между мной и доцентами-философами. Между нами может быть либо все, либо ничего, ибо условностям поверхностного общения препятствует то, что когда-то было между нами. Я воочию вижу Вас, как будто все было только вчера, вижу Вас в те далекие 1920-е, когда Вы часто бывали со мной, с нами, вижу Ваши жесты, Ваш взгляд, слышу Ваш голос, вспоминаю конкретные разговоры и ситуации. Во всем тогда была та серьезность, какую ни Вы, ни я не хотим предать, поверхностно обсуждая современное, ужасное. Либо мы выступим сообща и будем говорить о том, что было и есть, либо мы будем молчать. Со времен Платона и Канта философия и политика неотделимы друг от друга. При том, как обстоят дела сейчас, я, находясь в некоторой растерянности, не знал бы, что сказать, если бы мы встретились. Мои письма – прежде всего письма последнего лета –

были в9просами. Без всякого умысла я желал увидеть знаки подготовки настроя, необходимым следствием которого стал бы разговор. Может быть, я ошибаюсь, но мне до сих пор кажется, будто эти последние годы так и не принесли нам никаких ответов по существу. Я начинаю сознавать и собственную недостаточность, в те давние годы, начиная с 1920-го: нехватка сил для настойчивой, победительной открытости. Будь я на это способен, я бы крепко держал Вас, неустанно выпрашивал, привлекал Ваше внимание – тогда, возможно, решающее могло бы сложиться иначе. Но у меня не было ни сил, ни ясного предвидения. Если бы мы постоянно встречались в одном и том же месте как коллеги, то либо произошла бы катастрофа, либо возникла солидарность,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org которая бы выдержала 1933 год. Происшедшее с тех пор с нами, немцами, затрагивает такие глубины, что мы встретились бы лишь в совместных поисках немецких основ тлм, где слово "немецкий" еще не было политическим и Буркхардт мог ставить перед собой задачу показать швейцарцам, что они – немцы[463], – фраза, которую сейчас не поймет ни швейцарец, ни немец и которую сам Буркхардт после 1848 года уже не употреблял, осознав, к чему ведут события[464]. Философствовать во всем мире, как мы оба того хотим, – по-моему, это сбудется, лишь когда станет истинной почва, а она для нас обоих немецкая. Ныне я вижу, как она год от года становится все более заболоченной, даже, например, в журналах, вообще вполне достойных, полных умных, благонамеренных, порой даже значительных мыслей, – "Меркур", "Гегенварт", "Франкфурте? хефте" (изредка в них попадаются глубокие мысли и серьезные высказывания). Полгода назад я собрал и отложил в сторону многочисленные свои заметки и записи по поводу нашего немецкого самосознания[465]. Ситуация не внушает оптимизма. Подожду, пока мой голос станет еще более несвоевременным для пространства оккупированных областей и тогда благодаря своей решительности достигнет, быть может, немногих и – даже наверняка – многих отдельных граждан. До той поры я отложу и то, что мне все время хочется сделать, – сказать что-либо о Вашей философии и, возможно, побудить Вас к ответу.

Вы говорите о сходстве даже самого чуждого, о соприкосновении одиноких. Да, в конце концов так и будет. Только не стоит заранее обольщаться уверенностью. Из-за спокойствия в целом можно упустить возможное в конкретном человеческих отношениях. Совсем иначе говорит Лютер, этот ужасный люцифериче-ский немецкий рок: "Мы можем друг с другом молиться, но не говорить друг с другом¹"[466]. Нам должно бы называть вещи своими именами, а не ходить вокруг да около. Серьезности того, чего в мышлении можно только коснуться, мы достигаем лишь на пути совершенно конкретного, современного, осязаемого в нашем бытии с другими людьми.

Ваше письмо сохраняет вживе задачу, которую я сейчас осуществить не могу, а возможно, не сумею осуществить никогда. Сейчас мои мысли целиком заняты книгой[467], которую мне хотелось бы завершить. До этого еще далеко, несомненно, потребуется еще года два.

Из давних воспоминаний о Вас, незабываемом, с добрыми пожеланиями,

Ваш

Карл Ясперс

У меня недостает сил ответить так, как я бы хотел. Всех своих

друзей я вынужден просить о снисхождении. Извините, что и Вам я на сей раз посылаю лишь этот текст, записанный под диктовку.

1959–1964

[152] Карл Ясперс – Мартыну Хайдеггеру ш

ныне: Канн[469] 22 сентября 1959 г.

Дорогой Хайдеггер!!

К Вашему семидесятилетию[470] шлю мой привет и поздравления. То и другое – от всего сердца, ибо в этот миг память о далеком щедром прошлом заставляет мои личные к Вам чувства, которым давно уже приходится молчать, возвысить голос.

С 1933 года между нами пролегла пустыня, и все произошедшее и сказанное с тех пор, казалось, делало ее лишь непреодолимее. После того, что стало достоянием гласности, личная встреча без предшествующей публичной ясности, как мне представляется, поможет мало. Говорить должна сама философия. Мы стареем, а я порядком старше Вас. Может статься, нужное останется не высказано.

Вот так я и стою перед Вами с пустыми руками и могу сегодня только пожелать, чтобы на склоне лет Вы жили полной, располагающей к размышлениям и продуктивной жизнью.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Окружающий Вас мир стоит у меня перед глазами. Восемнадцатилетним студентом я в 1901 году провел зимой неделю на Фельдберге. Людей там было мало, вечерами они теснились в небольшой старой гостинице, до которой можно было добрать-

ся за час-другой на санях. На лыжах я, в отличие от Вас, стоял весьма неуверенно, а потому кое-как катался только вблизи гостиницы, меня завораживал снег на закате, когда весь мир – лишь свет и цвет, лишь бесконечные, переменчивые их оттенки. Однако над туманом я разглядел далекие сверкающие Альпы.

Ваш Карл Ясперс[471]

[153] Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу

Карлу Ясперсу к его восьмидесятилетию[472]

Тому, что Вам удалось добраться туда и быть там, где Ваша мысль основала приют для раздумий, предназначена сегодня Ваша разумная благодарность.

Оно живет тишиною и для тишины. И хранит неразрушимое.

И ежечасно строит далекую близость к изначальному. И знает мышление как тщетную стойкость в однажды назначенной участи. Пусть благодарность в мысли порадует Вас в этот день.

Из воспоминаний двадцатых годов этого стремительного века,

Мартин Хайдеггер

[154] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру

Базель, 25 марта 1963 г.

Дорогой Хайдеггер!

После гриппа, продолжавшегося не одну неделю, сегодня я могу наконец поблагодарить Вас за то, что Вы вспомнили о моем восьмидесятилетию.

Я, правда, почувствовал легкую неловкость. Ибо, на мой вкус, послание было чересчур торжественным. Но куда больше была радость, ведь я почувствовал, что мы могли бы встретиться для разумной борьбы в "краю", где расположены те "места", о которых Вы пишете. Это вряд ли произойдет. Но если бы произошло, то именно оттуда пролился бы свет на наши труды и личную реальность, благодаря которой мы есть.

Шлю Вам привет и добрые пожелания,

Карл Ясперс

[155] Карл Ясперс – Мартину Хайдеггеру[473]

Базель, 26 марта 1963 г.[474]

Дорогой Хайдеггер!

После двух недель гриппа, от которого я мало-помалу выздоравливаю, хотя температура еще осталась, я наконец могу Вам написать.

Такая радость – получить от Вас поздравление к моему восьмидесятилетию. Благодарю Вас. Между нами еще что-то есть – как воспоминание и стремление. Я был растроган, читая Ваши слова "Из воспоминаний двадцатых годов этого стремительного века".

В моем возрасте я, наверно, еще больше прежнего стремлюсь к открытости. Я не хочу молчать, не хочу замалчивать ничего, что можно сказать. Читая Ваше послание к моему юбилею, я ощущал неловкость. Оно было для меня слишком торжественным. Неловкость отчасти развеялась, когда я подумал, что все же смогу встретиться с Вами в том "краю", где расположены "места", о которых Вы пишете. Вот это и отличает нас от наших коллег, профессоров философии, к числу которых мы оба все-таки принадлежим.

В тех местах, доступных почти непередаваемому опыту и фиктивно обсуждаемых в мысли, возможно, разыгрывается то, что хотя и не определяет ход вещей, но определяет ход индивида и его коммуникации. Может быть, волны мыслей, которые мы порождаем или изначально воспроизводим, стремятся на поверхности, в виде крохотной ряби, к другим людям. В какой мере это движет и ходом человеческой истории – вопрос эмпирический. То, что думаю по этому поводу Гегель, Ницше и, в наиболее грубой форме, Маркс, я считаю заносчивостью, разрушающей нас, людей.

Вы, если я хоть что-то понял, так не думаете. Однако, судя по тому, что Вы говорите и как говорите, Вы предполагаете, что я, в точности как Вы, воспринимаю тот "приют", который, как Вы утверждаете (непонятным для меня и удивительным образом), создала моя мысль. Мне кажется, Вы высказываете нечто принадлежащее Вам, а не мне, нечто такое, что находите и делаете там* Вы, а не я: своим несогласием я вовсе не хочу обратить в противо-

положность едва ли не каждую из фраз, Вами написанных, но по причине, которая мне – возможно, по глупости – кажется более глубокой, я ставлю их под вопрос.

Вы усиливаете во мне желание встретиться с Вами еще раз, сформулировав некоторые критические размышления по поводу Вашей работы и Вашей реальности. Это желание было у меня уже 13 лет назад, а потом опять исчезло. Очутись мы оба в том "краю", который – говоря ли из него или о нем – Вы более не называете метафизикой, мы поднялись бы на уровень борьбы и возможного согласия, какие ныне в философском смысле только и имеют значение. Там редко кого встречаешь. Но оттуда приходит то, что определяет нас вплоть до повседневности, превращает наши действия и суждения в знаки того, что нам там уяснилось.

Возможно, имело бы смысл сказать Вам, следуя одному из принципов Ницше: на кого нападаю, того уважаю. Но мой возраст замедляет всякое действие. Я все еще внутренне связан своей книгой о великих философах (перечитывая недавно наши письма, я с удивлением обнаружил, что после выхода моей "Философии" в 1932 году в одном из писем Вы советовали мне написать эту самую книгу, первый том которой вышел несколько лет назад^{47S}), – и, возможно, это слово так и не будет сказано. Если же это случится, я думаю: Вы моложе и сможете еще ответить.

Но сегодня я Вас благодарю. И посылаю Вам только что вышедшую книжку^[476], где собраны в основном ранее уже опубликованные статьи политического содержания. Написанное в них взято не из философствования. Но мотивировано тем, что было узвано в философствовании, и потому отбрасывает на него отраженный свет. В истоках я не могу отделить одно от другого. Возможно, Вам это покажется глупостью.

Я шлю Вам привет из дальнего далека, не забывая, ничего не забывая, по-прежнему в беспокойстве, что, вопреки очевидности, быть может, все-таки удастся посредством предметного обсуждения – насколько философствование вообще можно назвать предметным в обыденном смысле слова – вновь отыскать то человеческое место, которое, судя по письмам, недавно мною перечитанным, на краткий миг в 1923 году показалось нам общиц^ля нас обоих.

С добрыми пожеланиями Вам,

Карл Ясперс™

[156] Мартин Хайдеггер – Гертруде Ясперс

[Телеграмма с соболезнованием, отправлена 2. III. 69] В память о давних годах, с уважением и участием.

Мартин Хайдеггер

[157] Гертруда Ясперс – Мартину Хайдеггеру

[Телеграмма] [2.3.69]

Также памятуя о давних годах, благодарю Вас.

Комментарии

1. Доклады о Шпенглере: прочитаны в Висбадене в середине апреля 1920 г. в рамках "Недели науки", устроенной "Союзом курсов высшей школы". Там выступали также физик Борн, историк Онкен и правовед Вольцендорф. Хайдеггер выступал в среду, 14 апреля, на тему: "Освальд Шпенглер и его работа «Закат Европы»" ("Oswald Spengler und sein Werte «Der Untergang des Abendlandes»"). Доходы от докладов были направлены висбаденскому "Союзу попечительства о летнем отдыхе бедных детей".

2. "В то утро..." относится к визиту Хайдеггера к Ясперсу; см прим. 5 к письму Ясперса от 21.1.1921.

В 1919–1921 гг. Хайдеггер работал над заметками к "Психологии мировоззрений" Карла Ясперса (K. Jaspers "Psychologie der Weltanschauungen"), которые должны были быть напечатаны в "Гёттинги-ше гелерте анцайген", однако публикация не состоялась. Впервые появились в издании: Karl Jaspers in der Diskussion. Hrsg. von H. Saner. München 1973, S. 70–100 (по поводу упомянутых фактов см. S. 100), а также в GA*, Bd. 9: "Wegmarken". Hrsg. von Fr.-W. v. Herrmann. Frankfurt a. M., 1976, S. 1–44.

3. Здесь и далее сокращением "GA" обозначено полное собрание сочинений Мартина Хайдеггера: Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann, 1975-. I. Abt.: Veröffentlichte Schriften. 1910–1976. Bde 1–16; II. Abt.: Vorie-

Комментарии

4. О Фридрихе Ноймане (Friedrich Neumann) ср. следующее письмо Хайдеггера.

5. Когда состоялась эта "незабываемая" беседа, с точностью установить нельзя. В предыдущей почтовой открытке Хайдеггер пишет о "вечере у Вас", т. е. в Гейдельберге. Согласно Ясперсу (Philosophische Autobiographie. Erweiterte Neuausgabe. München 1977, S. 92 ff)*, первый разговор состоялся в "келье" Хайдеггера во Фрайбурге: "Весной 1920-го мы с женой заезжали на несколько дней во Фрайбург, поговорить с Гуссерлем и Хайдеггером. Праздновали день рождения Гуссерля. Сидели довольно большой компанией за столом, пили кофе. Г-жа Гуссерль назвала Хайдеггера «феноменологическим дитятей». Я рассказал, что моя ученица Афра Гайгер, очень яркая индивидуальность, приехала во Фрайбург учиться у Гуссерля. По формальным условиям участия в его семинаре он ее к нему не допустил. Так академический схематизм лишил и его, и ее благоприятной возможности, поскольку Гуссерль не пожелал увидеть самого человека. Хайдеггер оживленно включился в разговор и поддержал меня. Это походило на солидарное выступление людей более молодого поколения против авторитета абстрактных предписаний... Особенным показался мне один только Хайдеггер. Я был у него в гостях, мы сидели вдвоем в его келье, и я видел, как он занимается Лютером, видел интенсивность его работы, симпатизировал его убедительной и лаконичной манере говорить". – Вскоре после визита Ясперса во Фрайбург 8. IV (день рождения Гуссерля) Хайдеггер, вероятно, впервые приезжал в Гейдельберг.

sungen 1923–1944. Maibuiger Vorlesungen. Bde 17–26, Frcibuiger Vorlesungen. Bde 27–55; Fluhe Frcibuiger Vorlesungen. Bde 56–63; III. Abt.: Unveröffentlichte Abhandlungen; IV. Abt.: Aufzeichnungen und Hinweise. – Здесь и далее все постраничные прим. перев. *В переводе на русский язык опубликовано только "краткое" издание – т. е. "Автобиография" без главы о Хайдеггере (Ясперс ?, философская автобиография. М., 1995).

6. фр. Нойман учился у Хайдеггера во Фрайбурге-им-Брайсгау.

7. Гуссерль Эдмунд (Husserl, Edmund; 1859–1938) – основатель феноменологии, с 1916 г. ординарный профессор во Фрайбурге-им-Брайсгау. – Рано распознал значение Хайдеггера, которого в начале 1919 г. взял в ассистенты. Гуссерлю и была посвящена работа "Бытие и время" ("Sein und Zeit"). Гуссерль предложил Хайдеггера в качестве своего преемника. После 1930 г. произошло отчуждение, впервые отраженное в послесловии к "Идеям" ("Ideen" в: Jahrbuch für Philosophie und Phänomenologische Forschung. Bd. 11, Halle a. d. S., 1930, S. 549–570). См. также: Husserliana. Bd. V. Hrsg. von Marly Biemel,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Den Haag, S. 138–162. Соиздателем ежегодника был также и Хайдеггер*.
Кхай-деггеровской критике феноменологии ср.: GA, Bd. 20: "Prolegomena zur
Geschichte des Zeitbegriffs". Hrsg. von Petra Jaeger, Frankfurt a. M.,
1988, § 11.

8. Дильтей Вильгельм (Dilthey, Wilhelm; 1833–1911) – создатель теории гуманитарных наук. – Приветствовал становление феноменологии, однако после появления статьи Гуссерля "Философия как строгая наука" ("Philosophie als strenge Wissenschaft", в: Logos., Bd. 1, Tübingen, 1910/11, N. 3, S. 289–341)** посчитал себя неправильно понятым. См. переписку Дильтея и Гуссерля в: Revista de Filosofia de la Universidad de Costa Rica. Vol. I. No. 2, 1957. Hrsg. von W. Biemel, pp. 101–124, а также в: Man and World, Vol. I, No. 3, 1968, pp. 428–446~.

9. Шайер (Scheyer) учился во Фрайбурге-им-Брайсгау.

10. Левит Карл (Lowith, Karl; 1897–1973) – ученик Хайдеггера, в 1933 г. эмигрировал сначала в Италию, затем в Японию и в США. После

* Начиная с VIII тома.

** Издание выходило параллельно на немецком и русском языках (с незначительными различиями в содержании).

*** К настоящему времени издано также в: Husserliana. Dokumente. Bd. III., Edmund Husserls Briefwechsel, Bd. VI. Philosophenbriefe, S. 43–53. войны – профессор в Гейдельберге. Опубликовал в т. ч.: Von Hegel zu Nietzsche, Stuttgart, 5.1964; Weltgeschichte und Heilsgeschehen, Stuttgart, 4.1961; Martin Heidegger. Der Denker in dürftiger Zeit, Stuttgart, / 3.1963.

11. Гайгер Афра (Geiger, Afra) – подруга Гертруды Ясперс, еврейка; ученица Ясперса и Хайдеггера, погибла в концентрационном лагере Равенсбрюк.

12. Финке Генрих (Finke, Heinrich; 1855–1938) – католический историк, с 1891 г. – профессор в Мюнстере, с 1899 г. – во Фрайбурге – им-Брайсгау, а с 1924 г. – президент Общества Гёрреса.

13. Относится к "Психологии мировоззрений".

14. Jaspers K., Psychologie der Weltanschauungen, Berlin 1919.

15. Относится к обсуждению "Психологии мировоззрений", см. прим. 3 к открытке от 21 апреля 1920 г.

16. Риккерт Генрих (Rickert, Heinrich; 1863–1936) – вместе с Виндель-бандом основатель юго-западной немецкой школы неокантианства; профессор во Фрайбурге-им-Брайсгау, а с 1916 г. – в Гейдельберге. Хайдеггер посвятил ему свою диссертацию, однако впоследствии отдалился от его философствования. Ср.: GA Bd. 20: Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Hrsg. von Petra Jaeger. Frankfurt a. M., 2., durchges. Aufl. 1988, § 4 (d), S. 20 f. и § 5 (b), S. 41–46.

17. Теперь в: GA Bd. 61: Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles/ Einführung in die phänomenologische Forschung. Hrsg. von Walter Bröcker u. Kate Brocker-Oltmanns, Frankfurt a. M. 1985.

18. В мае 1921 г. Ясперсу была предложена кафедра философии Грайфс-вальдского университета, в июне – должность ординарного профес-

сора в Киле. Ясперс отклонил эти предложения и занял место ординарного профессора философии в Гейдельберге. 19. Эльфрида Хайдеггер (Elfride Heidegger), урожд. Петри, род. 3.7.1893 г. в Лайзниге (Саксония).

20. Рецензия Хайдеггера на "Психологию мировоззрений".

21. Шпрингер Юлиус (Springer, Julius), Берлин; второе, пересмотренное издание вышло в его издательстве в 1922 г.

22. С 1 апреля 1920 г. Ясперс был в штате на должности внештатного профессора философии, как преемник Ханса Дриша (Driesch, Hans). Это место

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org освободилось 1 окт. 1921 г., поскольку Ясперсу была предоставлена персональная должность ординарного профессора при условии, что он останется в Гейдельберге.

23. Кронер Рихард (Kroner, Richard; 1884–1974) – с 1919 г. внештатный профессор философии во Фрайбурге-им-Брайсгау. С 1924 г. – профессор в Дрездене; в 1929–1935 гг. – в Киле; в 1938 г. эмигрировал в Великобританию, а в 1941 г. – в США, где преподавал в Теологической семинарии (Theological Seminary) в Нью-Йорке. Кронер начинал как представитель юго-западной школы немецкого неокантианства, однако в конечном счете стал одной из главных фигур неогегельянства. См. его основное двухтомное произведение: "Von Kant bis Hegel", Tübingen, 1921–1924.

24. Критика "Психологии мировоззрений".

25. Ср. более поздние суждения иного характера: K. Jaspers, *Philosophische Autobiographie*, a. a. O., S. 95: "В одном важном пункте я оказался несостоятелен в первые же годы. Когда мы познакомились, как раз вышла моя «Психология мировоззрений». В то время как эта

книга нашла много читателей, но была с возмущением отвергнута коллегами, разгромлена Риккертом с позиций, чуждых целям моего труда, Хайдеггер весьма основательно прочитал ее, заверив меня, что она – новое начало, но одновременно в своей неопубликованной критике поставил ее под сомнение безжалостнее всех других. Он дал мне рукопись этой критики. Она показалась мне несправедливой; я прочитал ее бегло, она не была плодотворной для меня. Я шел иными путями, нежели те, какие предлагал он. Но у меня не было и желания вникать в эту критику, спорить с ней и прояснять для себя в дискуссии, в чем заключались чуждые мне устремленность, вопрошание и требования. Ведь тогда у меня бы это и не получилось – мои философские усилия еще находились в *statu nascendi** и непроизвольно сторонились того, что не давало им пищи".

К рукописи рецензии Ясперс в более поздние годы добавил следующее замечание:

"Эти замечания мне прислал тогда Хайдеггер.

В то время я их почти не читал, такой тип критики меня не интересовал.

Чтение затруднял и скверный шрифт пишущей машинки.

После нескольких страниц я прекратил чтение.

Это было не на том пути, на каком я искал и работал.

Отсутствие реакции с моей стороны, как я полагаю сегодня, наверняка задело Хайдеггера. Он не пожаловался на это ни прямо, ни косвенно. Но сейчас мне кажется, что с этого началось его «отчуждение», поскольку я не последовал за ним на путях мышления". 26. Ср.: Heidegger M., *Anmerkungen zu Karl Jaspers* // G A Bd. 9, особенно S. 28 ff.

*Состоянии рождения (лат.),

27. Должность внештатного профессора, которую занимал Ясперс. См. прим. 22 к письму [7] Ясперса от 1.8.1921.

28. Маннгейм Карл (Mannheim, Karl; 1893–1947) – социолог. В 1926–1930 гг. – докторская диссертация в Гейдельберге, затем место ор-

динарного профессора во Франкфурте-на-Майне, откуда он в 1933 г. эмигрировал в Великобританию. Область специализации: социология знания.

29. Работа Ясперса "Strindberg und van Gogh. Versuch einer pathographischen Analyse unter vergleichender Heranziehung von Swedenborg und Holderlin", Bern 1922.

30. Этот план не осуществился.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
31. Karl Jaspers, "Allgemeine Psychopathologie. Ein Leitfadens für Studierende, Ärzte und Psychologen", Berlin 1913. В 1920 г. вышло "второе, переработанное" издание. Ко времени этого письма Ясперс, вероятно, готовил "третье, расширенное и улучшенное" издание (1923).

32. См.: Jaspers K., Philosophische Autobiographie, a. a. O., S. 40 ff:
"Около 1920 года я стоял на распутье. Моя «Психология мировоззрений» имела успех. Ее тогда много читали. За годы, когда я ее писал, накопились рукописи лекций по психологии религии, социальной психологии, психологии народов и морали. Было бы совсем нетрудно написать на их основе три новые книги. Обширная библиография могла быть использована для широкого панорамного изложения. Достигнутый мною уровень, возможно, содержательных, однако философски не укорененных воззрений мог быть развернут вширь. Искушение публиковать каждый год или каждые два года новую книгу, которая в тот момент, возможно, имела бы успех, было велико.

Но этому противостояло сознание, что то, что было живо в моем внутреннем восприятии, в моей оценке людей и событий, философски на этом пути не прояснилось. Подмена философии сколь угодно широким психологическим исследованием с привлечением сколь угодно интересного исторического материала была все же отклонением от серьезной задачи – необходимости понять себя самого в бытии. Это были бы ни к чему не обязывающие занятия. Задача, которую я поставил перед собой, требовала особого методического осмысления и проникновения в немногие первичные, великие философские труды. Мои занятия и впоследствии были посвящены истории и тем реальностям, которые становятся известны из всех наук – но лишь мимоходом, в наименее продуктивные часы. Главной задачей стало восхождение к высотам подлинной философии. Дело двигалось медленно. Внезапные озарения относительно того, во что все это выливается, обретали устойчивость и связность лишь в работе, которая носила теперь новый характер. Этого можно было добиться не обучением и приумножением знания, но лишь в тех формах мысли и методах, которые можно практиковать в общении с великими философами, но которым, собственно, нельзя научиться. Нужно было выйти на новый уровень мышления. Это означало решимость, равнозначную началу с азав".

33. Крепелин Эмиль (Kraepelin, Emil; 1856–1926) – один из крупнейших представителей клинической психиатрии. Его перу принадлежит учебник по психиатрии (1883, 9-е изд. 1929), главный до появления "Общей психопатологии" ("Allgemeine Psychopathologie").

34. Натторп Пауль (Natorp, Paul; 1854–1924) – профессор в Марбурге, неокантианец, ученик Когена (Cohen). По его рекомендации Хай-

306 I

деггер получил назначение в Марбург. Хайдеггер высоко ценил работу Натторпа "Platos Ideenlehre", Leipzig 1903.

35. Миш Георг (Misch, Georg; 1878–1965) – профессор в Гёттингене, в 1939–1946 гг. – в Великобритании. Представитель философии жизни и издатель Собрания сочинений Дильтея.

36. Вероятно, относится к работе Кронера "Von Kant bis Hegel", Tübingen 1921–1924, 2 Vde.

37. На семинарах для начинающих обсуждались "Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии", т. 1." Гуссерля (Husserl, "Ideen zu einer reinen Phanomenologie und phänomenologischen Philosophie", Bd. I), для старших студентов – Аристотелева "Физика", книги IV и V.

38. Гайгер Мориц (Geiger, Moritz; 1880–1937) – феноменолог мюнхенской школы, область специализации – эстетика; соиздатель "Ежегодника по философии и феноменологическим исследованиям" ("Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung").

39. Дети: Йорг (род. 1919) и Герман (род. 1920). Хижина в Тодтнауберге была построена и обжита в 1922 г.

40. Нельзя сказать с уверенностью, о какой работе Макса Шелера идет речь –
Страница 117

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org вероятно, о "Немецкой философии современности" (M. Scheler, "Die deutsche Philosophie der Gegenwart"), которая вышла в 1922 г. в изданном Ф. Виткопом сборнике "Современная немецкая жизнь" (hrsg. Ph. Witkop, "Deutsches Leben der Gegenwart").

Шелер Макс (Scheler, Max; 1874–1928) – профессор в Кельне и Франкфурте-на-М. Работы: "Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik", Halle a. d. S. 1913–1916; "Wesen und Formen der Sympathie", Bonn, 2.1923; "Die Wissensformen und die Gesellschaft", Leipzig 1926, и др. Хайдеггер посвятил Шелеру работу: "Kant und das Problem der Metaphysik", Bonn 1929. (Frankfurt a. M., 4.1973)*.

' Русск. перев.: "Кант и проблема метафизики" / Перев. О. В. Никифорова. М., 1997.

41. Семинар по Аристотелю: "Никомахова этика".

42. Уясперса: "М.Х. ик.ял

43. Вебер Макс (Weber, Max; 1864–1920) – историк, специалист в области политэкономии и социологии; оказал устойчивое влияние на Яс-перса, считавшего его наиболее значимой фигурой современной ему немецкой духовной жизни.

44. Ратенау Вальтер (Rathenau, Walther; 1867–1922) – еврейский предприниматель и политик, в 1922 г. – министр иностранных дел; застрелен 24.6.1922 на пути в министерство. Ратенау оставил многотомное литературное наследие, в центре внимания которого были поиски "новой" экономики и нового государственного и общественного строя, альтернативного капиталистической и социалистической моделям.

45. Вебер и Ратенау, вероятно, рассматриваются Ясперсом как гетерогенные духовные фигуры: национально ориентированный, но никогда не занимавший политических постов Макс Вебер – и Вальтер Ратенау, занимавший высокие посты, "политик у власти", прокливаемый в националистических и антисемитских кругах.

46. Венде Эрих (Wende, Erich; 1884–1966) – в 1913–1933 гг. занимался в прусском министерстве по делам культов главным образом университетскими делами и созданием педагогических академий; дослужился до министеряльдириктора*.

47. Беккер Карл Генрих (Becker, Carl Heinrich; 1876–1933) – ориенталист и прусский политик, с 1916 г. – в прусском министерстве по делам культов, в 1921 г. и в 1925–1930 гг. – министр по делам культов. Он неизменно способствовал реформе высшей школы, был ос-

* Ранг высших чиновников в Германии.

нователем первых педагогических академий и немецкой писательской академии.

48. В летнем семестре 1922 г. Ясперс читал курс лекций по истории новейшей философии.

49. Овербек Франц (Oveibeck, Franz; 1837–1905) – протестантский богослов; в 1870–1897 гг. – профессор по Новому Завету и древней истории церкви (Базель); дружил с Ницше. Речь идет об изданной Карлом Альбрехтом Бернулли книге "Christentum und Kultur. Gedanken und Anmerkungen zur modernen Theologie von Franz Oveibeck", Basel 1919.

50. "Allgemeine Psychopathologie", Berlin, 3, – 1923.

51. Вальтер Герда (Walther, Gerda; 1897–1977) – ученица Гуссерля и Пфендера (Pfander). Работы: "Zur Ontologie der sozialen Gemeinschaften" // Jahrb. für Philosophie und phänomenologische Forschung, Bd. IV, Halle a. d. S. 1923. – Позднее пыталась применить феноменологию также и к области мистического.

52. Хух Рикарда (Huch, Ricarda; 1864–1947) – историк, романистка и поэтесса; в 1933 г. в знак протеста против национал-социализма вышла из

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Прусской академии искусств. Работы: "Der große Krieg in Deutschland",
Leipzig 1912–1914, 3 Bde; "Die Romantik", Leipzig 1899–1902, 2 Bde.

53. Конрад-Мартуус Хедвиг (Conrad-Martius, Hedwig; 1888–1966) – представительница гёттингенской школы феноменологии; занималась исследованием законов бытия и сущности, проблемой реальности. Работы: "Realontologie" // *Jahrb. für Philosophie und phänomenologische Forschung*, Bd. VI, Halle a. d. S. 1923; "Farben" // *Husserl-Festschrift*, Halle a. d. S. 1929; "Der Selbstaufbau der Natur", Hamburg 1944; "Die Zeit", München 1954.

54. См. письмо [7] Ясперса к Хайдеггеру от 1. 8. 1921.

55. Онкен Герман (Oncken, Hermann; 1869–1945) – историк; как и Ясперс, родом из Ольденбурга. Профессор в Чикаго (1905–1906), Гисене (1906), Гейдельберге (1907–1923, по специальности новейшая история), Мюнхене (1923) и Берлине (1928–1935), где досрочно вышел на пенсию. Онкен стремился сделать политическую историю более фактологической, избегая метафизических интерпретаций.

56. По поводу приглашений в университеты Киля и Грайфсвальда в 1921 г.

57. Курциус Людвиг (Curtius, Ludwig; 1874–1954) – специалист по классической археологии, профессор в Эрлангене и Фрайбурге-им-Брайсгау, в 1920–1928 гг. преподавал в Гейдельберге и затем был назначен первым директором Археологического института в Риме. Считается одним из крупнейших представителей герменевтического подхода в археологии. Об отношениях Курциуса с Ясперсом, с которым он был тесно дружен, см: Curtius L, "Deutsche und antike Welt. Lebenserinnerungen", Stuttgart 1950, S. 365 ff.

58. Рихтер Вернер (Richter, Werner; 1887–1960) – германист и политик, область интересов: проблемы культуры. В 1925–1932 гг. – министр-реальдиректор в прусском министерстве науки, искусства и народного образования.

59. Гартман Николай (Hartmann, Nicolai; 1882–1950) – профессор в Марбурге, Кёльне, Берлине, Гёттингене. Близок к марбургской школе; предложил новый вариант онтологии: "Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis", Berlin/Leipzig, 2. ergänzte Aufl. 1925; "Zur Grundlegung der Ontologie", Meisenheim 3.1948; "Möglichkeit und Wirklichkeit", Berlin 1938; "Der Aufbau der realen Welt", Meisenheim 2. 1949. В своей материальной этике ценностей находился под влиянием Шелера, см.: "Ethik", Berlin 3.1949.

60. Неясно, к чему относится это замечание*.

61. Под заглавием "Онтология" Хайдеггер читал об аристотелевской "Герменевтике фактичности" (Теперь в: GA Bd. 63, Hrsg. v. Kate Brocker-Oltmanns, Frankfurt a.M. 1988). На семинаре для начинающих рассматривались Гуссерлевы "Логические исследования", т. II (Husserl, "Logische Untersuchungen", Bd. II; вероятно, VI исследование), на коллоквиуме (совместно с Эббингаузом) речь шла об избранных местах работы Канта "Религия в пределах только разума" ("Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft").

62. 4 июля 1923 г. Гуссерль получил приглашение в Берлин на кафедру Эрнста Трёльча (Ernst Troeltsch)**.

63. "Der Beginn der neuzeitlichen Philosophie (Descartes-Interpretation)" – "Начало философии нового времени (интерпретация Декарта)". Лекция зимнего семестра 1923/24 г. в: GA Bd. 17, Hrsg. von F.-W. v. Herrmann*.

* Вероятно, речь идет о том, что занятия Аристотелем помогли Хайдеггеру в выработке основных положений, которые в 1926 г. обрели форму "Бытия и времени". Не случайно о курсе лекций, который Хайдеггер заканчивал читать ко времени написания этого письма Ясперсу, – "Онтология. Герменевтика фактичности" – часто говорят как о первом варианте "Бытия и времени". Следующим таким прообразом "Бытия и времени" стали лекции 1925 г. "Пролегомены к истории понятия времени", которые сходны с этим известным трудом Хайдеггера уже не только по проблематике, но и по композиции.

** Гуссерль отклонил это предложение.

***Занер указывает рабочее название лекционного курса. Кстати, оно, возможно, даже более точно передает тематику лекций, нежели "Введение в феноменологическое исследование", которое курс получил в публикации 1994 г.: большая его часть посвящена Декарту. Однако в зимнем семестре 1923/24 г. Декарт интересовал Хайдеггера в контексте более общего вопроса: каковы особенности обращения феноменологической философии к проблеме субъективности, в частности, каким образом получилось, что "сознание" стало в феноменологии преимущественной областью анализа.

64. Работа Ясперса: "Die Idee der Universitat", Berlin 1923.

65. Силаши Вильгельм (Szilasi, Wilhelm; 1889–1966) – ученик Гуссерля, был дружен с Хайдеггером. После запрета Хайдеггеру на преподавание он с 1947 г. замещал Хайдеггера на кафедре. Работы: "Macht und Ohnmacht des Geistes", Bern 1946; "Einführung in die Phänomenologie Husserls", Tübingen 1959.

66. Хайдеггер Фридрих (Heidegger, Friedrich; 1851–1924) – ризничий и бондарь в Мескирхе.

67. В связи с "Идеей университета" у Ясперса было, по-видимому, первое временное омрачение дружбы с Хайдеггером. См.: "Philosophische Autobiographie", a. a. O., S. 97.

68. Доклад Ясперса о Канте на торжествах в Гейдельберге по случаю 200-летия со дня рождения Канта.

69. В архиве отсутствует.

70. Марсей Вальтер (Marseille, Walther) в 1926 г. защитил под руководством Хайдеггера докторскую диссертацию.

71. У Хайдеггера: "серд."

72. Ледерер Эмиль (Lederer, Emil; 1882–1939) – экономист, в 1918–

1931 гг. – профессор национальной экономики в Гейдельберге, затем – профессор общественно-политических наук в Берлине; в 1933 г. эмигрировал в Нью-Йорк, где стал профессором в Новой школе социальных исследований (New School for Social Research).

73. Хайс Роберт (Heib, Robert; 1903–1974) – ученик Хайдеггера, позднее – профессор психологии во Фрайбурге-им-Брайсгау. Работы: "Logik des Widerspruchs", Berlin u. Leipzig 1932; "Der Gang des Geistes", Bern 1948; "Die großen Dialektiker des 19. Jahrhunderts: Hegel, Kierkegaard, Marx", Köln u. Berlin 1963.

74. Бультман Рудольф (Bultmann, Rudolf; 1884–1976) – профессор теологии в Марбурге; поборник демифологизации. Опубликовал в т. ч.: "Offenbarung und Heilsgeschehen", München 1941; "Das Evangelium des Johannes", Göttingen 10.1941; "Glauben und Verstehen", Tübingen, Bd. I 1933; Bd. II 1952; Bd. III 1960; Bd. IV 1965. – в Марбурге завязалась прочная дружба с Хайдеггером.

75. В архивах не найдено.

76. Речь идет о серии публикаций "Философские исследования" ("Philosophische Forschungen") у Юлиуса Шпрингера в Берлине, которую Ясперс издавал как серию диссертаций своих учеников. В 1925 г. вышли две первые книги из этой серии.

77. "Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffes", теперь в: GA Bd. 20, hrsg. von Petra Jaeger. Frankfurt a. M., 2. durchges. Aufl. 1988'.

78. Йенш Эрих Рудольф (Jaensch, Erich Rudolf; 1883–1940) – профессор в Марбурге. Основная область интересов: психология восприятия (эйдетика).

"Русск. перев.: Прологомены к истории понятия времени/ Перев. Е.В.

79. Николай Гартман принял в 1925 г. приглашение в Кёльн.

К плану предоставить Хайдеггеру место ординарного профессора, освобождаемое Гартманом, следующие детали. В протоколе от 24 июня 1925 г. 2-го заседания комиссии по определению кандидатов на освобождающуюся вакансию имеется следующая запись: "Ведекинд (Wedekind) спрашивает, какие труды Хайдеггера имеются в опубликованном виде. Гартман отвечает, что имеется новая, совершенно выдающаяся работа Хайдеггера, которая, правда, так же, как и его более ранний труд [по Аристотелю], еще не напечатана".

5 августа философский факультет Марбургского университета предлагает прусскому министру по делам культов первым в списке кандидатов на место Николая Гартмана Мартина Хайдеггера.

27 января 1926 г. министр К.-Г. Беккер (C. H. Becker) пишет в Мар-бург "При всем признании преподавательских успехов профессора Хайдеггера мне все же представляется невозможным предоставить ему место полного профессора кафедры философии, имеющей столь большое историческое значение, пока выдающиеся литературные достижения не найдут особого признания коллег по специальности, которого требует такое назначение".

18 июля философский факультет вновь пишет в берлинское министерство, выражая "просьбу к г-ну министру назначить профессора Хайдеггера, помещенного в списке от 5.8.1925 на первом месте. Факультет считает такую просьбу оправданной, поскольку за это время г-н Хайдеггер довел свою работу «Бытие и время» до печати. Оттиски этой работы в двух экземплярах прилагаются к данному ходатайству".

25 ноября министр вновь отклоняет предложение, отсылая обратно и оттиски.

После повторных усилий факультета Хайдеггер 19. X. 27 получает место ординарного профессора (см. письмо [49]). Эти детали любезно предоставил Тед Кизиль (Ted Kisiel), обнаруживший документы.

80. Кассирер Эрнст (Cassirer, Ernst; 1874–1945) – философ; в 1919– \ 1933 гг. – профессор в Гамбурге, затем – эмиграция в различных европейских странах, а в 1941 г. – в США. Опубликовал в т. ч.: "Philosophie der symbolischen Formen", Berlin 1923–1929, 3 Vde; "Substanzbegriff und Funktionsbegriff", Berlin 1910*; "Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit", Berlin 1906–1920, 3 Vde.

81. Вундт Макс (Wundt, Max; 1876–1963) – философ, профессор в Тюбингене с 1929 г. Работы по немецкому идеализму и немецкой философии.

82. Баух Бруно (Bauch, Bruno; 1877–1942) – философ, профессор в Йене. Главная область исследований: теория культуры.

83. Шольц Генрих (Scholz, Heinrich; 1884–1956) – теолог и философ; в 1918–1928 гг. – профессор философии в Киле, затем в Мюнстере. Представитель логики. Работы: "Grundzüge der mathematischen Logik", Berlin, Göttingen, Heidelberg 1961 (совместно с Г. Хазенъе-гером).

84. Гофман Эрнст (Hoffmann, Ernst; 1880–1952) – профессор античной философии в Гейдельберге.

85. Небель Герхард (Nebel, Gerhard; 1903–1974) – ученик Хайдеггера, эссеист. Опубликовал в т. ч.: "Griechischer Ursprung", Wuppertal 1948; "Die Not der Götter", Hamburg 1957; "Orte und Feste", Hamburg 1962.

86. Франк Эрих (Frank, Erich; 1883–1949) – философ, первоначально изучал историю и классическую филологию, а затем, с 1907 г., в Гейдельберге, обратился к философии. Находился сначала под влиянием Генриха Риккерга и Вильгельма Виндельбанда, под руководством которого защитил работу о Канте, затем все больше испытывал вли-

'Русск. перев.: Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции /Перев. Б. Столпнера и П. Юшкевича. СПб., 1912.

ание экзистенциальной философии; в 1923 г. защитился под руководством Ясперса (тема исследования: "Платон и так называемые пифагорейцы. Глава из истории немецкого духа" – "Plato und die sogenannten Pythagoreer. Ein Kapitel aus der Geschichte des griechischen Geistes", Halle a. d. S. 1923; в 1927 г. стал внештатным профессором в Гейдельберге, а в 1928 г. – ординарным профессором в Марбурге; в 1939 г. эмигрировал в США, где преподавал в различных университетах. О его оценке философии Ясперса см.: Frank E., "Wissen, wollen, Glauben. Gesammelte Aufsätze zur Philosophiegeschichte und Existentialphilosophie", Zurich und Stuttgart 1955, S. 269–288.

87. Ebbinghaus /., "Kantinterpretation und Kantkritik" // Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte, Bd. II, n. 1, 1924, S. 80–115.

Эббингауз Юлиус (Ebbinghaus, Julius; 1885–1981) – философ; с 1921 г. – приват-доцент, а с 1926 г. – профессор во Фрайбурге; впоследствии профессор в Росток и Марбурге. Первоначально был гегельянцем, а затем – строгим кантианцем.

88. Вебер Марианна (Weber, Marianne; 1870–1954) – жена Макса Вебера, "жизнеописание" которого она написала в 1920-е гг. ("Max Weber. Ein Lebensbild", Tübingen 1926). С 1898 г. участвовала в женском движении, а в 1919–1923 гг. была первым председателем Союза немецких женских обществ; в рамках этой деятельности написала ряд трудов; "Ehefrau und Mutter in der Rechtsentwicklung. Eine Einführung", Tübingen 1907, считается наиболее важным из них. Марианна Вебер близко дружила с семьей Ясперс.

89. Гете. Фауст, ч. I, Пролог на небесах, 329. Перев. Н. Холодковского

90. Хайдеггер Фриц (Heidegger, Fritz; 1894–1980) – младший брат Хайдеггера, жил в Мескирхе (банковский служащий), расшифровал многие рукописи Хайдеггера и сам проявлял большой интерес к фило-

софии и теологии; веселый, остроумный человек (см.: Ein Geburtstagsbrief des Bruders // Martin Heidegger – zum 80. Geburtstag von seiner Heimatstadt Meßkirch", Frankfurt a. M. 1969, S. 58–63. 91. Судя по дневниковым записям хижины, он находился в Тодтнауберге до 6 октября.

92. Относится к сообщению Ясперса, которое в архивах Хайдеггера не обнаружено.

93. Афу Гайгер.

94. Классические филологи Марбурга: Эрнст Маас (Ernst Maas), Теодор Бирт (Theodor Birt), Эрнст Ломмач (Ernst Lommatzsch), Пауль Фридлендер (Paul Friedländer).

95. В архивах Хайдеггера не найдено (возможно, более раннее письмо).

96. В зимнем семестре 1925/26 г. Ясперс читал лекции "Философия религии (в т. ч. психология религии)".

97. Семинары для старших студентов были посвящены Гегелю ("Логика"), для начинающих – "Критике чистого разума" Канта.

98. В архиве Хайдеггера отсутствует.

99. Фотографию.

100. В архиве Хайдеггера отсутствует.

101. Общество поддержки немецкой науки (Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft) было создано в 1920 г. по инициативе Фридриха Шмидт-Отта (Friedrich Schmidt-Ott), в то время министра по делам культов Пруссии, и лауреата Нобелевской премии Фрица Хабера (Fritz Haber) в целях поддержки наук, в особенности молодых научных кадров. Членами его были пять немецких

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org академий и все университеты, входящие в Объединение высших учебных заведений. После Второй мировой войны Общество и ученый совет были преобразованы в Немецкое научно-исследовательское объединение (Deutsche Forschungsgemeinschaft), федеральное правительство и земли совместно занимались финансированием исследований.

102. Майер Генрих (Maier, Heinrich; 1867–1933) – философ, профессор Берлинского университета. Представитель критического реализма, исследователь Аристотеля.

103. Виндельбанд Вольфганг (Windelband, Wolfgang; 1866–1945) – историк, профессор; в ту пору в ранге министра был референтом по университетским кадрам в министерстве науки, искусства и народного образования Пруссии.

104. "Бытие и время" ("Sein und Zeit") было опубликовано в VIII т. ежегодника "Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung" (Halle a. d. S. 1927, S. 1–438) и посвящено Эдмунду Гуссерлю. Теперь в GA Bd. 2, вместе с пометками Хайдеггера из так называемого "экземпляра из хижины" (Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1977; Tübingen, 16.1986). На подаренном Гуссерлю экземпляре – цитата из Лессинга: "Величайшая ясность всегда была для меня наивысшей красотой".

105. Отто Вальтер Ф. (Otto, Walter F.; 1874–1958) – философ и филолог-

классик; профессор в Вене, Франкфурте-на-Майне и Тюбингене. Работы: "Die Gotter Griechenlands", Bonn 1929, и др.

106. Йегер Вернер (Jaeger, Werner, 1888–1961) – историк философии и филолог-классик; профессор в Берлине и Гарварде. Основные работы: "Aristoteles", Berlin 1923; "Paideia – Die Formung des griechischen Menschen", Berlin u. Leipzig 1934–1947, 3 Bde*, и др.

107. На Шеффельштрассе жил Генрих Риккерт.

108. Речь идет о книге "Schellings Philosophie", изданной в Берлине.

109. Шеллинг Фр., "Философские исследования о сущности человеческой свободы".

110. В архиве Ясперса не сохранилось.

111. Вайс Елена (Weiß, Helene) – ученица Хайдеггера, работала над Аристотелем; с приходом к власти нацистов покинула Германию. Диссертация: "Причинность и случай в философии Аристотеля" – "Kausalität und Zufall in der Philosophie des Aristoteles", Basel 1942. В предисловии благодарит Хайдеггера за предоставленную возможность знакомства с его неопубликованными работами.

112. Кристеллер Пауль Оскар (Kristeller, Paul Oskar; род. 1905) – ученик Хайдеггера и Ясперса, философ; хотел защититься под руководством Хайдеггера, в 1933 г., покинув Германию, переехал в Италию (там выпустил работу о Фичино), а в 1939 г. – в США; профессор Колумбийского университета. Основные интересы: античность, Возрождение и ранний период нового времени.

113. Ни рукописи, ни машинописного экземпляра прочитанной в 1926 г. лекции "О сущности истины" ("Vom Wesen der Wahrheit") в архиве Хайдеггера не найдено. Вероятно, Хайдеггер подготовил ее на основе своей лекции зимнего семестра 1925/26 г. "Логика. Вопрос об ис-

'Русск. перев.: "Пайдейя", М, 1998.

тине" ("Logik. Die Frage der Wahrheit", GA Bd. 21, Hrsg. von W. Biemel, Frankfurt a. M. 1976), а свои заметки впоследствии уничтожил. Прочитанную в 1926 г. лекцию не следует пугать с лекцией 1930 г., полностью переработанной, но имеющей то же заглавие (Frankfurt a. M. 1943, а также в: GA Bd. 9; Wegmarken. Hrsg. von F.-W. Herrmann, Frankfurt a. M. 1976)...

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
114. В архиве Хайдеггера не найдено.

115. по сообщению Кристеллера (1988), в то время он из-за финансовых соображений вынужден был подготовить диссертацию как можно быстрее, но затем вернулся к Хайдеггеру (1931), который в качестве темы для защиты одобрил платонизм Марсилио Фичино. В 1932 г. для ее написания Кристеллер получил стипендию Общества поддержки немецкой науки.

116. имеется в виду печатание работы "Бытие и время".

117. Беккер Карл Генрих (Becker, Carl Heinrich) – министр по делам культов Пруссии, см. прим. 47 к письму [13].

118. В Сильваплану (ср.: Husserl-Chronik, Denk- und Lebensweg Edmund Husserls von K. Schuhmann, Den Haag 1977, S. 308).

119. летом Энно Э. Ясперса (Jaspers, Enno E.; 1889–1931), брата Карла Ясперса, пришлось на время поместить в приют св. Георгия для душевно- и нервнобольных в Эллене (Бремен).

120. Штёрринг Густав (Storring, Gustav; 1860–1946) – философ и психолог, с 1896 г. – приват-доцент в Лейпциге, в 1902–1911 гг. – ординарный профессор философии в Цюрихе, затем в Страсбурге, а в

1914–1927 гг. в Бонне. Как психолог-экспериментатор, Штёрринг был учеником Вильгельма Вундта (Wilhelm Wundt). Работы о процессах мышления, чувствах, а также систематическое изучение душевной жизни в норме и патологии послужили основой реалистической теории познания, с позиций которой он критиковал фрайбургскую (баденскую) школу неокантианства. Его философские работы, вплоть до самых поздних, находились под влиянием психологии.

121. Венчер Макс (Wentscher, Max; 1862–1942) – с 1897 г. приват-доцент в Бонне, с 1904 г. – внештатный профессор в Кенигсберге, в 1907 г. в Бонне, там же с 1918 г. – ординарный профессор. В 1933 г. отправлен в отставку. Его работы, сосредоточенные главным образом на этических проблемах, находились, в частности, под влиянием Рудольфа Германа Лотце (Rudolf Hermann Lotze).

122. Ротхаккер Эрих (Rothacker, Erich; 1888–1965) – с 1924 г. профессор философии в Гейдельберге, с 1928 г. – в Бонне. Его работы посвящены главным образом логике и систематике гуманитарных наук. О его гейдельбергском периоде см.: Rothacker K, "Heitere Erinnerungen", Frankfurt a. M. / Bonn 1963, S. 57 ff.

123. Карл Генрих Беккер.

124. В архиве Хайдеггера не найдено.

125. Гегель, Предисловие к "Феноменологии духа": "Знакомое вообще именно потому, что оно знакомо (bekannt), оказывается не познанным (erkannt). Это наиболее распространенное самозаблуждение, как и заблуждение других, предполагающих в познании нечто как знакомое и удовлетворяющихся этим; при всей этой болтовне такое знание, не знающее, что с ним происходит, не двигается с места" (WW. II, 25).

126. Риккерта.

11–3600 321

127. В архиве Хайдеггера не найдены.

128. Виндельбанд Вильгельм (Windelband, Wilhelm; 1848–1915) – философ, представитель фрайбургской (баденской) школы неокантианства, историк философии. Работы: Geschichte der abendlandischen Philosophie im Altertum, 1888*; Geschichte der neueren Philosophie, Leipzig 1878–1880, 2 Bde**; Lehrbuch der Geschichte der Philosophie (1892). Tübingen, 15, – 1957; Geschichte und Naturwissenschaft, Rektoratsrede (1894). Straßburg, 3, –1904; Über Willensfreiheit (1910). Tübingen, 4.1923***; Platon. 1900, 7, –1923""; Praludien. Aufsätze und reden zur Philosophie und ihrer Geschichte, 2 Bde.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
1884*"".

129. подразумевается "Философия" Ясперса ("Philosophie").

130. Дриш Ханс (Driesch/Hans; 1867–1941) – философ, профессор в Лейпциге. Представитель виталистической философии ("Philosophie des Organischen", Leipzig 1909, 2 Bde).

131. Пихлер Ханс (Pichler, Hans; 1882–1958) – философ, профессор в Грайфсвальде, занимал критическую по отношению к неокантианству позицию; выступал за обновление онтологии.

132. Манке Дитрих (Mahnke, Dietrich; 1884–1958) – философ, профессор в Марбурге; занимался философией Лейбница ("Unendliche Sphäre und Allmittelpunkt – Beiträge zur Genealogie der mathematischen Mystik", Halle a. d. Saale 1937)*****.

* Русск. перев.: История древней философии. СПб., 1902–1905. Т. 1–2.

"Русск. перев.: История новой философии. 1893. Т. 2; "От Канта до Ницше", СПб., 1913, М., 1997.

**" Русск. перев.: О свободе воли. М., 1905.

***Русск. перев.: Платон. СПб., 1909, Киев, 1997; "Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия". М., 1910.

***** русск. перев.: Прелюдии. СПб., 1904; Дух и история. Избранные работы. М., 1996.

***** Манке также являлся в свое время учеником Гуссерля, занимал административные посты в министерстве образования.

133. Бехер Эрих (Becher, Erich; 1882–1929) – философ и психолог, профессор в Мюнстере и Мюнхене; представитель витализма. Основной труд: "Geisteswissenschaften und Naturwissenschaften", München u. Leipzig 1921.

134. Великий герцог Фридрих I Баденский (1826–1907) – в 1852 г. стал принцем-регентом, а в 1856 г. – Великим герцогом. Одним из первых заговорил о немецком национальном единстве под эгидой Пруссии; в политике придерживался либеральных позиций; инициатор реформ выборной системы в Бадене (1904).

135. Фишер Куно (Fischer, Kuno; 1824–1907) – философ, в 1850 г. защищался по философии в Гейдельберге; с 1856 г. – профессор философии в Йене, с 1872 г. – снова в Гейдельберге, где преподавал до самой смерти. Начинал как гегельянец, однако своими трудами о Канте дал толчок новой рецепции философии Канта; один из крупнейших историков философии второй половины XIX в., снискавший известность прежде всего блестящим стилем изложения; основной труд: "Geschichte der neueren Philosophie", 10 Bde – "История новой философии".

136. Хайдеггер читал курс лекций "Основные проблемы феноменологии" ("Die Grundprobleme der Phanomenologie"; теперь в: GA Bd. 24. Hrsg. von Fr.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 2, 1989), а также вел семинар для старших студентов "Онтология Аристотеля и логика Гегеля" – "Die Ontologie des Aristoteles und Hegels Logik".

137. В летнем семестре 1927 г. Ясперс вел семинар по "Феноменологии духа" Гегеля.

138. Розенкранц Иоганн Карл Фридрих (Rosenkranz, Johann Carl Friedrich; 1805–1879) – философ, с 1831 г. – профессор в Галле, а с 1833 г. – в

11* 323

Кенигсберге, один из наиболее видных представителей правого крыла гегельянства. Хайдеггер запрашивал следующие работы: Die Modificationen der Logik, abgeleitet aus dem Begriff des Denkens. Studien Teil 3, Leipzig 1846;

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Wissenschaft der Logischen Idee, Königsberg 1858–1859, 2 Bde. 139. 400 лет
со дня основания Марбургского университета.

140. От издательства "Макс нимайер" Ясперс получил "Бытие и время".

141. Относится либо к рождественскому письму, которое не сохранилось (ср. письмо [39] Хайдеггера Ясперсу от 26.12.1926), либо к визиту Хайдеггера в Гейдельберг (1.1.1927). В обоих случаях речь, по всей видимости, шла о "Бытии и времени", которое Ясперс к тому времени знал по чистой корректуре.

142. Rosenkranz K., Erläuterungen zu Hegel's Encyclopadie der philosophischen Wissenschaften//Philosophische Bibliothek, Bd. 34, Berlin 1870.

143. Эрдман Иоганн Эдуард (Erdmann, Johann Eduard; 1805–1892) – с 1836 г. профессор в Галле, крупный историк философии ("Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neueren Philosophie", 3 Bde, Leipzig 1834–1853); принадлежал к последователям Гегеля правой ориентации. Ясперс намекает на работу: "Grundriß der Logik und Metaphysik. Fünf Vorlesungen", Halle a. d. S. 1841.

144. Fischer K., System der Logik und Metaphysik oder Wissenschaftslehre, Heidelberg 1852.

145. Подразумевается опубликованное 3 мая извещение о смерти, где сообщалось, что Йоханна Хайдеггер, урожд. Кемпф, скончалась "после долгой мучительной болезни".

46

146. Ср. прим. 139 к письму [43].

147. Ср. прим. 108 к письму [32].

148. Гертруда Ясперс предприняла эту поездку вместе с Марианной Ве-бер.

149. Майер Давид (Mayer, David; 1834–1929) – коммерсант; овдовев, жил в Пренцлау.

150. Майер Додо (Mayer, Dodo), в замужестве Зингер (Singer) – дочь брата Гертруды Ясперс, Артура Майера (Arthur Mayer).

151. Работа над "Философией".

152. Ср. более позднее высказывание Ясперса из его "Философской автобиографии" (а. а. О., S. 98 ff.): "Появление работы Хайдеггера «Бытие и время» (1927), хоть я тогда не разглядел этого по-настоящему, не привело к углублению наших отношений, но сделало их скорее более поверхностными. Я реагировал, как и за несколько лет до того на его критику моей «Психологии мировоззрений», не особенно заинтересованно. Уже в 1922 году Хайдеггер читал мне отдельные страницы из своей рукописи. Для меня это было непонятно. Я настаивал на естественном способе выражения. Временами Хайдеггер позднее говорил: он, мол, уже продвинулся намного вперед, наброски тех лет уже серьезно переделаны, что-нибудь получится. О содержании вышедшей в 1927 году книги я прежде ничего не знал. И вот я увидел работу, которая с первых же страниц производила впечатление интенсивностью исследования, конструктивностью понятий, меткостью и новизной языка, часто многое проясняющего. Однако, несмотря на блеск мощного анализа, она не казалась мне полезной для того, к чему стремился в философии я. Я радовался успеху человека, с которым был близок, но читать эту работу мне не хотелось, я то и дело застревал, потому что стиль, содержание и образ мысли

?25

были мне чужды. Я не воспринял книгу и как нечто, против чего должна быть направлена моя мысль, с чем я должен спорить. В отличие от бесед с Хайдеггером, она не давала мне никакого импульса.

Хайдеггер был, наверное, разочарован. Я, как старший, целиком занятый своей

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org философской работой, не удосужился основательно прочитать и дать критику [его текста], как он, еще молодым человеком, сделал это по отношению к моей «Психологии мировоззрений», выявляя на этой критике свое мышление. Вот почему Хайдеггер, в свою очередь, не испытывал настоящего интереса ко всем моим более поздним публикациям".

153. Семинар.

154. Относится к тогдашней структуре "Философии".

155. На зимний семестр 1927/28 г. была определена тема: "Метафизика. (Ее история и современная истина)" – "Metaphysik. (Ihre Geschichte und gegenwartige Wahrheit)".

156. GA Bd. 25: Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. Hrsg. von Ingrid Goguel, Frankfurt a. M. 27, – 1987.

157. Назначение на должность ординарного профессора кафедры философии в Марбурге Хайдеггер получил 19.10.1927. Факультет не согласился с отклонением кандидатуры прусским министерством по делам культов и повторно выдвинул Хайдеггера.

158. Saldí «Maria, "Hegels Shakespeare-Interpretation", Berlin 1927. (Издано Ясперсом в серии: Philosophische Forschungen. N. 5.)

159. Зальдитг Мария (Saldí«, Maria; род. 1899) – в 1920–1924 гг. изучала философию в университетах Фрайбурга, Вюрцбурга, Мюнхена и Гей-дельберга, в 1924–1926 гг. – филологию и социологию в США. Защитилась в 1927 г. у Ясперса, написав работу о гегелевской интерпретации Шекспира. В 1927–1929 гг. – преподавательская деятельность в США. С 1930 г. – преподавание в различных средних школах Германии. – М. Зальдитт была близким другом семьи Ясперс, особенно во времена национал-социализма.

160. Подразумевается текст "Философии".

161. Манке дитрих (Mahnke, Dietrich), рец. на: Dilthey W., Gesammelte Schriften, Bd. 7 // Literarische Berichte aus dem Gebiete der Philosophie. Das umfassende Literaturblatt für Wissenschaft und allgemeines Geistesleben. Hrsg. von A. Hoffmann-Erfurt, N. 15/16, Erfurt 1928, S. 34–39. (Множественное число у Ясперса, вероятно, подразумевает, что в 7-м томе собраны различные произведения Дильтея и все они обсуждаются Манке.)

162. Завершая свой обзор, Манке говорит, что "недавно разработанная Мартином Хайдеггером «герменевтическая феноменология»" "неожиданным образом" подтверждает чрезвычайную актуальность и перспективную значимость систематических работ Дильтея. Благодаря синтезу Дильтея и Гуссерля станет возможно "более полно реализовать интенции «феноменологии духа» Гегеля и благодаря имманентной интерпретации психологических и духовно-исторических данностей дать систематическую онтологию истинной, исторически живой действительности..." (S. 38 ff).

163. Грасси Эрнесто (Grassi, Ernesto; род. 1902 г.) – философ культуры; с 1937 г. – профессор философии во Фрайбурге-им-Брайсгау, с 1938 г. – в Берлине, с 1948 г. – в Мюнхене, где руководил семинаром по фи-

лософии и духовной истории гуманизма. Основные темы его исторических исследований: античность, Возрождение. Грасси был также издателем нескольких научных серий.

164. GA Bd. 26: Metaphysische Anfangsgründe der Logik. Hrsg. von Klaus Heide, Frankfurt a.M. 1978.

165. Вебер Альфред (Weber, Alfred; 1868–1958) – социолог, профессор в Гейдельберге; создатель социологии культуры. Основные работы: Kulturgeschichte als Kultursociologie, Leiden 1935; Prinzipien der Geschichts- und Kultursociologie, München 1951.

166. Зингер Курт (Singer, Kurt; 1885–1962) – в те годы приват-доцент по национальной экономике и социологии в Гамбурге; в годы Третьего рейха

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
эмигрировал в Японию и Австралию.

167. Singer K., Das Geld als Zeichen, 1920.

168. Кнапп Георг Фридрих (Knapp, Georg Friedrich; 1842–1926) – экономист, приверженец новой исторической школы в экономике, профессор в Лейпциге (1867–1879) и Страсбурге (1874–1919).

169. Wirtschaftsdienst. Kriegswirtschaftliche Mitteilungen über das Ausland. Hrsg. von der Zentralstelle des Hamburgischen Kolonialinstituts, 1916–1943.

170. Singer K., Platon der Grunder, München 1927.

171. Эккардт Ханс Феликс фон (Eckardt, Hans Felix von; 1890–1957) – с 1927 г. профессор в Гейдельберге; в 1933 г. уволен, в 1946 г. возобновил работу в качестве профессора социологии.

172. Зальц Артур (Salz, Arthur; 1881–1963) – с 1917 г. профессор национальной экономики, истории экономики и социологии в Гейдельберге; в 1933 г. уволен, затем эмигрировал в Англию.

173. Гундольф Фридрих (Gundolf, Friedrich; 1880–1931) – поэт и литературовед, с 1920 г. профессор новой немецкой литературы в Гейдельберге. Был тесно дружен с Ясперсом.

174. Grundriss der Sozialökonomik. Bearbeitet von S. Altmann, Th. Brinkmann, K. Bucher u. a., Tübingen 1914 ff.

175. Ричль Ханс (Ritschi, Hans; род. 1897) – специалист в области финансов, в 1928 г. профессор в Базеле, с 1942 г. – в различных университетах Германии.

176. В протестантской теологии конца XIX в. говорили о так называемом ричлеанстве – богословском направлении, основателем которого был Альбрехт Ричль (Albrecht Ritschi; 1822–1889) и к которому примкнул также его сын Отто (1860–1944).

177. "Вопросами территориального размещения" ("Standortsfragen") в экономических науках называют вопросы об условиях, обеспечивающих оптимальное территориальное размещение производства.

178. Ленц Фридрих (Lenz, Friedrich; 1885–1968) – экономист; в 1921–1933 гг. профессор политической экономики в Гисене; в 1933 г. уволен, после эмиграции – профессор в Берлине (1946–1948).

179. Семинар по "Критике чистого разума" Канта.

180. Вирхов Рудольф (Virchow, Rudolf; 1821–1902) – патолог; в 1849 г. профессор в Вюрцбурге, с 1856 г. – в Берлине; основоположник клеточной патологии. Видный историк медицины и один из зачинателей современной антропологии; как политик был соучредителем прогрессистской партии, а также членом прусской палаты депутатов и германского рейхстага.

181. Швёерер Виктор (Schwoerer, Viktor, 1865–1943) – д.ю.н., тайный обер-реггирунгсрат; руководитель отделения по делам высшей школы в баденском министерстве просвещения.

182. Литт Теодор (Litt, Theodor; 1880–1962) – философ и педагог; профессор в Бонне и Лейпциге. Работы: Individuum und Gemeinschaft,

Leipzig u. Berlin 1919; Mensch und Welt. Grundlinien einer Philosophie des Geistes, München 1948; Hegel. Versuch einer kritischen Erneuerung, Heidelberg 1953.

183. Фрайтаг-Лёрингхоф Бруно фон (Freitag-Loringhoff, Bruno von; род. 1912 г.) – философ, профессор в Тюбингене. Основная область интересов: логика Аристотеля. Основные работы: Die ontologischen Grundlagen der Mathematik, Halle a. d. Saale 1937; Logik. Ihr System und ihr Verhältnis zur Logistik,
Страница 128

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Stuttgart 1955 u. 1967, 2 Bde.

184. Бехер Эрих, см. прим. к письму [41].

185. Ротхаккер Эрих (Rothacker, Erich; 1888–1965) – философ и психолог, профессор в Бонне. Область интересов: гуманитарные науки. Работы: Einleitung in die Geisteswissenschaften, Tübingen 1920; Logik und Systematik der Geisteswissenschaften, München u. Berlin 1927 (первая публикация в: Handbuch der Philosophie. Abt. 2. Hrsg. von A. Baumeister u. M. Schroter, München 1926); Geschichtsphilosophie, München u. Berlin 1934; Die Schichten der Persönlichkeit, Leipzig 1938.

186. Дюрроф Адольф (Dyroff, Adolf; 1866–1943) – в 1903–1934 гг. профессор философии и педагогики в Бонне. Представитель критического реализма.

57 187. Ср. письмо [36] Ясперса Хайдеггеру от 27.10.1926.

188. Швёер.

189. Рихтер.

190. Деканом был проф. д-р Пауль Якобсталь (Paul Jacobsthal).

191. Берг Бенгт (Berg, Bengt; 1885–1964) – шведский писатель и орнитолог.

192. Беккер Оскар (Becker, Oskar, 1889–1964) – с 1928 г. внештатный профессор философии во Фрайбурге, с 1931 г. ординарный профессор в Бонне. Работы главным образом по логике и философии математики.

193. Боймлер Альфред (Baumeister, Alfred; 1887–1968) – философ, профессор в Дрездене и Берлине. отождествлял себе с национал-социализмом. Работы: Das Irrationalitätsproblem in der Ästhetik und Logik des 18. Jahrhunderts bis zur Kritik der Urteilskraft, Halle a. d. S. 1923.

194. Штенцель Юлиус (Stenzel, Julius; 1883–1936) – философ, профессор в Киле. Основная тема исследований – философия античности. Работы: Studien zur Entwicklung der platonischen Dialektik von Sokrates zu Aristoteles, Leipzig u. Berlin 1931; Zahl und Gestalt bei Platon und Aristoteles, Leipzig 1924.

195. Богословы, работавшие в то время в Марбурге: Рудольф Бультман, Ханс фон Зоден (Hans von Soden), Фридрих Хайлер (Friedrich Heiler), Вальтер Баумгартнер (Walter Baumgartner), Генрих Хермелинк (Heinrich Hermelink).

196. В архиве Хайдеггера не найдено; скорее всего, не было отправлено.

197. Макс Шелер скончался 19 мая 1928 г. во Франкфурте-на-Майне, вскоре после назначения в тамошний университет. Ясперс должен был читать лекции вместо него.

198. Вернер Рихтер (Werner Richter) в 1921 г. был германистом в Грайфс-вальдском университете, когда туда пригласили Ясперса.

199. Йонас Ханс (Jonas, Hans; род. 1903) – учился у Гуссерля, Хайдеггера, Бультмана и Ясперса. В 1928 г. защитил под руководством Хайдеггера и Бультмана диссертацию о понятии гнозиса. Последующие

работы о гнозисе (Gnosis und spätantiker Geist, 2 Bde, Göttingen 1934–1954) опубликовал уже в эмиграции, которая привела его в 1933 г. в Англию, в 1935 г. в Палестину, в 1949 г. в Канаду, в 1955 г. в США, где он преподавал в Новой школе социальных исследований (Нью-Йорк). В конце 1980-х годов приобрел мировую известность книгой "Принцип ответственности" ("Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation", Frankfurt a. M. 1979).

200. Можно только догадываться, почему Ясперс "в спешке" отослал это краткое, а не уже написанное более пространное письмо. Вероятно, он не считал ситуацию вполне уместной для замечаний о Шелере.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
201. Д-р Юстус Шварц (Justus Schwarz) – ученик Хайдеггера.

202. Хаймзётхайнц (Heimsoeth, Heinz; 1886–1975) – философ, профессор в Марбурге, Кенигсберге и Кёльне. Историк философии. Опубликовал в т. ч.: Die sechs gro?en Themen der abendlandischen Metaphysik, Berlin 1922; Transzendente Dialektik – Ein Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft, Berlin 1966–1971, 4 Bde; Studien zur Philosophie Immanuel Kants. Bd. 1: Metaphysische Ursprunge und ontologische Grundlagert, Koln 1956.

203. Т. е. снят из списка возможных кандидатов.

204. Подразумевается рецензия Хайдеггера на второй том "Философии символических форм" (Bd. 2: "Das mythische Denken", Berlin 1925), опубликованная в: Deutsche Literaturzeitung 1928, 21. Н., Spalten 999– 1012.

205. В своей рецензии Хайдеггер говорит, что "занятие позиции" по отношению к книге Кассирера нужно осуществить "по трем аспектам"

(ibid.). Третий состоит в "основополагающем вопросе о конститутивной функции мифа в человеческом бытии и в совокупности сущего вообще" (ibid.). Ему должна предшествовать "сущностная интерпретация" (1008) мифа, которая "останется случайной и бесцельной до тех пор, пока не будет основана на радикальной онтологии бытия в свете проблемы бытия в целом" (1008). Используя терминологию экзистенциалов "Бытия и времени", Хайдеггер затем показывает, как следовало бы онтологически определить "место представления о мане".

206. Видимо, подразумевается невозможность онтологизации бытия.

207. Philosophische hefte, 1, Berlin 1928 (Специальный выпуск, посвященный "Бытию и времени").

208. Marcuse //., Beitrage zu einer Phanomenologie des historischen Materialismus// Philosophische hefte, 1, a. a. O. S. 48–68.

209. В летнем семестре 1928 г. Ясперс вел семинар по философии истории Гегеля.

210. Хайдеггер М, Бытие и время. М., 1997; § 82.

211. Ср.: Jaspers ?, Notizen zu Martin Heidegger, Hrsg. von H. Saner, Munchen 1978, S. 26 f; 266.

212. Когда это было – установить с точностью не удалось.

213. Речь идет о "Философии" К. Ясперса.

214. "Бытие и время".

215. Бергсон Анри (Bergson, Henri; 1859–1941) – французский философ, профессор в Коллеж де Франс. Во французской и европейской философии вызвал переворот, который обычно (хотя и недостаточно точно) называют "философией жизни". Среди его публикаций: Essai sur les donnees immediates de la conscience, Paris 1889; Matiere et memoire. Essai sur la relation du corps a l'esprit, Paris 1896; Les deux sources de la morale et de la religion, Paris 1932.

216. Опубликовано в: GA Bd. 26: Metaphysische Anfangsgrunde der Logik. Hrsg. von Klaus Held, Frankfurt a. M. 1978.

217. Соссюр Орас Бенедикт де (Saussure, Horace Benedict de; 1740–1799) – женеvский естествоиспытатель; изучал геологию и географию Альп, в 1787 г. совершил восхождение на Монблан, который с помощью барометрических изменений определил как высочайшую гору Европы.

218. Saussure, Horace B. de, Voyages dans les Alpes, 4 Bde. 1779–1796; на нем. языке: Reisen durch die Alpen, 4 Bde, Leipzig 1781–1798. О восхождении на Монблан (Bd. IV, S. 327): "...у меня было такое чувство, будто я пережил всю вселенную, и вот теперь ее труп лежит простертый у моих ног".

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

219. В летнем семестре 1923 г. Ясперс вел семинар по Кьеркегору.
220. Приглашение Ясперса в Бонн.
221. Риккергу.
222. Приглашение Ротхаккера в Бонн.
223. В архиве Хайдеггера не обнаружено.
224. После переговоров с факультетом по поводу приглашения.
225. В прусское министерство науки, культуры и народного образования, которое ведало приглашением в Бонн.
226. Вероятно, подразумевается англист Вальтер Франц Ширмер (Walter Franz Schirmer), преподававший в Бонне в 1925–1929 гг.
227. Ср. по этому поводу письмо [36] Ясперса к Хайдеггеру от 27.10.1926.
228. Список на замещение кафедры Макса Шелера, который скончался в мае 1929 г. во Франкфурте-на-Майне.
229. Деканом философского факультета был проф. Пауль Якобсталь.
230. Гризебах Эберхард (Grisebach, Eberhard; 1880–1945) – философ культуры. Работы: Wahrheit und Wirklichkeiten, Halle a. d. S. 1919; Erkenntnis und Glaube., Halle a. d. S. 1923.
231. Тиллих Пауль (Tillich, Paul; 1886–1965) – теолог и философ, профессор в Марбурге, Франкфурте-на-Майне, Нью-Йорке, Гарварде и Чикаго. Опубликовал в т. ч.: Mystik und Schuldbewusstsein in Scheitlings philosophischer Entwicklung, Gutersloh 1912; Über die Idee einer Theologie der Kultur// Religionsphilosophie der Kultur. Zwei Entwürfe von Gustav Radbruch und Paul Tillich, Berlin 1919, S. 29–52. (Р.Т.: Gesammelte Werke, Stuttgart 1967, Bd. IX, S. 13–31).
232. Вертхаймер Макс (Wertheimer, Max; 1880–1943) – психолог, один из основателей гештальтпсихологии, профессор во Франкфурте-на-Майне, с 1933 г. – в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке.
233. Речь идет о замене Шелеру.
234. Из министерства по делам культов и просвещения.
235. Речь идет о предложении министерства на тот случай, если Ясперс останется в Гейдельберге.
236. Вольфганг Виндельбанд, министралият в прусском министерстве науки, культуры и народного образования.
237. Выплаты на жилье были повышены на 30 марок в месяц. Это было связано с обещаниями министерства, данными протестантской церковной общине Гейдельберга (которой принадлежал дом JSfe 66 по ул. Плэк), сделать все, чтобы договор об аренде, истекавший в конце марта 1932 г., был бы продлен по крайней мере до 1 апреля 1935 г.
238. На полях: "пожалуйста, совершенно конфиденциально".
239. Одно только повышение базового оклада составило 40 % (с 10 000 до 14 000 марок ежемесячно). Со всеми надбавками месячный оклад Ясперса составлял на 1.4.1929 свыше 17 000 марок.
240. На полях: "так же" (т. е.: сугубо конфиденциально).
241. Этот план осуществился только в летнем семестре 1929 г. Рукопись лекции в архиве Хайдеггера отсутствует.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
242. Werner Jaeger, *Über Ursprung und Kreislauf des philosophischen Lebensideals // Sitzungsberichte der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse, Berlin 1928, Jg. 1928, Bd. XXV, S. 390–421.*

243. Речь шла о замещении вакансии Карла Ноймана (Carl Neumann; 1860–1934), который в 1911–1929 гг. был в Гейдельберге ординарным профессором кафедры новой истории искусства.

244. Янцен Ханс (Jantzen, Hans; 1891–1967) – в 1916–1931 гг. ординарный профессор новой истории искусства во Фрайбурге-им-Брайс-гау, в 1931–1935 гг. – во Франкфурте-на-Майне, с 1935 г. – в Мюнхене.

245. Расшифровка не однозначна.

246. Панофски Эрвин (Panofsky, Erwin; 1892–1968) – в 1926–1933 гг. профессор истории искусства в Гамбурге; впоследствии эмигрировал в

США, где с 1935 г. преподавал в Институте повышения квалификации (Institute for Advanced Study) в Принстоне. Был одним из крупнейших специалистов по Дюреру, опубликовал также несколько фундаментальных работ по истории форм, теории искусства и иконографии.

247. Фабрициус Эрнст (Fabricius, Ernst; 1857–1942) – профессор древней истории во Фрайбургском университете.

248. Хайдеггер прочитал доклады на тему: "«Критика чистого разума» Канта и задача основоположения метафизики" ("Kants Kritik der reinen Vernunft und die Aufgabe einer Grundlegung der Metaphysik"). Там состоялась и примечательная дискуссия с Кассирером.

249. В зимнем семестре 1928/29 г. Ясперс читал курс "Кант и Кьеркегор" ("Kant und Kierkegaard").

250. Работа Хайдеггера "Kant und das Problem der Metaphysik", Bonn 1929*, посвящена Максу Шелеру. 4-е, расширенное издание: Frankfurt a. M. 1973.

251. Второе издание "Бытия и времени".

252. набросок; окончательный вариант в архиве Хайдеггера отсутствует.

253. Ясперс читал, в частности, доклад, опубликованный в "Абендблатт дер франкфуртер цайтунг" от 22.4.1929, где дискуссия между Кас-

" Русск. перев.: "Кант и проблема метафизики" / Перев. О. В. Никифорова. М., 1997.

сирером и Хайдеггером была представлена как одно из главных событий трехнедельной конференции в Давосе.

254. "О сущности основания" [Vom Wesen des Grundes // Festschrift Edmund Husserl zu 70. Geburtstag gewidmet, Halle a. d. S. 1929, S. 71–100 (Separatdruck des Jahrbuches für Philosophie und phänomenologische Forschung. Ergänzungsband)]. С посвящением Хайдеггера: "С сердечными пожеланиями. Ваш Мартин Хайдеггер. 14. IV. 29".

255. Арендт Ханна (Arendt, Hanna; 1906–1975) – политолог; в 1924–1925 гг. училась у Хайдеггера в Марбурге, а затем, после семестра обучения у Гуссерля, – у Ясперса (с 1926 г.). В 1929 г. защитила диссертацию "Понятие любви у Августина. Попытка философской интерпретации" ("Der Liebesbegriff bei Augustin. Versuch einer philosophischen Interpretation"), опубликована в 1929 г. как девятый (и последний) выпуск в издаваемой Ясперсом серии "Философские исследования". В 1933 г. эмигрировала в Париж, а в 1941 г. – в США. В 1946–1948 гг. работала главным редактором, затем занималась писательской деятельностью; с 1963 г. – профессор политической теор*ии в Чикаго, а с 1968 г. – в Новой школе социальных исследований (Нью-Йорк). В 1951 г. вышел ее главный труд: "Происхождение тоталитаризма" ("The Origins of Totalitarianism").

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
256. Ср. по этому поводу письмо № 10 Ясперса Ханне Арендт от 4.8.1929 (в: Hannah Arendt/Karl Jaspers: Briefwechsel 1926–1969, hrsg. von L. Kohler u. H. Saner, München 1985, S. 44 ff). К оценке диссертации Ясперсом см. его отзыв в указанной переписке (S. 723 f.).

257. По поводу Общества поддержки см. письмо [31] от 17.2.1926, прим. 101.

258. В 1929 г. Ханна Арендт начала работу над "жизнеописанием" "немецкой еврейки" Рахель Варнгаген (1771–1833); исследование вышло в свет только после Второй мировой войны, сначала в английском переводе, а в 1959 г. – на немецком языке.

259. В летнем семестре 1929 г. лекция была обозначена как "Немецкий идеализм (Фихте, Гегель, Шеллинг) и философские проблемы современности" [GA Bd. 28: Der deutsche Idealismus (Fichte, Hegel, Schelling) und die philosophische Problemlage der Gegenwart. Hrsg. von Ingrid Gortland. Frankfurt a. M. 1997].

260. Edmund Husserl zum siebzigsten Geburtstag // Akademische Mitteilungen. Organ für die gesamten Interessen der Studentenschaft an der Albert-Ludwigs-Universität in Freiburg i. Br., Vierte Folge, IX. Sem., Nr. 3, 14.5.1929, S. 46 f.

261. Херригель Ойген (Herrigel, Eugen; 1885–1955) – в 1924–1929 гг. профессор философии в университете Тохоку (Сендай, Япония), с 1929 г. ординарный профессор в Эрлангене. Херригель был учеником Г. Рик-керта, отсюда – предостережение Ясперса.

262. В середине июня 1929 г. скончался ректор Гейдельбергского университета юрист Карл Хайнсхаймер (Karl Heinsheimer). Согласно протоколу заседания от 6.7.1929 (Universitätsarchiv Heidelberg B-1261/ 1,2), уже в первом туре выборов 53 голосами из 55 был избран новый ректор, медик Эмиль Готшлих (Emil Gotschlich). Борьба за выборы, о которой говорит Ясперс, таким образом, относится не к нему. На том же заседании происходили выборы одного из ординарных профессоров Большого ученого совета в Малый совет. Здесь имела место борьба между кандидатами, а именно между Альфредом Вебером, Карлом Майстером (Karl Meister; 1880–1963, филолог–классик) и Вилли Андреасом (Willy Andreas; 1884–1967, новая история). При перебаллотировке Карл Майстер неожиданно опередил Альфреда Вебера. Ясперс, вероятно, имеет в виду именно это.

263. "Kant und das Problem der Metaphysik", Bonn 1929. – С дарственной надписью: "С сердечным приветом. Мартин Хайдеггер".

264. Относительно "дерзких вопросов" по поводу речи, посвященной Гуссерлю (ср. письмо [85] от 7.7.1929), можно лишь предположить следующее: Хайдеггер, который порой в письмах высказывался о Гуссерле весьма скептически и даже непочтительно, по поводу 70-летия Гуссерля 8.4.1929 произнес прямо-таки хвалебную речь в честь "водительства" Гуссерля и его "философской экзистенции". По словам Хайдеггера, исследования Гуссерля "впервые создали совершенно новое пространство философского вопрошания, с новыми задачами, иными оценками, новым взглядом на сокровенные силы великой традиции европейской философии" (S. 46). Эта новая философия Гуссерля – "не просто схема ориентации в мире, да и вообще не средство и продукт человеческого бытия, но – само это бытие, коль скоро оно свершается в свободе из своего истока" (S. 47). Оно открыто "диалогу с действующими силами всего бытия" (ibid.). Но это и есть "позиция философа: вслушивание в изначальную песнь, что слышна во всяком сущностном событии мира" (ibid.). Очевидно, эти слова о Гуссерле Ясперс воспринял тогда чуть ли не как гротеск. Гуссерль был для него образцом человека, который совершил превращение философии в науку, человеком, который осуществил "акт видения", хоть и видел большей частью лишь безразличное. (Ср.: Jaspers K., *Rechenschaft und Ausblick*, München 1958, S. 386.) К тому же он, вероятно, расценил намек на "схему ориентации в мире" как косвенную критику по своему адресу. И, наконец, он вполне мог задать вопрос: в чем же вообще заключается "водительство" в философии?

265. Вероятно, относится к письму или открытке Ясперса; в архиве Хай-деггера не обнаружено. Отзыв касается Ханны Арендт.

266. Рицлер Курт (Riezler, Kurt; 1882–1955) – философ и дипломат, профессор во Франкфурте-на-Майне и Нью-Йорке. Работы по политической теории, философии истории и эстетике.

267. Мария Шелер (Maria Scheler) – третья жена философа, управляющая наследием и до своей смерти в 1969 г. единоличная издательница трудов Шелера.

268. Ниже рукой Хайдеггера приписано: "Гартенштр., 28" (адрес родителей Ясперса).

269. Карл Вильгельм Ясперс (Carl Wilhelm Jaspers; 1850–1940) и Генриетта Ясперс (Henriette Jaspers; 1862–1941), уржд. Танцен (Tantzen).

270. "Was ist Metaphysik?", Bonn 1929 (Frankfurt a. M. 13, 1986), а также в следующих изданиях: GA Bd. 9: Wegmarken. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1976, S. 103–122.

271. Очевидно, после доклада Хайдеггера Ясперс положил это письмо ему в комнату.

272. Приглашение в Берлинский университет Ясперс получил 28.3.1930.

273. В архиве Ясперса имеется копия, сделанная его женой, с небольшим изменением.

274. Ясперс уже строит планы о преемстве кафедры Риккерта.

275. Министерство по делам культов и просвещения.

276. Бушор Эрнст (Buschor, Ernst; 1886–1961) – специалист в области классической археологии; отказался от преемства кафедры Людвиг Курциуса в Гейдельберге.

277. Эрвин Панофски отклонил приглашение в Гейдельберг (на место Карла Ноймана).

278. "Центром" была католическая партия, названная так по занимаемым ею местам в середине парламента. В годы Веймарской республики была основной правительственной партией.

279. Райнфельдер Ханс (Rheinfelder, Hans; 1898–1971) – романист, защитившийся во Фрайбурге и в 1933 г. ставший ординарным профессором в Мюнхене.

280. Бесселер Генрих (Bessel, Heinrich; 1900–1969) – музыковед, с 1928 г. профессор в Гейдельберге, позднее – в Йене и Лейпциге.

281. Ольшки Леонардо (Olschki, Leonardo; 1885–1961) – романист, ученик Карла Фосслера (Carl Vossler); в 1918–1932 гг. преподавал в Гейдельбергском университете, затем был приглашенным доцентом Королевского университета в Риме. В 1933 г. по причинам расистского характера был отправлен Гейдельбергским университетом в отставку; после этого продолжал читать лекции в Риме, пока ему не запретили и это. В 1938 г. эмигрировал в США, где долгое время был безработным. В 1944 г. получил место на факультете восточных языков в университете Беркли, однако в 1950 г., во время маккартистских "чисток", лишился его, хотя был уже американским гражданином. С 1954 г. преподавал в Риме и Венеции. Основной труд: "Geschichte der neusprachlichen wissenschaftlichen Literatur", Heidelberg 1919–1927*.

"Русск. перев.: "История научной литературы на новых языках", т. 1–3, М. – Л., 1934

282. Миякэ Гочи (Miyake, Gochi; 1895–1982) – философ, профессор в университете Тохоку (Сендай), в университете Киото и университете Гаскюсю (Токио); в 1930–1932 гг. – стажировка в Германии. Опубликовал ряд статей о

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
философии Хайдеггера, философии морали, философии искусства и проблеме
времени.

283. Один из Восточно-фризских островов, где Ясперс часто бывал в детстве.

284. Д-р Вернер Брок (Werner Brock) был в 1931–1933 гг. ассистентом
Хайдеггера; впоследствии при поддержке Хайдеггера эмигрировал в Англию
(Кембридж).

285. Ricken Я., Die Heidelberger Tradition in der deutschen Philosophie,
Tubingen 1931.

286. В качестве предположения: Риккерт включил в гейдельбергскую традицию
Германа Глокнера (Hermann Glockner), Августа Фауста (August Faust) и Ойгена
Херригеля, но Ясперса не упомянул ни словом.

287. Подразумевается брошюра "духовная ситуация времени" ("Die geistige
Situation der Zeit"), вышедшая незадолго до трехтомной "Философии".

288. "Большой труд" – трехтомная "Философия" (Philosophie, Berlin 1932. Bd.
I: Philosophische Weltorientierung; Bd. II: Existenzerhellung; Bd. III:
Metaphysik). "Введение" – Die Geistige Situation der Zeit, Berlin 1931.

289. Успех "Бытия и времени".

по

290. См. письмо [102] от 24.5.1930.

291. Ср. письмо [101] от 17.5.1930; очевидно, в 1930 г. Хайдеггер гостил на
Троицу у Ясперса.

292. Штернбергер Дольф (Sternbeiger, Dolf; 1907–1989) – учился как у
Ясперса (1927), так и у Хайдеггера (1929). В 1932 г. защитился у Пауля
Тиллиха во Франкфурте-на-Майне на тему "Исследование экзистенциальной
онтологии Мартина Хайдеггера" ("Der verstandene Tod", Leipzig 1934). Уже в
1929 г. во "Франкфурте? цайтунг" (29.9) опубликовал критику книги
Хайдеггера "Кант и проблема метафизики". Каким образом Штернбергер дал
повод к тому высказыванию Хайдеггера, с точностью установить не удалось.

293. Ср. письмо [86] от 24.7.1929.

294. Речь идет о высказывании Ясперса: "...могло бы вновь ощутимо упорядочить
иерархию в духовной жизни" ("Frankfurter Zeitung", 14.12. 1931, по поводу
статьи Пауля Тиллиха "Существует ли еще университет?", напечатанной в той
же газете 22.11.1931).

295. Jaspers K., Max Weber. Deutsches Wesen im politischen Denken, im
Forschen und Philosophieren, Oldenburg i. O. 1932.

296. Макс Вебер.

297. Крик Эрнст (Kriek, Ernst; 1882–1947) – педагог, после профессур в
Дортмунде и Франкфурте-на-Майне с 1934 г. ординарный профессор в
Гейдельберге, где с 1.4.1937 рейхсминистерство образования назначило его
ректором. На время его ректорства пришлось увольнение Ясперса. Крик в
значительной мере участвовал в "приобщении" немецкого университета к
нацистской идеологии. Наряду с Альфредом Боймлером был влиятельнейшим
педагогом национал-

социализма, оказывал сильное влияние на национал-социалистскую философию
политики. Оценка Крика Хайдеггером, уже в марте 1933 г. скептическая, после
принципиальной концептуальной полемики по поводу основанного Криком во
Франкфурте "культурно-политического кружка немецких преподавателей высшей
школы" ("Kulturpolitische Arbeitsgemeinschaft Deutscher Hochschul Lehrer" –
KADH) и после резких нападок Крика на Хайдеггера в криковском журнале
"Народ в становлении" ("Volk im Werden", 1934) вылилась в нескрываемую
обоюдную неприязнь. О философии Хайдеггера Крик писал, что она есть
"фермент, разлагающий и разрушающий немецкий народ". По его словам,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Хайдеггер принадлежит к тем, кто "втайне способствует подрыву национал-социалистского движения обновления", а истоки его мысли отнюдь "не всегда были германскими"; мышление Хайдеггера отражает "чужеродное еврейское мышление" да "и без того чуждо и враждебно творческому немецкому человеку" (ср.: Volk im Werden, н. 2. [1934]; н. 3. [1935]).

298. Шадевальдт Вольфганг (Schadewaldt, Wolfgang; 1900–1974) – филолог-классик, в 1928 г. профессор в Кенигсберге, с 1929 г. во Фрайбурге, с 1934 г. в Лейпциге, с 1941 г. в Берлине, с 1950 г. в Тюбингене. Дружил с Хайдеггером. Переводчик Гомера, Эсхила, Софокла и Платона.

299. Зауэр Йозеф (Sauer, Joseph; 1872–1949) – папский прелат, профессор христианской археологии и истории искусства; ректор Фрайбургского университета в 1932–1933 гг.

300. Ср. ректорскую речь Хайдеггера: "Самоутверждение немецкого университета", Breslau 1933 (теперь в издании: Die Selbstbehauptung der Deutschen Universität – Das Rektorat 1933/34. Hrsg. von Hermann Heidegger, Frankfurt a. M. 1983). 21.4.1933 Хайдеггер был избран ректором Фрайбургского университета.

301. Ср. "Philosophische Autobiographie", а. а. о., S. 100: "В конце мая 1933 года Хайдеггер в последний раз довольно долго гостил у нас. Несмотря на восторжествовавший на мартовских выборах национал-социализм, мы беседовали как прежде. Он купил мне пластинку с григорианскими хорами, и мы вместе слушали ее. Уехал Хайдеггер раньше, чем намечалось. «Нужно включаться», – сказал он о быстром развитии национал-социалистской реальности. Я удивился, но ничего не спросил"*.

302. В южном предместье Берлина Эрнст Майер (Ernst Mayer, 1883–1952), зять Ясперса, еврей, имел частную врачебную практику. "Арийский параграф" в законе о восстановлении профессиональных административных кадров от 7.4.1933 уже привел к частичному бойкоту его практики со стороны "арийских" пациентов. – В некрологе на смерть Эрнста Майера (Arztliche Mitteilungen, н. 24, 20. 12. 1952) Ясперс сообщает, что еще в 1933 г. Майер сказал ему: "Они сгонят нас в барачные лагеря, а потом подожгут их". Тогда Ясперс воспринял это как плод излишне буйного воображения. В 1938 г. Э. Майер эмигрировал в Голландию, где во время оккупации, в укрытии, написал свою "диалектику незнания" ("Dialektik des Nichtwissens", Basel 1950. Серия: Studia Philosophica. Supplementum 5).

303. 30 июня по приглашению гейдельбергского студенческого союза Хайдеггер читал в Гейдельберге лекцию "Университет в новом рейхе" ("Die Universität im neuen Reich"). Ср.: Heidelberger Neueste Nachrichten, Nr. 150 от 1. 07. 1933, S. 4. Перепечатано также в: Schneeberger G., Nachlese zu Heidegger. Dokumente zu seinem Leben und Denken, Bern 1962, S. 73 ff.

'Хайдеггер использовал слово, ставшее тогда модным благодаря идеологии национал-социализма: "включаться" ("einschalten").

304. Спустя более чем 20 лет Ясперс так описывал этот последний визит Хайдеггера: "В мае он еще раз на короткое время остановился у нас. Поводом была лекция, которую он, теперь ректор Фрайбургского университета, читал перед гейдельбергскими студентами и профессорами. Шеель, председатель гейдельбергского студенчества, приветствовал его как "коллегу Хайдеггера". По форме это была мастерская лекция, а по содержанию – программа национал-социалистского обновления университета... Бурными аплодисментами студенты и немногие профессора приветствовали это выступление. Я, сидя в первом ряду с краю, вытянув ноги и заложив руки в карманы, не пошевелился.

Последующие разговоры с Хайдеггером не были с моей стороны открытыми. Я сказал ему: ожидалось, что он вступится за наш университет и его великую традицию. Никакого ответа. Я заговорил о еврейском вопросе и о злобной чепухе про "сионских мудрецов", на что он сказал: "Существует ведь опасный международный союз евреев". За столом он сказал слегка сердитым тоном: это безобразие, что существует столько профессоров философии – во всей Германии следовало бы оставить двух или трех. "Кого же?" – спросил я. Никакого ответа. "Как может такой необразованный человек, как Гитлер, управлять страной?" – "Образование совершенно не важно, – ответил он, – вы только

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
посмотрите на его великолепные руки!"

Сам Хайдеггер тоже казался другим. Сразу, как только он приехал, возник настрой, разделивший нас. Народ был опьянен национал-социализмом. Я поднялся наверх, в комнату к Хайдеггеру, чтобы поздороваться с ним. "Как будто опять наступил 1914 год... – начал я, желая продолжить: – опять то же всеобщее, лживое опьянение», но при виде сияющего Хайдеггера слова застряли у меня в горле. Этот радикальный разрыв необычайно меня затронул. Ни с одним человеком у меня такого не было. Особенно больно было оттого, что Хайдеггер, казалось, ничего не замечал. Он подтвердил это

тем, что с 1933 г. больше не приезжал ко мне и даже при моем увольнении в 1937 г. не нашел для меня ни слова. Но еще в 1935 г. я слышал, что на одной из своих лекций он говорил о своем "друге Яспер-се". Сомневаюсь, понял ли он тот разрыв даже сегодня.

Я был растерян. До 1933 г. Хайдеггер ничего не говорил мне о своих национал-социалистских симпатиях. Я, со своей стороны, должен был с ним поговорить. В последние годы перед 1933-м его визиты стали редкими. Теперь было слишком поздно. Перед одурманенным Хайдеггером я оказался бессилён. Я не сказал ему, что он на ложном пути. Я уже не доверял его изменившемуся характеру. От той силы, к которой теперь примкнул Хайдеггер, я чувствовал угрозу и для себя самого и, как уже не раз в моей жизни, думал о "caute" Спинозы.

Обмануло ли меня все то позитивное, что было между нами? Был ли я сам виноват, что не искал радикального разговора с ним, опираясь на это позитивное? Не был ли я виноват в том, что до 1933 г. своевременно не увидел опасности, считал национал-социализм в целом чем-то слишком безобидным, хотя Ханна Арендг уже в 1932 г. ясно сказала мне, куда все идет?

В мае 1933 г. Хайдеггер уехал в последний раз. Больше мы никогда не виделись" (Philosophische Autobiographie, a. a. O., S. 100 ff.).

305. Heidegger M., Die Selbstbehauptung der deutschen Universität. Rede, gehalten bei der feierlichen Übernahme des Rektorats der Universität Freiburg i. Br. am 27.5.1933, Breslau o. J. (1933). – С дарственной надписью: "С сердечным приветом. Хайдеггер".

306. Почти тридцать лет спустя по поводу ректорской речи Хайдеггера и его выступления в Гейдельберге Ясперс писал (ср.: Karl Jaspers, Notizen zu Martin Heidegger, Nr. 165): "...я еще пытался в возможно более положительном смысле истолковать его ректорскую речь. Но

в то же время уже ему не доверял. Я не высказал этого, но повел себя по принципу: если ожидать лучшего, то другой – поскольку находится в долголетних добрых отношениях с тобой – пойдет тебе навстречу; если же выказать недоверие, то все разрушишь. Духовный уровень не был утерян, хотя содержание его речей и поступков скатилось на невыносимо низкую и чуждую мне ступень.

Но я все равно не мог не воспринимать его всерьез, теперь как субстанциального противника, как медиума угрожающе опасной – я понимал это, – разрушительной силы.

Согласно масштабам, которые, конечно, субъективны, его речь, поведение и внешность казались мне столь неблагородными, что субстанциальная чуждость составляла странный контраст с флюидами философствования. В этом тоже была чуждость и все же связанность в интересе к тому, чем нам казалась философия и в чем мы считали себя тогда единокорными (без определенного содержания)".

307. В архиве Хайдеггера не найдено. Должно быть, речь идет о заявлении Густава Адольфа Шееля (Gustav Adolf Scheel; род. 1907). Шеель был студентом-медиком; в 1931 г. национал-социалистское большинство избрало его председателем гейдельбергского студенчества. Он активно участвовал в "чистке" гейдельбергского студенчества от евреев, марксистов и пацифистов. В 1936 г. стал рейхсфюрером студенчества, одновременно был инспектором охранной полиции и СД в Штутгарте. В 1941 г. стал заместителем и гауляйтером в Зальцбурге, по окончании войны предполагалось назначить его

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
рейхсминистром науки, искусства и народного образования. В рамках денацификации был приговорен к нескольким годам исправительных лагерей. Впоследствии работал врачом.

В 1932 г. Ясперс входил в комиссию, разбиравшую административные правонарушения Шееля и иже с ним. Ясперс позднее говорил, что своей лживостью Шеель сумел добиться для себя оправдания. Сам Шеель на судебных процессах после войны заявлял, что в годы нацизма неоднократно вступался за Ясперса и его жену.

308. Рукопись "Тезисы к обновлению высшей школы" ("Thesen zur Frage der Hochschulreueuerung", в архиве Ясперса машинописный текст под номером 27 mF). На титульном листе пометка: "Написано в июле 1933 г.", и более позднее добавление: "Кое-что взято для университетской речи 1945 г.". Имеется в виду речь "Обновление университета" ("Erneuerung der Universität"), произнесенная Ясперсом 15.08. 1945 по случаю открытия медицинских курсов в Гейдельбергском университете.

К "Тезисам" приложен листок, вероятно, черновик письма в министерство по делам культов и просвещения в Карлсруэ, указывающий на некоторые сопутствующие обстоятельства:

"Самовольно излагать решающей правительственной инстанции свои идеи, которые можно счесть личными, всегда сопряжено с сомнениями. Я осмелился на это, движимый сознанием, что для будущего немецких университетов наступил решающий момент. Всякий, кто на основании собственного опыта духовных возможностей в университете имеет что-либо сказать, очевидно, вправе без назойливости претендовать в такой момент на внимание; он не требует, но лишь указывает на то, что полномочной инстанции, возможно, давно известно, а возможно, даст ей новые идеи.

Эти записи сделаны в июле для Общества гейдельбергских доцентов, которым предстояло в обмене мнениями определить, что они полагают необходимым сделать для нового университета. Это общество распалось по причинам личного характера, так и не успев начать свою работу.

Записи мои не претендуют на полноту, это как бы фрагменты идеи целого, которые тогда представлялись мне важными, поскольку в стихийных публичных дискуссиях и планах они не на первом плане. Тезисы не противоречат, а, скорее, согласуются с принципами, уже одобренными министерством, и, видимо, не вступают в противоречие с неизвестными мне планами правительства.

Поскольку ныне я считаю нецелесообразной публикацию тезисов отдельной брошюрой, то с полным доверием посылаю их инстанции, которая будет решать вопрос о наших организациях".

На листке помечено:

"Не отправлено:

1. Хайдеггер информирован (моим письмом) и может, если пожелает, обратиться на это внимание правительства.
2. По собственной инициативе я ничего предпринять не могу, ибо мне говорят, что как беспартийного и супруга еврейки меня только терпят, но доверять мне не могут".

Из всего этого можно заключить, что, отказавшись от намерения послать "Тезисы" без предварительного запроса, Ясперс втайне надеялся, что Хайдеггер посодействует, чтобы министерство по делам культов и просвещения выступило с таким запросом. Но "Тезисы" не были посланы и Хайдеггеру, что свидетельствует о сомнениях Ясперса в том, как они будут восприняты в той политической ситуации.

"Тезисы" позволяют более непосредственно судить о позиции Ясперса по отношению к быстро ширящемуся процессу пацификации университета, нежели все его позднейшие самоинтерпретации.

Они исходят из того, что по сравнению с эпохой своего расцвета в 1770–1830

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
гг. немецкий университет в последние 100 лет постепенно, а в нашем веке ускоренными темпами идет к упадку. Обозначены следующие явные симптомы: дробление знания, которое все больше утрачивает смысл, в почти произвольном разнообразии бесполезного и ненужного, возрастание школярства в отвлеченном и отвлекающем учебном процессе, непомерный рост управленческих структур с их всевозможными комиссиями и инстанциями, снижение общего уровня до убогой посредственности и растущее ущемление свободы, ибо "отпал необходимый компонент свободы – отсеивание неудачников". Таким образом, обновление высшей школы Ясперс считал задачей первой необходимости. Ре-

шение не могло заключаться в реставрации университетских структур 1770–1830 гг. В новых условиях необходима была попытка оживить идею университета в новой форме. Это сопряжено "с уникальной для современной ситуации возможностью и опасностью: возможностью преодоления всех затяжных и запутывающих переговоров комиссий и инстанций посредством решительных распоряжений человека, который имеет неограниченную власть над университетами и может опереться на мощную поддержку сознающей ситуацию молодежи и необычайную готовность тех, кто прежде был безучастен и равнодушен; опасность же заключается в том, что поддержка потеряет ориентацию... а начальственное решение окажется не на уровне духовной задачи. Возможность подлинного обновления немецкой науки есть одновременно опасность ее окончательной гибели". Ввиду такой опасности видные исследователи и преподаватели обязаны, по мнению Ясперса, "довести до сведения полномочных инстанций" свои предложения по реформированию. И так, еще летом 1933 г. Ясперс считал, что при новом режиме можно осуществить рациональное обновление университета, если режим сделает то, что ему подскажут видные ученые, но, если режим останется глух, университету грозит окончательный упадок.

Ясперс предлагает следующие коренные реформы: уменьшить количество предлагаемых лекций и семинаров. Вместо этого "больше места" отвести "индивидуальной домашней работе". Обучение в принципе должно стать дерзанием исходя из свободы и в свободе. "Для этого необходимо упразднить все учебные планы как обязательное принудительное распределение учебного процесса по дням, отменить все семинарские талоны и формальные справки". – Кафедры должны предоставляться только "творческим личностям высокого научного уровня", в иных случаях, в том числе и в важных дисциплинах, достаточно внештатной профессуры и преподавателей по контракту. Такая система

имела бы то преимущество, что факультеты стали бы менее громоздкими. Последнее слово при отборе заведующих кафедрами должно принадлежать куратору, особо определенному на пожизненный срок для каждого университета, а не центральной для всех университетов инстанции. Управление университетом "следует упростить", "максимально сократить число комиссий, органов контроля, инстанций, заседаний, повысить ответственность личного решения; расширить свободу ректора и деканов по отношению к ученому совету и факультету". Ректор и деканы должны действовать открыто, однако "не зависеть от решений большинства, кроме определенного круга важнейших вопросов". Так, Яс-перс на первый взгляд согласен с принципом внутриуниверситетского феюерства. Но с одной очень важной оговоркой: принимающий единоличные решения должен находиться "под внутренним нажимом", чтобы не произошло ущемления свободы. "Через определенные промежутки времени принимавший решения должен отчитываться" – очевидно, перед сотрудниками университета. В таком случае должна разрешаться "самая нелицеприятная критика", нужно даже создать "незаинтересованную инстанцию, которая, на основании знакомства с обстоятельствами... могла бы наказывать". Лишь когда есть риск, что руководителя можно привлечь к ответственности, есть и надежда, "что на руководящие должности пойдут люди, уверенные в своих способностях...".

Что до трудовой повинности и военно-прикладного спорта, то они "являются не частью университета, но реальностью всеохватного перегиба", соединяющей с "основами существования и народом в целом". Они способствуют становлению дисциплины и особого умонастроения, которых "в научном воспитании должно не копировать, не воспроизводить, но дополнять". Необходимо отделить их по времени от учебных занятий также и "по физическим причинам". "Семестр, чтобы быть плодотворным,

должен быть либо целиком посвящен учебе – с ограниченной добавкой занятий спортом, – либо полностью отдан военной службе".

И, наконец, различными способами ограничивается примат политики над наукой: "Ни одна другая инстанция в мире" не может указывать цели исследованию и обучению, "кроме... ясности самого подлинного знания". Академическая свобода не связывает себя ни политикой, ни внешними принуждениями, ни авторитетом, но только сократовскими взаимоотношениями обучающихся и учащихся. Реформа университета не может состоять в том, чтобы, "следуя духу времени, вводить те или иные новшества". В рамках университета противник не тот, кто придерживается иных политических взглядов, а противник – невежество, рутина и бездуховность. "Было бы иллюзией полагать, что в высшей школе, где речь идет о духовном становлении, ныне можно чего-то добиться политической борьбой... Только борьба духовная способна вызвать к жизни нечто новое в духовном". В университете есть место лишь для "изначальных поисков истины".

"Тезисы" ратовали за установление в университете принципа платоновской элитарной аристократии, соединенного с идеей М. Вебера об этической ответственности всех власть имущих. Эти предложения имели целью почти безграничную свободу обучения и преподавания, при которой мог бы наиболее беспрепятственно проявиться профессионализм преподавателей и исследователей, а личность студентов раскрывалась бы наилучшим образом. Иллюзия тезисов – в еще сохранившейся вере, что и политическое руководство желает этой свободы или способно к ней вернуться. Эта вера была столь велика, что Ясперс одобрительно отнесся к новому университетскому уставу земли Баден, в котором другие видные исследователи сразу же разглядели гибель университета. Ясперс, безусловно, не догадывался, с кем он имеет дело. "Тезисы" напечатаны в: "Jahrbuch der osterreichischen Karl-Jaspers-Gesell-

schaft". Hrsg. von Elisabeth Salamun-Hybasek und Kurt Salamun, Jg. 2 (1989), S. 5-27*.

309. 21.8.1933 министр по делам культов, просвещения и юстиции земли Баден издал новый предварительный университетский устав, который на следующий день был полностью опубликован в баденских газетах (в т. ч. в: "Heidelberger Neueste Nachrichten", S. 2; "Heidelberger Tageblatt", S. 1).

310. "Чрезвычайный шаг" заключался в радикальном уподоблении университетских структур "принципу фюрерства", а также подчинению университета примату политики. Эти два аспекта были объединены в понятие "приобщения к нацизму": "Ректор должен стать "фюрером высшей школы"; ему были переданы все полномочия существовавшего до того ученого совета (большого и малого). Он более не избирался, но назначался министром "из числа ординарных профессоров"; срок его ректорства не ограничен по времени, а "определяется министерством"". "Своим заместителем" ректор мог назначить «канцлера» из преподавательского состава, а также – для исполнения отдельных задач – других заместителей. "Для обсуждения... общих научных и образовательных задач университета" ректор мог в любое время созвать деканов и вообще "преподавательский состав, вместе с ассистентами или без них".

Ученому совету позволялось только консультировать ректора. В ученый совет входили: ректор, канцлер и пять (с июня 1934 г. – шесть) деканов, а также "еще пять членов, назначаемых ректором", из которых двое должны были быть ординарными профессорами, а

'Русск. перев.: Ясперс К. Тезисы к вопросу об обновлении высшей школы / Перев. В. В. Кононова, сверка Н. В. Мотрошиловой // Историко-философский ежегодник '94. М., 1995. С. 307–327. Перевод более пространных замечаний Х. За-нера к "Тезисам" Ясперса (а также сопоставление позиций Ясперса и Хайдеггера по этому вопросу см.: Занер Х. "Тезисы к вопросу об обновлении высшей школы" (1933) Ясперса в критическом сравнении с ректорской речью Хайдеггера / Перев. В. В. Кононова, ред. Т. Б. Длугач и Н. В. Мотрошиловой // Там же. С. 327–341.

трое – внештатными. Ректор также имел право назначить в ученый совет еще трех доцентов. Срок их участия в ученом совете определялся им же. На заседания ученого совета приглашался фюрер студенчества, далее, еще один студент, а также по одному представителю ассистентского или административного корпуса – если решались вопросы, касающиеся одной из этих трех групп. Кроме того, ректор имел право привлекать представителей любых других университетских групп, если считал это необходимым.

Деканы факультетов, а также их заместители назначались ректором; оба должны были быть ординарными профессорами. Срок полномочий определял ректор. Декан имел в сфере своей компетенции те же полномочия, что и ректор – в своей, т. е. "обладал правом единоличного решения всех факультетских вопросов". Члены факультета могли быть "привлечены для консультаций" по важным вопросам (например, по вопросам назначений и присуждения почетных ученых степеней). Декан был "подотчетен только ректору", который мог сам принимать участие во всех факультетских заседаниях или присылать своего представителя".

Впервые этот устав вступил в силу в земле Баден 1.10.1933.

(Источники: Die Verfassungen der badischen Universitäten und der Techn. Hochschule in Karlsruhe. Erla? Nr. A. 22296; Hermann Weisert: Badische Hochschulverfassung vom 21. August 1933. In: Die Verfassung der Universität Heidelberg, Heidelberg 1974, S. 127.) 311. Речь вдет о разделе III/1 устава университета, где сказано: "Декану (руководителю отделения) принадлежит право единолично принимать решения по всем вопросам факультета (отделения). Все прочие члены факультета (отделения) могут быть привлечены для консультаций. По важным вопросам необходимо узнать их мнение и зафиксировать в письменном виде. Решения факультетов (отделений) в письменной форме не фиксируются".

312. Jaspers K., Vernunft und Existenz, Groningen, 1935//Aula-Voordrachten der Rijksuniversiteit te Groningen, No. 1.

313. Лекция Хайдеггера в летнем семестре 1935 г.: Einführung in die Metaphysik. Опубликовано: Tübingen 1953, а также: GA Bd. 40. Hrsg. von Petra Jaeger, Frankfurt a. M. 1983*.

314. Написанная от руки записка, вложенная в книгу о Ницше. Дарственная надпись на книге: "С сердечным приветом! 14.5.36. Ясперс".

315. Holderlin und das Wesen der Dichtung // Das innere Reich 3, 1936, S. 1065–1078 (Sonderdruck München 1937). Теперь в: Erläuterungen zu Holderlins Dichtung, Frankfurt a. M., 5, 1981, а также: GA Bd. 4. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1981, S. 33–48.

316. Jaspers K., Nietzsche. Einführung in das Verständnis seines Philosophierens, Berlin u. Leipzig 1936.

317. В зимнем семестре 1936–37 г. Хайдеггер все же прочитал лекцию о Ницше: "Воля к власти как искусство". Издано в: Nietzsche I. Pfullingen 1961, S. 11–254, а также: GA Bd. 43: Nietzsche. Der Wille zur Macht als Kunst. Hrsg. von Bernd Heimbüchel, Frankfurt a. M. 1985.

В последующие годы Хайдеггер работал над интерпретацией Ницше. Ср. его лекцию летнего семестра 1937 г.: "Вечное возвращение" (Die ewige Wiederkehr des Gleichen // Nietzsche I. Pfullingen 1961, S. 255–472, а также: GA Bd. 44: Nietzsches metaphysische Grundstellung im abendländischen Denken: Die ewige Wiederkehr des Gleichen. Hrsg. von Marion Heinz, Frankfurt a. M. 1986), а также лекцию летнего се-

'Русск. перев.: "Введение в метафизику"/ Пер. Н. О. Гучинской. СПб., 1997.

местра 1939 г.: "Воля к власти как познание" (Wille zur Macht als Erkenntnis// Nietzsche I, Pfullingen 1961, S. 473–658, а также: GABd. 47: Wille zur Macht als Erkenntnis. Hrsg. von Eberhard Hanser, Frankfurt a. M. 1989). Vorlesung II. Trimester 1940: Der europäische Nihilismus// Nietzsche II, Pfullingen 1961, S. 31–256; GA Bd. 48: Nietzsche: Der europäische

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Nihilismus. Hrsg. von Petra Jaeger, Frankfurt a. M. 1986.

318. "Прилагаемая брошюра": Mein Leben. Autobiographische Skizze des jungen Nietzsche, Frankfurt a. M. 1936. С дарственной надписью: "С сердечным приветом. Ваш Мартин Хайдеггер. Май 1936".

319. Лекция о Шеллинге вышла в свет под заголовком: Schellings Abhandlung über das Wesen der menschlichen Freiheit (1809). Hrsg. von Hildegard Feick, Tübingen 1971; GA Bd. 42: Schelling: Vom Wesen der menschlichen Freiheit. Hrsg. von Ingrid Schu?ler, Frankfurt a. M. 1988.

320. После войны Хайдеггер рассказывал своему сыну Герману, что на это письмо от 16 мая 1936 г. он так и не получил ответа. Поэтому он и не писал больше Ясперсу, а только посылал ему свои публикации. Странным образом набросок письма Ясперса помечен тем же числом: 16 мая 1936 г.

321. Сохранилось в архиве Ясперса только в черновом варианте, однако без пометки "не отправлено".

322. В черновике письма есть вычеркнутый фрагмент: "Чтобы все-таки немного сказать о себе: физически я живу на пределе; малейшие напряжения – даже поездки – выводят мое тело из строя. В настоящее время я вполне в форме. Год назад с июля по октябрь, а также в по-следующие недели до самого Рождества я часто болел: озноб, кровотечения, – но все опять обошлось. Характер работы над Ницше позволяет заниматься ею в постели, так что каникулы не были потеряны".

323. В летнем семестре 1936 г. Ясперс вел семинар по Ницше.

324. В архиве Ясперса сохранилось в черновом варианте с пометкой "не отправлено".

325. 9.10.1942 Хайдеггер переслал Ясперсу свою статью "Учение Платона об истине" ("Platons Lehre von der Wahrheit", Sonderdruck aus dem Werk: "Geistige Überlieferung". Das zweite Jahrbuch, Berlin 1942, S. 96– 124. снабжено посвящением: "С сердечным приветом. М. Хайдеггер. 9. X. 42".

326. Heidegger M., Holderlins Hymne "wie wenn am Feiertage...", Halle a. d. S. o. J. (1941). С посвящением: "С сердечным приветом. Ваш Мартин Хайдеггер".

327. Очевидно, письмо [123] от 16. 5.1936 г. Хайдеггера Ясперсу. Другое "дружеское подтверждение о получении" в архиве Ясперса не найдено. ~ Еще в зимнем семестре 1936/37 г. Хайдеггер сформулировал свои принципиальные возражения против Ясперсовой интерпретации Ницше; сделано это было в лекции "Ницше. Воля к власти как искусство" (GA Bd. 43, S. 26): "...Ясперс подробнее [нежели Альфред Боймлер] останавливается на учении Ницше [о вечном возвращении] и видит, что здесь мы имеем дело с важнейшей мыслью Ницше. Однако Ясперс не вводит эту идею в сферу основного вопроса европейской философии, несмотря на речь о бытии, а значит, не связывает ее реально с учением о воле к власти.

Основанием для этой отнюдь не самопонятной позиции является то, что для Ясперса, говоря со всей остротой, философия вообще невозможна. По сути, она есть "иллюзия", служащая задачам нравственного просветления человеческой личности. философские понятия лишены собственной, а тем паче той настоящей истинной силы сущностного знания. Поскольку Ясперс уже не воспринимает суть философского знания всерьез, для него нет и никакого действительного вопрошания. философия становится морализирующей психологией экзистенции человека. Для этой позиции, несмотря на все ее усилия, с необходимостью остается

закрыта возможность когда-либо проникнуть, вопрошая, в философию Ницше".

В лекции 1940 г. "Ницше. Европейский нигилизм" (Nietzsche: Der europäische Nihilismus // GA Bd. 48, S. 28, Anm.) Хайдеггер излагает свои критические замечания еще подробнее:

"Основные недостатки книги Ясперса о Ницше.

- 1) что он вообще пишет подобную книгу;
- 2) что он не различает исторических этапов в трудах Ницше (не одного лишь исторического развития) и без разбора выхватывает фрагменты из работ ранних лет и трудов позднего периода, пристегивая их друг к другу;
- 3) что он "релятивирует" принципиальные воззрения Ницше, которые суть не частные мнения философа, а необходимости европейской метафизики, и утверждает, будто сам Ницше считал их верными лишь ограниченно, вероятно в качестве шифров;
- 4) что всему этому он противопоставляет экзистенциальный субъективизм с богословско-христианским налетом и, таким образом, не подготавливает решения и даже не распознает, каким решением в истории истины бытия является сам Ницше".

328. В конце летнего семестра 1937 г. Ясперс, поскольку его жена была еврейкой, на основании Закона о восстановлении профессиональных административных кадров был в целях "упрощения управления" (§ 6) отправлен в отставку. Фактически это означало запрет на преподавание.

329. Jaspers K., *Descartes und die Philosophie*, Berlin u. Leipzig 1937. – Посвящение: "С сердечным приветом! 25.7.37 Ясперс".

Jaspers K., *Existenzphilosophie. Drei Vorlesungen, gehalten am Freien Deutschen Hochstift in Frankfurt a. M./September 1937*, Berlin u. Leipzig 1938. Посвящение: "С сердечным приветом! К. Ясперс".

330. Далее следует зачеркнутый пассаж: "Все, что я еще слышал о Вас, дошло до меня из третьих уст, было отрывочным, незначительным, так что быстро ускользало из памяти, за исключением некоторых

писем, написанных Вами другим людям, которые в 1933 и 1934 гг. в растерянности обратились с ними ко мне. О них, из-за приличествующей в данном случае деликатности, мне сказать нечего".

331. Далее следует зачеркнутый пассаж: "И основополагающие факты в сегодняшней ситуации наших отношений (сейчас лучше их не обсуждать) изменению не подлежат".

332. Ср.: Heidegger M., *Platons Lehre von der Wahrheit*, a. a. O., S. 96: "«Учение» мыслителя есть то, что в сказанном им осталось невысказано, то, чему подвергается человек, чтобы ради этого себя растрчивать".

333. Ibid.: "Чтобы познать и впредь быть в состоянии знать не высказанное мыслителем, каково бы оно ни было, мы должны размышлять о том, что им сказано".

334. Ibid.: "То, что остается невысказано, есть поворот в определении сущности истины".

335. Ibid., S. 124: "Сперва необходимо по достоинству оценить «позитивное» в «приватной» сущности &xt]Оеус. Сперва следует понять это позитивное как основополагающую черту самого бытия. Сначала должна наступить необходимость, в которой под сомнение будет поставлено не только, как обычно, сущее, но однажды – и бытие. Поскольку эта необходимость еще предстоит, начальная сущность истины еще покоится в своем сокрытом начале". Пометка Ясперса на полях: "Это следовало бы развернуть. Иначе непонятно".

Подводя итог своей критике Хайдеггерской интерпретации притчи о пещере, Ясперс помечает в своем экземпляре книги: "Хайдеггер обходится с Платоном как с человеком, имевшим «учения», – как и Целлер – совершенно не-платоновский настрой. Никакой диалектики, никакого движения в действительной реконструкции, сплошная химера – nihu – занимает место экзистенции-трансценденции, – Платон охарактеризован неверно. Довольно смешные обобщения!"

336. Зоден Ханс фон (Soden, Hans von; 1881–1945) – теолог; с 1924 г. был ординарным профессором Нового Завета и церковной истории в

Марбурге. К различению понятия истины см. его работу: "Was ist Wahrheit?", Marburger Akademische Reden, Bd. 46, Marburg 1927.

337. На первой странице написано: "Не отправлено"; приложен листок от 30.10.1966:

"Почему я не отослал это письмо от 1.3.48, я уже не помню.

Могу только предположить

потому, что мелькнула мысль: Хайдеггер ни разу не заявил публично о своей политической позиции и о своем отречении. Эта публичность была необходима, поскольку в 1933 г. Хайдеггер публично выступал с речами и статьями.

А что после 1945 г. он попросту увивал, было объективно и по-человечески невыносимо".

338. В марте 1948 г. Ясперс переехал в Базель, приняв на летний семестр 1948 г. приглашение выступить в качестве преемника Пауля Хебер-лина (Paul Haberlin).

339. После своего последнего письма от 16.5.1936 до конца войны Хайдеггер продолжал посылать Ясперсу почти все свои публикации, всякий раз с посвящением.

340. Так называемая комиссия по чистке, состоявшая из профессоров Константина фон Дитце (Constantin von Dietze), Герхарда Риттера (Gerhard Ritter), Адольфа Лампе (Adolf Lampe), а позднее Артура Альгайера (Arthur Allgeier) и Фридриха Элькерса (Friedrich Oehlkers), представляла Фрайбургский университет по всем вопросам связей с французской военной администрацией. Главной ее задачей было составление отзывов с целью политической чистки преподавательского состава. Хайдеггер, наиболее видный из преподавателей и вызывавший наиболее противоречивые оценки, первоначально не был отстранен от занимаемой должности. 28.9.1945 французские оккупационные власти объявили его "находящимся

в резерве". После чего в октябре 1945 г. при согласии французов Хайдеггера внесли на второе место в списке кандидатов в Тюбингене. Протесты со стороны некоторых профессоров Фрайбургского университета вынудили комиссию вновь обсудить дело Хайдеггера и принять против него более жесткие меры. Затем, по поручению комиссии, Фридрих Элькерс письмом от 15.12.1945 направил Ясперсу следующий запрос: "Мы намерены прийти к возможно более справедливому решению, учитывая не только факты его ректорства; ведь «нацистом» в обычном смысле слова он, конечно, не является. Я лично не могу не видеть трагизма, который тенью окружает его как ректора. Он же был совершенно аполитичен, и национал-социализм, в который он нарядился, не имел ничего общего с действительностью. В этом безвоздушном пространстве он действовал как ректор, нанес университету ужасный ущерб и внезапно увидел вокруг себя одни обломки. Только теперь он начинает понимать, откуда они взялись. Обо всем этом легко судить, но очень трудно по-настоящему понять. Так, его антисемитизм по отношению к друзьям истолковывают как уступчивость национал-социализму. Он сам на это отвечает так: коль скоро он решился стать ректором, то был вынужден оставаться пассивным (sie!). Говорит, что никогда не был антисемитом. Просит прямо спросить Вас по этому поводу.

Повторяю: если у Вас есть время и желание, мы хотели бы узнать от Вас общую характеристику всех этих обстоятельств, как Вы их видите".

341. "Гейдельберг, 22. XII. 1945

Дорогой и глубокоуважаемый г-н Элькерс!

Сегодня я получил Ваше письмо от 15 декабря...

Сразу же отвечу на главный вопрос Вашего письма. Ввиду моей бывшей дружбы с Марином Хайдеггером мне придется неизбежно затронуть личное – также и затем, чтобы ненароком не скрыть некоторую скованность моей оценки. Вы по праву называете это дело

сложным. И как всякую сложность, надо попытаться вернуть его к простому и важному, чтобы не запутаться в дебрях сложного. Позвольте мне высказать основные соображения по отдельности.

1) Я надеялся на возможность хранить молчание, кроме общения с близкими друзьями. Так я думал с 1933 года, когда после ужасного разочарования решил молчать из верности добрым воспоминаниям. Это было нетрудно, ведь в нашем последнем разговоре в 1933 году Хайдеггер не отвечал на острые вопросы или отвечал очень расплывчато, в особенности по еврейскому вопросу, к тому же он прекратил свои визиты, регулярные в течение всего предшествующего десятилетия, и мы больше не виделись. Правда, вплоть до последнего времени он посылал мне свои публикации, однако не подтвердил получения моих в 1937 и 1938 году. Я надеялся, что уж теперь-то я определенно могу молчать. Но Вы запрашиваете меня не только официально, по поручению господина фон Дитце, но ссылаетесь и на пожелание самого Хайдеггера выслушать мое мнение. Поэтому я вынужден ответить.

2) Кроме известного общественности, до моего сведения дошли некоторые обстоятельства, из которых два представляются мне достаточно важными, чтобы о них сообщить.

По поручению национал-социалистского режима Хайдеггер представил в Гёттингенский союз доцентов отзыв на Баумгартена, и много лет назад я ознакомился с копией этого отзыва. Там есть такие слова: «Однако здесь Баумгартен был кем угодно, только не национал-социалистом. По духовной позиции и по родственным связям он принадлежит к либерально-демократическому кругу гейдель-бергских интеллектуалов вокруг Макса Вебера. Потерпев неудачу у меня, он установил активные контакты с евреем Френкелем, прежде преподававшим в Гёттингене, а ныне уволенным оттуда. С его помощью он устроился в Гёттингене... Суждение о нем, конечно, никак не может быть окончательным. Он еще может развиваться. Следует, однако, назначить достаточный испытательный срок, прежде

чем допустить его к вступлению в национал-социалистскую партию». Ныне мы привыкли к таким злодеяниям, на фоне которых, наверно, уже не понять, с каким ужасом я читал тогда эти строки.

Ассистент в философском семинаре Хайдеггера, д-р Брок, был евреем. При назначении Брока Хайдеггер об этом не знал. В ходе национал-социалистских мероприятий Броку пришлось оставить это место. По словам Брока, которые я тогда слышал от него лично, Хайдеггер вел себя по отношению к нему безупречно. Доброжелательными отзывами он облегчил Броку карьеру в Англии.

В двадцатые годы Хайдеггер антисемитом не был. Совершенно излишние слова о еврее Френкеле доказывают, что в 1933 году он, по крайней мере в определенных рамках, стал антисемитом. В этих вопросах он практиковал не только пассивность. Но это не исключает, что в других отношениях, как я полагаю, антисемитизм шел вразрез с его совестью и вкусом.

3) Хайдеггер – сила значимая, и не содержанием философского мировоззрения, но владением спекулятивными инструментами. У него есть философское чутье, восприятия которого интересны, хотя, мне кажется, Хайдеггер чрезвычайно не критичен и далек от подлинной науки. Иногда создается впечатление, будто серьезность нигилизма в нем объединилась с мистагогией волшебника. В потоке речи ему порой удается сокровенным и великолепным образом затронуть нерв философствования. Здесь, насколько я вижу, ему нет равных среди современных философов в Германии.

Поэтому весьма и весьма желательно потребовать, чтобы он оставался в состоянии работать и писать то, что сможет.

4) Говоря об отдельных людях, необходимо ныне видеть всю нашу ситуацию в целом.

Вот почему необходимо привлечь к ответственности всех, кто помогал упрочивать национал-социализм. Хайдеггер принадлежит к тем немногим профессорам, которые это делали.

ренне не бывших национал-социалистами, заходит сегодня очень далеко. Если на Хайдеггера не наложат никаких ограничений – что скажут те коллеги, которым придется уйти, впасть в нужду, хотя они никогда не совершали национал-социалистских деяний! Необычайные духовные достижения могут быть оправданным основанием для того, чтобы дать человеку возможность продолжать работу, но не для того, чтобы сохранить должность и продолжать преподавательскую деятельность.

В нашей ситуации к воспитанию молодежи следует подходить с величайшей ответственностью. Нужно стремиться к полной свободе преподавания, но нельзя устанавливать ее сразу. Стиль мышления Хайдеггера, который кажется мне по сути несвободным, диктаторским, некоммуникативным, будет ныне роковым в его преподавательском воздействии. Стиль мышления представляется мне куда более важным, чем содержание политических суждений, агрессивность которых способна легко менять свое направление. Пока в преподавателе не произойдет подлинного возрождения, которое будет заметно в творчестве, его, на мой взгляд, нельзя допускать к молодежи, ныне почти беззащитной внутренне. Сначала молодежь должна прийти к самостоятельному мышлению.

5) В определенных пределах я признаю сугубо личное оправдание, что Хайдеггер по натуре – человек аполитичный; национал-социализм, в который он нарядился, имел мало общего с действительностью. Однако на сей счет я бы прежде всего напомнил слова Макса Вебера, сказанные им в 1919 году: дети, которые суют руки в колесо мировой истории, будут раздавлены. Во-вторых, я бы уточнил: Хайдеггер безусловно не распознал всех реальных сил и целей национал-социалистских вождей. Не случайно он полагал, будто может действовать по собственной воле. Но его манера говорить и действовать отчасти сродни явлениям национал-социализма, которые делают его заблуждение понятным. Он, Боймлер и Карл Шмитт (Carl Schmitt) – люди очень разные, но это профессора, которые пы-

тались духовно возглавить национал-социалистское движение. Безрезультатно. Они истратили на это настоящие духовные умения, к несчастью для репутации немецкой философии. Отсюда – та черта трагизма зла, которую я ощущаю точно так же, как и Вы.

Об изменении настроения ввиду перехода в антинационал-социалистский лагерь нужно судить по мотивам, о которых отчасти говорит конкретный момент. 1934, 1938 и 1941 годы знаменуют принципиально различные этапы. На мой взгляд, изменение настроения почти не имеет значения для оценки человека, если оно произошло только после 1941 года, и значит очень немного, если оно осуществилось радикально уже после 30 июня 1934 г.

б) В неординарных случаях можно найти неординарное решение, если этого желают, полагая данный случай действительно важным. Поэтому я предлагаю:

а) назначить Хайдеггеру персональную пенсию, чтобы он мог продолжать свою философскую работу и публиковать философские труды; обосновать это его общепризнанными достижениями и ожиданием новых важных работ;

б) от преподавания отстранить на несколько лет; затем еще раз проверить на основе появившихся за это время публикаций и с учетом новой университетской обстановки. Тогда-то следует поставить вопрос, можно ли рискнуть и полностью восстановить давнюю свободу преподавания, при которой может проявиться и то, что в соединении с высоким духовным рангом враждебно и опасно для идеи Университета. Наступит ли такой момент, зависит от хода политических событий и развития нашего общественного сознания.

Если такие особые санкции в отношении Хайдеггера окажутся невозможны, то предпочтение в рамках общих мер я считаю несправедливым.

Таково вкратце мое мнение, которое, несомненно, содержит много возможных разночтений. Если Вы пожелаете ознакомить Хайдеггера с этим письмом, то я разрешаю Вам показать ему выписку: пун-

кты 1,2,6, а также из пункта 3 абзац: "Поэтому весьма и весьма желательно...

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
то, что сможет".

Извините за аподиктичную форму и краткость. Я предпочел бы обсудить это в личной беседе с Вами и пояснить подробнее, выслушав Ваше мнение. Но это, увы, невозможно...

Сердечный привет Вам и Вашей уважаемой жене от моей жены

и от Вашего

Карла Ясперса

(Рукописное дополнение):

24/12. Поскольку наступало воскресенье, письмо осталось у меня. Я имел время обдумать еще раз, не попросить ли разрешения отказаться от ответа, учитывая мои давние отношения с Хайдеггером. Но и ответ, и отказ от него в данном случае идут против моей натуры. В конечном счете, перевешивает требование официальной инстанции и прежде всего самого Хайдеггера. Таким образом, я отправляю письмо".

342. По поводу этого обстоятельства ср. предисловие Х. Занера к изданию: *Karl Jaspers, Notizen zu Martin Heidegger*, München/ Zürich 1978, S. 14 f., а также: Н. Oft, *Martin Heidegger als Rektor der Universität Freiburg i. Br. 1933/34. II. Die Zeit des Rektorats von Martin Heidegger...* (*Zeitschrift des Breisgau-Geschichtsvereins ["Schau-ins-Land"]*, 103. Jahreshft/1984, S. 118 f.); Н. Oft, *Martin Heidegger. Unterwegs zu seiner Biographie*, Frankfurt a. M./New York 1988.

В 1935 г. от Марианны Вебер, родственницы Эдуарда Баумгартена, Ясперс получил копию отзыва Хайдеггера о Баумгартене, которую сделал сам Баумгартен. Тогда Ясперс не сделал для себя копии. В 1945 г. Баумгартен по памяти продиктовал Ясперсу содержание отзыва, и лишь много позднее, в 1961 г., он переслал Ясперсу копию отзыва, дословно переписанную из дневника 1935 г. По смыслу текст 1945 г. тождествен копии 1961 г., однако отличается в формулировках. Для Ясперса продиктованное ему в 1945 г. тоже было тождественно по смыслу той копии, которую он читал в 1935 г.

Еще одна рукописная копия найдена Х. Оттом в архиве Клеменса Бауэра (*Clemens Bauer*), ср.: *Martin Heidegger als Rektor...*, а. а. О., S. 129.

То, что в 1935 г. в конторе фюрера союза доцентов д-ра Блуме (*Blume*) Баумгартену предъявили отзыв Хайдеггера, позднее подтвердила г-жа Грета Пакен (*Greta Paquin*), тогдашняя секретарша Блуме (письменное подтверждение в архиве Ясперса). – В этом деле Ясперс положился на высказывания и копии Баумгартена, хотя никогда не видел оригинала, очевидно уничтоженного вместе со всеми документами национал-социалистского союза доцентов в Гёттингене. Отсюда можно заключить, что он считал такое поведение Хайдеггера вполне вероятным.

343. "Caute" (осторожно – лат.) было начертано на печатке Спинозы.

344. Ср.: Платон, *Государство*, 496 d.

345. В середине мая 1945 г. комиссариат городского управления внес дом Хайдеггера в "черный список", т. е. предназначил для конфискации. Кассационная жалоба об отмене данного решения была отклонена. Дом считался так называемым "партийным жильем", которое находилось в распоряжении французских оккупационных властей. Реквизиции подлежала и библиотека Хайдеггера. В конечном счете Хайдеггеру было разрешено остаться в доме, но в очень стесненных жилищных условиях – дополнительно там были размещены еще две семьи.

О долгих и сложных переговорах насчет статуса Хайдеггера в университете ср.: Oft, *J., Martin Heidegger und die Universität Freiburg nach 1945*, а. а. О., S. 101 ff. – 19.1.1946 ученый совет Фрайбургского университета принял решение уволить Хайдеггера на пенсию, с запретом на преподавание, отказать в повторном рассмотрении дела по прошествии определенного срока, а кроме того, просить ректора сообщить Хайдеггеру, что впредь на общественных мероприятиях университета его, Хайдеггера, присутствие нежелательно.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Французская военная администрация ужесточила решение в том смысле, что от-

казала Хайдеггеру в пенсии университетского профессора, предоставив только пенсию государственного служащего. 346. Поскольку эти устные рекомендации оставались безрезультатны, Ясперс договорился в 1949 г. с ректором Фрайбургского университета, проф. Гердом Телленбахом (Gerd Teilenbach), что напишет ему письмо; этим письмом Ясперс хотел добиться восстановления Хайдеггера в правах пенсионера-профессора:

"Базель, 5 июня 1949 г.

Ректору Фрайбургского университета

Г-ну проф. д-ру Телленбаху

Ваше превосходительство!

Благодаря своим заслугам в философии г-н проф. Мартин Хайдеггер признан во всем мире как один из крупнейших философов современности. В Германии нет никого, кто бы его превосходил. Его философствование, почти сокрытое, связанное с глубочайшими вопросами, лишь косвенно распознаваемое в его трудах, делает его сегодня в философски скудном мире, пожалуй, единственной в своем роде фигурой.

Европа и Германия, признавая важность духовного уровня и духовных способностей, обязаны позаботиться, чтобы такой человек, как Хайдеггер, мог спокойно работать, продолжать свои исследования и публиковать их.

Это будет обеспечено, только если Хайдеггер как пенсионер получит статус ординарного профессора. Тем самым он обретет право (но не обязанность) читать лекции. Таким образом, он вновь найдет себе применение как преподаватель. Я считаю это приемлемым и даже желательным. Правда, в своем отзыве 1945 г. я сформулировал принцип, что на время следует отойти от идеи университета, в соответствии с которой в высшей школе должно быть представлено все, что имеет духовный уровень, даже если оно и чуждо ее либеральности. Ведь задачи воспитания молодежи, ослабленной в своем кри-

стическом мышлении национал-социализмом, требовали не испытывать ее любой возможностью некритического мышления. Учитывая развитие Германии в последние годы, я больше не могу придерживаться этого принципа. Как и предусматривал мой тогдашний отзыв, по прошествии нескольких лет следовало проверить возможность восстановления Хайдеггера в прежней должности. Теперь, мне кажется, такое время пришло. На мой взгляд, немецкий университет не может более оставлять Хайдеггера в стороне.

Поэтому я горячо поддерживаю ходатайство восстановить Хайдеггера в правах пенсионированного профессора.

С глубочайшим уважением,

преданный Вам

Карл Ясперс"

347. далее следует зачеркнутый пассаж: "Мое письмо на запрос о Вас из Фрайбурга – лишь одно из многочисленных частных и публичных высказываний, на которые я осмелился, движимый первым импульсом нравственного обновления. Я не уклонялся от ответа, когда меня спрашивали. Мне казалось, что ошибка при этом страшнее, чем когда-либо, как и для всякого немца, который говорит. А ошибка почти неизбежна. Поэтому я побаиваюсь. Ведь от истины зависит все. В ней – единственное, что при нашем бессилии еще возможно. Напускать туман не годится. Если через посредство моих ошибок хотя бы возникнет ясность, а ошибки смогут быть исправлены, надо решиться. В скором времени я уже не буду действовать так, но удалюсь, по крайней мере в главном, в чистую философию".

348. Jaspers K., Geleitwort // Die Wandlung. Eine Monatsschrift. Unter Mitwirkung von Karl Jaspers, Werner Krauss und Alfred Weber, hrsg. von Dolf Stemberger, Jg. I/1945-1946} n. 1, s. 3-6.

Jaspers K., *Erneuerung der Universität. Eine Rede*, a. a. O., S. 66–74.

349. Копия в архиве Хайдеггера с пометкой рукою Ясперса "Копия рукописного письма"; оригинала нет; ср. следующее письмо Хайдеггера.

350. Ср. письмо [125] от 1.3.1948, прим. 35.

351. Ibid., прим. 343–344.

352. Ibid., прим. 345.

353. Подробности обстоятельств реконструировать не удалось.

354. Ibid., прим. 344.

355. В разгар преследований евреев Гертруде Ясперс, которая как еврейка находилась в опасности, время от времени приходилось прятаться. Общественные контакты были почти полностью оборваны в первую очередь с нею.

356. В марте 1933 г., ср. письмо [113] от 16.3.1933 Хайдеггера Ясперсу

357. Жан Валь (Jean Wahl; 1888–1974) – французский философ, с 1927 г. профессор Сорбонны; своими публикациями одним из первых сделал немецкую экзистенциальную философию известной во Франции. См.: Wahl J. *Etudes kierkegaardianes*, Paris 1938; *Lapensee de l'existence*, Paris 1951.

358. Lettre de M. M. Heidegger. Reponse a M. J. Wahl (Societe francaise de Philosophie, seance du 4 decembre 1937. Subjectivite et transcendence.) – In: Bulletin de la Societe francaise de Philosophie, 37, Paris 1937, p. 193. Lettre de M. Karl Jaspers, a. a. O., p. 195–198. Также в качестве приложения к: Wahl J., *Existence humaine et transcendence*, Neuchatel 1944, p. 134 f.; 138–142.

359. В своем кратком письме Хайдеггер подчеркивал, что его философские усилия – хотя в "Бытии и времени" он говорит об "экзистенции" и Кьеркегоре – не могут быть названы "экзистенциальной философией". Он полностью согласен с Жаном Валем в том, что экзистенциальная философия находится в двойной опасности – подпасть под влияние либо теологии, либо абстракции. Его, Хайдеггера, занимает не вопрос об экзистенции человека, но вопрос о бытии в целом и как таковом. Вопрос, который ставится в "Бытии и време-

ни", до сих пор нигде не обсуждался – ни Кьеркегором, ни Ницше, и Ясперс совершенно его игнорирует.

В своем более пространным ответе от 30.1.1938 Ясперс отвечал: "Я нигде не говорю о знании обо всем бытии", "но лишь о знании о «способах всеохватывающего»". Каждый способ всеохватывающего наталкивается, по мысли Ясперса, на границу, ему принадлежащую, и тем самым приходит к точке, где "граница может быть прорвана, открыв другое пространство, пока, наконец, в трансценденции не станет возможен покой". Этот покой никоим образом не может быть знаем. Иной смысл имеет и целостность ("Ganzheit") – всякий раз только в связи со способом всеохватывающего. В противоположность Кьеркегору, он, Ясперс, отрицает "веру в трансценденцию, которая не обнаруживает себя в нашем мире, не удостоверяет и не выдерживает в нем испытания"; однако саму трансценденцию он не отрицает. Он склонен "отрицать всякую «подмену» вечности омирщенными мыслями, считая это заблуждением". – "Не стану отрицать, что в моей философии говорит ностальгия по утраченному, что в ней звучит эхо религии". Однако Ясперс считает, что эта ностальгия сквозит во всей философии, которая сродни Платону и Канту. – "Теория" экзистенции должна бы исключить экзистенцию. "Экзистенциализм – смерть экзистенциальной философии..." философия может только пробуждать. Тот, кто раскрывает себя в философии, "должен добиваться противоположности диктаторского, почти исчезая в мнимой гибкости и мягкости и благодаря тому открывая слушающему пространство, принадлежащее ему целиком". Конкретность психологизма "должна быть преодолена"; "философствование должно стремиться к такой абстрактности, которая своей формой способна влиять на глубочайшую действительность". "Конкретные" анализы его философии должны всякий раз преодолевать психологическое, чтобы стать интенсивным представлением

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
возможной экзистенции. – "Невозможно... чтобы философия была экзистенци-

альной. Только человек в его временном бытии есть возможная экзистенция".
"То, что Хайдеггера и меня называют рядом, словно мы делаем одно и то же,
дает, как мне кажется, нам обоим повод почувствовать себя неправильно
понятыми. Общим у нас были, возможно, критически-негативное отношение к
традиционной университетской философии и зависимость от идей Кьеркегора. Но
нас разделяли содержания, из которых мы философствуем".

360. См. прим. 73 к письму [22] от 18.6.1924.

361. 22 июня 1949 г.

362. В 1928 г. Франк стал ординарным профессором в Марбурге.

363. Frank E., Die Philosophie von Jaspers // Theologische Rundschau, Neue Folge 5, Jg. 1933, N. 5, S. 301–318.

364. В архиве Ясперса, где, кроме того, находится фрагмент наброска, лишь частично вошедший в письмо.

365. Предки Ясперса с материнской стороны (линия Танценов) были в основном крестьянами в Бутъядингене и Еверланде, с отцовской стороны – крестьяне, торговцы и пасторы.

366. Фрагмент наброска к письму содержит дополнительные разъяснения:

"Общего нравственного возрождения я так и не нашел, даже в зародыше. То, что со мной делали, не имело ничего общего с философией. Когда в начале 1946 г. я защищался от неумеренных славословий по моему адресу (радиообращение к немецкой молодежи): я, мол, дуб... и прочая бессмыслица, – то написал в

газетной заметке: я не герой и не хочу таковым считаться *. И вот солидная газета, напечатавшая то обращение, не опубликовала мое опровержение (оно не подходило к стилю, который был как раз недостаточно честным), и только малотиражные издания напечатали мою заметку, так что, кто ее видел, удивлялся и не понимал меня. Это лишь один из многих симптомов того, что меня не привлекало. Я уже видел знаки того, что во время визита в Гейдельберг меня начинают встречать как национального героя. Ложность моего положения едва не стала гротескной – впрочем, для немца оно в любом случае остается ложным. Здесь, в Базеле, мне хорошо среди чужих людей, умных, образованных, человечных и здравомыслящих, – где каждый знает Я. Буркхардта и некоторые его, пожалуй, понимают, а один пишет о нем ценную биографию** с новым материалом. Молодежь со всего мира, визиты друзей и родственников, которым нельзя появиться в Гейдельберге, свобода от жизни при оккупационных властях, в случае ухода которых человек вроде меня был бы вдобавок опять-таки предоставлен неизвестности, – все это вместе с рядом других обстоятельств я воспринимаю как скромное, дарованное судьбою счастье. С тех пор как мы виделись, состояние моего здоровья лучше не стало. Однако условия здешней жизни привели меня за последний год в небывало хорошее физическое состояние (несмотря на многие периоды нездоровья). Я работаю с удовольствием и не делаю больше ничего".

* Имеется в виду заявление "Против ложной героизации" ("Gegen falsche Heroisierung"), которое Ясперс опубликовал в "Райн-Неккар-цайтунг" от 25.1.1946.

" Речь идет о семитомной биографии Буркхардта, принадлежащей перу базель-ского историка Вернера Кеги (Werner Kaegi), первый том которой вышел в Базеле в 1947 г.

Комментарии

367. Heidegger J., Was ist Metaphysik? 5., durch Einleitung und Nachwort vermehrte Auflage, Frankfurt a. M. 1949; Vom Wesen der Wahrheit, Frankfurt a. M., 2. Aufl. 1949; Über den Humanismus, Frankfurt a. M. 1949.

368. Несколько лет Ясперс проводил летний отпуск в Санкт-Морице, в доме

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
своего друга, гейдельбергского врача Ханса Вальца (Hans Waltz).

369. Heidegger M., Platons Lehre von der Wahrheit. Mit einem Brief über den "Humanismus", Bern 1947.

370. Über den Humanismus, ed. Frankfurt a. M., a. a. O., S. 15 ff.

371. Über den Humanismus, a. a. O., S. 5.

372. Unsere Zukunft und Goethe, Zurich 1948; Goethes Menschlichkeit, Basel 1949; Philosophie und Wissenschaft (Antrittsvorlesung an der Universität Basel) // Die Wandlung 3/1948, S. 721–733.

373. Курциус Эрнст Роберт (Curtius, Ernst Robert; 1886–1956) – романист в Марбурге, Гейдельберге и Бонне. Опубликовал в т. ч.: Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter, Bern 1948; Kritische Essays zur europäischen Literatur, Bern 1950. Пользовался большим авторитетом в кругах романистов. Намек Хайдеггера относится к трем памфлетам Курциуса, направленным против критики Гете Яс-персом: "Goethe oder Jaspers?" // Die Tat, 2.4.1949; "Darf man Jaspers angreifen?" // Rhein-Neckar-Zeitung, 17. 5.1949; "Goethe, Jaspers, Curtius" // Die Zeit, 2.7.1949.

374. Лукач Дьёрдь (Lukacs, Gyorgy; 1885–1971) – венгерский философ, марксист, профессор в Будапеште, активно участвовал в политике. Работы: Geschichte und Klassenbewußtsein, Berlin 1923; яростно критиковал Хайдеггера после войны в статье: Heidegger redivivus // Sinn und Form, Jg. 1, N. 3, 1949, S. 37–62.

375. Лессинг о ветряных мельницах: Hamburger Dramaturgie, 77. Stück (Bd. 5, S. 223 в издании: Petersen/Olshausen, Berlin, Leipzig, Wien u. Stuttgart

1925): "И вольно господам ссориться; их воображение превращает ветряные мельницы в великанов".

376. Сяо Пауль Ши-и (Hsiao, Paul Shih-Yi; 1911–1986) – работал над Гердеровской энциклопедией и посещал лекции Хайдеггера 40-х гг.; с 1974 г. до своей смерти – профессор университета Фу-йен в Тайбэе.

377. GA Bd. 54: Parmenides. Hrsg. von Manfred S. Frings, Frankfurt a. M. 1982, а также: GA Bd. 55: Heraklit. Hrsg. von Manfred S. Frings, Frankfurt a. M., 2. durchges. Aufl. 1987.

378. Platons Lehre von der Wahrheit Mit einem Brief über den "Humanismus", Bern 1974 (а также: GA Bd. 9: Wegmariken. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1976, S. 203–238; 313–364.

379. Ср. письмо [129] от 5.7.1949 Хайдеггера Ясперсу.

380. В заключение своей критики Лукач упрекает Хайдеггера, что тот остается под властью "общей картины мира экзистенциализма", "из которого Сартр и его ученики судорожно ищут путь в социальную реальность, картины, в которую Ясперс в тщеславном самолюбании погружается" (Georg Lukacs: Heidegger redivivus, a. a. O., S. 61). – Более подробное сравнение отсутствует.

381. С. И. Тюльпанов возглавлял в 1945–1949 гг. информационное управление советской военной администрации в Германии. Его задачей было представлять интересы Советского Союза в политической жизни советской зоны оккупации. Его ведомство фактически осуществляло цензуру прессы, радио и культурной жизни. – Замечание о личных нападках, возможно, относится к Jvfe 7 (за июль 1949 г.) журнала "Айнхайд" ("Einheit" – "Теоретический журнал научного социализма", орган правления Социалистической единой партии), где (с. 664 сл.) опубликована заметка под заголовком "Идеологическое наступление" ("Ideologische Offensive"). Там есть, в частности, такие слова: "...инициативный комитет советских и немецких товарищей постановил по случаю 40-летия выхо-

да в свет работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» пригласить широкие круги общественности на пятнадцатидневную философскую дискуссию в Дом советской культуры... По сути своей это мероприятие было решительным наступлением

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
диалектического материализма по всему фронту против одной из наиболее
реакционных форм современного идеализма. После введения тов. проф.
Тюльпанова, изложившего боевую программу конференции... тов. д-р Георг Менде
и проф. Петер Штайнигер охарактеризовали экзистенциалистскую философию
страха, свойственную утратившей почву мелкой буржуазии (первый – в ее
немецких, второй – во французских разновидностях)... – [Эта информация была
получена издателем от д-ра Винсента фон Вроблевски (Vincent von
Wroblewsky) из Восточного Берлина.]

382. Jaspers K., Die Idee der Universität, Berlin u. Heidelberg 1946
(Schriften der Universität Heidelberg, N. 1).

383. Речь, вероятно, идет о романисте Вернере Крауссе (род. 1900),
соиздателе журнала "Вандлунг", который в 1947 г. обосновался в Лейпциге и
Берлине.

384. По окончании нескольких докладов первого Женевского международного
совещания (Rencontres Internationales de Geneve) в 1946 г. состоялась
дискуссия между Лукачем и Ясперсом, и не одна. См.: Benda et al., L'Esprit
Européen. Textes in-extenso des Conférences et des entretiens organisés par
les Rencontres Internationales de Geneve Neuchâtel 1946, p. 198 ff., 249
ff., 325 ff.

385. Ср.: Jaspers K., Heidelberger Erinnerungen // Heidelberger Jahrbucher
V. Hrsg. von der Universitäts-Gesellschaft Heidelberg, Berlin, Göttingen,
Heidelberg 1961, S. 1-10, особенно S. 5.

386. Ср.: Heidegger M., Über den Humanismus, Frankfurt a. M. 1949, S. 22
ff.

387. Ср., в частности, гл. V в "Weltgeschichtliche Betrachtungen" Якоба
Буркхардта, озаглавленную "Индивидуум и всеобщее. (Историческое величие)" –
"Das Individuum und das Allgemeine. (Die historische Größe)".

388. Jaspers K., Vom europäischen Geist. Vortrag, gehalten bei den
Rencontres Internationales de Geneve September 1946, München 1947.

389. Jaspers K., Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, Zürich (Artemis) 1949
und München (Pieper) 1949.

390. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, ed. Zürich, S. 126 ff.

391. A.a.O.S. 108ff.

392. Имеется в виду Верхний Энгадин, где начиная с 1879 г. Ницше часто
проводил летние месяцы.

393. Намек на книгу франца Йозефа Брехта (Franz Josef Brecht), вышедшую в
Германии в 1948 г., а год спустя – в Базеле ("Schicksal und Auftrag des
Menschen. Philosophische Interpretationen zu Rainer Maria Rilkes Duineser
Elegien"). Через базельское издательство Брехт послал экземпляр Ясперсу.

394. Bollnow O.F., Existenzphilosophie // Systematische Philosophie. Hrsg.
von Nicolai Hartmann, Stuttgart u. Berlin 1942, S. 313-430, особенно S.
382.

395. Jaspers K. u. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, Zürich u. München
1949; Vom europäischen Geist. Vortrag, gehalten bei den Rencontres
Internationales de Geneve September 1946, München 1947.

396. Мартину Хайдеггеру – Сердечно, К. Я.

397. Ср.: Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, Zürich u. München 1949, S.
18 ff.

398. О "сущности техники" ср.: "письмо о гуманизме" (Brief über den
Humanismus in: GA Bd. 9: Wegmarken. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt
a. M. 1976, S. 340 ff.

399. 26.9.1949.

400. Кэте Викториус (Kathe Victorius), бывшей ученице Хайдеггера, Яс-перс 26. 3. 1949 написал письмо о Хайдеггере, которое проясняет

его отношение к Хайдеггеру. Прочитируем следующий пассаж, касающийся Хайдеггера: "Предисловие * Хайдеггера я прочитал сразу. С печальным воспоминанием: все тот же порыв к решающему в философствовании, который я почувствовал в нем почти 30 лет тому назад. Однако сейчас читаешь это предисловие не без легкого неудовольствия, по крайней мере я не мог от этого отделаться. По сравнению с прежними годами два изменения: ранее он "обходил" "Бытие и время", не читая по нему лекции, теперь же эта работа рассматривается как каноническая книга, интерпретируется, защищается от непонимания, – и тогда он более чем когда-либо рассыпается в "разговорах о...", которые так резко отвергал, – вместо того чтобы осуществлять это мышление. Это – пробуждение ожиданий, которые не сбываются. Юношеское обещание, которое человек все еще дает, хотя давно уже не юн. – Но главное сохраняется: он касается сущностного. На этом пути важно яснее очертить "представление" и "память" ("Andenken"), – слова, которыми он обозначает различие между "метафизикой" и подлинной философией. На сей счет давно уже высказаны куда более глубокие соображения – например, у Шеллинга. Я желал бы, чтобы Хайдеггер опубликовал свои более обширные рукописи – тогда стало бы ясно, в чем дело. Но и теперь, как прежде, я рад: есть человек, который знает нечто такое, о чем ныне догадываются лишь немногие или не догадываются вообще никто. При всех глубоких различиях, юнгерс^лвр всей причудливости его дикции, звучит для меня вшнедр^лественно. Если он прав в том, что философствование такого рода "свершается", а не просто мыслится как "вещь" (eine Sache) – и в этом я целиком и полностью с ним согласен, – то оно должно проявляться также и в личных делах, и в поведении. Я не имею в виду давней чепухи вроде "жить согласно своему учению",

"Имеется в виду Введение к 5-му изданию (Frankfurt a. M. 1949) "что такое метафизика?" ("Was ist Metaphysik?").

я говорю о соответствии уровню. Когда мы доказываем или опровергаем наше дело не научно убедительными аргументами, но самой нашей сущностью, тогда оно становится человеческим языком, неотделимым от живого философствования".

401. Прим. Ясперса к письму [136] от 23.11.1949: "ответил сразу, кроме того, написал Телленбаху".

402. Der Feldweg, Frankfurt a. M. 1949 (8, –1986)*.

403. Holzwege, Frankfurt a. M. 1950 (6, – 1980), а также в: GA Bd. 5. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1977.

404. Речь идет об "инициативе" Герда Телленбаха, ректора Фрайбургского университета, с целью восстановить Хайдеггера в должности. Яс-перс написал по этому поводу письмо, на которое ссылается в неотправленном письме от 1. 3.48 (прим. 349).

405. Экземпляр надписан: "С сердечным приветом Карлу Ясперсу. Мартин Хайдеггер. Ноябрь 1949".

406. Nuhnerfeld P., Philosophen prägen das Bild der Zeit. Sartre und Jaspers in neuen Büchern (S. 9). В этой статье Хюнерфельд рецензировал работу Ясперса "Vom Ursprung und Ziel der Geschichte", одновременно опубликованную в Мюнхене и Цюрихе".

407. Речь идет о следующем фрагменте: "Вопрос об истории в целом, однако, еще ждет окончательного ответа. Но уже сам вопрос, а так–

'Русск. перев.: Проселок/Перев. Ал. В. Михайлова // Мартин Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. М., 1994.

" Русск. перев.: Истоки истории и ее цель / Перев. М. И. Левиной // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 28–286.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org же попытки ответить на него помогают нам избежать скороспелых заключений мнимого знания, которое тотчас исчезает; склонности к схватыванию собственной эпохи, которую так легко оклеветать; объявлений о всеобщей несостоятельности, звучащих сегодня уже чуть ли не старомодно; претензий найти нечто совершенно новое, основополагающее, что непременно должно нас спасти и отныне противопоставляется всему развитию от Платона до Гегеля или Ницше. Значение собственного мышления при скудости содержания странным образом завышается (подделываясь под экстремальную, но обоснованную позицию Ницше). Однако торжественное "Нет" и заклинание Ничто не суть самостоятельная действительность. На ощущении победы можно вести видимость духовной жизни лишь до тех пор, пока не будет растрочен весь капитал".

408. "Базель, 2 декабря 1949 г.

Глубокоуважаемая редакция!

В выпуске "Цайт" от 1 декабря 1949 г. Пауль Хюнерфельд рецензирует мою книгу "Истоки истории и ее цель". Он говорит о двух недостатках... "второй вызывает еще большие сомнения; он состоит в злобных нападках на Хайдеггера (без упоминания имени) и называет его мышление мышлением со скудным содержанием". Я заявляю, что в этой книге я нигде о Хайдеггере не говорю.

Но как стало возможным подобное – очевидно, искреннее – заблуждение? Мне было трудно отыскать приводимое место, поскольку цитировались лишь слова "мышление со скудным содержанием". Абзац, в котором они находятся, характеризует позицию "Нет" по отношению к эпохе, причем эта позиция сопряжена с повышенным сознанием новооснования. Такая характеристика основана на наблюдениях, дополняет их фантазией, отмечает то, что в нее не вписывается, и тогда становится по своему смыслу не категорией, в которую попадает человек, а идеальным типом, с которым можно со-

поставить отдельных людей и с которым каждый может сопоставить сам себя, выясняя, насколько он соответствует или не соответствует этому типу. Опытом, на который опирается такое схематизирование, были прежде всего феномены устной и письменной речи национал-социализма, но и так называемого экзистенциализма, в особенности эпигонов. Рецензент перепугал эту идеально-типическую схему с оценкой личности. Вопреки моему намерению, он отнес высказанное к Хайдеггеру.

Если я захочу вступить с Хайдеггером – о котором здесь не было и речи – в публичную полемику, я сделаю это открыто. Мое отношение к этому выдающемуся мыслителю – до сих пор и уже долгое время личное – не изменится от подобных выступлений. Но опровержение представляется мне необходимым, чтобы пресечь ложные слухи.

Карл Ясперс"

409. критический пассаж в газете "Цайт" таков:

"Увлекательная книга обладает двумя недостатками: первый заключается в ее стиле, который, к сожалению, не свободен от ложных образов, а потому делает простые вещи трудно постижимыми и заставляет усомниться в верности суждений. Второй вызывает еще большие сомнения; он состоит в злобных нападках на Хайдеггера (без упоминания имени) и называет его мышление мышлением "со скудным содержанием". Подобное заблуждение, несомненно, столь же мало достойно мыслителя уровня Карла Ясперса, сколь и философии фрайбургского мыслителя или же благородства подлинно философского высказывания".

410. письмо в газету "Цайт" было опубликовано 22. 12.1949 (S. 16) под заголовком "О Хайдеггере речь не шла".

411. имеется в виду "Об истоке и цели истории" Ясперса.

412. Ортега-и-Гассет Хосе (Ortega y Gasset, Jose; 1883–1955) – испанский философ, профессор в Мадриде. По отношению к возможности постижения истины занимал позицию перспективизма. Опубликовал в частности: *La rebelion de las masas*, Madrid 1929*. *Europäische Kultur und europäische Völker*, Stuttgart 1954; *Vergangenheit und Zukunft im heutigen Menschen*, Stuttgart 1955.

413. Vom Wesen der Wahrheit, Frankfurt a. M. 1943 (7,1986), а также в: GA Bd. 9, a. a. O., S. 177 ff.

414. "Einblick in das, was ist" был общим заголовком всех Бременских докладов: "Das Ding", "Das Gestell", "Die Gefahr", "Die Kehre". Доклад "Das Ding" опубликован в: Vorträge und Aufsätze, Pfullingen 1954, S. 163-185; "Das Gestell" - в том же томе, под заголовком "Die Frage nach der Technik", S. 13-44; "Die Kehre" - в издании: Die Technik und die Kehre, Pfullingen 1962, S. 37-47***.

415. Гюнтер Завацки (Gunther Sawatzki), родом из Данцига, в зимнем семестре 1927/28 г. учился у Ясперса. Защитил диссертацию на тему: "Проблема поэта как мотив развития Сёрена Кьеркегора до 1841 г." - "Das Problem des Dichters als Motiv in der Entwicklung Soren Kierkegaards bis 1841", Borna - Leipzig 1935.

416. Ср. письмо [138] от 2.12.1949, прим. 413.

* Русск. перев.: Восстание масс. / Перев. А. М. Гелескула // Ортега-и-Гассет Х., Избранные труды. М., 1997. С. 43-163.

** Русск. перев.: "Вещь" / Перев. В. В. Библихина // Историко-философский ежегодник '89. М., 1989, а также в: Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. Составлен., перев. В. В. Библихина. М., 1993. С. 316-326.

*** Русск. перев.: "Поворот" / Перев. В.В. Библихина //Хайдеггер М. Время и бытие. С. 253-258. На языке оригинала все эти доклады опубликованы теперь в: GABd.79.

417. Вероятно, подразумевается описание ситуации в письме [136] от 23. 11. 1949.

418. Ср. письма [102] от 24. 5. 1930 и [1 10] от 24. 12. 1931.

419. Кларк Сэмюэль (Clarke, Samuel; 1675-1729) - английский философ-моралист, математик и теолог; с 1707 г. - священник в Лондоне. В 1715-1716 гг. Лейбниц обменялся с ним несколькими полемическими письмами. О содержании переписки и том, что послужило ее поводом, см.: Die Philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz. Hrsg. von C. J. Geihardt, Bd. 7, Berlin 1890, S. 347-351.

420. Экземпляр книги имел посвящение: "Карлу Ясперсу с сердечным приветом. Мартин Хайдеггер. 12. XII. 49".

421. Nietzsches Wort "Gott ist tot", S. 193-247.

422. Die Zeit des Weltbildes, S. 69-104.

423. Wozu Dichter, S. 248-295.

424. На этот счет на форзаце книги: "Примечательные совпадения со мной, без влияния, если Хайдеггер не дополнил эти рукописи после 1945 г., по прочтении моих. Последнее, однако, маловероятно".

425. В подаренном ему экземпляре книги "неторные тропы", под Хай-деггеровым объяснением ее заглавия, Ясперс приписал: "«Лесовозными дорогами» («Holzwege») называют дороги для вывоза срублен-ных деревьев, а не проезжие дороги. Это вовсе не «лесные тропы»

426. Ясперс интенсивно читал "неторные тропы" [за исключением "Происхождения произведения искусства" ("Der Ursprung des Kunstwerkes") и частично "Понятия опыта у Гегеля" ("Hegels Begriff der Erfahrung")] и испещрил книгу многочисленными замечаниями.

427. Относится к отмене запрета на преподавание и обещанию восстановления в статусе пенсионированного профессора.

428. В начале февраля 1950 г. Ханна Арендт приезжала во Фрайбург.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
429. Ср. письмо [127] от 22. 6. 49.

13–3600 385

430. Вильзер Юлиус (Wilser, Julius; 1888–1949) – профессор во Фрайбурге, с 1934 г. – ординарный профессор палеонтологии в Гейдельберге. Во время ректорства Хайдеггера был канцлером университета.

431. Сд (SD) – "Служба безопасности" (Sicherheitsdienst).

432. Сл. 11. 1938 по март 1945 г. ректором был историк Пауль Шмиттхеннер (Paul Schmitthenner), в 1940–1945 гг. занимавший также пост министра по делам культов и просвещения в Карлсруэ.

433. Die Idee der Universität, Berlin u. Heidelberg 1946; Nietzsche und das Christentum, Hameln o.J. (1946); Die Schuldfrage, Heidelberg u. Zurich 1946.

434. Немецкое издание расходилось очень медленно, тогда как швейцарское в течение года выдержало четыре издания.

435. Название лекции: "Духовная ситуация в Германии" ("Die geistige Situation in Deutschland").

436. Ср. прим. 436 к письму [143] от 25.3.1950. Замечание, вероятно, относится к работе Ясперса "Вопрос вины".

437. Мёллендорф Вильгельм фон (Möllendorff, Wilhelm von; 1887–1944) – профессор анатомии. См. также: Das Rektorat 1933/34. Tatsachen und Gedanken // Die Selbstbehauptung der deutschen Universität. Das Rektorat 1933/34. Hrsg. von Hermann Heidegger, Frankfurt a. M. 1983, S. 21 ff.

438. Прелат Йозеф Зауэр. Ср. письмо [114], прим. 302.

439. Гюнтер Пауль (Gunther, Paul; 1892–1969) – профессор физической химии и электрохимии. В 1949 г. был ректором Технического университета в Карлсруэ.

440. Керн Эдуард (Kern, Eduard; 1887–1972) – юрист. В 1934 г. стал преемником Хайдеггера на посту ректора. Уже в 1946 г. смог вновь занять свою кафедру в Тюбингене.

441. Nietzsches Wort "Gott ist tot" // Holzwege, Frankfurt a. M. 1950, S. 193–247, а также в: GA Bd. 5. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1977, S. 209–267.

442. Kant und das Problem der Metaphysik, Frankfurt a. M. 2, 1951; 4. erweiterte Auflage 1973.

443. Jaspers K., Einführung in die Philosophie. Zwölf Radio-vorträge, Zurich 1950.

444. Вопрос к "Психологии мировоззрений": пограничная ситуация как центр философии, а также вопрос о методе у Ясперса.

445. Сохранилось в архиве Ясперса в виде черновика с пометкой от июля 1952 г.: "Я, наверное, отослал не это письмо, а более краткое". В архиве Хайдеггера это письмо не найдено. Скорее всего, Ясперс послал только письмо [147].

446. Объединенный комитет студенческих корпораций (ASTA) Гейдельбергского университета пригласил Ясперса прочитать три лекции, которые состоялись в конце летнего семестра 1950 г. В тот же год они были опубликованы в Мюнхене под общим названием "Vernunft und widervernunft in unserer Zeit". Намечавшаяся встреча с Хайдеггером не состоялась.

447. Jaspers K., Von der Wahrheit, München 1947.

448. A. a. O, S. 834 ff.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
449. Jaspers Kt *Existenzerhellung*, Berlin 1932. S. 24 ff.

450. Для въезда в ФРГ.

13* 387

451. Имеются в виду физик-ядерщик Вольфганг Гентнер (Wolfgang Gentner, 1906–1980) и его жена Алиса (урожд. Пфелер). В то время Гентнер был ординарным профессором физики во Фрайбурге; в 1958 г. он был назначен директором Института ядерной физики им. Макса Планка в Гейдельберге.

452. Ср. письмо [131] Ясперса Хайдеггеру от 6.8.1949, прим. 371.

453. С ранней юности Ясперс страдал бронхоэктазией, которая уже при малейших простудах могла привести к воспалению легких.

454. Ср. письмо [132] Хайдеггера Ясперсу от 12.8.1949.

455. Речь шла о слухе, будто Хайдеггер осенью 1949 г. сказал гейдельбергскому историку литературы Паулю Бёкману (Paul Bockmann), что Ясперс ранее занимался плагиатом его идей и потому он, Хайдеггер, в 1933 г. порвал с ним отношения, и буцо в ответ на это Ясперс в 1945 г, своим письмом во Фрайбургскую комиссию по денацификации сильно ему навредил [сообщено в письме Курта Россмана (Kurt Rossmann) Ясперсу от 29.3.1950].

456. Речь идет о Ханне Арендт, которая во время своих визитов в Европу всякий раз заезжала из Базеля также и к Хайдеггеру. Как именно она "пресекла" эту историю, неизвестно.

457. письмо [141] Хайдеггера Ясперсу от 7.3.1950.

458. Arendt J., *The Origins of Totalitarianism*, New York 1951 [на немецком языке: *Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft*, Frankfurt a. M. 1955*].

459. Heidegger M., *Über den Humanismus*, Frankfurt a. M. 1949, S. 27 f.: "Поскольку Маркс, постигая смысл отчуждения, входит в сущностное измерение истории, – поэтому марксистское понимание истории (Geschichte) превосходит прочую историографию (Historie)... Можно по-разному относиться к учениям коммунизма и их обоснованиям, однако в аспекте истории бытия несомненно: в нем высказывает себя элементарный опыт всемирно-исторического".

460. письмо [122] Ясперса Хайдеггеру от 16.5.1936.

* Русск. перев.: Х. Арендт. Происхождение тоталитаризма. М., 1997.

461. Семидесятилетие Ясперса.

462. "Друзья и знакомые, студенты всех лет моей преподавательской деятельности, власти и организации одарили меня в день моего семидесятилетия дружескими чувствами. Я получил столько писем, телеграмм, цветов и подарков, что теперь в великой благодарности совершенно растерялся: каждому я хочу ответить как полагается и сердечно. Однако это физически невозможно. Потому я прошу Вас вновь проявить доброту и разрешить мне поблагодарить Вас в такой форме. Я принял каждый дошедший до меня знак уважения и симпатии и внутренне ответил на него в задумчивой тишине благодарной признательностью.

Карл Ясперс Базель, февраль 1953 г."

463. На этот счет ср.: DurrE., *Jacob Burckhardt als politischer Publizist. Mit seinen Zeitungsberichten aus den Jahren 1844/45. Aus dem Nachlaß E. Durrs hrsg. von Werner Kaegi*, Zurich 1937 (в особенности фрагмент от 3 мая 1845 г., S. 115 ff).

464. Ср. в указанном выше соч. послесловие Вернера Кеги, особенно S. 178–182.

465. Много лет Ясперс планировал написать книгу о Германии, которую хотел назвать "Немецкое самосознание" ("Deutsches Selbstbewußtsein").

466. Источник установить не удалось.

467. Имеется в виду книга "Великие философы", первый том которой вышел в 1957 г.

468. Сохранилось только в архиве Ясперса с пометкой "дубликат".

469. В то время Ясперс проводил свой отпуск в Канне, в доме врача д-ра Ханса Вальца (Hans Waltz), с которым был дружен.

470. 26 сентября.

471. В "Заметках" ("Notizen", № 155) Ясперс обдумывает, что бы он мог написать, "вероятно, к 70-летию Хайдеггера":

"Для меня это желанная возможность вместе с добрыми пожеланиями высказать также и мое преклонение перед Вами. Среди современников я знал только одного, кто казался мне по-настоящему великим философом, – Макса Вебера. Но помимо его среди «коллег по специальности» я не вижу никого, кроме Вас, кто волновал бы меня не только своими ценными достижениями, но и сам по себе, т. е. как философ. Издавна Вы были для меня человеком, который знает, что такое философия. Когда-то Вы ободряли меня Вашим существованием в академическом мире. Я благодарю Вас за все, что мог бы высказать по отдельности. Но, вопреки моему изначальному ожиданию, Вы, как мне кажется, стали представителем силы, которую я, сомневаясь и никогда не определяясь относительно Вас окончательно, встречаю противоборством. Если судьбе будет угодно, я, согласно принципу Ницше (на кого нападаю, того уважаю), еще постараюсь развить мою критику против Вас. Это трудно, поскольку подобной полемике нечего взять за образец. Я иногда думал о том, какой бы она могла быть. Однако ее осуществление есть нечто иное, нежели знание принципов, которыми следовало бы при этом руководствоваться. Мне надо прочитать все Ваши работы, с которыми я знакомился лишь отрывочно, а затем откладывал в сторону, поскольку они меня не интересовали. То, что Вы говорили мне при личном общении, не повторяется в напечатанных трудах.

После 1945 г. мы не виделись, и это, наверно, не случайно. Я не избегал встреч намеренно, но и не искал их. Что я с тех пор услышал и увидел, углубило для меня то, что я не мог не видеть в Вас как в национал-социалисте (и каком! – который одновременно им не был!), и прояснило неизбежное, публично пока анонимное проти-

воборство. Привести это противоборство к выражению философским образом, т. е. видя так называемое «дело» (Sache) и личную экзистенцию в единстве, для моих способностей, вероятно, задача невыполнимая.

Но если б я попытался, то имея при этом личный интерес в конце концов все же сделать возможной между нами связь, которой прежде не было или которая была лишь видимостью. Когда я писал об этом в своей автобиографии для шильповской книги, я понял, что так, как это написано в ту пору, не пойдет. В итоге я изъясил этот раздел и вообще не упомянул Вашего имени. Это молчание наверняка было заметно и ощутимо для читателя, пусть даже и поверхностно осведомленного.

Благодаря нашим именам, подобная полемика послужила бы – я считаю это возможным – философии, особенно если бы Вы ответили и между нами возникло согласие, которое мы в 1949 г. считали возможным".

472. 23 февраля 1963 г.

473. Сохранилось только в архиве Ясперса в виде наброска с пометкой "не отправлено, вместо него более краткое письмо".

474. В наброске – несколько пометок касательно расшифровки и несколько исправлений, сделанных рукой Ханны Арендт, которая на восьмидесятилетие Ясперса была у него в Базеле, а затем до июля находилась в Европе.

475. Ср. письмо [111] от 8.12.1932: "Это наводит меня на мысль: теперь, наряду с «философией», Вам надо написать работу под названием «Философы»".

476. Jaspers K., Lebensfragen der deutschen Politik, Munchen 1963.

477. 30.10.1966 Ясперс записал следующие разъяснения и приложил их к своей переписке с Хайдеггером:

"Письма Хайдеггера

Во многом дополненные другими письмами, которые казались мне важными для памяти.

Упомянутая переписка едва ли вполне понятна без учета соответствующих фактических отношений и настроений между нами. Когда я перечитываю эти письма, у меня возникает впечатление, будто временами в них проскальзывает оттенок неискренности. С моей стороны, вероятно, от неоправданных ожиданий, у Хайдеггера тоже, но у него еще и от мысленной погруженности в те возможности, в которые он в тот момент сам верит.

Что из всего этого истинно, прояснить трудно. И это угнетает. Я не сомневаюсь, что временами в них есть подлинная серьезность.

Мне вспоминаются два поворотных момента. Зимой 1923/24 г. Хайдеггер был у нас. Через Левита и Афру Гайгер я прослышал, будто Хайдеггер весьма пренебрежительно отозвался о моей "Идее университета" и при этом сказал: "Мы не можем быть боевыми товарищами". Я рассказал об этом Хайдеггеру: при наших дружеских отношениях я ожидал, что подобное суждение будет высказано мне самому; любая жесткая критика желательна, но открыто между нами; говорить о наших отношениях с другими означает прекращение дружбы. – Хайдеггер: То, что Вам сказали, неправда, ничего подобного я не говорил. – Я: Тогда вопрос для меня исчерпан. Я Вам верю. – На что Хайдеггер, явно возбужденно (я до сих пор вижу это и чувствую): Такого со мной еще не бывало. – В этот-то миг мы будто и заключили дружбу. Я действительно верил ему! Но я ошибся. Впоследствии я уже не был так уверен.

Второй поворотный момент был в мае [30 июня. – Нем. издатель] 1933 г. Хайдеггер как национал-социалист был приглашен выступить в Гейдельберге. Перед речью фюрер национал-социалистского студенчества Шеель приветствовал его как "коллегу Хайдеггера". Хайдеггер, как всегда, остановился у нас. Когда он приехал и я поднялся наверх поздороваться с ним, я сказал: "Сегодня прямо как в 1914 году..." Я хотел продолжить: "...массовый психоз, который продолжался тогда максимум три месяца... Но я этого не сказал, увидев, что Хайдеггер воодушевленно поддакивает, находясь в совершенно другом настроении. Вот тогда я вдруг почувствовал: я ему больше не верю, – и замолчал. Уже давно закравшееся недоверие к его характеру заставило меня сдаться. Я не объяснил ему, что за катастрофа наступила. Я был осторожен. Я, правда, заговорил с ним на следующий день о "еврейском вопросе". Он говорил стандартными штампами – об "Интернационале" и т. п., однако без внутреннего участия. "Антисемитом" он не был. Но из осторожности я не стал рисковать. Он знал, что я решительный противник. Но полемика не состоялась. Возможно, она уже тогда совсем его не интересовала. Это была последняя наша встреча".

В "Заметках о Мартине Хайдеггере" ("Notizen zu Martin Heidegger") много эпистолярных пассажей (ср. №№ 93, 95, 155) или прямых обращений (ср. №№ 61, 64, 65, 76, 99, 103, 158, 169, 247). По-видимому, Ясперс намеренно не включил эти фрагменты в папку с перепиской (например, как "неотправленные" письма). Некоторое время он думал написать свою критику Хайдеггера в форме писем, чтобы она выглядела более живо и, главное, коммуникативно. Поэтому форма данных фрагментов носит литературный, фиктивный характер, чего нельзя сказать о письмах, которые были особо помечены как "неотправленные". Итак, в нашем издании мы придерживались указания самого Ясперса: переписку и "Заметки" следует рассматривать как взаимодополняющие и взаимокорректирующие материалы.

Послесловие переводчика

Эта переписка была издана Хансом Занером и Вальтером Бимелем, взявшими на себя труд представить – каждый "со своей стороны" – обоим мыслителей. Их работа в наибольшей степени заметна по составленным примечаниям. Читатель безусловно обратит внимание на то, насколько более сдержанным оказался

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org "представлявший" Хайдеггера Бимель: лишь краткие уточняющие ссылки, указания на последующие переиздания. И – примечания Занера, порою превышающие объем комментируемого в несколько раз. Вероятно, в какой-то степени это можно объяснить общими принципами, принятыми при издании сочинений Хайдеггера: минимум комментирования.

Однако есть и другой аспект. Мы имеем дело с перепиской двух друзей. Она в значительной мере имеет личный, приватный характер. Доступны же эти письма стали нам ввиду философской значимости авторов. Уважение перед этой очень личной, временами открытой и поистине драматической перепиской¹ заставляет меня высказывать сложившееся о ней впечатление в чрезвычайно сдержанной форме. Рискну только предположить, что читателю придется не один раз возвращаться к этим письмам, чтобы, возможно, сменить первые впечатления от тона отдельных посланий, распознать характер авторов, увидеть своеобразную "временную асимметрию" активности обоих участников, а также для того, чтобы, может быть, в большей степени прояснить для себя на первый взгляд необъяснимую настойчивость одного и "ускользание" другого. Одно несомненно: перед нами редкий подарок судьбы – встреча и взаимная поддержка двух таких философских величин.

"Заговорив о Мартине Хайдеггере, попадаешь в сильно поляризованное поле"². Сегодня эти слова не стали менее актуальными. Одна из проблем, создающих эту поляризацию, – полугодовое ректорство Хайдеггера в 1933 г. и споры о его отношении к политическим силам того времени. Этот период фактически разорвал дружескую связь между двумя мыслителями. Сознательно избегая суждений, как-либо эту ситуацию характеризующих (убежден, что такого рода оценкам здесь не место), я все же попытаюсь показать, насколько сильно оценка Ясперсом Хайдеггера была связана с этим обстоятельством.

Представляется несомненным: философия Хайдеггера в значительно большей степени занимала Ясперса, нежели его собственная – Хайдеггера. Едва ли не единственный документ, свидетельствующий об интересе последнего, – рецензия на "Психологию мировоззрений" Ясперса. Никогда с тех пор Хайдеггер не обращался к трудам друга столь подробно³. Мы можем обнаружить разве что немногие и содержательно весьма жесткие характеристики, рассыпанные по его лекциям⁴. Между тем реконструкция основных упреков Ясперса в адрес Хайдеггера может воспользоваться значительно более богатым материалом – так называемыми "Заметками" Ясперса, возникавшими параллельно его усилиям понять своего друга. Набралось их на целую книгу. Ханс Занер совершенно справедливо считает их важной комплиментарной частью, которая многое проясняет в переписке: "мы придерживались указания самого Ясперса: переписку и "Заметки" следует рассматривать как взаимодополняющие и взаимокорректирующие материалы"⁵.

Оценки и свидетельства "Заметок" уже были широко использованы Занером для его примечаний к немецкому изданию писем. Остановимся на тех моментах, которые затронуты не были. Если систематизировать все упреки Ясперса, станет ясно: параллельно опубликованным письмам между обоими мыслителями велся еще один – "молчаливый" – разговор.

Греческий студент сказал после одной из лекций Хайдеггера: он очень сложен. Он сложен, потому что ему нечего сказать. Но то, что ему нечего сказать, он говорит превосходно.

Общие задачи критики. По его собственным словам, Ясперс старается "разобраться"⁷ с философией Хайдеггера в целом – критика отдельных положений его не интересует. Часто используется выражение "борьба" Ясперс вспоминает слова Ницше: "Я нападаю только на те вещи, где отсутствуют всякие личные различия, где нет ни тени дурного опыта", – это и должно было бы стать главным условием успешной и серьезной критики. Но столь же хорошо Ясперс понимает и то, что «стаккой фон между мною и Хайдеггером есть» [148]. Впрочем, он надеется избежать опасности воздействия этого "фона": "в моей критике он важен (или: должен быть важным) лишь в той мере, в какой это "личное" сможет приобрести объективный характер благодаря тому, что принадлежит к тем силам, с которыми я в лице Хайдеггера сражаюсь" [там же].

Важное положение. Но каким образом может "личное" приобрести "объективный" характер? Не заключена ли уже здесь возможность про-екиии личных впечатлений на философские труды, усмотрения в них того, что предопределено позицией критика? Не является ли это основой последующей мифологизации критикуемого?

Раздражающая манера и стиль Хайдеггера: отсутствие "выводов * Неотвязное впечатление, что друг некоторым образом никогда "не дает" ответа: "Такое чувство, будто Вы не ответили мне в чем-то очень существенном, крайне для меня необходимым..."⁸ И, спустя некоторое время: "Может быть, я ошибаюсь, но мне до сих пор кажется, будто эти последние годы так и не принесли нам никаких ответов по существу"⁹. Это противопоставление: вопрос без ответа; "напряжение" без его "разрешения"¹⁰, – становится одной из главных схем восприятия Ясперсом Хайдеггера.

Явно не вызывает симпатии у автора "Заметок" хайдеггеровская манера себя держать: "Философский доклад: как будто нечто празднуется: "посыл бытия" (Seinsgeschick). Не патетическая речь. Медленная. Каждое слово. Паузы. Суховатый (nuchturner) тон, не повышающийся, как григорианское песнопение. Нет цели – куца – но только: сам процесс... в форме напряжения некоего куда-то, так и остающегося неопределенным..." [138]. Философствование, которое есть "постоянное обещание, и никогда – исполнение" [141]. Место "дела" ("Sache") занимает завораживающая манера приковывания внимания к непосредственной загадке (загадке прямо перед тобой), – манера вопрошания, "насквозь-вопрошания" ("Durchfragens"); на место мышления заступает "памятование" (Andenken) – "заговаривание" ("ansprechen")..." [78]. Или – опять – о "склонности Хайдеггера": "... то и дело помпезно возвысить проблему (Sache) в ее значении, – своего рода приоткрыва-ние мысли, – создать напряжение, – и ты ждешь и ждешь и в конце концов видишь, что запутался в общих выражениях о философии... остаешься разочарованным..." [168]. В связи с этим закономерно суждение, которое можно воспринимать как вывод: Хайдеггер "мимикрирует под великое философствование" [168].

Сознательное сокрытие. Предыдущее негативное впечатление Ясперса усиливается следующим предположением: эта уклончивая манера, очевидно, вызвана не сдержанностью или осторожностью Хайдеггера. Говорить следует, скорее, о таком типе философствования, для которого характерно сознательное сокрытие, имеющее глобальный характер:

1. Сокрытие истоков своей мысли: "Он не выдает истоков и импульсов своего мышления: Кьеркегор, Шеллинг, Лютер, Августин, схоластика (в особенности: Дуне Скот – его ранняя о нем работа)..." [142], между тем как большая часть Хайдеггером сказанного говорится именно словами этих мыслителей [143]".

1' Ясперс не был знаком с интенсивной преподавательской деятельностью Хайдеггера в 20-х гг. В тех лекциях Хайдеггера нет ни тени сокрытия ни истоков собственного мышления, ни перечисляемых Ясперсом мыслителей. Создавшееся у

2. Сокрытие того, что желает сказать.

3. Сокрытие себя самого как личности.

Все эти наблюдения складываются в общее заключение: дело не только в том, что Хайдеггер "ничего не говорит". Хайдеггеру нечего сказать. "Учение, которое ничему не учит, кроме как тому, как это ничто можно высказать по-своему великолепным образом..." [157]¹². Так все усилия Хайдеггера оказываются бесплодными: "работа ювелира" в языковых формах, но – с использованием неблагородных металлов [167].

"Мистицизм" Хайдеггера-философа. Демонизация Хайдеггера. Но и этим выводом не ограничивается "диагноз" Ясперса. Если Хайдеггеру свойственны неприятная, уклончивая манера изъясняться, отсутствие "конкретных выводов", если он больше скрывает, да ему вообще-то по большому счету и нечего сказать, то нечто в этом образе все же остается неясным: на чем же основывается столь большая популярность Хайдеггера как философа? Можно предположить: он является великим мастером иллюзий. С одной стороны, конечно, его труды привлекают именно тех, кому логика и ясность мышления не свойственны. Но – с другой – есть, по-видимому, и особый дар мистификаций и "колдовства", присущий самой личности Хайдеггера. Вот несколько наиболее типичных характеристик: "Его нельзя назвать демоничным в гетевском смысле. Но он обладает волшебством как гном..." [50]. "Хайдеггер покинул философствование под сенью истины... В пользу "высказываний", – не в форме откровений пророка, – а в форме исследования, как мат..." [53]. Философствование Хайдеггера часто сравнивается с "индийским умозрением" [156] или "азиатским мышлением", причем последнее представляется

Ясперса впечатление объясняется, вероятно, тем, что к тому времени, когда он обратился к внимательному прочтению Хайдеггера, для последнего большую важность приобрели уже другие темы.

Следует, правда, отметить определенную двойственность оценок Ясперса: "Он не высказывает никакого содержания, однако затронута глубина, из которой он может говорить..." [53]. В каком именно смысле Ясперсу удается приписывать Хайдеггеру одновременно и "глубину" и "ни-чего-не-говорение"? – Этот вопрос остается в "Заметках" недостаточно проясненным.

Симуляция научности, ее искажение. Не вызывает поэтому удивления, что Ясперс не обходит вниманием и оценку философии своего друга с точки зрения ее "научности". Усматривается противоречие: Хайдеггер претендует на научность, между тем как науку – отвергает [141]. Как же именно реализуется эта претензия у Хайдеггера? – Он "формальным образом" ставит свою фундаментальную онтологию на место отвергаемой им традиционной науки. При этом главная тема Хайдеггера – вопрос о бытии – не раскрывается им "в методическом мышлении" [191] | 3. Соответственно, проблематичными становятся и все частные методические процедуры, используемые Хайдеггером: "Предпосылкой истолкования [становятся] не филологически-критические методы интерпретации, а восприятие истории бытия..." [77]. Трудно сказать, что вызывает у Ясперса большее неприятие: общий ли дух хайдеггеровского мышления или конкретные историко-философские интерпретации. "Когда я следую за Вами, некоторые места сбивают меня с толку"14, – наиболее сдержанная формулировка. Более точно: "Я не перестаю спотыкаться о Ваши предложения"15. Причину, по которой Ясперсу, превосходящему своего друга в эрудиции, было, возможно, "неудобно" читать Хайдеггера, он называет сам: "Я знал эти источники лучше, а вместе с тем – и истину, которая в его изложении казалась истощенной и искаженной..." [147].

Стремление к новизне. В качестве одной из главных характеристик хайдеггеровского мышления Ясперс пронизательно обнаруживает "порыв к новизне": "В духовной ситуации завершенных возможностей рефлексии он желает изначально мыслить и говорить новым образом. Отсюда превознесение (Preis) досократиков; отказ от понимания великих философов в целом их произведений, а вместо того: углубление в предложения и абзацы с помощью метода истолкования, отказывающегося от правил понимания подразумеваемого смысла; метод, частично унаследованный от Гуссерля: тематизация (Veigegenwartigung) с самого начала, в феноменологическом видении, в языковом анализе – а также в использовании языка намеренно с эффектом, с направлением внимания на его собственный, непосредственный, этимологический смысл – на место слова (Wortstellung), – своего рода паузы во время речи..." [78].

Эта черта вызывает у Ясперса серьезные сомнения. Он, во-первых, прекрасно сознает свою традиционность. Более того, "традиционность" есть его сознательная позиция: "мыслить в понятиях традиционной философии"; "...я изначально пытаюсь думать не оригинально и полагаю, что двигаюсь в пространств *philosophiarerennis*... Традиционное настолько богато и значительно, что его наиболее полное усвоение при постоянной опоре на простое, существенное представляется мне совершенно необходимой поддержкой и пищей для современного понимания. Мне кажется, невнимание к тем или иным необходимым различениям затуманивает сегодня наше мышление... создавая тем самым мир неискренности и обмана. Коль скоро я говорю старым языком философии, мне кажется, присутствует ясность"16.

Здесь, кстати, упреки Хайдеггера в "новаторстве" и "магии" объединяются: Ясперс говорит о своего рода "магии экстремального", то есть

"радикализме «расчистки»" (Abbaus), "деструкции", из-за которой история философии у Хайдеггера, начиная от досократиков, "становится совершенно неясной" [71].

Ясперс ощущает свое расхождение с Хайдеггером по вопросу самой необходимости радикального обновления традиции: "Является ли лучшим, более подлинным и значимым, в конечном счете – более истинным, решение броситься в омут (Sumpf), нежели сохранять неизменную верность мнимой истине разума и историческому существованию, и всю жизнь оставаться одним и тем же?" [76]. – Напомним, все сомнения (выраженные как в письмах, так и в заметках) Ясперса возникают, когда уже позади пережитые Германией несчастья, связанные с нацизмом. В этой ситуации "революционность", с которой

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Хайдеггер выступал еще в начале 20-х годов, подозрительна, а традиционность – предпочтительна. Слишком много потрясений. Потому в заметках вопрос философского новаторства моментально связывается с воспоминаниями о только что пережитом: "Разве погибшие в волнах – провозвестники судьбы? – и это применимо к национал-социалистам?" [76]. Для вопросов о том, где же все-таки пролегает граница между "окончательным расчетом" с "этой профессорской философией" и собственно логическим продолжением того же самого – борьбы с традицией, – время не очень благоприятное.

Что происходит? Критика Ясперсом Хайдеггера как философа оказывается сразу же и навсегда связанной с вопросом идеологии. В "объективном" аспекте сомнительными оказываются философский радикализм и стремление к новизне¹⁷. В "личном" плане боль и сомнение в друге вызывает его необычное для Ясперса поведение, оцениваемое им как предательство. И здесь тема национал-социализма накладывается на образ друга, вызывает сомнение в его философии.

Итак, личное знакомство по крайней мере в двух отношениях скорее даже мешает воспринять "философское содержание": во-первых, личные встречи и многочасовое общение создают иллюзию знания "идей". – "Вероятно, я читал бы его более основательно, если бы не был знаком с ним лично", – признается Ясперс [147]. Во-вторых, определенная оценка поведения Хайдеггера, и его, Ясперса, лично затрагивавшего, скорее отталкивает от его философии, вызывает к ней подозрение.

Величие и нищета философского фундаментализма. Раздражение "бесконечностью" исследования – не самое главное. То, что Хайдеггер "не дает ответа" – лишь производная форма "фундаментализма". Речь идет о том, что свойственно как Гуссерлю, так и Хайдеггеру. Именно потому, что замысел рассчитан "на века" и должен был бы стать основой последующих философских усилий, он обречен на известную "бедность": бедность темами. Не только Ясперс называет те из них, которые не прозвучали ("вопрос полов, дружба, брак, – практическая жизнедеятельность, – профессия, – государство, политика, воспитание" [249]) – это делали и другие. Это обнаруживает еще одну трудность, перед которой оказывается любой проект вроде "основоположения наук о духе" Дильтея, "создания абсолютно несомненных основ" Гуссерля, "фундаментальной онтологии" и "преодоления традиционной метафизики" Хайдеггера: как только философские оппоненты распознают (и принимают) таковые проекты в качестве фундаментальных, с их авторов сразу же спрашивают больше – больше, нежели они были намерены да и вообще могли бы дать. А почему не дано экспликации проблемы Другого (Левинас – Хайдеггеру)? А почему за основу феноменологии взят "усеченный" тип опыта (Фарбер, Шюц – Гуссерлю)? Примеры могли бы быть бесконечны. Критика Кьеркегором Гегеля, Дильтеем – Канта и т. д.

Нельзя отказать усилиям Гуссерля и Хайдеггера в особом величии. Даже Ясперс в одной из последних своих заметок не может в конце концов не признать: "В его трудах чувствуется, из каких внутренних мучений и их преодоления они возникли. Потому – воспринимать всерьез в одном из истоков" [250]. Однако нельзя не заметить и той ограниченности, которая философскому фундаментализму обыкновенно сопутствует. Можно сказать, что все такого рода усилия вынуждены обращаться к Началу, проблеме начинания¹⁸. Чем более серьезно они воспримут свою собственную задачу, тем больше у них шансов стать философиями "одной и той же мысли". Одно, как кажется, с необходимостью влечет за собой другое.

"Некоммуникативность" философии Хайдеггера. Оба великих философа сосредоточены на своем. Хайдеггер, погруженный в задачу преодоления метафизики, обращается к древнегреческим мыслителям, и с тех пор критерием глубины философствования коллег становится для него их внимание к античности. "Мы принадлежим к разным поколениям, – сравнивает Ясперс с собой Хайдеггер, – хотя разница в возрасте едва ли составит десять лет; к тому же, в мире Ясперса отсутствуют греки – что, по моему убеждению, в нынешний момент западноевропейских событий означает катастрофу"¹⁹. Ясперс же в своих размышлениях 1930–1950 гг. сосредоточен на теме коммуникации. Соответственно, отсутствие темы коммуникации у Хайдеггера воспринимается как фатальный симптом²⁰. Для мышления Хайдеггера характерно "фактическое и принципиальное отсутствие коммуникации (коммуникация заменяется со-бытием ("mitsein"), нейтрализующей и закрепляющей объективацией)" [156].

В переписке же все более сглажено: "...вопрос о том, как выйти из монолога и из повторения монологов другими, вероятно, есть вообще жизненный вопрос

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
нашего теперешнего философствования", – пишет

Ясперс²¹. "То, что подразумевает Ницше, лежит вне альтернативы коммуникации и не-коммуникации", – не сдается Хайдеггер и. Ясперсу приходится – на словах – смягчить свою позицию: "Ваши слова о монологах – что мы "недостаточно сильны для этого", а также об одиночестве ("вне альтернативы коммуникация – не-коммуникация") – мне кажется, я их понимаю, когда думаю... о трудах Лао-цзы или Спинозы... Такие труды могут в результате способствовать коммуникации, однако не говорят о ней. Мы оба, как мне кажется, прежде всего заинтересованы в истине, которая нас связывает и которая фактически проявляется в углублении коммуникации. Я согласен с Вами, что подлинное, сущностное всегда лежит "по ту сторону" коммуникации и не-коммуникации, субъекта и объекта, мышления и бытия и т. п. и что, утратив эту связь, все наше мышление становится беспочвенным и рассыпается. Но говорить – и сообщать – мы можем лишь в пределах противоречий, в явлениях конечного. Лишь благодаря последнему мы способны приблизиться к первому"²³.

Переход: заключение от философии – к практике. Итак, то, что Ясперс с разных сторон пытается прояснить как "феномен философии Хайдеггера", все эти разрозненные и фрагментарные наблюдения, части, обрывки – все это складывается в довольно неутешительную картину. Ясперс, однако, на этом не останавливается: "Показать, что природа этого философствования должна привести на практике к тотальному господству", – такова основная задача [166]. А потому то, что "Х[айдеггер] делает в 1933 г., было "нечеловеческим" следствием философии, в которой был утерян человек в своей свободе, своей ответственности, своем собственном бытии" [167]. Примером этого послужило занятие Хайдеггером поста ректора в 1933 г.

Ясперс не только высказывает догадку о возможной практической пагубности философии Хайдеггера, но и отказывает ее создателю в проницательности: "Не является ли он вообще слепым на людей?" [141]. Безответственным? [149]. Лишь мельком проскальзывает замечание, в котором ректорство Хайдеггера вызывает несколько большее уважение, нежели "оппортунизм", пассивное следование переменам других ученых того времени [158]. Поступок друга Ясперс оценивает как событие, создавшее между ними неодолимую пропасть.

Итак, Ясперс стремится подойти к осмыслению философии своего друга "систематично": не пытаться опровергать или отвергать какие-то отдельные ее части или положения (хотя и это он все-таки делает), а постичь ее как "целое". – Не следует ли считать своеобразной иронией такого подхода то обстоятельство, что мышление Хайдеггера "затвердевает", превращаясь в некую опасную идеологию? "Записки" представляют редкий по своей жесткости документ. И, по словам Бимеля, их публикация "не способствовала разряжению ситуации" вокруг имени Хайдеггера*.

Нет сомнения, что в образе Хайдеггера, который складывался у Ясперса, мало привлекательного. Однако он важен как один из первых и наиболее типичных. Все более поздние размышления такого рода не принесли, по сути, ничего нового. "Никто не задел Ясперса в XX веке, как Хайдеггер, никто не был ему ближе, никто не оттенил яснее, что путь Ясперса вел в тупик"²⁵. Если это справедливо, то верно и обратное: никому не удалось в XX веке задеть Хайдеггера так, как Ясперсу, его бывшему другу.

1 Это, вне всякого сомнения, можно назвать "романом века" – ср.: Биbihин В. В. К переписке Хайдеггера с Ясперсом // Логос. № 5.1994, с. 101. В этом же номере журнала – фрагменты трех писем из переписки обоих мыслителей, впервые опубликованные на русском языке в переводе В. В. Биbihина (они соответствуют письмам, которые в данном издании имеют номера: 135,144,149). Публикаций, посвященных самой переписке, не очень много. Доклад В. Бимеля в 1989 г. (Biemel W. Zur Briefwechsel Jaspers/Heidegger // Zur philosophischen Aktualität Heideggers).

Symposium der Alexander von Humboldt-Stiftung vom 24–28. April 1989 in Bonn-Bad Godesbeig. Bd. 2. In Gespräch der Zeit. Frankfurt a. M. 1990. S. 71–86) – лишь краткий пересказ основных вех этой переписки, непосредственно предшествовавший публикации писем. Некоторые другие публикации будут цитироваться дальше.

2 Биbihин В. В. Дело Хайдеггера // Мартин Хайдеггер. Время и Бытие. Статьи и выступления. М., 1993.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

3 Ясперс это заметил, хотя и много времени спустя. О том, как он это объясняет, см. примечания к письму № 7.

4 Примечания к письму № 124.

3 наст, издание, последний абзац к последнему примечанию.

* Далее я цитирую их по изданию: Jaspers K. Notizen zu Martin Heidegger. Hrsg v. H. Saner. Munchen; Zurich, R. Piper & Co. Verf., 1978. Эти заметки выходили и в других изданиях, поэтому далее я буду ссылаться не на страницы, а на номер записи (они имеют сквозную нумерацию).

7 При этом он использует известное своей многозначностью слово "Auseinandersetzung".

(Bekämpfung). хайдеггера ясперс называет "wider-Sacher": в лице своего друга Ясперс встречает противника в вопросе о самом "деле" (Sache) философии. Как же возможно занять подобную "тотально-критическую позицию"?

письмо № 149.

9 письмо № 151.

10 письмо № 124.

12 Приведенное выше впечатление греческого студента несколько раз встречается в "Заметках", в разных модификациях.

Ясперсу даже более предпочтительным: "азиатские мыслители" находились в самой гуще практической жизни [160].

13 Остается, правда, вопрос: могла ли хайдеггеровская "тема бытия" быть раскрыта в "методическом мышлении", понимаемом в духе Ясперса?

14 письмо № 124.

15 письмо № 131.

16 письмо № 146.

17 Вопрос философского радикализма был поднят нами ранее: Михайлов И. А. Ранний Хайдеггер... с. 86–87.

18 О том, какой проблемой это может стать, см.: Михайлов И. А. Ранний Хайдеггер... с. 132–135.

19 письмо Э. Блохман от 30 марта 1933 г. См.: Martin Heidegger – Elisabeth Blochmann. Briefwechsel 1918–1969. Hrsg. v. J. Störck. Maibach a. Neckar, 1989.

20 Об этом у Ясперса – буквально на каждой странице. Ср. заметки №№ 7, 8, 9, 19 и т. п. Вопрос возможности "коммуникации" в философии Хайдеггера является отдельной важной проблемой, обсуждение которой не входит в задачи данного послесловия.

21 письмо № 131.

22 письмо № 132.

23 письмо № 133.

24 Viemel W. Zur Briefwechsel Jaspers/Heidegger... S. 71.

25 Бибахин В. В. К переписке Хайдеггера с Ясперсом... с. 102.

Указатель имен*

Августин – 63, 338, 398 Алгайер А. (Allgeier, A.) – 362 Альтман З. (Altmann, S.) – 329 Андреас В. (Andreas, W.) – 339 Арндт Х. (Arendt, H.) – 24, 50,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
52, 184, 185, 284, 286, 338, 340, 348, 385, 388, 391 Аристотель – 63, 66,
73, 75–77, 81, 82, 98, 110, 113, 123, 129, 140, 231, 307, 308, 311, 314, 318, 319,
323, 330, 331

Барт Генрих (Bart, H.) – 53

Барт Карл (Bart, K.) – 53

Баумгартнер В. (Baumgartner, W.)

– 331

Баумгартен Э. (Baumgarten, E.) –

20, 34, 237, 240, 364, 368, 369

Баух Б. (Bauch, B.) – 100, 126,

146, 315

Бауэр К. (Bauer, C.) – 369

Беккер К.-Ф. (Becker, C. H.) –

84, 118, 308, 314, 320, 321

Беккер О. (Becker, O.) – 152, 155,

159, 160, 167, 168, 172, 173, 184,

206, 207, 331

Бёкман П. (Bockmann, P.) – 388

Бенда И. (Benda, J.) – 378

Берг Б. (Berg, B.) – 150, 331

Бергсон А. (Bergson, H.) – 163,

Бернулли К.-А. (Bernoulli, C. A.)

– 309

Бесселер Г. (Bessel, H.) – 202,

Бехер Э. (Becher, E.) – 118, 126,

147, 323, 330

Бибихин В. В. – 384, 394, 395, 406

Бимель В. (Biemel, W.) – 44, 45,

54, 56, 301, 320, 394, 394, 406

Бимель М. (Biemel, M.) – 56, 301

Бимель Х. (Biemel, H.) – 56

Биргт. (Birgt, H.) – .?77

Блохман Элизабет (Blochmann,

* Курсивом обозначены страницы из вступительной статьи, комментария и послесловия. – Прим. ред.

Указатель имен

Е.) – 20, 404

Мартин Хайдеггер - Карл Ясперс. Переписка, 1920-1963 filosoff.org
Блуме (Blume) - 369

Боймлер А. (Baumler, A.) - 152,
159,168,172-173,184,219,330,
331,344,359,366

Больнов О.-Ф. (Bollnow, O.-F.) -
259,379

Борн М. (Born, M.) - 299

Брокер В. (Brocke, W.) - 302

Брёкер-Ольманс К. (Brocke-
Oltmanns, K.) ~562, J7/

Брехт Ф.-Й. (Brecht, F. J.) - 259,

Бринкман Т. (Brinkmann, Th.) -

Брок В. (Brock, W.) - 207-209,
212,215,34??<55

Бультман Р. (Bultmann, R.) - 98,
313,331

Буркхардт Г. (Burckhardt, J.) - 85,
159,173,258,291,575,378

Бушор Э. (Buschor, E.) - 200,342

Бухер К. (Bucher, K.) - 329

Вайзерг Г. (Weisert, H.) - 356 Вайс Е. (Weiss, H.) -115,126,319 Валь Ж.
(Wahl, J.) - 241,372 Вальтер Г. (Walther, G.) - 86,309 Вальц Х. (Waltz, H.)
- 376,390 ВанлорВ.-72, J05 Варнгаген Р. (Varnhagen, R.) - 185,338 Вебер А.
(Weber, A) - 141-143,

201,328,339,371 Вебер Макс (Weber, M.) - 20,52, 83,142,161,176,201,216-218,
237, 240,308, 316, 344,354,364, 366-, 390

Вебер Марианна (Weber, Marianne) - 103,316,325,368 Ведекинд (Wedekind) -
314 Венде Э. (Wende, E.) - 84,308 Венчер М. (Wentscher, M.) - 120, 169, 72/

Вернер Р. (Werner, R.) - 331 Вертхаймер М. (Wertheimer, M.) - 171,172, J15

Викториус К. (Victorius, K.) - 262, 379

Вильзер Ю. (Wilser, J.) - 271,273, 386

Виндельбанд Вильгельм (Windelband, Wilhelm) -12, 123,126,302, 315,322

Виндельбанд Вольфганг (Windelband, Wolfgang)- 112, 157, 173, 318,335

Винтер Ш. (Winter, St.) - 56 Вирхов Р. (Virchow, R.) -144,329 Виткоп Ф.
(Witkop, Ph.) - 307 Вольцендорф К. (Wolzendorff, K.) -299

Вроблевски В. фон (Wroblewsky, V. von) -378

Вундт В. (Wundt, W.) - 321 Вундт М. (Wundt, M.) -100,126, 315

Указатель имен

Гайгер А. (Geiger, A.) - 63,65,68,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
69,71,106,300,302,317,392
Гайгер М. (Geiger, M.) – 82,307
Гартман Н. (Hartmann, N.) – 89,
99,100, 107, 150, 152, 153, 158,
197,277,310,314,379
Гегель Г. В. Ф. (Hegel, G. W. F.) –
73,108–110,112,114,117,122,
127, 129, 131, 158, 161, 186, 278,
296, 302,303,307, 313, 317,321,
323,324,326,327,330, 333, 339,
382,385, 403
Гелескул А. М. – 384
Гельдерлин Ф. (Hölderlin, F.) – 36,
46,230,232,234,259,305,357,359
Геншер В. (Gentner, W.) – 284,388
Гентнер-Пфелер А. (Gentner-
Pfaehler, A.)–284,3A?
Георге С. (George, S.) – 142,287
Гераклит – 254,377
Геринг Г. (Goring, H.) – 273
Гёрланд И. (Goriand, I.) – 326,339
Герхард К.-Й. (Gerhardt, C. J.) –
Гете И.-В. (Goethe, J. W. von) –
252,253,262, 316,376,399
Гитлер А. (HMeG, A.) – 18,33,54,
265,273,287, 347
Глокнер Г. (Glockner, H.) – 343
Гомер –345
Готшлих Э. (Gotschlich, E.) – 339
Гофман Э. (Hoffmann, E.) – 100,
111,116,120,199,210,5/5
Гофмансталь Г. фон (Hofmann-
sthal, H. von) – 287
Гофман-Эрфурт А. (Hoffmann-
Erfurt, A.)–J27

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Грасси Э. (Grassi, E.) – 16,17,52,
139,140,143, 327,328
Гризебах Э. (Grisebach, E.) – 171,
Гундольф Ф. (Gundolf, F.) – 142,
201,329
Гуссерль М. (Husserl, M. Ch.) –
Гуссерль Э. (Husserl, E.) – U, 12,
15,19,21,22,34,44, 52,54,61,62,
66,70,81,86,91, 116,118, 123,
139, 163, 180, 187, 188, 300, 301,
307,309, 311, 312, 318,320, 322,
327,331, 338–340, 401, 403
Гюнтер П. (Gunther, P.) – 386
Декарт Р. (Descartes, Rene) – 54,
61,311,360
Делёз Жиль (Deleuze, G.) – 36
Деррида Жак (Derrida, J.) – 32,
Дильк. (Олейк.)-46
Дильтей В. (Dilthey, W.) – 46,62,
138,139,163, 301,307,327, 403
Дитце К. фон (Dietze, C. von) –
362,364
Длугач Т.Б. – 355
Дриш Х. (Driesch, H.) – 126,303,
Дюрер А. (Durer, A.) – 337
Указатель имен
Дюроф А. (Dyroff, A.) – 147,169,
Дюрр Э. (Durr, E.) – 389
Ёлькен – 21
Завацки Г. (Sawatzki, G.) – 267,
Заламун К. (Salamun, K.) – 155
Заламун-Хыбашек Е. (Salamm-
Нубасек, E.) – 355
Зальдитг М. (Salditt, M.) – 137,
138,326,327
Зальц А. (Salz, A.) – 142, 328

Занер Х (Sauer, H.) – 56,299,311,
333,338,355,368,394,396
Зауэр Й. (Sauer, J.) – 21,275,345,
Зингер К. (Singer, K.) – 142, 328
Зоден Х. фон (Soden, H. von) –
236,331,361
Йегер В. (Jaeger, W.) – 113, 177,
197,319,336
Йегер П. (Jaeger, P.) – 301, 302,
313,357,358
Йенш Э.-Р. (Jaensch, E. R.) – 99,
100,121,126,149,150, 313
Йонас Х. (Jonas, H.) – 157, 158,
161,331
Кант И. (Kant, I.) – 54,73,96,102, 108,110,123,134,140,143,144,
166,182,188,215,231,249,279,
290, 311, 312, 315, 317, 321, 322,
326,329, 332, 337, 340, 344,373,
387,403
Кассирер Э. (Cassirer, E.) – 12,52,
54, 100, 102, 126, 160, 197, 200,
210,315,332,337-338
Кеги В. (Kaegi, W.) – 375,389
Кёлер Л. (Köhler, L.) – 338
Керн Э. (Kern, E.)–.Ш
Кизиль Т. (Kiesel, T.) – 314
Кларк С. (Clarke, S.) – 269,385
Кнапп Г.-Ф. (Knapp, G. F.) – 142,
Коген Г. (Cohen, H.) – 306
Кононов В. В. – 355
Конрад-Мартиус Х. (Conrad-
Martius, H.) –86,569
Краусс В. (Krauss, W.) – 371,378
Крепелин Э. (Kraepelin, E.) – 78,
Крик Э. (Krieger, E.) – 219, 220,
265,344,345

Мартин Хайдеггер - Карл Ясперс. Переписка, 1920-1963 filosoff.org
Крисгеллер П.-О. (Kristeller, P. O.)
– 115,117,120,319,320
Кронер Р. (Kroner, R.) – 68,81,88,
89,112,118,158,171,303,307
Курциус Л. (Curtius, L) – 88,151,
310,342,
Курциус Э.-Р. (Curtius, E. R.) –
252, 253, 255, 376
Кьеркегор С. (Kierkegaard, S.) –
83,86,163,166,313,334,337,372,
373,374,384,399, 403
Указатель имен
лаку-лабарт Ф. (Lacoue-Labarthe,
Ph.)- 45
лампе (Lampe, A.) – 46,362
лао-цзы (Laotse) – 32, 254, 256,
Левина М. И. – 381
Левинас Э. (Levinas, E.) – 403
левит К. (Lowith, K.) – 20,34,42,
53, 54,63,71,82,96,112,301,392
Ледерер Э. (Lederer, E.) – 98,143,
лейбниц Г.-В. (Leibniz, G. W.) –
269,322, 385
Ленин В.И. – 378
Ленд Ф. (Lenz, F.) – 143,329
Лессинг Г.-Э. (Lessing, G. E.) – 48,
254,318, 376
литт Т. (Litt, Th.) – 146, 329
ломмач Э. (Lommatzsch, E) – 317
логце Р.-Г. (Lotze, R. H.) – 321
луер (Luer) – 185
лукач Д. (Lukacs, G.) – 252, 256,
376-378
Лютер М. (Luther, M.) – 292,300,
МаасЭ. (Maas, E.)-577

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Майер Артур (Mayer, Arthur) –

Майер Г. (Maier, H.) – 112,113,

Майер Давид (Mayer, David) – 325

Майер Додо (Mayer, Dodo) – 525

Майер Э. (Mayer, E.) – 346

Майсгер К. (Meister, K.) – 339

Майстер Экхарт (Meister, Eckhart)
– 254

Маккарти Д.-Р. (McCarthy, J. R.)

– 342

Мамардашвили М. К. – 31

Манке Д. (Mahnke, D.) – 126,136,
138,322,327

Маннгейм К. (Mannheim, K.) –
71,209,505

Маркс К. (Marx, K.) – 296, 313,

Маркузе Г. (Marcuse, H.) – 34,333

Марсей В. (Maiseffle, W.) – 96,312

Мёллендорф В. фон (Möllendorff,
W. von)–27,275,5*6

Менде Г. (Mende, G.) – 378

Микеланджело – 262

Михайлов А. В. – 381

Михальски М. (Michalski, M.) –

Миш Г. (Misch, G.) – 81, 82, 84,

Миякэ Г. (Myake, G.) – 206, 343

Мотрошилова Н. В. – 555

Мюллер Л. (Müller, L.) – 56

Наторп П. (Natorp, P.) – 81,306,

Небель Г. (Nebel, G.) – 100,111,

Никифоров О. В. – 557

Указатель имен

Ницше Ф. (Nietzsche, F.) – 15, 16, 18,23,28,36,42,46,47,52,84,85, 223, 226,
230, 232–234, 254, 259, 265, 270, 274, 276, 296, 297, 302,
309,322,357–360,373,379,382, 385–387,390,397, 405 Нойман К. (Neumann, C.) –
336, 342

Нойман Ф. (Neumann, F.) – 60, 61, 64,65,300,301

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Овербек Ф. (Overbeck, F.) – 84, 309

Олыпки Л. (Oltschki, L.) – 202, 342 Онкен Г. (Oncken, H.) – 87, 299, 310

Ортега-и-Гассет Х. (Ortega y Gasset, J.) – 267, 384 Отг Х. (Ott, H.) – 20, 21, 43, 53, 368, 369

ОТТО В.-Ф. (Otto, W. F.) – 113, 318 Пакен Г. (Paquin, G.) – 369 Панофски Э. (Panofsky, E.) – 178, Ш, 200, 336, 342

Парменид – 25, 220, 221, 247, 254, 258, 377

Паскаль Б. (Pascal, B.) – 204

Пихлер Х. (Pichler, H.) – 126, 157,

Платон – 24, 54, 73, 75, 110, 123, 142, 234, 235, 237, 247, 261, 262, 265, 290, 307, 316, 322, 328, 331, 345, 359, 361, 369, 373, 376, 377,

Пфендер А. (Pfcnder, A.) – 309

Радбрух Г. (Radbnich, G.) – 202–205, 555

Райнфельдер Г. (Rheinfelder, H.) – 202, 203, 342

Ратенау В. (Rathenau, W.) – 83,

Рембрандт Харменс ван Рейн –

Риккерг Г. (Rickert, H.) – 12, 54, 66, 122, 123, 167, 207, 210, 302, 304, 315, 319, 321, 334, 339, 342,

Рильке Р.-М. (Rilke, R. M.) – 259, 270, 287, 379

Ритгер Г. (Ritter, G.) – 362

Рихтер В. (Richter, W.) – 88, 106, 107, 148, 156–158, 167, 198, 310, 330, 331

Ришер К. (Riezler, K.) – 189, 341

Ричль А. (Ritschi, A.) – 329

Ричль О. (Ritschi, O.) – 529

Ричль Х. (Ritschi, H.) – 143, 329

Розенкранц И. К. Ф. (Rosenkranz, J. K. F.) – 129, 131, 52? 324

Рорги Р. (Rorty, R.) – 14, 53

Россман К. (Rossmann, K.) – 388
Ротхаккер Э. (Rothacker, E.) –
120,147,157,168,527,330,334
Указатель имен
Сартр Ж.-П. (Sartre, J.-P.) – 377
Сафрански Р. (Safranski, R.) – 21,
38,42,53,54
Сведенборг Э. (Swedenborg, E.) –
Силаши В. (Szuasi, W.) – 92,312
Скот дуне – 398
Сократ – 331
Соссюр О.-Б. де (Saussure, H.V.
de) –165,334
Софокл –227,345
Спиноза Б. – 237, 256, 348,369,
Сталин И. В. – 277,286–287
Сголпнер Б. – 315
Стриндберг А. (Strindberg, A.) –
72,105
Сяо П. Ши-и (Hsiao, P. Shih-Yi)
– 377
Телленбах Г. (Teilenbach, G.) –
263,370,381
Тиллих П. (Tillich, P.) – 171, 335,
Трёльч Э. (Troeltsch, E.) – 311
Тюльпанов С. И. – 256,377,378
Фабрициус Э. (Fabricius, E.) –
180,337
Oaftkr.(Feick,H.)-15<9
Фарбер-4ш
Фариас В. – 43
Фауст А (Faust, A.) – 343
Финке Г. (Fmke, H.) – 63,65,302
Фихте И.-Г. (Fichte, J. G.) – 186,
ФИЧИНОМ.-.щ520

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Фишер К. (Fischer, K.) – 128,131,
323,324
Фослер К. (Vossler, K.) – 342
Фрайтаг-Лёрингхоф Б. (Freitag-
Loringhoff, B.) – 146,330
Франк Э. (Frank, E.) – 102, 107,
152,155–157,159,160,167,168,
172,173, 244, 246, 315,316, 374
Френкель Э. (Fraenkel, E.) – 20,
240,364,365
Фридлендер П. (Friedlander, P.) –
Фридрих I Баденский (Friedrich I.
von Baden)– 128,323
Фрингс М.-С. (Frings, M. S.) –
Фуко М. (Foucault, Michel) – 36
Хабер Ф. (Haber, F.) – 318
Хабермас Ю. (Habermas, J.) – 42
Хаэньеггер Г. (Hasenjaeger, G.) –
Хайдеггер Герман (Heidegger,
Hermann) – 56,231,247,266,307,
345,358,386
Хайдеггер Йорг (Heidegger, Jorg)
– 226,231,247,263,307
Хайдеггер Йоханна (Heidegger,
Johanna) – 324
Хайдеггер Фридрих (Heidegger,
Friedrich)– 93,312
Указатель имен
Хайдеггер Фриц (Heidegger, Fritz)
– 316
Хайцеггер Э. (Heidegger, E) – 303
Хайлер Ф. (Heiler, F.) – 331
Хаймбюхель Б. (Heimbuechel, B.)
– 357
Хаймзётх. (Heimsoeth, H.) – 158,
Хайнсхаймер К. (Heinsheimer, K.)

- 339

Хайнц М. (Heinz, M.) - 357

Хайс Р. (Heiß, R.) - 98,242,313

Ханзер Э. (Hanser, E.) - 358

Ханке-277

Хеберлин П. (Haberlin, P.) - 362

Хелвд К. (Held, K.) - 328,334

Хенги М. (Hanggi, M.) ~ 56

Херман Ф.-В. фон (Hermann, F.-

W. von) - 299,311,318,320,323,

341,357,377,379,381,387

Хермелинк Г. (Hermelink, H.) -

Херригель О. (Herrigel, E.) - 187,

339,343

Хоххуг Д. (Hochhuth, D.) - 56

ХухР. (Huch, R.)-86, JOP

Хюнерфельд П. (Hunerfeld, P.) -

381,382

Целан П. (Celan, P.) - 34,47, 48 Целлер Э. (Zeller, E.) - 361

Шадевальд В. (Schadewaldt, W.) - 219,345

Шайер (Scheyer) - 62,301

Шварц Ю. (Schwarz, J.) -158,332

Швёер В. (Schwoerer, V.) - 146,

148,150,329,330

Шеель Г.-А. (Scheel, G. A.) - 347,

349,392

Шекспир У. - 137,326,327

Шелер Мария (Scheler, Maria) -

189,341

Шелер Макс (Scheler, Max) - 12,

15, 82, 84,156, 171,189, 307,310,

331,332,335,337,341

Шеллинг Ф. В. И. (Schelling, F.

W. J.)- 114, 133,136-137,140,

186, 231, 232, 257, 278, 319, 335,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
339, 358, 380, 398

Ширмер В.-Ф. (Schirmer, W. F.) –
169, 334

Шмидг-Оттф. (Schmidt-Ott, F.)
– 318

Шмитг К. (Schmitt, C.) – 366

Шмиттхеннер П. (Schmitthen-
ner, P.) – 3#6

Шнебергер Г. (Schneebeiger, G.) –

Шольц Г. (Scholz, H.) – 100, 315

Шольцен – 169

Шпенглер О. (Spengler, O.) – 59,

Шпрингер Д. (Springer, J.) – 109,
303, 313

Шрётер М. (Schriuter, M.) – 330

Штайгер Эмиль (Staiger, E.) – 54

Штайнигер П. (Steiniger, P.) – 378

Указатель имен

Штаудингер Г. (Staudinger, H.) –

Штенцель Ю. (Stenzel, J.) – 152,
159, 160, 331

Штернбергер Д. (Steinbeiger, D.)
– 215, 31, 377

Штёрринг Г. (Storring, G.) – 120,
320, 321

Штилер (Shtielner) – 20

Шуман К. (Schuhmann, K.) – 320 Шюслер И. (Schu?ler, I.) – 358 Шюц А.
(Schutz, A.) – 403

Эббингауз Ю. (Ebbinghaus, J.) –
102, 159, 160, 184, 577, 5/5

Эккардгх.-Ф. фон (Eckardt, H. F.
von) – 142, 143, 328

Элькерс Ф. (Oehlkers, F.) – 362,

Эрдман И.-Э. (Erdmann, J. E.) – 131, 324

Эсхил – 345

Юшкевич П. – 315

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Якобсталь П. <Jacobsthal, P.> –

330,335

янцен Х. (Jantzen, H.) – 178,179,

180,181,185,336

ясперс Генриетта (Jaspers, H.) –

ясперс Гертруда (Jaspeis, G.) – 88,

132,192,298,502,325,572

ясперс К.-В. (Jaspeis, C. W.) – 341

ясперс Энно Е. (Jaspers, Enno E.)

Примечания

[1]

Статья Ричарда Рорти "Еще один возможный мир" была опубликована в сборнике "Философия Мартина Хайдеггера и современность". М, 1991, с. 133–137.

[2]

R. Safranski. Ein Meister aus Deutschland. Heidegger und seine Zeit. Frankfurt am Main, Fischer, 1998, S. 290.

[3]

H. Ott. Martin Heidegger. Unterwegs zu seiner Biographie. Frankfurt/ New York, Campus Verlag, 1992, S. 149.

[4]

Ibid., S. 191.

[5]

Ibid., S. 310.

[6]

Safranski... S. 301.

[7]

Ibid., S. 351.

[8]

K. Jaspers. Was ist Philosophie? Ein Lesebuch. Munchen, Piper & Co. Verlag, 1975, S. 28.

[9]

Ibid., S. 27.

[10]

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Safranski... S. 429.

[11]

К. Ясперс. Куца движется ФРГ? М., 1996, с.71.

[12]

Safranski... S. 465–466.

[13]

Разговор с Карлом Левитом состоялся в 1936 году в Риме в следующем

контексте. Генрих Барт, брат известного теолога Карла Барта, напечатал в газете "Neue Züricher Zeitung" статью, в которой напоминал Хайдеггеру, что когда-то он посвятил "Бытие и время" еврею Гуссерлю, а потом поступил на службу антисемитскому режиму. Люди, добавил он от себя, обычно не бывают героями, но все-таки философия когда-то слыла мудростью, и поведение Хайдеггера в свете так понятой философии необъяснимо. Отвечая ему, Эмиль Штайгер напомнил, что Хайдеггер как мыслитель стоит в одном ряду не с Касси-пером или Риккертом, а с Платоном, Декартом и Кантом. Он предложил своему оппоненту подумать о том, что автором "Феноменологии духа" был прусский реакционер, но на этом основании глупо было бы оспаривать значение книги. В этом контексте Левит и сказал своему учителю, что он, напротив, считает его "вовлечение" (Einsatz) в национал-социализм вытекающим из сущности его философии, Хайдеггер не только согласился с этим, но и не оставил сомнений в своей вере в Гитлера, признал в национал-социализме "предопределенный путь" (vorgezeichnete Weg) для Германии: нужно только, добавил он, продержаться достаточно долго. (См.: Ott... S. 132, Safranski... S. 357.)

[14]

В. Биммель. Мартин Хайдеггер. Челябинск, 1998, с. 17.

[15]

Safranski... S. 263.

[16]

Ibid., s. 431.

[1]

Доклады о Шпенглере: прочитаны в Висбадене в середине апреля 1920 г. в рамках "Недели науки", устроенной "Союзом курсов высшей школы". Там выступали также физик Борн, историк Онкен и правовед Вольцендорф. Хайдеггер выступал в среду, 14 апреля, на тему: "Освальд Шпенглер и его работа «Закат Европы»" ("Oswald Spengler und sein werte «Der Untergang des Abendlandes»"). Доходы от докладов были направлены висбаденскому "Союзу попечительства о летнем отдыхе бедных детей".

[2]

"В то утро..." относится к визиту Хайдеггера к Ясперсу; см прим. 5 к письму Ясперса от 21.1.1921.

В 1919–1921 гг. Хайдеггер работал над заметками к "Психологии мировоззрений" Карла Ясперса (К. Jaspers "Psychologie der Weltang-schauungen"), которые должны были быть напечатаны в "Гёттинги-ше

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org гелерте анцайген", однако публикация не состоялась. Впервые появились в издании: Karl Jaspers in der Diskussion. Hrsg. von H. Saner. München 1973, S. 70–100 (по поводу упомянутых фактов см. S. 100), а также в GA*, Bd. 9: "Wegmarken". Hrsg. von Fr.-W. v. Herrmann. Frankfurt a. M., 1976, S. 1–44.

[3]

Здесь и далее сокращением "GA" обозначено Полное собрание сочинений Мартина Хайдеггера: Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann, 1975-. I. Abt.: Veröffentlichte Schriften. 1910–1976. Bde 1–16; II. Abt.: Vorie-

Комментарии

[4]

О Фридрихе Ноймане (Friedrich Neumann) ср. следующее письмо Хайдеггера.

[5]

Когда состоялась эта "незабываемая" беседа, с точностью установить нельзя. В предыдущей почтовой открытке Хайдеггер пишет о "вечере у Вас", т. е. в Гейдельберге. Согласно Ясперсу (Philosophische Autobiographie. Erweiterte Neuausgabe. München 1977, S. 92 ff)*, первый разговор состоялся в "келье" Хайдеггера во Фрайбурге: "Весной 1920-го мы с женой заезжали на несколько дней во Фрайбург, поговорить с Гуссерлем и Хайдеггером. Праздновали день рождения Гуссерля. Сидели довольно большой компанией за столом, пили кофе. Г-жа Гуссерль назвала Хайдеггера «феноменологическим дитятей». Я рассказал, что моя ученица Афра Гайгер, очень яркая индивидуальность, приехала во Фрайбург учиться у Гуссерля. По формальным условиям участия в его семинаре он ее к нему не допустил. Так академический схематизм лишил и его, и ее благоприятной возможности, поскольку Гуссерль не пожелал увидеть самого человека. Хайдеггер оживленно включился в разговор и поддержал меня. Это походило на солидарное выступление людей более молодого поколения против авторитета абстрактных предписаний... Особенным показался мне один только Хайдеггер. Я был у него в гостях, мы сидели вдвоем в его келье, и я видел, как он занимается Лютером, видел интенсивность его работы, симпатизировал его убедительной и лаконичной манере говорить". – Вскоре после визита Ясперса во Фрайбург 8. IV (день рождения Гуссерля) Хайдеггер, вероятно, впервые приезжал в Гейдельберг.

sungen 1923–1944. Maibuiger Vorlesungen. Bde 17–26, Frcibuiger Vorlesungen. Bde 27–55; Fluhe Frcibuiger Vorlesungen. Bde 56–63; III. Abt.: Unveroeffentlichte Abhandlungen; IV. Abt.: Aufzeichnungen und Hinweise. – Здесь и далее все постраничные прим. перев. *В переводе на русский язык опубликовано только "краткое" издание – т. е. "Автобиография" без главы о Хайдеггере (Ясперс ?, философская автобиография. М., 1995).

[6]

Фр. Нойман учился у Хайдеггера во Фрайбурге-им-Брайсгау.

[7]

Гуссерль Эдмунд (Husserl, Edmund; 1859–1938) – основатель феноменологии, с 1916 г. ординарный профессор во Фрайбурге-им-Брайс-гау. – Рано распознал значение Хайдеггера, которого в начале 1919 г. взял в ассистенты. Гуссерлю и была посвящена работа "Бытие и время" ("Sein und Zeit"). Гуссерль предложил Хайдеггера в качестве своего преемника. После 1930 г. произошло отчуждение, впервые отраженное в послесловии к "Идеям" ("Ideen" в: Jahrbuch für Philosophie und Phänomenologische Forschung. Bd. 11, Halle a. d. S., 1930, S. 549–570). См. также: Husserliana. Bd. V. Hrsg. von Marly Biemel, Den Haag, S. 138–162. Соиздателем ежегодника был также и Хайдеггер*. Кхай-деггеровской критике феноменологии ср.: GA, Bd. 20: "Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs". Hrsg. von Petra Jaeger, Frankfurt a. M.,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
1988, § 11.

[8]

Дильтей Вильгельм (Dilthey, Wilhelm; 1833–1911) – создатель теории гуманитарных наук. – Приветствовал становление феноменологии, однако после появления статьи Гуссерля "Философия как строгая наука" ("Philosophie als strenge Wissenschaft", в: Logos., Bd. 1, Tübingen, 1910/11, N. 3, S. 289–341)** посчитал себя неправильно понятым. См. переписку Дильтея и Гуссерля в: Revista de Filosofía de la Universidad de Costa Rica. Vol. I. No. 2, 1957. Hrsg. von W. Biemel, pp. 101–124, а также в: Man and World, Vol. I, No. 3, 1968, pp. 428–446~.

[9]

Шайер (Scheyer) учился во Фрайбурге-им-Брайсгау.

[10]

Левит Карл (Lowith, Karl; 1897–1973) – ученик Хайдеггера, в 1933 г. эмигрировал сначала в Италию, затем в Японию и в США. После

[11]

Гайгер Афра (Geiger, Afra) – подруга Гертруды Ясперс, еврейка; ученица Ясперса и Хайдеггера, погибла в концентрационном лагере Равенсбрюк.

[12]

Финке Генрих (Finke, Heinrich; 1855–1938) – католический историк, с 1891 г. – профессор в Мюнстере, с 1899 г. – во Фрайбурге – им-Брайсгау, а с 1924 г. – президент Общества Герреса.

[13]

Относится к "Психологии мировоззрений".

[14]

Jaspers K., Psychologie der Weltanschauungen, Berlin 1919.

[15]

Относится к обсуждению "Психологии мировоззрений", см. прим. 3 к открытке от 21 апреля 1920 г.

[16]

Риккерт Генрих (Rickert, Heinrich; 1863–1936) – вместе с Виндель-бандом основатель юго-западной немецкой школы неокантианства; профессор во Фрайбурге-им-Брайсгау, а с 1916 г. – в Гейдельберге. Хайдеггер посвятил ему свою диссертацию, однако впоследствии отдалился от его философствования. Ср.: GA Bd. 20: Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Hrsg. von Petra Jaeger. Frankfurt a. M., 2., durchges. Aufl. 1988, § 4 (d), S. 20 f. и § 5 (b), S. 41–46.

[17]

Теперь в: GA Bd. 61: Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles/ Einführung in die phänomenologische Forschung. Hrsg. von Walter Bröcker u. Kate Bröcker-Oltmanns, Frankfurt a. M. 1985.

[18]

В мае 1921 г. Ясперсу была предложена кафедра философии Грайфс-вальдского университета, в июне – должность ординарного профессора в Киле. Ясперс отклонил эти предложения и занял место орди «парного профессора философии в Гейдельберге. 19. Эльфрида Хайдеггер (Elfride Heidegger), урожд. Петри, род. 3.7.1893 г. в Лайзниге (Саксония).

[20]

Рецензия Хайдеггера на "Психологию мировоззрений".

[21]

Шпрингер Юлиус (Springer, Julius), Берлин; второе, пересмотренное издание вышло в его издательстве в 1922 г.

[22]

С 1 апреля 1920 г. Ясперс был в штате на должности внештатного профессора философии, как преемник Ханса Дриша (Driesch, Hans). Это место освободилось 1 окт. 1921 г., поскольку Ясперсу была предоставлена персональная должность ординарного профессора при условии, что он останется в Гейдельберге.

[23]

Кронер Рихард (Kroner, Richard; 1884–1974) – с 1919 г. внештатный профессор философии во Фрайбурге-им-Брайсгау. С 1924 г. – профессор в Дрездене; в 1929–1935 гг. – в Киле; в 1938 г. эмигрировал в Великобританию, а в 1941 г. – в США, где преподавал в Теологической семинарии (Theological Seminary) в Нью-Йорке. Кронер начинал как представитель юго-западной школы немецкого неокантианства, однако в конечном счете стал одной из главных фигур неогегельянства. См. его основное двухтомное произведение: "Von Kant bis Hegel", Tübingen, 1921–1924.

[24]

Критика "Психологии мировоззрений".

[25]

Ср. более поздние суждения иного характера: K. Jaspers, *Philosophische Autobiographie*, a. a. O., S. 95: "В одном важном пункте я оказался несостоятелен в первые же годы. Когда мы познакомились, как раз вышла моя «Психология мировоззрений». В то время как эта

книга нашла много читателей, но была с возмущением отвергнута коллегами, разгромлена Риккертом с позиций, чуждых целям моего труда, Хайдеггер весьма основательно прочитал ее, заверив меня, что она – новое начало, но одновременно в своей неопубликованной критике поставил ее под сомнение безжалостнее всех других. Он дал мне рукопись этой критики. Она показалась мне несправедливой; я прочитал ее бегло, она не была плодотворной для меня. Я шел иными путями, нежели те, какие предлагал он. Но у меня не было и желания вникать в эту критику, спорить с ней и прояснять для себя в дискуссии, в чем заключались чуждые мне устремленность, вопрошание и требования. Ведь тогда у меня бы это и не получилось – мои философские усилия еще находились в *statu nascendi** и произвольно сторонились того, что не давало им пищи".

К рукописи рецензии Ясперс в более поздние годы добавил следующее замечание:

"Эти замечания мне прислал тогда Хайдеггер.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

В то время я их почти не читал, такой тип критики меня не интересовал.

Чтение затруднял и скверный шрифт пишущей машинки.

После нескольких страниц я прекратил чтение.

Это было не на том пути, на каком я искал и работал.

Отсутствие реакции с моей стороны, как я полагаю сегодня, наверняка задело Хайдеггера. Он не пожаловался на это ни прямо, ни косвенно. Но сейчас мне кажется, что с этого началось его «отчуждение», поскольку я не последовал за ним на путях мышления". 26. Ср.: Heidegger M., Anmerkungen zu Karl Jaspers // G A Bd. 9, особенно S. 28 ff.

'Состоянии рождения (лат.),

[27]

Должность внештатного профессора, которую занимал Ясперс. См. прим. 22 к письму [7] Ясперса от 1.8.1921.

[28]

Маннгейм Карл (Mannheim, Karl; 1893–1947) – социолог. В 1926–1930 гг. – докторская диссертация в Гейдельберге, затем место ординарного профессора во Франкфурте-на-Майне, откуда он в 1933 г. эмигрировал в Великобританию. Область специализации: социология знания.

[29]

Работа Ясперса "Strindberg und van Gogh. Versuch einer pathographischen Analyse unter vergleichender Heranziehung von Swedenborg und Holderlin", Bern 1922.

[30]

Этот план не осуществился.

[31]

Karl Jaspers, "Allgemeine Psychopathologie. Ein Leitfaden für Studierende, Ärzte und Psychologen", Berlin 1913. В 1920 г. вышло "второе, переработанное" издание. Ко времени этого письма Ясперс, вероятно, готовил "третье, расширенное и улучшенное" издание (1923).

[32]

См.: Jaspers K., Philosophische Autobiographie, a. a. O., S. 40 ff: "Около 1920 года я стоял на распутье. Моя «Психология мировоззрений» имела успех. Ее тогда много читали. За годы, когда я ее писал, накопились рукописи лекций по психологии религии, социальной психологии, психологии народов и морали. Было бы совсем нетрудно написать на их основе три новые книги. Обширная библиография могла быть использована для широкого панорамного изложения. Достигнутый мною уровень, возможно, содержательных, однако философски не укорененных воззрений мог быть развернут вширь. Искушение публиковать каждый год или каждые два года новую книгу, которая в тот момент, возможно, имела бы успех, было велико.

Но этому противостояло сознание, что то, что было живо в моем внутреннем восприятии, в моей оценке людей и событий, философски на этом пути не прояснилось. Подмена философии сколь угодно широким психологическим исследованием с привлечением сколь угодно интересного исторического материала была все же уклонением от серьезной задачи – необходимости понять себя самого в бытии. Это были бы ни к чему не обязывающие занятия. Задача,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org которую я поставил перед собой, требовала особого методического осмысления и проникновения в немногие первичные, великие философские труды. Мои занятия и впоследствии были посвящены истории и тем реальностям, которые становятся известны из всех наук – но лишь мимоходом, в наименее продуктивные часы. Главной задачей стало восхождение к высотам подлинной философии. Дело двигалось медленно. Внезапные озарения относительно того, во что все это выливается, обретали устойчивость и связность лишь в работе, которая носила теперь новый характер. Этого можно было добиться не обучением и приумножением знания, но лишь в тех формах мысли и методах, которые можно практиковать в общении с великими философами, но которым, собственно, нельзя научиться. Нужно было выйти на новый уровень мышления. Это означало решимость, равнозначную началу с азов".

[33]

Крепелин Эмиль (Kraepelin, Emil; 1856–1926) – один из крупнейших представителей клинической психиатрии. Его перу принадлежит учебник по психиатрии (1883, 9-е изд. 1929), главный до появления "Общей психопатологии" ("Allgemeine Psychopathologie").

[34]

Наторп Пауль (Natorp, Paul; 1854–1924) – профессор в Марбурге, неокантианец, ученик Когена (Cohen). По его рекомендации Хайдеггер получил назначение в Марбург. Хайдеггер высоко ценил работу Наторпа "Platos Ideenlehre", Leipzig 1903.

[35]

Миш Георг (Misch, Georg; 1878–1965) – профессор в Гёттингене, в 1939–1946 гг. – в Великобритании. Представитель философии жизни и издатель Собрания сочинений Дильтея.

[36]

Вероятно, относится к работе Кронера "Von Kant bis Hegel", Tübingen 1921–1924, 2 Bde.

[37]

На семинарах для начинающих обсуждались "Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии", т. 1." Гуссерля (Husserl, "Ideen zu einer reinen Phanomenologie und phänomenologischen Philosophie", Bd. I), для старших студентов – Аристотелева "Физика", книги IV и V.

[38]

Гайгер Мориц (Geiger, Moritz; 1880–1937) – феноменолог мюнхенской школы, область специализации – эстетика; соиздатель "Ежегодника по философии и феноменологическим исследованиям" ("Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung").

[39]

Дети: Йорг (род. 1919) и Герман (род. 1920). Хижина в Тодтнауберге была построена и обжита в 1922 г.

[40]

Нельзя сказать с уверенностью, о какой работе Макса Шелера идет речь – вероятно, о "Немецкой философии современности" (M. Scheler, "Die deutsche Philosophie der Gegenwart"), которая вышла в 1922 г. в изданном Ф. Виткопом сборнике "Современная немецкая жизнь" (Hrsg. Ph. Witkop, "Deutsches Leben

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 (filosoff.org der Gegenwart”).

Шелер Макс (Scheler, Max; 1874–1928) – профессор в Кёльне и Франкфурте-на-М. Работы: "Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik", Halle a. d. S. 1913–1916; "Wesen und Formen der Sympathie", Bonn, 2.1923; "Die Wissensformen und die Gesellschaft", Leipzig 1926, и др. Хайдеггер посвятил Шелеру работу: "Kant und das Problem der Metaphysik", Bonn 1929. (Frankfurt a. M., 4.1973)*. Русск. перев.: "Кант и проблема метафизики" / Перев. О. В. Никифорова. М., 1997.

[41]

Семинар по Аристотелю: "Никомахова этика".

[42]

УЯсперса: "М.Х. и К.Ял

[43]

Вебер Макс (Weber, Max; 1864–1920) – историк, специалист в области политэкономии и социологии; оказал устойчивое влияние на Яс-перса, считавшего его наиболее значимой фигурой современной ему немецкой духовной жизни.

[44]

Ратенау Вальтер (Rathenau, Walther; 1867–1922) – еврейский предприниматель и политик, в 1922 г. – министр иностранных дел; застрелен 24.6.1922 на пути в министерство. Ратенау оставил многотомное литературное наследие, в центре внимания которого были поиски "новой" экономики и нового государственного и общественного строя, альтернативного капиталистической и социалистической моделям.

[45]

Вебер и Ратенау, вероятно, рассматриваются Ясперсом как гетерогенные духовные фигуры: национально ориентированный, но никогда не занимавший политических постов Макс Вебер – и Вальтер Ратенау, занимавший высокие посты, "политик у власти", прокливаемый в националистических и антисемитских кругах.

[46]

Венде Эрих (Wende, Erich; 1884–1966) – в 1913–1933 гг. занимался в прусском министерстве по делам культов главным образом университетскими делами и созданием педагогических академий; дослужился до министеральдиректора*.

[47]

Беккер Карл Генрих (Becker, Carl Heinrich; 1876–1933) – ориенталист и прусский политик, с 1916 г. – в прусском министерстве по делам культов, в 1921 г. и в 1925–1930 гг. – министр по делам культов. Он неизменно способствовал реформе высшей школы, был основателем первых педагогических академий и Немецкой писательской академии.

[48]

В летнем семестре 1922 г. Ясперс читал курс лекций по истории новейшей философии.

[49]

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

Овербек Франц (Oveibeck, Franz; 1837–1905) – протестантский богослов; в 1870–1897 гг. – профессор по Новому Завету и древней истории церкви (Базель); дружил с Ницше. Речь идет об изданной Карлом Альбрехтом Бернулли книге "Christentum und Kultur. Gedanken und Anmerkungen zur modernen Theologie von Franz Oveibeck", Basel 1919.

[50]

"Allgemeine Psychopathologie", Berlin, 3, – 1923.

[51]

Вальтер Герда (Walther, Gerda; 1897–1977) – ученица Гуссерля и Пфендера (Pfander). Работы: "Zur Ontologie der sozialen Gemeinschaften" // Jahrb. für Philosophie und phänomenologische Forschung, Bd. IV, Halle a. d. S. 1923. – Позднее пыталась применить феноменологию также и к области мистического.

[52]

Хух Рикарда (Huch, Ricarda; 1864–1947) – историк, романистка и поэтесса; в 1933 г. в знак протеста против национал-социализма вышла из Прусской академии искусств. Работы: "Der große Krieg in Deutschland", Leipzig 1912–1914, 3 Bde; "Die Romantik", Leipzig 1899–1902, 2 Bde.

[53]

Конрад-Мартинус Хедвиг (Conrad-Martius, Hedwig; 1888–1966) – представительница гёттингенской школы феноменологии; занималась исследованием законов бытия и сущности, проблемой реальности. Работы: "Realontologie" // Jahrb. für Philosophie und phänomenologische Forschung, Bd. VI, Halle a. d. S. 1923; "Farben" // Husserl-Festschrift, Halle a. d. S. 1929; "Der Selbstaufbau der Natur", Hamburg 1944; "Die Zeit", München 1954.

[54]

См. письмо [7] Ясперса к Хайдеггеру от 1. 8. 1921.

[55]

Онкен Герман (Oncken, Hermann; 1869–1945) – историк; как и Ясперс, родом из Ольденбурга. Профессор в Чикаго (1905–1906), Гисене (1906), Гейдельберге (1907–1923, по специальности новейшая история), Мюнхене (1923) и Берлине (1928–1935), где досрочно вышел на пенсию. Онкен стремился сделать политическую историю более фактологической, избегая метафизических интерпретаций.

[56]

По поводу приглашений в университеты Килия и Грайфсвальда в 1921 г.

[57]

Курциус Людвиг (Curtius, Ludwig; 1874–1954) – специалист по классической археологии, профессор в Эрлангене и Фрайбурге-им-Брайсгау, в 1920–1928 гг. преподавал в Гейдельберге и затем был назначен первым директором Археологического института в Риме. Считается одним из крупнейших представителей герменевтического подхода в археологии. Об отношениях Курциуса с Ясперсом, с которым он был тесно дружен, см: Curtius L, "Deutsche und antike Welt. Lebenserinnerungen", Stuttgart 1950, S. 365 ff.

[58]

Рихтер Вернер (Richter, Werner; 1887–1960) – германист и политик, область интересов: проблемы культуры. В 1925–1932 гг. – министр-директор в прусском министерстве науки, искусства и народного образования.

[59]

Гартман Николай (Hartmann, Nicolai; 1882–1950) – профессор в Марбурге, Кёльне, Берлине, Гёттингене. Близок к марбургской школе; предложил новый вариант онтологии: "Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis", Berlin/Leipzig, 2. ergänzte Aufl. 1925; "Zur Grundlegung der Ontologie", Meisenheim 3.1948; "Möglichkeit und Wirklichkeit", Berlin 1938; "Der Aufbau der realen Welt", Meisenheim 2. 1949. В своей материальной этике ценностей находился под влиянием Шелера, см.: "Ethik", Berlin 3.1949.

[60]

Неясно, к чему относится это замечание*.

[61]

Под заглавием "Онтология" Хайдеггер читал об аристотелевской "Герменевтике фактичности" (Теперь в: GA Bd. 63, Hrsg. v. Kate Brocker-Oltmanns, Frankfurt a.M. 1988). На семинаре для начинающих рассматривались Гуссерлевы "Логические исследования", т. II (Husserl, "Logische Untersuchungen", Bd. II; вероятно, VI исследование), на коллоквиуме (совместно с Эббингаузом) речь шла об избранных местах работы Канта "Религия в пределах только разума" ("Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft").

[62]

4 июля 1923 г. Гуссерль получил приглашение в Берлин на кафедру Эрнста Трельча (Ernst Troeltsch)**.

[63]

"Der Beginn der neuzeitlichen Philosophie (Descartes-Interpretation)" – "Начало философии нового времени (интерпретация Декарта)". Лекция зимнего семестра 1923/24 г. в: GA Bd. 17, hrsg. von F.-W. v. Herrmann*.

[64]

Работа Ясперса: "Die Idee der Universität", Berlin 1923.

[65]

Силаши Вильгельм (Szilasi, Wilhelm; 1889–1966) – ученик Гуссерля, был дружен с Хайдеггером. После запрета Хайдеггеру на преподавание он с 1947 г. замещал Хайдеггера на кафедре. Работы: "Macht und Ohnmacht des Geistes", Bern 1946; "Einführung in die Phänomenologie Husserls", Tübingen 1959.

[66]

Хайдеггер Фридрих (Heidegger, Friedrich; 1851–1924) – ризничий и бондарь в Мескирхе.

[67]

В связи с "Идеей университета" у Ясперса было, по-видимому, первое

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
временное омрачение дружбы с Хайдеггером. См.: "Philosophische
Autobiographie", а. а. О., S. 97.

[68]

Доклад Ясперса о Канте на торжествах в Гейдельберге по случаю 200-летия со дня рождения Канта.

[69]

В архиве отсутствует.

[70]

Марсей Вальтер (Marseille, Walther) в 1926 г. защитил под руководством Хайдеггера докторскую диссертацию.

[71]

У Хайдеггера: "серд."

[72]

Ледерер Эмиль (Lederer, Emil; 1882–1939) – экономист, в 1918–1931 гг. – профессор национальной экономики в Гейдельберге, затем – профессор общественно-политических наук в Берлине; в 1933 г. эмигрировал в Нью-Йорк, где стал профессором в Новой школе социальных исследований (New School for Social Research).

[73]

Хайс Роберт (Heib, Robert; 1903–1974) – ученик Хайдеггера, позднее – профессор психологии во Фрайбурге-им-Брайсгау. Работы: "Logik des Widerspruchs", Berlin u. Leipzig 1932; "Der Gang des Geistes", Bern 1948; "Die gro?en Dialektiker des 19. Jahrhunderts: Hegel, Kierkegaard, Marx", Koln u. Berlin 1963.

[74]

Бульман Рудольф (Bultmann, Rudolf; 1884–1976) – профессор теологии в Марбурге; поборник демифологизации. Опубликовал в т. ч.: "Offenbarung und Heilsgeschehen", Munchen 1941; "Das Evangelium des Johannes", Gottingen 10.1941; "Glauben und Verstehen", Tubingen, Bd. I 1933; Bd. II 1952; Bd. III 1960; Bd. IV 1965. – В Марбурге завязалась прочная дружба с Хайдеггером.

[75]

В архивах не найдено.

[76]

Речь идет о серии публикаций "Философские исследования" ("Philosophische Forschungen") у Юлиуса Шпрингера в Берлине, которую Ясперс издавал как серию диссертаций своих учеников. В 1925 г. вышли две первые книги из этой серии.

[77]

"Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffis", теперь в: GA Bd. 20, hrsg. von Petra Jaeger. Frankfurt a. M., 2. durchges. Aufl. 1988'.

[78]

Йенш Эрих Рудольф (Jaensch, Erich Rudolf; 1883–1940) – профессор в Марбурге. Основная область интересов: психология восприятия (эйдетика).

"Русск. перев.: Прологомены к истории понятия времени/ Перев. Е.В. Борисова. Томск, 1998.

[79]

Николай Гартман принял в 1925 г. приглашение в Кёльн.

К плану предоставить Хайдеггеру место ординарного профессора, освобождаемое Гартманом, следующие детали. В протоколе от 24 июня 1925 г. 2-го заседания комиссии по определению кандидатов на освобождающуюся вакансию имеется следующая запись: "Ведекинд (wedekind) спрашивает, какие труды Хайдеггера имеются в опубликованном виде. Гартман отвечает, что имеется новая, совершенно выдающаяся работа Хайдеггера, которая, правда, так же, как и его более ранний труд [по Аристотелю], еще не напечатана". 5 августа философский факультет Марбургского университета предлагает прусскому министру по делам культов первым в списке кандидатов на место Николая Гартмана Мартина Хайдеггера. 8 января 1926 г. министр К.-Г. Беккер (C. H. Becker) пишет в Мар-бурп "При всем признании преподавательских успехов профессора Хайдеггера мне все же представляется невозможным предоставить ему место полного профессора кафедры философии, имеющей столь большое историческое значение, пока выдающиеся литературные достижения не найдут особого признания коллег по специальности, которого требует такое назначение". 18 июля философский факультет вновь пишет в берлинское министерство, выражая "просьбу к г-ну министру назначить профессора Хайдеггера, помещенного в списке от 5.8.1925 на первом месте. Факультет считает такую просьбу оправданной, поскольку за это время г-н Хайдеггер довел свою работу «Бытие и время» до печати. Оттиски этой работы в двух экземплярах прилагаются к данному ходатайству". 25 ноября министр вновь отклоняет предложение, отсылая обратно и оттиски.

После повторных усилий факультета Хайдеггер 19. X. 27 получает место ординарного профессора (см. письмо [49]). Эти детали любезно предоставил Тед Кизиль (Ted Kisiel), обнаруживший документы.

[80]

Кассирер Эрнст (Cassirer, Ernst; 1874–1945) – философ; в 1919– \ 1933 гг. – профессор в Гамбурге, затем – эмиграция в различных европейских странах, а в 1941 г. – в США. Опубликовал в т. ч.: "Philosophie der symbolischen Formen", Berlin 1923–1929, 3 Bde; "Substanzbegriff und Funktionsbegriff", Berlin 1910*; "Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit", Berlin 1906–1920, 3 Bde.

[81]

Вундт Макс (Wundt, Max; 1876–1963) – философ, профессор в Тюбингене с 1929 г. Работы по немецкому идеализму и немецкой философии.

[82]

Баух Бруно (Bauch, Bruno; 1877–1942) – философ, профессор в Йене. Главная область исследований: теория культуры.

[83]

Шольц Генрих (Scholz, Heinrich; 1884–1956) – теолог и философ; в 1918–1928 гг. – профессор философии в Киле, затем в Мюнстере. Представитель логики. Работы: "Grundzüge der mathematischen Logik", Berlin, Göttingen,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Heidelberg 1961 (совместно с Г. Хазенье-гером).

[84]

Гофман Эрнст (Hoffmann, Ernst; 1880–1952) – профессор античной философии в Гейдельберге.

[85]

Небель Герхард (Nebel, Gerhard; 1903–1974) – ученик Хайдеггера, эссеист. Опубликовал в т. ч.: "Griechischer Ursprung", Wuppertal 1948; "Die Not der Gotter", Hamburg 1957; "Orte und Feste", Hamburg 1962.

[86]

Франк Эрих (Frank, Erich; 1883–1949) – философ, первоначально изучал историю и классическую филологию, а затем, с 1907 г., в Гейдельберге, обратился к философии. Находился сначала под влиянием Генриха Риккерга и Вильгельма Виндельбанда, под руководством которого защитил работу о Канте, затем все больше испытывал влияние экзистенциальной философии; в 1923 г. защитился под руководством Ясперса (тема исследования: "Платон и так называемые пифагорейцы. Глава из истории немецкого духа" – "Plato und die sogenannten Pythagoreer. Ein Kapitel aus der Geschichte des griechischen Geistes", Halle a. d. S. 1923; в 1927 г. стал внештатным профессором в Гейдельберге, а в 1928 г. – ординарным профессором в Марбурге; в 1939 г. эмигрировал в США, где преподавал в различных университетах. О его оценке философии Ясперса см.: Frank E., "Wissen, wollen, Glauben. Gesammelte Aufsätze zur Philosophiegeschichte und Existentialphilosophie", Zurich und Stuttgart 1955, S. 269–288.

[87]

Ebbinghaus /., "Kantinterpretation und Kantkritik" // Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte, Bd. II, n. 1, 1924, S. 80–115.

Эббингауз Юлиус (Ebbinghaus, Julius; 1885–1981) – философ; с 1921 г. – приват-доцент, а с 1926 г. – профессор во Фрайбурге; впоследствии профессор в Росток и Марбурге. Первоначально был гегельянцем, а затем – строгим кантианцем.

[88]

Вебер Марианна (Weber, Marianne; 1870–1954) – жена Макса Вебера, "жизнеописание" которого она написала в 1920-е гг. ("Max Weber. Ein Lebensbild", Tübingen 1926). С 1898 г. участвовала в женском движении, а в 1919–1923 гг. была первым председателем Союза немецких женских обществ; в рамках этой деятельности написала ряд трудов; "Ehefrau und Mutter in der Rechtsentwicklung. Eine Einführung", Tübingen 1907, считается наиболее важным из них. Марианна Вебер близко дружила с семьей Ясперс.

[89]

Гете. Фауст, ч. I, Пролог на небесах, 329. Перев. Н. Холодковского

[90]

Хайдеггер Фриц (Heidegger, Fritz; 1894–1980) – младший брат Хайдеггера, жил в Мескирхе (банковский служащий), расшифровал многие рукописи Хайдеггера и сам проявлял большой интерес к философии и теологии; веселый, остроумный человек (см.: Ein Geburtstagsbrief des Bruders // Martin Heidegger – zum 80. Geburtstag von seiner Heimatstadt Meßkirch", Frankfurt a. M. 1969, S. 58–3.

[91]

Судя по дневниковым записям хижины, он находился в Тодтнауберге до 6 октября.

[92]

Относится к сообщению Ясперса, которое в архивах Хайдеггера не обнаружено.

[93]

Афру Гайгер.

[94]

Классические филологи Марбурга: Эрнст Маас (Ernst Maab), Теодор Бирт (Theodor Birt), Эрнст Ломмач (Ernst Lommatzsch), Пауль Фридлендер (Paul Friedlander).

[95]

В архивах Хайдеггера не найдено (возможно, более раннее письмо).

[96]

В зимнем семестре 1925/26 г. Ясперс читал лекции "Философия религии (в т. ч. психология религии)".

[97]

Семинары для старших студентов были посвящены Гегелю ("Логика"), для начинающих – "Критике чистого разума" Канта.

[98]

В архиве Хайдеггера отсутствует.

[99]

Фотографию.

[100]

В архиве Хайдеггера отсутствует.

[101]

Общество поддержки немецкой науки (Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft) было создано в 1920 г. по инициативе Фридриха Шмидт-Отта (Friedrich Schmidt-Ott), в то время министра по делам культов Пруссии, и лауреата Нобелевской премии Фрица Хабера (Fritz Haber) в целях поддержки наук, в особенности молодых научных кадров. Членами его были пять немецких академий и все университеты, входящие в Объединение высших учебных заведений. После Второй мировой войны Общество и ученый совет были преобразованы в Немецкое научно-исследовательское объединение (Deutsche Forschungsgemeinschaft), федеральное правительство и земли совместно занимались финансированием исследований.

[102]

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

Майер Генрих (Maier, Heinrich; 1867–1933) – философ, профессор Берлинского университета. Представитель критического реализма, исследователь Аристотеля.

[103]

Виндельбанд Вольфганг (Windelband, Wolfgang; 1866–1945) – историк, профессор; в ту пору в ранге министра-президента был референтом по университетским кадрам в министерстве науки, искусства и народного образования Пруссии.

[104]

"Бытие и время" ("Sein und Zeit") было опубликовано в VIII т. ежегодника "Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung" (Halle a. d. S. 1927, S. 1–438) и посвящено Эдмунду Гуссерлю. Теперь в GA Bd. 2, вместе с пометками Хайдеггера из так называемого "экземпляра из хижины" (hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1977; Tübingen, 16.1986). На подаренном Гуссерлю экземпляре – цитата из Лессинга: "Величайшая ясность всегда была для меня наивысшей красотой".

[105]

Огто Вальтер Ф. (Otto, Walter F.; 1874–1958) – философ и филолог-

классик; профессор в Вене, Франкфурте-на-Майне и Тюбингене. Работы: "Die Götter Griechenlands", Bonn 1929, и др.

[106]

Йегер Вернер (Jaeger, Werner, 1888–1961) – историк философии и филолог-классик; профессор в Берлине и Гарварде. Основные работы: "Aristoteles", Berlin 1923; "Paideia – Die Formung des griechischen Menschen", Berlin u. Leipzig 1934–1947, 3 Bde*, и др.

[107]

На Шеффельштрассе жил Генрих Риккерт.

[108]

Речь идет о книге "Schellings Philosophie", изданной в Берлине.

[109]

Шеллинг Фр., "Философские исследования о сущности человеческой свободы".

[110]

В архиве Ясперса не сохранилось.

[111]

Вайс Елена (Weiß, Helene) – ученица Хайдеггера, работала над Аристотелем; с приходом к власти нацистов покинула Германию. Диссертация: "Причинность и случай в философии Аристотеля" – "Kausalität und Zufall in der Philosophie des Aristoteles", Basel 1942. В предисловии благодарит Хайдеггера за предоставленную возможность знакомства с его неопубликованными работами.

Мартин Хайдеггер - Карл Ясперс. Переписка, 1920-1963 filosoff.org
[112]

Кристеллер Пауль Оскар (Kristeller, Paul Oskar; род. 1905) – ученик Хайдеггера и Ясперса, философ; хотел защититься под руководством Хайдеггера, в 1933 г., покинув Германию, переехал в Италию (там выпустил работу о Фичино), а в 1939 г. – в США; профессор Колумбийского университета. Основные интересы: античность, Возрождение и ранний период нового времени.

[113]

Ни рукописи, ни машинописного экземпляра прочитанной в 1926 г. лекции "О сущности истины" ("Vom Wesen der Wahrheit") в архиве Хайдеггера не найдено. Вероятно, Хайдеггер подготовил ее на основе своей лекции зимнего семестра 1925/26 г. "Логика. Вопрос об ис-

'Русск. перев.: "Пайдейа", М, 1998.

тине" ("Logik. Die Frage der Wahrheit", GA Bd. 21, hrsg. von W. Biemel, Frankfurt a. M. 1976), а свои заметки впоследствии уничтожил. Прочитанную в 1926 г. лекцию не следует пугать с лекцией 1930 г., полностью переработанной, но имеющей то же заглавие (Frankfurt a.M. 1943, а также в: GA Bd. 9; Wegmarken. Hrsg. von F.-W. Henmann, Frankfurt a. M. 1976)...

[114]

В архиве Хайдеггера не найдено.

[115]

По сообщению Кристеллера (1988), в то время он из-за финансовых соображений вынужден был подготовить диссертацию как можно быстрее, но затем вернулся к Хайдеггеру (1931), который в качестве темы для защиты одобрил платонизм Марсилио Фичино. В 1932 г. для ее написания Кристеллер получил стипендию Общества поддержки немецкой науки.

[116]

Имеется в виду печатание работы "Бытие и время".

[117]

Беккер Карл Генрих (Becker, Carl Heinrich) – министр по делам культов Пруссии, см. прим. 47 к письму [13].

[118]

В Сильваплану (ср.: Husserl-Chronik, Denk- und Lebensweg Edmund Husserls von K. Schuhmann, Den Haag 1977, S. 308).

[119]

Летом Энно Э. Ясперса (Jaspers, Enno E.; 1889-1931), брата Карла Ясперса, пришлось на время поместить в приют св. Георгия для душевно- и нервнобольных в Эллене (Бремен).

[120]

Штёрринг Густав (Storring, Gustav; 1860-1946) – философ и психолог, с 1896 г. – приват-доцент в Лейпциге, в 1902-1911 гг. – ординарный профессор философии в Цюрихе, затем в Страсбурге, а в 1914-1927 гг. в Бонне. Как психолог-экспериментатор, Штёрринг был учеником Вильгельма Вундга (Wilhelm
Страница 193

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org wundt). Работы о процессах мышления, чувствах, а также систематическое изучение душевной жизни в норме и патологии послужили основой реалистической теории познания, с позиций которой он критиковал фрайбургскую (баденскую) школу неокантианства. Его философские работы, вплоть до самых поздних, находились под влиянием психологии.

[121]

Венчер Макс (Wentscher, Max; 1862–1942) – с 1897 г. приват-доцент в Бонне, с 1904 г. – внештатный профессор в Кенигсберге, в 1907 г. в Бонне, там же с 1918 г. – ординарный профессор. В 1933 г. отправлен в отставку. Его работы, сосредоточенные главным образом на этических проблемах, находились, в частности, под влиянием Рудольфа Германа Лотце (Rudolf Hermann Lotze).

[122]

Ротхаккер Эрих (Rothacker, Erich; 1888–1965) – с 1924 г. профессор философии в Гейдельберге, с 1928 г. – в Бонне. Его работы посвящены главным образом логике и систематике гуманитарных наук. О его гейдельбергском периоде см.: Rothacker K, "Neitere Erinnerungen", Frankfurt a. M. / Bonn 1963, S. 57 ff.

[123]

Карл Генрих Беккер.

[124]

В архиве Хайдеггера не найдено.

[125]

Гегель, Предисловие к "Феноменологии духа": "Знакомое вообще именно потому, что оно знакомо (bekannt), оказывается не познанным (erkannt). Это наиболее распространенное самозаблуждение, как и заблуждение других, предполагающих в познании нечто как знакомое и удовлетворяющихся этим; при всей этой болтовне такое знание, не знающее, что с ним происходит, не двигается с места" (ww. и, 25).

[126]

Риккерта.

[127]

В архиве Хайдеггера не найдены.

[128]

Виндельбанд Вильгельм (Windelband, Wilhelm; 1848–1915) – философ, представитель фрайбургской (баденской) школы неокантианства, историк философии. Работы: Geschichte der abendlandischen Philosophie im Altertum, 1888*; Geschichte der neueren Philosophie, Leipzig 1878–1880, 2 Bde**; Lehrbuch der Geschichte der Philosophie (1892). Tübingen, 15, – 1957; Geschichte und Naturwissenschaft, Rektoratsrede (1894). Straßburg, 3, – 1904; Über willensfreiheit (1910). Tübingen, 4. 1923***; Platon. 1900, 7, – 1923****; Praludien. Aufsätze und Reden zur Philosophie und ihrer Geschichte, 2 Bde. 1884*****.

[129]

Подразумевается "философия" Ясперса ("Philosophie").

[130]

Дриш Ханс (Driesch/Hans; 1867–1941) – философ, профессор в Лейпциге. Представитель виталистической философии ("Philosophie des Organischen", Leipzig 1909, 2 Bde).

[131]

Пихлер Ханс (Pichler, Hans; 1882–1958) – философ, профессор в Грайфсвальде, занимал критическую по отношению к неокантианству позицию; выступал за обновление онтологии.

[132]

Манке Дитрих (Mahnke, Dietrich; 1884–1958) – философ, профессор в Марбурге; занимался философией Лейбница ("Unendliche Sphäre und Allmittelpunkt – Beiträge zur Genealogie der mathematischen Mystik", Halle a. d. Saale 1937)

[133]

Бехер Эрих (Becher, Erich; 1882–1929) – философ и психолог, профессор в Мюнстере и Мюнхене; представитель витализма. Основной труд: "Geisteswissenschaften und Naturwissenschaften", München u. Leipzig 1921.

[134]

Великий герцог Фридрих I Баденский (1826–1907) – в 1852 г. стал принцем-регентом, а в 1856 г. – Великим герцогом. Одним из первых заговорил о немецком национальном единстве под эгидой Пруссии; в политике придерживался либеральных позиций; инициатор реформ выборной системы в Бадене (1904).

[135]

Фишер Куно (Fischer, Kuno; 1824–1907) – философ, в 1850 г. защищался по философии в Гейдельберге; с 1856 г. – профессор философии в Йене, с 1872 г. – снова в Гейдельберге, где преподавал до самой смерти. Начинал как гегельянец, однако своими трудами о Канте дал толчок новой рецепции философии Канта; один из крупнейших историков философии второй половины XIX в., снискавший известность прежде всего блестящим стилем изложения; основной труд: "Geschichte der neueren Philosophie", 10 Bde – "История новой философии".

[136]

Хайдеггер читал курс лекций "Основные проблемы феноменологии" ("Die Grundprobleme der Phänomenologie"; теперь в: GA Bd. 24. Hrsg. von Fr.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 2, 1989), а также вел семинар для старших студентов "Онтология Аристотеля и логика Гегеля" – "Die Ontologie des Aristoteles und Hegels Logik".

[137]

В летнем семестре 1927 г. Ясперс вел семинар по "Феноменологии духа" Гегеля.

[138]

Розенкранц Иоганн Карл Фридрих (Rosenkranz, Johann Carl Friedrich; 1805–1879) – философ, с 1831 г. – профессор в Галле, а с 1833 г. – в Кенигсберге, один из наиболее видных представителей правого крыла

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
гегельянства. Хайдеггер запрашивал следующие работы: Die Modificationen der
Logik, abgeleitet aus dem Begriff des Denkens. Studien Teu 3, Leipzig 1846;
Wissenschaft der logischen Idee, Königsberg 1858–1859, 2 Bde.

[139]

400 лет со дня основания Марбургского университета.

[140]

От издательства "Макс Нимайер" Ясперс получил "Бытие и время".

[141]

Относится либо к рождественскому письму, которое не сохранилось (ср. письмо
[39] Хайдеггера Ясперсу от 26.12.1926), либо к визиту Хайдеггера в
Гейдельберг (1.1.1927). В обоих случаях речь, по всей видимости, шла о
"Бытии и времени", которое Ясперс к тому времени знал по чистой корректуре.

[142]

Rosenkranz K., Erläuterungen zu Hegel's Encyclopadie der philosophischen
Wissenschaften//Philosophische Bibliothek, Bd. 34, Berlin 1870.

[143]

Эрдман Иоганн Эдуард (Erdmann, Johann Eduard; 1805–1892) – с 1836 г.
профессор в Галле, крупный историк философии ("Versuch einer
wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neueren Philosophie", 3
Bde, Leipzig 1834–1853); принадлежал к последователям Гегеля правой
ориентации. Ясперс намекает на работу: "Grundriß der Logik und Metaphysik.
Fünf Vorlesungen", Halle a. d. S. 1841.

[144]

Fischer K., System der Logik und Metaphysik oder Wissenschaftslehre,
Heidelberg 1852.

[145]

Подразумевается опубликованное 3 мая извещение о смерти, где сообщалось,
что Йоханна Хайдеггер, урожд. Кемпф, скончалась "после долгой мучительной
болезни".

[146]

Ср. прим. 139 к письму [43].

[147]

Ср. прим. 108 к письму [32].

[148]

Гертруда Ясперс предприняла эту поездку вместе с Марианной Ве-бер.

[149]

Майер Давид (Mayer, David; 1834–1929) – коммерсант; овдовев, жил в
Пренцлау.

[150]

Майер Додо (Mayer, Dodo), в замужестве Зингер (Singer) – дочь брата Гертруды Ясперс, Артура Майера (Arthur Mayer).

[151]

Работа над "Философией".

[152]

Ср. более позднее высказывание Ясперса из его "Философской автобиографии" (а. а. О., S. 98 ff.): "появление работы Хайдеггера «Бытие и время» (1927), хоть я тогда не разглядел этого по-настоящему, не привело к углублению наших отношений, но сделало их скорее более поверхностными. Я реагировал, как и за несколько лет до того на его критику моей «Психологии мировоззрений», не особенно заинтересованно. Уже в 1922 году Хайдеггер читал мне отдельные страницы из своей рукописи. Для меня это было непонятно. Я настаивал на естественном способе выражения. Временами Хайдеггер позднее говорил: он, мол, уже продвинулся намного вперед, наброски тех лет уже серьезно переделаны, что-нибудь получится. О содержании вышедшей в 1927 году книги я прежде ничего не знал. И вот я увидел работу, которая с первых же страниц производила впечатление интенсивностью исследования, конструктивностью понятий, меткостью и новизной языка, часто многое проясняющего. Однако, несмотря на блеск мощного анализа, она не казалась мне полезной для того, к чему стремился в философии я. Я радовался успеху человека, с которым был близок, но читать эту работу мне не хотелось, я то и дело застревал, потому что стиль, содержание и образ мысли были мне чужды. Я не воспринял книгу и как нечто, против чего должна быть направлена моя мысль, с чем я должен спорить. В отличие от бесед с Хайдеггером, она не давала мне никакого импульса.

Хайдеггер был, наверное, разочарован. Я, как старший, целиком занятый своей философской работой, не удосужился основательно прочитать и дать критику [его текста], как он, еще молодым человеком, сделал это по отношению к моей «Психологии мировоззрений», выявляя на этой критике свое мышление. Вот почему Хайдеггер, в свою очередь, не испытывал настоящего интереса ко всем моим более поздним публикациям".

[153]

Семинар.

[154]

Относится к тогдашней структуре "Философии".

[155]

На зимний семестр 1927/28 г. была определена тема: "Метафизика. (Ее история и современная истина)" – "Metaphysik. (Ihre Geschichte und gegenwärtige Wahrheit)".

[156]

GA Bd. 25: Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. Hrsg. von Ingrid Gorland, Frankfurt a. M. 27, – 1987.

[157]

Назначение на должность ординарного профессора кафедры философии в Марбурге Хайдеггер получил 19.10.1927. Факультет не согласился с отклонением

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
кандидатуры прусским министерством по делам культов и повторно выдвинул
Хайдеггера.

[158]

Saldi «Maria, "Hegels Shakespeare-Interpretation", Berlin 1927. (Издано
Ясперсом в серии: Philosophische Forschungen. N. 5.)

[159]

Зальдитг Мария (Saldi«, Maria; род. 1899) – в 1920–1924 гг. изучала
философию в университетах Фрайбурга, Вюрцбурга, Мюнхена и Гей-дельберга, в
1924–1926 гг. – филологию и социологию в США. Защитилась в 1927 г. у
Ясперса, написав работу о гегелевской интерпретации Шекспира. В 1927–1929
гг. – преподавательская деятельность в США. С 1930 г. – преподавание в
различных средних школах Германии. – М. Зальдитг была близким другом семьи
Ясперс, особенно во времена национал-социализма.

[160]

Подразумевается текст "Философии".

[161]

Манке дитрих (Mahnke, Dietrich), рец. на: Dilthey W., Gesammelte Schriften,
Vd. 7 // Literarische Berichte aus dem Gebiete der Philosophie. Das
umfassende Literaturblatt für Wissenschaft und allgemeines Geistesleben.
Hrsg. von A Hoffmann-Ernst, N. 15/16, Erfurt 1928, S. 34–39.
(Множественное число у Ясперса, вероятно, подразумевает, что в 7-м томе
собраны различные произведения Дильтея и все они обсуждаются Манке.)

[162]

Завершая свой обзор, Манке говорит, что "недавно разработанная Мартином
Хайдеггером «герменевтическая феноменология»" "неожиданным образом"
подтверждает чрезвычайную актуальность и перспективную значимость
систематических работ Дильтея. Благодаря синтезу Дильтея и Гуссерля станет
возможно "более полно реализовать интенции «феноменологии духа» Гегеля и
благодаря имманентной интерпретации психологических и духовно-исторических
данностей дать систематическую онтологию истинной, исторически живой
действительности..." (S. 38 ff).

[163]

Грасси Эрнесто (Grassi, Ernesto; род. 1902 г.) – философ культуры; с 1937
г. – профессор философии во Фрайбурге-им-Брайсгау, с 1938 г. – в Берлине, с
1948 г. – в Мюнхене, где руководил семинаром по фи-

лософии и духовной истории гуманизма. Основные темы его исторических
исследований: античность, Возрождение. Грасси был также издателем
нескольких научных серий.

[164]

GA Vd. 26: Metaphysische Anfangsgrunde der Logik. Hrsg. von Klaus Held,
Frankfurt a.M. 1978.

[165]

Вебер Альфред (Weber, Alfred; 1868–1958) – социолог, профессор в
Гейдельберге; создатель социологии культуры. Основные работы:

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Kulturgeschichte als Kultursoziologie, Leiden 1935; Prinzipien der
Geschichts- und Kultursoziologie, Munchen 1951.

[166]

Зингер Курт (Singer, Kurt; 1885–1962) – в те годы приват-доцент по национальной экономике и социологии в Гамбурге; в годы Третьего рейха эмигрировал в Японию и Австралию.

[167]

Singer K., Das Geld als Zeichen, 1920.

[168]

Кнапп Георг Фридрих (Knapp, Georg Friedrich; 1842–1926) – экономист, приверженец новой исторической школы в экономике, профессор в Лейпциге (1867–1879) и Страсбурге (1874–1919).

[169]

wirtschaftsdienst. Kriegswirtschaftliche Mitteilungen über das Ausland.
Hrsg. von der Zentralstelle des Hamburgischen Kolonialinstituts, 1916–1943.

[170]

Singer K., Platon der Grunder, Munchen 1927.

[171]

Эккардт Ханс Феликс фон (Eckardt, Hans Felix von; 1890–1957) – с 1927 г. профессор в Гейдельберге; в 1933 г. уволен, в 1946 г. возобновил работу в качестве профессора социологии.

[172]

Зальц Артур (Salz, Arthur; 1881–1963) – с 1917 г. профессор национальной экономики, истории экономики и социологии в Гейдельберге; в 1933 г. уволен, затем эмигрировал в Англию.

[173]

Гундольф Фридрих (Gundolf, Friedrich; 1880–1931) – поэт и литературовед, с 1920 г. профессор новой немецкой литературы в Гейдельберге. Был тесно дружен с Ясперсом.

[174]

Gmndrib der Sozialökonomik. Bearbeitet von S. Altmann, Th. Brinkmann, K. Bucher u. a., Tübingen 1914 ff.

[175]

Ричль Ханс (Ritschi, Hans; род. 1897) – специалист в области финансов, в 1928 г. профессор в Базеле, с 1942 г. – в различных университетах Германии.

[176]

В протестантской теологии конца XIX в. говорили о так называемом ричлеанстве – богословском направлении, основателем которого был Альбрехт

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Ричль (Albrecht Ritschi; 1822–1889) и к которому примкнул также его сын
Огто (1860–1944).

[177]

"Вопросами территориального размещения" ("Standortsfragen") в экономических науках называют вопросы об условиях, обеспечивающих оптимальное территориальное размещение производства.

[178]

Ленц Фридрих (Lenz, Friedrich; 1885–1968) – экономист; в 1921–1933 гг. профессор политической экономии в Гисене; в 1933 г. уволен, после эмиграции – профессор в Берлине (1946–1948).

[179]

Семинар по "Критике чистого разума" Канта.

[180]

Вирхов Рудольф (Virchow, Rudolf; 1821–1902) – патолог; в 1849 г. профессор в Вюрцбурге, с 1856 г. – в Берлине; основоположник клеточной патологии. Видный историк медицины и один из зачинателей современной антропологии; как политик был соучредителем прогрессивистской партии, а также членом прусской палаты депутатов и германского рейхстага.

[181]

Швёер Виктор (Schwoerer, Viktor, 1865–1943) – д.ю.н., тайный обер-реггирунгсрат; руководитель отделения по делам высшей школы в баденском министерстве просвещения.

[182]

Литт Теодор (Litt, Theodor; 1880–1962) – философ и педагог; профессор в Бонне и Лейпциге. Работы: Individuum und Gemeinschaft,

Leipzig u. Berlin 1919; Mensch und Welt. Grundlinien einer Philosophie des Geistes, München 1948; Hegel. Versuch einer kritischen Erneuerung, Heidelberg 1953.

[183]

Фрайтаг-Лёрингхоф Бруно фон (Freitag-Loringhoff, Bruno von; род. 1912 г.) – философ, профессор в Тюбингене. Основная область интересов: логика Аристотеля. Основные работы: Die ontologischen Grundlagen der Mathematik, Halle a. d. Saale 1937; Logik. Ihr System und ihr Verhältnis zur Logistik, Stuttgart 1955 u. 1967, 2 Bde.

[184]

Бехер Эрих, см. прим. к письму [41].

[185]

Ротхаккер Эрих (Rothacker, Erich; 1888–1965) – философ и психолог, профессор в Бонне. Область интересов: гуманитарные науки. Работы: Einleitung in die Geisteswissenschaften, Tübingen 1920; Logik und Systematik der Geisteswissenschaften, München u. Berlin 1927 (первая публикация в: Handbuch der Philosophie. Abt. 2. Hrsg. von A. Baumeister u. M. Страница 200

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org Schroter, Munchen 1926); *Geschichtsphilosophie*, Munchen u. Berlin 1934; *Die Schichten der Personlichkeit*, Leipzig 1938.

[186]

Дюроф Адольф (Dyroff, Adolf; 1866–1943) – в 1903–1934 гг. профессор философии и педагогики в Бонне. Представитель критического реализма.

[187]

Ср. письмо [36] ясперса Хайдеггеру от 27.10.1926.

[188]

Швёерер.

[189]

Рихтер.

[190]

деканом был проф. д-р Пауль Якобсталь (Paul Jacobsthal).

[191]

Берг Бенгт (Berg, Bengt; 1885–1964) – шведский писатель и орнитолог.

[192]

Беккер Оскар (Becker, Oskar, 1889–1964) – с 1928 г. внештатный профессор философии во Фрайбурге, с 1931 г. ординарный профессор в Бонне. Работы главным образом по логике и философии математики.

[193]

Боймлер Альфред (Baumler, Alfred; 1887–1968) – философ, профессор в Дрездене и Берлине. Отождествлял себе с национал-социализмом. Работы: *Das Irrationalitätsproblem in der Aesthetik und Logik des 18. Jahrhunderts bis zur Kritik der Urteilskraft*, Halle a. d. S. 1923.

[194]

Штенцель Юлиус (Stenzel, Julius; 1883–1936) – философ, профессор в Киле. Основная тема исследований – философия античности. Работы: *Studien zur Entwicklung der platonischen Dialektik von Sokrates zu Aristoteles*, Leipzig u. Berlin 1931; *Zahl und Gestalt bei Platon und Aristoteles*, Leipzig 1924.

[195]

Богословы, работавшие в то время в Марбурге: Рудольф Бультман, Ханс фон Зоден (Hans von Soden), Фридрих Хайлер (Friedrich Heiler), Вальтер Баумгартнер (Walter Baumgartner), Генрих Хермелинк (Heinrich Hermelink).

[196]

В архиве Хайдеггера не найдено; скорее всего, не было отправлено.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
[197]

Макс Шелер скончался 19 мая 1928 г. во Франкфурте-на-Майне, вскоре после назначения в тамошний университет. Ясперс должен был читать лекции вместо него.

[198]

Вернер Рихтер (Werner Richter) в 1921 г. был германистом в Грайфс-вальдском университете, когда туда пригласили Ясперса.

[199]

Йонас Ханс (Jonas, Hans; род. 1903) – учился у Гуссерля, Хайдеггера, Бульмана и Ясперса. В 1928 г. защитил под руководством Хайдеггера и Бульмана диссертацию о понятии гнозиса. Последующие

работы о гнозисе (Gnosis und spatantiker Geist, 2 Bde, Gottingen 1934–1954) опубликовал уже в эмиграции, которая привела его в 1933 г. в Англию, в 1935 г. в Палестину, в 1949 г. в Канаду, в 1955 г. в США, где он преподавал в Новой школе социальных исследований (Нью-Йорк). В конце 1980-х годов приобрел мировую известность книгой "Принцип ответственности" ("Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation", Frankfurt a. M. 1979).

[200]

Можно только догадываться, почему Ясперс "в спешке" отослал это краткое, а не уже написанное более пространное письмо. Вероятно, он не считал ситуацию вполне уместной для замечаний о Шелере.

[201]

Д-р Юстус Шварц (Justus Schwarz) – ученик Хайдеггера.

[202]

ХаймзётХайнц (Heimsoeth, Heinz; 1886–1975) – философ, профессор в Марбурге, Кенигсберге и Кёльне. Историк философии. Опубликовал в т. ч.: Die sechs großen Themen der abendländischen Metaphysik, Berlin 1922; Transzendente Dialektik – Ein Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft, Berlin 1966–1971, 4 Bde; Studien zur Philosophie Immanuel Kants. Bd. 1: Metaphysische Ursprünge und ontologische Grundlagert, Köln 1956.

[203]

Т. е. снят из списка возможных кандидатов.

[204]

Подразумевается рецензия Хайдеггера на второй том "Философии символических форм" (Bd. 2: "Das mythische Denken", Berlin 1925), опубликованная в: Deutsche Literaturzeitung 1928, 21. H., Spalten 999– 1012.

[205]

В своей рецензии Хайдеггер говорит, что "занятие позиции" по отношению к книге Кассирера нужно осуществить "по трем аспектам"

(ibid.). Третий состоит в "основополагающем вопросе о конститутивной функции мифа в человеческом бытии и в совокупности сущего вообще" (ibid.).

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Ему должна предшествовать "сущностная интерпретация" (1008) мифа, которая "останется случайной и бесцельной до тех пор, пока не будет основана на радикальной онтологии бытия в свете проблемы бытия в целом" (1008).
Используя терминологию экзистенциалов "Бытия и времени", Хайдеггер затем показывает, как следовало бы онтологически определить "место представления о мане".

[206]

Видимо, подразумевается невозможность онтологизации бытия.

[207]

Philosophische Hefte, 1, Berlin 1928 (Специальный выпуск, посвященный "Бытию и времени").

[208]

Marcuse //., Beitrage zu einer Phanomenologie des historischen Materialismus// Philosophische Hefte, 1, a. a. O. S. 48–68.

[209]

В летнем семестре 1928 г. Ясперс вел семинар по философии истории Гегеля.

[210]

Хайдеггер М, Бытие и время. М., 1997; § 82.

[211]

Ср.: Jaspers ?, Notizen zu Martin Heidegger, Hrsg. von H. Saner, Munchen 1978, S. 26 f; 266.

[212]

Когда это было – установить с точностью не удалось.

[213]

Речь идет о "философии" К. Ясперса.

[214]

"Бытие и время".

[215]

Бергсон Анри (Bergson, Henri; 1859–1941) – французский философ, профессор в Коллеж де Франс. Во французской и европейской философии вызвал переворот, который обычно (хотя и недостаточно точно) называют "философией жизни". Среди его публикаций: Essai sur les donnees immediates de la conscience, Paris 1889; Matiere et memoire. Essai sur la relation du corps a l'esprit, Paris 1896; Les deux sources de la morale et de la religion, Paris 1932.

[216]

Опубликовано в: GA Bd. 26: Metaphysische Anfangsgrunde der Logik. Hrsg. von Klaus Held, Frankfurt a. M. 1978.

[217]

Соссюр Орас Бенедикт де (Saussure, Horace Benedict de; 1740–1799) – женеvский естествоиспытатель; изучал геологию и географию Альп, в 1787 г. совершил восхождение на Монблан, который с помощью барометрических изменений определил как высочайшую гору Европы.

[218]

Saussure, Horace B. de, Voyages dans les Alpes, 4 Bde. 1779–1796; на нем. языке: Reisen durch die Alpen, 4 Bde, Leipzig 1781–1798.0 восхождении на Монблан (Bd. IV, S. 327): "...у меня было такое чувство, будто я пережил всю вселенную, и вот теперь ее труп лежит простертый у моих ног".

[219]

В летнем семестре 1923 г. Ясперс вел семинар по Кьеркегору.

[220]

Приглашение Ясперса в Бонн.

[221]

Риккергу.

[222]

Приглашение Ротхаккера в Бонн.

[223]

В архиве Хайдеггера не обнаружено.

[224]

После переговоров с факультетом по поводу приглашения.

[225]

В прусское министерство науки, культуры и народного образования, которое ведало приглашением в Бонн.

[226]

Вероятно, подразумевается англист Вальтер Франц Ширмер (Walter Franz Schirmer), преподававший в Бонне в 1925–1929 гг.

[227]

Ср. по этому поводу письмо [36] Ясперса к Хайдеггеру от 27.10.1926.

[228]

Список на замещение кафедры Макса Шелера, который скончался в мае 1929 г. во Франкфурте-на-Майне.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

[229]

Деканом философского факультета был проф. Пауль Якобсталь.

[230]

Гризебах Эберхард (Grisebach, Eberhard; 1880–1945) – философ культуры. Работы: Wahrheit und Wirklichkeiten, Halle a. d. S. 1919; Erkenntnis und Glaube., Halle a. d. S. 1923.

[231]

Тиллих Пауль (Tillich, Paul; 1886–1965) – теолог и философ, профессор в Марбурге, Франкфурте-на-Майне, Нью-Йорке, Гарварде и Чикаго. Опубликовал в т. ч.: Mystik und Schuldbewußtsein in Scheellings philosophischer Entwicklung, Gutersloh 1912; Über die Idee einer Theologie der Kultur// Religionsphilosophie der Kultur. Zwei Entwürfe von Gustav Radbruch und Paul Tillich, Berlin 1919, S. 29–52. (Р.Т.: Gesammelte Werke, Stuttgart 1967, Bd. IX, S. 13–31).

[232]

Вертхаймер Макс (Wertheimer, Max; 1880–1943) – психолог, один из основателей гештальтпсихологии, профессор во Франкфурте-на-Майне, с 1933 г. – в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке.

[233]

Речь идет о замене Шелеру.

[234]

Из министерства по делам культов и просвещения.

[235]

Речь идет о предложении министерства на тот случай, если Ясперс останется в Гейдельберге.

[236]

Вольфганг Виндельбанд, министралиарат в прусском министерстве науки, культуры и народного образования.

[237]

Выплаты на жилье были повышены на 30 марок в месяц. Это было связано с обещаниями министерства, данными протестантской церковной общине Гейдельберга (которой принадлежал дом JSfe 66 по ул. Плёк), сделать все, чтобы договор об аренде, истекавший в конце марта 1932 г., был бы продлен по крайней мере до 1 апреля 1935 г.

[238]

На полях: "пожалуйста, совершенно конфиденциально".

[239]

Одно только повышение базового оклада составило 40 % (с 10 000 до 14 000 марок ежемесячно). Со всеми надбавками месячный оклад Ясперса составлял на

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
1.4.1929 свыше 17 000 марок.

[240]

На полях: "так же" (т. е.: сугубо конфиденциально).

[241]

Этот план осуществился только в летнем семестре 1929 г. Рукопись лекции в архиве Хайдеггера отсутствует.

[242]

Werner Jaeger, *Über Ursprung und Kreislauf des philosophischen Lebensideals // Sitzungsberichte der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse*, Berlin 1928, Jg. 1928, Bd. XXV, S. 390–421.

[243]

Речь шла о замещении вакансии Карла Ноймана (Carl Neumann; 1860–1934), который в 1911–1929 гг. был в Гейдельберге ординарным профессором кафедры новой истории искусства.

[244]

Янцен Ханс (Jantzen, Hans; 1891–1967) – в 1916–1931 гг. ординарный профессор новой истории искусства во Фрайбурге-им-Брайс-гау, в 1931–1935 гг. – во Франкфурте-на-Майне, с 1935 г. – в Мюнхене.

[245]

Расшифровка не однозначна.

[246]

Пановски Эрвин (Panofsky, Erwin; 1892–1968) – в 1926–1933 гг. профессор истории искусства в Гамбурге; впоследствии эмигрировал в

США, где с 1935 г. преподавал в Институте повышения квалификации (Institute for Advanced Study) в Принстоне. Был одним из крупнейших специалистов по Дюреру, опубликовал также несколько фундаментальных работ по истории форм, теории искусства и иконографии.

[247]

Фабрициус Эрнст (Fabricius, Ernst; 1857–1942) – профессор древней истории во Фрайбургском университете.

[248]

Хайдеггер прочитал доклады на тему: "«Критика чистого разума» Канта и задача основоположения метафизики" ("Kants Kritik der reinen Vernunft und die Aufgabe einer Grundlegung der Metaphysik"). Там состоялась и примечательная дискуссия с Кассирером.

[249]

В зимнем семестре 1928/29 г. Ясперс читал курс "Кант и Кьеркегор" ("Kant und Kierkegaard").

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org

[250]

Работа Хайдеггера "Kant und das Problem der Metaphysik", Bonn 1929*, посвящена Максу Шелеру. 4-е, расширенное издание: Frankfurt a. M. 1973.

[251]

Второе издание "Бытия и времени".

[252]

Набросок; окончательный вариант в архиве Хайдеггера отсутствует.

[253]

Ясперс читал, в частности, доклад, опубликованный в "Абендблатт дер франкфуртер цайтунг" от 22.4.1929, где дискуссия между Кас-

" Русск. перев.: "Кант и проблема метафизики" / Перев. О. В. Никифорова. М., 1997.

сирером и Хайдеггером была представлена как одно из главных событий трехнедельной конференции в Давосе.

[254]

"О сущности основания" [Vom Wesen des Grundes // Festschrift Edmund Husserl zu 70. Geburtstag gewidmet, Halle a. d. S. 1929, S. 71-100 (Separatdruck des Jahrbuches für Philosophie und phänomenologische Forschung. Ergänzungsband)]. С посвящением Хайдеггера: "С сердечными пожеланиями. Ваш Мартин Хайдеггер. 14. IV. 29".

[255]

Арендт Ханна (Arendt, Hanna; 1906–1975) – политолог; в 1924–1925 гг. училась у Хайдеггера в Марбурге, а затем, после семестра обучения у Гуссерля, – у Ясперса (с 1926 г.). В 1929 г. защитила диссертацию "Понятие любви у Августина. Попытка философской интерпретации" ("Der Liebesbegriff bei Augustin. Versuch einer philosophischen Interpretation"), опубликована в 1929 г. как девятый (и последний) выпуск в издаваемой Ясперсом серии "Философские исследования". В 1933 г. эмигрировала в Париж, а в 1941 г. – в США. В 1946–1948 гг. работала главным редактором, затем занималась писательской деятельностью; с 1963 г. – профессор политической теор*ии в Чикаго, а с 1968 г. – в Новой школе социальных исследований (Нью-Йорк). В 1951 г. вышел ее главный труд: "Происхождение тоталитаризма" ("The Origins of Totalitarianism").

[256]

Ср. по этому поводу письмо № 10 Ясперса Ханне Арендт от 4.8.1929 (в: Hannah Arendt/Karl Jaspers: Briefwechsel 1926–1969, hrsg. von L. Kohler u. H. Saner, München 1985, S. 44 ff). К оценке диссертации Ясперсом см. его отзыв в указанной переписке (S. 723 f.).

[257]

По поводу Общества поддержки см. письмо [31] от 17.2.1926, прим. 101.

[258]

В 1929 г. Ханна Арендт начала работу над "жизнеописанием" "немецкой

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org еврейки" Рахель Варнгаген (1771–1833); исследование вышло в свет только после Второй мировой войны, сначала в английском переводе, а в 1959 г. – на немецком языке.

[259]

В летнем семестре 1929 г. лекция была обозначена как "Немецкий идеализм (Фихте, Гегель, Шеллинг) и философские проблемы современности" [GA Bd. 28: Der deutsche Idealismus (Fichte, Hegel, Schelling) und die philosophische Problemlage der Gegenwart. Hrsg. von Ingtraud Gorland. Frankfurt a. M. 1997].

[260]

Edmund Husserl zum siebzigsten Geburtstag // Akademische Mitteilungen. Organ für die gesamten Interessen der Studentenschaft an der Albert-Ludwigs-Universität in Freiburg i. Br., Vierte Folge, IX. Sem., Nr. 3, 14.5.1929, S. 46 f.

[261]

Херригель-Ойген (Herrigel, Eugen; 1885–1955) – в 1924–1929 гг. профессор философии в университете Тохоку (Сендай, Япония), с 1929 г. ординарный профессор в Эрлангене. Херригель был учеником Г. Рик-керта, отсюда – предостережение Ясперса.

[262]

В середине июня 1929 г. скончался ректор Гейдельбергского университета юрист Карл Хайнсхаймер (Karl Heinsheimer). Согласно протоколу заседания от 6.7.1929 (Universitätsarchiv Heidelberg B-1261/ 1,2), уже в первом туре выборов 53 голосами из 55 был избран новый ректор, медик Эмиль Готшлих (Emil Gotschlich). Борьба за выборы, о которой говорит Ясперс, таким образом, относится не к нему. На том же заседании происходили выборы одного из ординарных профессоров Большого ученого совета в Малый совет. Здесь имела место борьба между кандидатами, а именно между Альфредом Вебером, Карлом Майстером (Karl Meister; 1880–1963, филолог-классик) и Вилли Андреасом (Willy Andreas; 1884–1967, новая история). При перебаллотировке Карл Майстер неожиданно опередил Альфреда Вебера. Ясперс, вероятно, имеет в виду именно это.

[263]

"Kant und das Problem der Metaphysik", Bonn 1929. – С дарственной надписью: "С сердечным приветом. Мартин Хайдеггер".

[264]

Относительно "дерзких вопросов" по поводу речи, посвященной Гуссерлю (ср. письмо [85] от 7.7.1929), можно лишь предположить следующее: Хайдеггер, который порой в письмах высказывался о Гуссерле весьма скептически и даже непочтительно, по поводу 70-летия Гуссерля 8.4.1929 произнес прямо-таки хвалебную речь в честь "водительства" Гуссерля и его "философской экзистенции". По словам Хайдеггера, исследования Гуссерля "впервые создали совершенно новое пространство философского вопрошания, с новыми задачами, иными оценками, новым взглядом на сокровенные силы великой традиции европейской философии" (S. 46). Эта новая философия Гуссерля – "не просто схема ориентации в мире, да и вообще не средство и продукт человеческого бытия, но – само это бытие, коль скоро оно свершается в свободе из своего истока" (S. 47). Оно открыто "диалогу с действующими силами всего бытия" (ibid.). Но это и есть "позиция философа: вслушивание в изначальную песнь, что слышна во всяком сущностном событии мира" (ibid.). Очевидно, эти слова о Гуссерле Ясперс воспринял тогда чуть ли не как гротеск. Гуссерль был для

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org него образцом человека, который совершил превращение философии в науку, человеком, который осуществил "акт видения", хоть и видел большей частью лишь безразличное. (Ср.: Jaspers K., *Rechenschaft und Ausblick*, München 1958, S. 386.) К тому же он, вероятно, расценил намек на "схему ориентации в мире" как косвенную критику по своему адресу. И, наконец, он вполне мог задать вопрос: в чем же вообще заключается "водительство" в философии?

[265]

Вероятно, относится к письму или открытке Ясперса; в архиве Хай-деггера не обнаружено. Отзыв касается Ханны Арендт.

[266]

Рицлер Курт (Riezler, Kurt; 1882–1955) – философ и дипломат, профессор во Франкфурте-на-Майне и Нью-Йорке. Работы по политической теории, философии истории и эстетике.

[267]

Мария Шелер (Maria Scheler) – третья жена философа, управляющая наследием и до своей смерти в 1969 г. единоличная издательница трудов Шелера.

[268]

Ниже рукой Хайдеггера приписано: "Гартенштр., 28" (адрес родителей Ясперса).

[269]

Карл Вильгельм Ясперс (Carl Wilhelm Jaspers; 1850–1940) и Генриетта Ясперс (Henriette Jaspers; 1862–1941), урожд. Танцен (Tantzen).

[270]

"Was ist Metaphysik?", Bonn 1929 (Frankfurt a. M. 13, 1986), а также в следующих изданиях: GA Bd. 9: Wegmarken. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1976, S. 103–122.

[271]

Очевидно, после доклада Хайдеггера Ясперс положил это письмо ему в комнату.

[272]

Приглашение в Берлинский университет Ясперс получил 28.3.1930.

[273]

В архиве Ясперса имеется копия, сделанная его женой, с небольшим изменением.

[274]

Ясперс уже строит планы о преемстве кафедры Риккерта.

[275]

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Министерство по делам культов и просвещения.

[276]

Бушор Эрнст (Buschor, Ernst; 1886–1961) – специалист в области классической археологии; отказался от преемства кафедры Людвиг Курциуса в Гейдельберге.

[277]

Эрвин Панофски отклонил приглашение в Гейдельберг (на место Карла Ноймана).

[278]

"Центром" была католическая партия, названная так по занимаемым ею местам в середине парламента. В годы Веймарской республики была основной правительственной партией.

[279]

Райнфельдер Ханс (Rheinfelder, Hans; 1898–1971) – романист, защитившийся во Фрайбурге и в 1933 г. ставший ординарным профессором в Мюнхене.

[280]

Бесселер Генрих (Besseler, Heinrich; 1900–1969) – музыковед, с 1928 г. профессор в Гейдельберге, позднее – в Йене и Лейпциге.

[281]

Ольшки Леонардо (Olschki, Leonardo; 1885–1961) – романист, ученик Карла Фосслера (Karl Vossler); в 1918–1932 гг. преподавал в Гей-дельбергском университете, затем был приглашенным доцентом Королевского университета в Риме. В 1933 г. по причинам расистского характера был отправлен Гейдельбергским университетом в отставку; после этого продолжал читать лекции в Риме, пока ему не запретили и это. В 1938 г. эмигрировал в США, где долгое время был безработным. В 1944 г. получил место на факультете восточных языков в университете Беркли, однако в 1950 г., во время маккартистских "чисток", лишился его, хотя был уже американским гражданином. С 1954 г. преподавал в Риме и Венеции. Основной труд: "Geschichte der neusprachlichen wissenschaftlichen Literatur", Heidelberg 1919–1927*.

"Русск. перев.: "История научной литературы на новых языках", т. 1–3, М. – Л., 1934

[282]

Миякэ Гочи (Miyake, Gochi; 1895–1982) – философ, профессор в университете Тохоку (Сендай), в университете Киото и университете Гаскусю (Токио); в 1930–1932 гг. – стажировка в Германии. Опубликовал ряд статей о философии Хайдеггера, философии морали, философии искусства и проблеме времени.

[283]

Один из Восточно-фризских островов, где Ясперс часто бывал в детстве.

[284]

Д-р Вернер Брок (Werner Brock) был в 1931–1933 гг. ассистентом Хайдеггера; впоследствии при поддержке Хайдеггера эмигрировал в Англию (Кембридж).

[285]

Ricken Я., Die Heidelberger Tradition in der deutschen Philosophie, Tübingen 1931.

[286]

В качестве предположения: Риккерт включил в гейдельбергскую традицию Германа Глокнера (Hermann Glockner), Августа Фауста (August Faust) и Ойгена Херригеля, но Ясперса не упомянул ни словом.

[287]

Подразумевается брошюра "Духовная ситуация времени" ("Die geistige Situation der Zeit"), вышедшая незадолго до трехтомной "Философии".

[288]

"Большой труд" – трехтомная "Философия" (Philosophie, Berlin 1932. Bd. I: Philosophische Weltorientierung; Bd. II: Existenzerhellung; Bd. III: Metaphysik). "Введение" – Die Geistige Situation der Zeit, Berlin 1931.

[289]

Успех "Бытия и времени".

по

[290]

См. письмо [102] от 24.5.1930.

[291]

Ср. письмо [101] от 17.5.1930; очевидно, в 1930 г. Хайдеггер гостил на Троицу у Ясперса.

[292]

Штернбергер дольф (Sternbeiger, Dolf; 1907-1989) – учился как у Ясперса (1927), так и у Хайдеггера (1929). В 1932 г. защитился у Пауля Тиллиха во Франкфурте-на-Майне на тему "Исследование экзистенциальной онтологии Мартина Хайдеггера" ("Der verstandene Tod", Leipzig 1934). Уже в 1929 г. во "Франкфурте? цайтунг" (29.9) опубликовал критику книги Хайдеггера "Кант и проблема метафизики". Каким образом Штернбергер дал повод к тому высказыванию Хайдеггера, с точностью установить не удалось.

[293]

Ср. письмо [86] от 24.7.1929.

[294]

Речь идет о высказывании Ясперса: "...могло бы вновь ощутимо упорядочить иерархию в духовной жизни" ("Frankfurter Zeitung", 14.12. 1931, по поводу статьи Пауля Тиллиха "Существует ли еще университет?", напечатанной в той же газете 22.11.1931).

[295]

Jaspers K., Max Weber. Deutsches Wesen im politischen Denken, im Forschen und Philosophieren, Oldenburg i. O. 1932.

[296]

Макс Вебер.

[297]

Крик Эрнст (Kriek, Ernst; 1882-1947) – педагог, после профессур в Дортмунде и Франкфурте-на-Майне с 1934 г. ординарный профессор в Гейдельберге, где с 1.4.1937 рейхсминистерство образования назначило его ректором. На время его ректорства пришлось увольнение Ясперса. Крик в значительной мере участвовал в "приобщении" немецкого университета к нацистской идеологии. Наряду с Альфредом Боймлером был влиятельнейшим педагогом национал-

социализма, оказывал сильное влияние на национал-социалистскую философию политики. Оценка Крика Хайдеггером, уже в марте 1933 г. скептическая, после принципиальной концептуальной полемики по поводу основанного Криком во Франкфурте "культурно-политического кружка немецких преподавателей высшей школы" ("Kulturpolitische Arbeitsgemeinschaft Deutscher Hochschullehrer" – KADH) и после резких нападок Крика на Хайдеггера в криковском журнале "Народ в становлении" ("Volk im werden", 1934) вылилась в нескрываемую обоюдную неприязнь. О философии Хайдеггера Крик писал, что она есть "фермент, разлагающий и разрушающий немецкий народ". По его словам, Хайдеггер принадлежит к тем, кто "втайне способствует подрыву национал-социалистского движения обновления", а истоки его мысли отнюдь "не всегда были германскими"; мышление Хайдеггера отражает "чужеродное еврейское мышление" да "и без того чуждо и враждебно творческому немецкому человеку" (ср.: Volk im werden, н. 2. [1934]; н. 3. [1935]).

[298]

Шадевальдт Вольфганг (Schadewaldt, Wolfgang; 1900-1974) – филолог-классик, в 1928 г. профессор в Кенигсберге, с 1929 г. во Фрайбурге, с 1934 г. в Лейпциге, с 1941 г. в Берлине, с 1950 г. в Тюбингене. Дружил с Хайдеггером. Переводчик Гомера, Эсхила, Софокла и Платона.

[299]

Зауэр Йозеф (Sauer, Joseph; 1872-1949) – папский прелат, профессор христианской археологии и истории искусства; ректор Фрайбургского университета в 1932-1933 гг.

[300]

Ср. ректорскую речь Хайдеггера: "Самоутверждение немецкого университета", Breslau 1933 (теперь в издании: Die Selbstbehauptung der deutschen Universität – Das Rektorat 1933/34. Hrsg. von Hermann Heidegger, Frankfurt a. M. 1983). 21.4.1933 Хайдеггер был избран ректором Фрайбургского университета.

[301]

Ср. "Philosophische Autobiographie", а. а. О., S. 100: "В конце мая 1933 года Хайдеггер в последний раз довольно долго гостил у нас. Несмотря на восторжествовавший на мартовских выборах национал-социализм, мы беседовали как прежде. Он купил мне пластинку с григорианскими хоралами, и мы вместе слушали ее. Уехал Хайдеггер раньше, чем намечалось. «Нужно включаться», – сказал он о быстром развитии национал-социалистской реальности. Я удивился, но ничего не спросил"*.

[302]

В южном предместье Берлина Эрнст Майер (Ernst Mayer, 1883–1952), зять Ясперса, еврей, имел частную врачебную практику. "Арийский параграф" в законе о восстановлении профессиональных административных кадров от 7.4.1933 уже привел к частичному бойкоту его практики со стороны "арийских" пациентов. – В некрологе на смерть Эрнста Майера (Arztliche Mitteilungen, N. 24, 20. 12. 1952) Ясперс сообщает, что еще в 1933 г. Майер сказал ему: "Они сгонят нас в барачные лагеря, а потом подожгут их". Тогда Ясперс воспринял это как плод излишне буйного воображения. В 1938 г. Э. Майер эмигрировал в Голландию, где во время оккупации, в укрытии, написал свою "диалектику незнания" ("Dialektik des Nichtwissens", Basel 1950. Серия: Studia Philosophica. Supplementum 5).

[303]

30 июня по приглашению гейдельбергского студенческого союза Хайдеггер читал в Гейдельберге лекцию "Университет в новом рейхе" ("Die Universität im neuen Reich"). Ср.: Heidelberger Neueste Nachrichten, Nr. 150 от 1. 07. 1933, S. 4. Перепечатано также в: Schneeberger G., Nachlese zu Heidegger. Dokumente zu seinem Leben und Denken, Bern 1962, S. 73 ff.

'Хайдеггер использовал слово, ставшее тогда модным благодаря идеологии национал-социализма: "включаться" ("einschalten").

[304]

Спустя более чем 20 лет Ясперс так описывал этот последний визит Хайдеггера: "В мае он еще раз на короткое время остановился у нас. Поводом была лекция, которую он, теперь ректор фрайбургского университета, читал перед гейдельбергскими студентами и профессорами. Шеель, председатель гейдельбергского студенчества, приветствовал его как "коллегу Хайдеггера". По форме это была мастерская лекция, а по содержанию – программа национал-социалистского обновления университета... Бурными аплодисментами студенты и немногие профессора приветствовали это выступление. Я, сидя в первом ряду с краю, вытянув ноги и заложив руки в карманы, не пошевелился.

Последующие разговоры с Хайдеггером не были с моей стороны открытыми. Я сказал ему: ожидалось, что он вступится за наш университет и его великую традицию. Никакого ответа. Я заговорил о еврейском вопросе и о злобной чепухе про "сионских мудрецов", на что он сказал: "Существует ведь опасный международный союз евреев". За столом он сказал слегка сердитым тоном: это безобразно, что существует столько профессоров философии – во всей Германии следовало бы оставить двух или трех. "Кого же?" – спросил я. Никакого ответа. "Как может такой необразованный человек, как Гитлер, управлять страной?" – "Образование совершенно не важно, – ответил он, – вы только посмотрите на его великолепные руки!"

Сам Хайдеггер тоже казался другим. Сразу, как только он приехал, возник настрой, разделивший нас. Народ был опьянен национал-социализмом. Я поднялся вверх, в комнату к Хайдеггеру, чтобы поздороваться с ним. "Как будто опять наступил 1914 год... – начал я, желая продолжить: – опять то же всеобщее, лживое опьянение», но при виде сияющего Хайдеггера слова застряли у меня в горле. Этот радикальный разрыв необычайно меня затронул. Ни с одним человеком у меня такого не было. Особенно больно было оттого, что Хайдеггер, казалось, ничего не замечал. Он подтвердил это

тем, что с 1933 г. больше не приезжал ко мне и даже при моем увольнении в 1937 г. не нашел для меня ни слова. Но еще в 1935 г. я слышал, что на одной из своих лекций он говорил о своем "друге Ясперс-се". Сомневаюсь, понял ли он тот разрыв даже сегодня.

Я был растерян. До 1933 г. Хайдеггер ничего не говорил мне о своих национал-социалистских симпатиях. Я, со своей стороны, должен был с ним поговорить. В последние годы перед 1933-м его визиты стали редкими. Теперь

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org было слишком поздно. Перед одурманенным Хайдеггером я оказался бессилён. Я не сказал ему, что он на ложном пути. Я уже не доверял его изменившемуся характеру. От той силы, к которой теперь примкнул Хайдеггер, я чувствовал угрозу и для себя самого и, как уже не раз в моей жизни, думал о "caute" Спинозы.

Обмануло ли меня все то позитивное, что было между нами? Был ли я сам виноват, что не искал радикального разговора с ним, опираясь на это позитивное? Не был ли я виноват в том, что до 1933 г. своевременно не увидел опасности, считал национал-социализм в целом чем-то слишком безобидным, хотя Ханна Арендт уже в 1932 г. ясно сказала мне, куда все идет?

В мае 1933 г. Хайдеггер уехал в последний раз. Больше мы никогда не виделись" (*Philosophische Autobiographie*, а. а. О., S. 100 ff.).

[305]

Heidegger M., *Die Selbstbehauptung der deutschen Universität. Rede, gehalten bei der feierlichen Übernahme des Rektorats der Universität Freiburg i. Br. am 27.5.1933, Breslau o. J. (1933)*. – С дарственной надписью: "С сердечным приветом. Хайдеггер".

[306]

Почти тридцать лет спустя по поводу ректорской речи Хайдеггера и его выступления в Гейдельберге Ясперс писал (ср.: Karl Jaspers, *Notizen zu Martin Heidegger*, Nr. 165): "...я еще пытался в возможно более положительном смысле истолковать его ректорскую речь. Но

в то же время уже ему не доверял. Я не высказал этого, но повел себя по принципу: если ожидать лучшего, то другой – поскольку находится в долголетних добрых отношениях с тобой – пойдет тебе навстречу; если же выказать недоверие, то все разрушишь. Духовный уровень не был утерян, хотя содержание его речей и поступков скатилось на невыносимо низкую и чуждую мне ступень.

Но я все равно не мог не воспринимать его всерьез, теперь как субстанциального противника, как медиума угрожающе опасной – я понимал это, – разрушительной силы.

Согласно масштабам, которые, конечно, субъективны, его речь, поведение и внешность казались мне столь неблагородными, что субстанциальная чуждость составляла странный контраст с флюидами философствования. В этом тоже была чуждость и все же связанность в интересе к тому, чем нам казалась философия и в чем мы считали себя тогда едиными (без определенного содержания)". 307. В архиве Хайдеггера не найдено. Должно быть, речь идет о заявлении Густава Адольфа Шееля (*Gustav Adolf Scheel*; род. 1907). Шеель был студентом-медиком; в 1931 г. национал-социалистское большинство избрало его председателем гейдельбергского студенчества. Он активно участвовал в "чистке" гейдельбергского студенчества от евреев, марксистов и пацифистов. В 1936 г. стал рейхсфюрером студенчества, одновременно был инспектором охранной полиции и СД в Штутгарте. В 1941 г. стал заместителем и гауляйтером в Зальцбурге, по окончании войны предполагалось назначить его рейхсминистром науки, искусства и народного образования. В рамках денацификации был приговорен к нескольким годам исправительных лагерей. Впоследствии работал врачом.

В 1932 г. Ясперс входил в комиссию, разбиравшую административные правонарушения Шееля и иже с ним. Ясперс позднее говорил, что своей лживостью Шеель сумел добиться для себя оправдания. Сам Шеель на судебных процессах после войны заявлял, что в годы нацизма неоднократно вступался за Ясперса и его жену.

[308]

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Рукопись "Тезисы к обновлению высшей школы" ("Thesen zur Frage der Hochschuleerneuerung", в архиве Ясперса машинописный текст под номером 27 mF). На титульном листе пометка: "Написано в июле 1933 г.", и более позднее добавление: "Кое-что взято для университетской речи 1945 г.". Имеется в виду речь "Обновление университета" ("Erneuerung der Universität"), произнесенная Ясперсом 15.08. 1945 по случаю открытия медицинских курсов в Гейдельбергском университете.

К "Тезисам" приложен листок, вероятно, черновик письма в министерство по делам культов и просвещения в Карлсруэ, указывающий на некоторые сопутствующие обстоятельства:

"Самовольно излагать решающей правительственной инстанции свои идеи, которые можно счесть личными, всегда сопряжено с сомнениями. Я осмелился на это, движимый сознанием, что для будущего немецких университетов наступил решающий момент. Всякий, кто на основании собственного опыта духовных возможностей в университете имеет что-либо сказать, очевидно, вправе без назойливости претендовать в такой момент на внимание; он не требует, но лишь указывает на то, что полномочной инстанции, возможно, давно известно, а возможно, даст ей новые идеи.

Эти записи сделаны в июле для Общества гейдельбергских доцентов, которым предстояло в обмене мнениями определить, что они полагают необходимым сделать для нового университета. Это общество распалось по причинам личного характера, так и не успев начать свою работу.

Записи мои не претендуют на полноту, это как бы фрагменты идеи целого, которые тогда представлялись мне важными, поскольку в стихийных публичных дискуссиях и планах они не на первом плане. Тезисы не противоречат, а, скорее, согласуются с принципами, уже одобренными министерством, и, видимо, не вступают в противоречие с неизвестными мне планами правительства. Поскольку ныне я считаю нецелесообразной публикацию тезисов отдельной брошюрой, то с полным доверием посылаю их инстанции, которая будет решать вопрос о наших организациях". Хайдеггер информирован (моим письмом) и может, если пожелает, обратить на это внимание правительства. По собственной инициативе я ничего предпринять не могу, ибо мне говорят, что как беспартийного и супруга еврейки меня только терпят, но доверять мне не могут".

Из всего этого можно заключить, что, отказавшись от намерения послать "Тезисы" без предварительного запроса, Ясперс втайне надеялся, что Хайдеггер посодействует, чтобы министерство по делам культов и просвещения выступило с таким запросом. Но "Тезисы" не были посланы и Хайдеггеру, что свидетельствует о сомнениях Ясперса в том, как они будут восприняты в той политической ситуации.

"Тезисы" позволяют более непосредственно судить о позиции Ясперса по отношению к быстро ширящемуся процессу пацификации университета, нежели все его позднейшие самоинтерпретации.

Они исходят из того, что по сравнению с эпохой своего расцвета в 1770–1830 гг. немецкий университет в последние 100 лет постепенно, а в нашем веке ускоренными темпами идет к упадку. Обозначены следующие явные симптомы: дробление знания, которое все больше утрачивает смысл, в почти произвольном разнообразии бесполезного и ненужного, возрастание школярства в отвлеченном и отвлекающем учебном процессе, непомерный рост управленческих структур с их всевозможными комиссиями и инстанциями, снижение общего уровня до убогой посредственности и растущее ущемление свободы, ибо "отпал необходимый компонент свободы – отсеивание неудачников". Таким образом, обновление высшей школы Ясперс считал задачей первой необходимости. Решение не могло заключаться в реставрации университетских структур 1770–1830 гг. В новых условиях необходима была попытка оживить идею университета в новой форме. Это сопряжено "с уникальной для современной ситуации возможностью и опасностью: возможностью преодоления всех затяжных и запутывающих переговоров комиссий и инстанций посредством решительных распоряжений человека, который имеет неограниченную власть над университетами и может опереться на мощную поддержку сознающей ситуацию молодежи и необычайную готовность тех, кто прежде был безучастен и равнодушен; опасность же заключается в том, что поддержка потеряет ориентацию.. а начальственное решение окажется не на уровне духовной задачи. Возможность подлинного обновления немецкой науки есть одновременно опасностью ее окончательной

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org гибели". Ввиду такой опасности видные исследователи и преподаватели обязаны, по мнению Ясперса, "довести до сведения полномочных инстанций" свои предложения по реформированию. Итак, еще летом 1933 г. Ясперс считал, что при новом режиме можно осуществить рациональное обновление университета, если режим сделает то, что ему подскажут видные ученые, но, если режим останется глух, университету грозит окончательный упадок.

Ясперс предлагает следующие коренные реформы: уменьшить количество предлагаемых лекций и семинаров. Вместо этого "больше места" отвести "индивидуальной домашней работе". Обучение в принципе должно стать дерзанием исходя из свободы и в свободе. "Для этого необходимо упразднить все учебные планы как обязательное принудительное распределение учебного процесса по дням, отменить все семинарские талоны и формальные справки". – Кафедры должны предоставляться только "творческим личностям высокого научного уровня", в иных случаях, в том числе и в важных дисциплинах, достаточно внештатной профессуры и преподавателей по контракту. Такая система

имела бы то преимущество, что факультеты стали бы менее громоздкими. Последнее слово при отборе заведующих кафедрами должно принадлежать куратору, особо определенному на пожизненный срок для каждого университета, а не центральной для всех университетов инстанции. Управление университетом "следует упростить", "максимально сократить число комиссий, органов контроля, инстанций, заседаний, повысить ответственность личного решения; расширить свободу ректора и деканов по отношению к ученому совету и факультету". Ректор и деканы должны действовать открыто, однако "не зависеть от решений большинства, кроме определенного круга важнейших вопросов". Так, Яс-перс на первый взгляд согласен с принципом внутриуниверситетского фюрерства. Но с одной очень важной оговоркой: принимающий единоличные решения должен находиться "под внутренним нажимом", чтобы не произошло ущемления свободы. "Через определенные промежутки времени принимавший решения должен отчитываться" – очевидно, перед сотрудниками университета. В таком случае должна разрешаться "самая нелицеприятная критика", нужно даже создать "незаинтересованную инстанцию, которая, на основании знакомства с обстоятельствами... могла бы наказывать". Лишь когда есть риск, что руководителя можно привлечь к ответственности, есть и надежда, "что на руководящие должности пойдут люди, уверенные в своих способностях...".

Что до трудовой повинности и военно-прикладного спорта, то они "являются не частью университета, но реальностью всеохватного перегиба", соединяющей с "основами существования и народом в целом". Они способствуют становлению дисциплины и особого умонастроения, которых "в научном воспитании должно не копировать, не воспроизводить, но дополнять". Необходимо отделить их по времени от учебных занятий также и "по физическим причинам". "Семестр, чтобы быть плодотворным, должен быть либо целиком посвящен учебе – с ограниченной добавкой занятий спортом, – либо полностью отдан военной службе".

И, наконец, различными способами ограничивается примат политики над наукой: "Ни одна другая инстанция в мире" не может указывать цели исследованию и обучению, "кроме... ясности самого подлинного знания". Академическая свобода не связывает себя ни политикой, ни внешними принуждениями, ни авторитетом, но только сократовскими взаимоотношениями обучающихся и учащихся. Реформа университета не может состоять в том, чтобы, "следуя духу времени, вводить те или иные новшества". В рамках университета противник не тот, кто придерживается иных политических взглядов, а противник – невежество, рутина и бездуховность. "Было бы иллюзией полагать, что в высшей школе, где речь идет о духовном становлении, ныне можно чего-то добиться политической борьбой... Только борьба духовная способна вызвать к жизни нечто новое в духовном". В университете есть место лишь для "изначальных поисков истины".

"Тезисы" ратовали за установление в университете принципа платоновской элитарной аристократии, соединенного с идеей М. Вебера об этической ответственности всех власть имущих. Эти предложения имели целью почти безграничную свободу обучения и преподавания, при которой мог бы наиболее беспрепятственно проявиться профессионализм преподавателей и исследователей, а личность студентов раскрывалась бы наилучшим образом. Иллюзия тезисов – в еще сохранившейся вере, что и политическое руководство желает этой свободы или способно к ней вернуться. Эта вера была столь

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org велика, что Ясперс одобрительно отнесся к новому университетскому уставу земли Баден, в котором другие видные исследователи сразу же разглядели гибель университета. Ясперс, безусловно, не догадывался, с кем он имеет дело. "Тезисы" напечатаны в: "Jahrbuch der osterreichischen Karl-Jaspers-Gesellschaft". Hrsg. von Elisabeth Salamun-Hybasek und Kurt Salamun, Jg. 2 (1989), S. 5-27*.

[309]

21.8.1933 министр по делам культов, просвещения и юстиции земли Баден издал новый предварительный университетский устав, который на следующий день был полностью опубликован в баденских газетах (в т. ч. в: "Heidelberger Neueste Nachrichten", S. 2; "Heidelberger Tageblatt", S. 1).

[310]

"Чрезвычайный шаг" заключался в радикальном уподоблении университетских структур "принципу фюрерства", а также подчинению университета примату политики. Эти два аспекта были объединены в понятии "приобщения к нацизму": "Ректор должен стать "фюрером высшей школы"; ему были переданы все полномочия существовавшего до того ученого совета (большого и малого). Он более не избирался, но назначался министром "из числа ординарных профессоров"; срок его ректорства не ограничен по времени, а "определяется министерством". "Своим заместителем" ректор мог назначить «канцлера» из преподавательского состава, а также – для исполнения отдельных задач – других заместителей. "Для обсуждения.. общих научных и образовательных задач университета" ректор мог в любое время созвать деканов и вообще "преподавательский состав, вместе с ассистентами или без них".

Ученому совету позволялось только консультировать ректора. В ученый совет входили: ректор, канцлер и пять (с июня 1934 г. – шесть) деканов, а также "еще пять членов, назначаемых ректором", из которых двое должны были быть ординарными профессорами, а трое – внештатными. Ректор также имел право назначить в ученый совет еще трех доцентов. Срок их участия в ученом совете определялся им же. На заседания ученого совета приглашался фюрер студенчества, далее, еще один студент, а также по одному представителю ассистентского или административного корпуса – если решались вопросы, касающиеся одной из этих трех групп. Кроме того, ректор имел право привлекать представителей любых других университетских групп, если считал это необходимым.

Деканы факультетов, а также их заместители назначались ректором; оба должны были быть ординарными профессорами. Срок полномочий определял ректор. Декан имел в сфере своей компетенции те же полномочия, что и ректор – в своей, т. е. "обладал правом единоличного решения всех факультетских вопросов". Члены факультета могли быть "привлечены для консультаций" по важным вопросам (например, по вопросам назначений и присуждения почетных ученых степеней). Декан был "подотчетен только ректору", который мог сам принимать участие во всех факультетских заседаниях или присылать своего представителя". Впервые этот устав вступил в силу в земле Баден 1.10.1933. (Источники: Die Verfassungen der badischen Universitäten und der Techn. Hochschule in Karlsruhe. Erla? Nr. A. 22296; Hermann Weisert: Badische Hochschulverfassung vom 21. August 1933. In: Die Verfassung der Universität Heidelberg, Heidelberg 1974, S. 127.) 311. Речь идет о разделе III/1 устава университета, где сказано: "Декану (руководителю отделения) принадлежит право единолично принимать решения по всем вопросам факультета (отделения). Все прочие члены факультета (отделения) могут быть привлечены для консультаций. По важным вопросам необходимо узнать их мнение и зафиксировать в письменном виде. Решения факультетов (отделений) в письменной форме не фиксируются".

[312]

Jaspers K., Vernunft und Existenz, Groningen, 1935//Aula-Voordrachten der Rijksuniversiteit te Groningen, No. 1.

[313]

Мартин Хайдеггер - Карл Ясперс. Переписка, 1920-1963 filosoff.org

Лекция Хайдеггера в летнем семестре 1935 г.: *Einführung in die Metaphysik*. Опубликовано: Tübingen 1953, а также: GA Bd. 40. Hrsg. von Petra Jaeger, Frankfurt a. M. 1983*.

[314]

Написанная от руки записка, вложенная в книгу о Ницше. Дарственная надпись на книге: "С сердечным приветом! 14.5.36. Ясперс".

[315]

Hölderlin und das Wesen der Dichtung // *Das innere Reich* 3, 1936, S. 1065-1078 (Sonderdruck München 1937). Теперь в: *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung*, Frankfurt a. M., 5, 1981, а также: GA Bd. 4. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1981, S. 33-48.

[316]

Jaspers K., Nietzsche. Einführung in das Verständnis seines Philosophierens, Berlin u. Leipzig 1936.

[317]

В зимнем семестре 1936-37 г. Хайдеггер все же прочитал лекцию о Ницше: "Воля к власти как искусство". Издано в: Nietzsche I. Pfullingen 1961, S. 11-254, а также: GA Bd. 43: Nietzsche. Der Wille zur Macht als Kunst. Hrsg. von Bernd Heimbüchel, Frankfurt a. M. 1985.

В последующие годы Хайдеггер работал над интерпретацией Ницше. Ср. его лекцию летнего семестра 1937 г.: "Вечное возвращение" (*Die ewige Wiederkehr des Gleichen* // Nietzsche I. Pfullingen 1961, S. 255-472, а также: GA Bd. 44: Nietzsches metaphysische Grundstellung im abendländischen Denken: Die ewige Wiederkehr des Gleichen. Hrsg. von Marion Heinz, Frankfurt a. M. 1986), а также лекцию летнего се-

'Русск. перев.: "Введение в метафизику"/ Пер. Н. О. Гучинской. СПб., 1997.

местра 1939 г.: "Воля к власти как познание" (*Wille zur Macht als Erkenntnis* // Nietzsche I, Pfullingen 1961, S. 473-658, а также: GABd. 47: Wille zur Macht als Erkenntnis. Hrsg. von Eberhard Hanser, Frankfurt a. M. 1989). Vorlesung II. Trimester 1940: *Der europäische Nihilismus* // Nietzsche II, Pfullingen 1961, S. 31-256; GA Bd. 48: Nietzsche: Der europäische Nihilismus. Hrsg. von Petra Jaeger, Frankfurt a. M. 1986.

[318]

"Прилагаемая брошюра": *Mein Leben. Autobiographische Skizze des jungen Nietzsche*, Frankfurt a. M. 1936. С дарственной надписью: "С сердечным приветом. Ваш Мартин Хайдеггер. Май 1936".

[319]

Лекция о Шеллинге вышла в свет под заголовком: *Schellings Abhandlung über das Wesen der menschlichen Freiheit* (1809). Hrsg. von Hildegard Feick, Tübingen 1971; GA Bd. 42: Schelling: Vom Wesen der menschlichen Freiheit. Hrsg. von Ingrid Schabert, Frankfurt a. M. 1988.

[320]

После войны Хайдеггер рассказывал своему сыну Герману, что на это письмо от 16 мая 1936 г. он так и не получил ответа. Поэтому он и не писал больше Ясперсу, а только посылал ему свои публикации. Странным образом набросок

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
письма Ясперса помечен тем же числом: 16 мая 1936 г.

[321]

Сохранилось в архиве Ясперса только в черновом варианте, однако без пометки "не отправлено".

[322]

В черновике письма есть вычеркнутый фрагмент: "чтобы все-таки немного сказать о себе: физически я живу на пределе; малейшие напряжения – даже поездки – выводят мое тело из строя. В настоящее время я вполне в форме. Год назад с июля по октябрь, а также в последующие недели до самого Рождества я часто болел: озноб, кровотечения, – но все опять обошлось. Характер работы над Ницше позволяет заниматься ею в постели, так что каникулы не были потеряны".

[323]

В летнем семестре 1936 г. Ясперс вел семинар по Ницше.

[324]

В архиве Ясперса сохранилось в черновом варианте с пометкой "не отправлено".

[325]

9.10.1942 Хайдеггер переслал Ясперсу свою статью "Учение Платона об истине" ("Platons Lehre von der Wahrheit", Sonderdruck aus dem Werk: "Geistige Überlieferung". Das zweite Jahrbuch, Berlin 1942, S. 96–124. Снабжено посвящением: "С сердечным приветом. М. Хайдеггер. 9. X. 42".

[326]

Heidegger M., Holderlins Hymne "Wie wenn am Feiertage...", Halle a. d. S. o. J. (1941). С посвящением: "С сердечным приветом. Ваш Мартин Хайдеггер".

[327]

Очевидно, письмо [123] от 16. 5.1936 г. Хайдеггера Ясперсу. Другое "дружеское подтверждение о получении" в архиве Ясперса не найдено. ~ Еще в зимнем семестре 1936/37 г. Хайдеггер сформулировал свои принципиальные возражения против Ясперсовой интерпретации Ницше; сделано это было в лекции "Ницше. Воля к власти как искусство" (GA Bd. 43, S. 26): "...Ясперс подробнее [нежели Альфред Боймлер] останавливается на учении Ницше [о вечном возвращении] и видит, что здесь мы имеем дело с важнейшей мыслью Ницше. Однако Ясперс не вводит эту идею в сферу основного вопроса европейской философии, несмотря на речь о бытии, а значит, не связывает ее реально с учением о воле к власти.

Основанием для этой отнюдь не самопонятной позиции является то, что для Ясперса, говоря со всей остротой, философия вообще невозможна. По сути, она есть "иллюзия", служащая задачам нравственного просветления человеческой личности. Философские понятия лишены собственной, а тем паче той настоящей истинной силы сущностного знания. Поскольку Ясперс уже не воспринимает суть философского знания всерьез, для него нет и никакого действительного вопрошания. Философия становится морализирующей психологией экзистенции человека. Для этой позиции, несмотря на все ее усилия, с необходимостью остается

закрыта возможность когда-либо проникнуть, вопрошая, в философию Ницше".

В лекции 1940 г. "Ницше. Европейский нигилизм" (Nietzsche: Der europaische Nihilismus // GA Bd. 48, S. 28, Anm.) Хайдеггер излагает свои критические замечания еще подробнее:

"Основные недостатки книги Ясперса о Ницше. что он вообще пишет подобную книгу; что он не различает исторических этапов в трудах Ницше (не одного лишь исторического развития) и без разбора выхватывает фрагменты из работ ранних лет и трудов позднего периода, пристегивая их друг к другу; что он "релятивирует" принципиальные воззрения Ницше, которые суть не частные мнения философа, а необходимости европейской метафизики, и утверждает, будто сам Ницше считал их верными лишь ограниченно, вероятно в качестве шифров; что всему этому он противопоставляет экзистенциальный субъективизм с богословско-христианским налетом и, таким образом, не подготавливает решения и даже не распознает, каким решением в истории истины бытия является сам Ницше".

[328]

В конце летнего семестра 1937 г. Ясперс, поскольку его жена была еврейкой, на основании Закона о восстановлении профессиональных административных кадров был в целях "упрощения управления" (§ 6) отправлен в отставку. фактически это означало запрет на преподавание.

[329]

Jaspers K., Descartes und die Philosophie, Berlin u. Leipzig 1937. – Посвящение: "С сердечным приветом! 25.7.37 Ясперс".

Jaspers K., Existenzphilosophie. Drei Vorlesungen, gehalten am Freien Deutschen Hochstift in Frankfurt a. M./September 1937, Berlin u. Leipzig 1938. Посвящение: "С сердечным приветом! К. Ясперс".

[330]

Далее следует зачеркнутый пассаж: "Все, что я еще слышал о Вас, дошло до меня из третьих уст, было отрывочным, незначительным, так что быстро ускользало из памяти, за исключением некоторых

писем, написанных Вами другим людям, которые в 1933 и 1934 гг. в растерянности обратились с ними ко мне. О них, из-за приличествующей в данном случае деликатности, мне сказать нечего".

[331]

Далее следует зачеркнутый пассаж: "И основополагающие факты в сегодняшней ситуации наших отношений (сейчас лучше их не обсуждать) изменению не подлежат".

[332]

Ср.: Heidegger M., Platons Lehre von der Wahrheit, a. a. O., S. 96: "«Учение» мыслителя есть то, что в сказанном им осталось невысказано, то, чему подвергается человек, чтобы ради этого себя растрчивать".

[333]

Ibid.: "чтобы познать и впредь быть в состоянии знать не высказанное мыслителем, каково бы оно ни было, мы должны размышлять о том, что им сказано".

[334]

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Ibid.: "То, что остается невысказано, есть поворот в определении сущности истины".

[335]

Ibid., S. 124: "Сперва необходимо по достоинству оценить «позитивное» в «приватной» сущности &xt]0еюс. Сперва следует понять это позитивное как основополагающую черту самого бытия. Сначала должна наступить необходимость, в которой под сомнение будет поставлено не только, как обычно, сущее, но однажды – и бытие. Поскольку эта необходимость еще предстоит, начальная сущность истины еще покоится в своем сокрытом начале".
Пометка Ясперса на полях: "Это следовало бы развернуть. Иначе непонятно".

Подводя итог своей критике Хайдеггеровой интерпретации притчи о пещере, Ясперс помечает в своем экземпляре книги: "Хайдеггер обходится с Платоном как с человеком, имевшим «учения», – как и Целлер – совершенно не-платоновский настрой. Никакой диалектики, никакого движения в действительной реконструкции, сплошная химера – nihu – занимает место экзистенции-трансценденции, – Платон охарактеризован неверно. Довольно смешные обобщения!"

[336]

Зоден Ханс фон (Soden, Hans von; 1881–1945) – теолог; с 1924 г. был ординарным профессором Нового Завета и церковной истории в

Марбурге. К различению понятия истины см. его работу: "was ist wahrheit?", Marburger Akademische Reden, Bd. 46, Marburg 1927.

[337]

На первой странице написано: "не отправлено"; приложен листок от 30.10.1966:

"Почему я не отослал это письмо от 1.3.48, я уже не помню.

Могу только предположить

потому, что мелькнула мысль: Хайдеггер ни разу не заявил публично о своей политической позиции и о своем отречении. Эта публичность была необходима, поскольку в 1933 г. Хайдеггер публично выступал с речами и статьями.

А что после 1945 г. он попросту увивал, было объективно и по-человечески невыносимо".

[338]

В марте 1948 г. Ясперс переехал в Базель, приняв на летний семестр 1948 г. приглашение выступить в качестве преемника Пауля Хебер-лина (Paul Haberlin).

[339]

После своего последнего письма от 16.5.1936 до конца войны Хайдеггер продолжал посылать Ясперсу почти все свои публикации, всякий раз с посвящением.

[340]

Так называемая Комиссия по чистке, состоявшая из профессоров Константина фон Дитце (Constantin von Dietze), Герхарда Риттера (Gerhard Ritter), Адольфа Лампе (Adolf Lampe), а позднее Артура Альгайера (Arthur Allgeier) и Фридриха Элькерса (Friedrich Oehlkers), представляла Фрайбургский университет по всем вопросам связи с французской военной администрацией.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Главной ее задачей было составление отзывов с целью политической чистки преподавательского состава. Хайдеггер, наиболее видный из преподавателей и вызывавший наиболее противоречивые оценки, первоначально не был отстранен от занимаемой должности. 28.9.1945 французские оккупационные власти объявили его "находящимся

в резерве". После чего в октябре 1945 г. при согласии французов Хайдеггера внесли на второе место в списке кандидатов в Тюбингене. Протесты со стороны некоторых профессоров фрайбургского университета вынудили комиссию вновь обсудить дело Хайдеггера и принять против него более жесткие меры. Затем, по поручению комиссии, Фридрих Элькерс письмом от 15.12.1945 направил Ясперсу следующий запрос: "Мы намерены прийти к возможно более справедливому решению, учитывая не только факты его ректорства; ведь «нацистом» в обычном смысле слова он, конечно, не является. Я лично не могу не видеть трагизма, который тенью окружает его как ректора. Он же был совершенно аполитичен, и национал-социализм, в который он нарядился, не имел ничего общего с действительностью. В этом безвоздушном пространстве он действовал как ректор, нанес университету ужасный ущерб и внезапно увидел вокруг себя одни обломки. Только теперь он начинает понимать, откуда они взялись. Обо всем этом легко судить, но очень трудно по-настоящему понять. Так, его антисемитизм по отношению к друзьям истолковывают как уступчивость национал-социализму. Он сам на это отвечает так: коль скоро он решил стать ректором, то был вынужден оставаться пассивным (sie!). Говорит, что никогда не был антисемитом. Просит прямо спросить Вас по этому поводу.

Повторяю: если у Вас есть время и желание, мы хотели бы узнать от Вас общую характеристику всех этих обстоятельств, как Вы их видите".

[341]

"Гейдельберг, 22. XII. 1945

Дорогой и глубокоуважаемый г-н Элькерс!

Сегодня я получил Ваше письмо от 15 декабря...

Сразу же отвечу на главный вопрос Вашего письма. Ввиду моей былой дружбы с Мартином Хайдеггером мне придется неизбежно затронуть личное – также и затем, чтобы ненароком не скрыть некоторую скованность моей оценки. Вы по праву называете это дело

сложным. И как всякую сложность, надо попытаться вернуть его к простому и важному, чтобы не запутаться в дебрях сложного. Позвольте мне высказать основные соображения по отдельности. Я надеялся на возможность хранить молчание, кроме общения с близкими друзьями. Так я думал с 1933 года, когда после ужасного разочарования решил молчать из верности добрым воспоминаниям. Это было нетрудно, ведь в нашем последнем разговоре в 1933 году Хайдеггер не отвечал на острые вопросы или отвечал очень расплывчато, в особенности по еврейскому вопросу, к тому же он прекратил свои визиты, регулярные в течение всего предшествующего десятилетия, и мы больше не виделись. Правда, вплоть до последнего времени он посылал мне свои публикации, однако не подтвердил получения моих в 1937 и 1938 году. Я надеялся, что уж теперь-то я определенно могу молчать. Но Вы запрашиваете меня не только официально, по поручению господина фон Дитце, но ссылаетесь и на пожелание самого Хайдеггера выслушать мое мнение. Поэтому я вынужден ответить.

Кроме известного общественности, до моего сведения дошли некоторые обстоятельства, из которых два представляются мне достаточно важными, чтобы о них сообщить.

По поручению национал-социалистского режима Хайдеггер представил в Гёттингенский союз доцентов отзыв на Баумгартена, и много лет назад я ознакомился с копией этого отзыва. Там есть такие слова: «Однако здесь Баумгартен был кем угодно, только не национал-социалистом. По духовной позиции и по родственным связям он принадлежит к либерально-демократическому кругу гейдель-бергских интеллектуалов вокруг Макса Вебера. Потерпев неудачу у меня, он установил активные контакты с

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org евреем Френкелем, прежде преподававшим в Гёттингене, а ныне уволенным оттуда. С его помощью он устроился в Гёттингене... Суждение о нем, конечно, никак не может быть окончательным. Он еще может развиваться. Следует, однако, назначить достаточный испытательный срок, прежде чем допустить его к вступлению в национал-социалистскую партию». Ныне мы привыкли к таким злодеяниям, на фоне которых, наверно, уже не понять, с каким ужасом я читал тогда эти строки.

Ассистент в философском семинаре Хайдеггера, д-р Брок, был евреем. При назначении Брока Хайдеггер об этом не знал. В ходе национал-социалистских мероприятий Броку пришлось оставить это место. По словам Брока, которые я тогда слышал от него лично, Хайдеггер вел себя по отношению к нему безупречно. Доброжелательными отзывами он облегчил Броку карьеру в Англии.

В двадцатые годы Хайдеггер антисемитом не был. Совершенно излишние слова о еврее Френкеле доказывают, что в 1933 году он, по крайней мере в определенных рамках, стал антисемитом. В этих вопросах он практиковал не только пассивность. Но это не исключает, что в других отношениях, как я полагаю, антисемитизм шел вразрез с его совестью и вкусом. Хайдеггер – сила значимая, и не содержанием философского мировоззрения, но владением спекулятивными инструментами. У него есть философское чутье, восприятия которого интересны, хотя, мне кажется, Хайдеггер чрезвычайно не критичен и далек от подлинной науки. Иногда создается впечатление, будто серьезность нигилизма в нем объединилась с мистагогией волшебника. В потоке речи ему порой удается сокровенным и великолепным образом затронуть нерв философствования. Здесь, насколько я вижу, ему нет равных среди современных философов в Германии.

Поэтому весьма и весьма желательно потребовать, чтобы он оставался в состоянии работать и писать то, что сможет. Говоря об отдельных людях, необходимо ныне видеть всю нашу ситуацию в целом.

Вот почему необходимо привлечь к ответственности всех, кто помогал упрочивать национал-социализм. Хайдеггер принадлежит к тем немногим профессорам, которые это делали.

Суровость, с которой отстраняют от работы несчетных людей, внутренне не бывших национал-социалистами, заходит сегодня очень далеко. Если на Хайдеггера не наложат никаких ограничений – что скажут те коллеги, которым придется уйти, впасть в нужду, хотя они никогда не совершали национал-социалистских деяний! Необычайные духовные достижения могут быть оправданным основанием для того, чтобы дать человеку возможность продолжать работу, но не для того, чтобы сохранить датжность и продолжать преподавательскую деятельность.

В нашей ситуации к воспитанию молодежи следует подходить с величайшей ответственностью. Нужно стремиться к полной свободе преподавания, но нельзя устанавливать ее сразу. Стиль мышления Хайдеггера, который кажется мне по сути несвободным, диктаторским, некоммуникативным, будет ныне роковым в его преподавательском воздействии. Стиль мышления представляется мне куда более важным, чем содержание политических суждений, агрессивность которых способна легко менять свое направление. Пока в преподавателе не произойдет подлинного возрождения, которое будет заметно в творчестве, его, на мой взгляд, нельзя допускать к молодежи, ныне почти беззащитной внутренне. Сначала молодежь должна прийти к самостоятельному мышлению.

В определенных пределах я признаю сугубо личное оправдание, что Хайдеггер по натуре – человек аполитичный; национал-социализм, в который он нарядился, имел мало общего с действительностью. Однако на сей счет я бы прежде всего напомнил слова Макса Вебера, сказанные им в 1919 году: дети, которые суют руки в колесо мировой истории, будут раздавлены. Во-вторых, я бы уточнил: Хайдеггер безусловно не распознал всех реальных сил и целей национал-социалистских вождей. Не случайно он полагал, будто может действовать по собственной воле. Но его манера говорить и действовать отчасти сродни явлениям национал-социализма, которые делают его заблуждение понятным. Он, Боймлер и Карл Шмитт (Carl Schmitt) – люди очень разные, но это профессора, которые пытались духовно возглавить национал-социалистское движение. Безрезультатно. Они истратили на это настоящие духовные умения, к несчастью для репутации немецкой философии. Отсюда – та черта трагизма зла, которую я ощущаю точно так же, как и Вы.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Об изменении настроения ввиду перехода в антинационал-социалистский лагерь нужно судить по мотивам, о которых отчасти говорит конкретный момент. 1934, 1938 и 1941 годы знаменуют принципиально различные этапы. На мой взгляд, изменение настроения почти не имеет значения для оценки человека, если оно произошло только после 1941 года, и значит очень немного, если оно осуществилось радикально уже после 30 июня 1934 г.

В неординарных случаях можно найти неординарное решение, если этого желают, полагая данный случай действительно важным. Поэтому я предлагаю:

а) назначить Хайдеггеру персональную пенсию, чтобы он мог продолжать свою философскую работу и публиковать философские труды; обосновать это его общепризнанными достижениями и ожиданием новых важных работ;

б) от преподавания отстранить на несколько лет; затем еще раз проверить на основе появившихся за это время публикаций и с учетом новой университетской обстановки. Тогда-то следует поставить вопрос, можно ли рискнуть и полностью восстановить давнюю свободу преподавания, при которой может проявиться и то, что в соединении с высоким духовным рангом враждебно и опасно для идеи Университета. Наступит ли такой момент, зависит от хода политических событий и развития нашего общественного сознания.

Если такие особые санкции в отношении Хайдеггера окажутся невозможны, то предпочтение в рамках общих мер я считаю несправедливым.

Таково вкратце мое мнение, которое, несомненно, содержит много возможных разночтений. Если Вы пожелаете ознакомить Хайдеггера с этим письмом, то я разрешаю Вам показать ему выписку: пункты 1,2,6, а также из пункта 3 абзац: "Поэтому весьма и весьма желательно... то, что сможет".

Извините за аподиктичную форму и краткость. Я предпочел бы обсудить это в личной беседе с Вами и пояснить подробнее, выслушав Ваше мнение. Но это, увы, невозможно...

Сердечный привет Вам и Вашей уважаемой жене от моей жены

и от Вашего

Карла Ясперса

(Рукописное дополнение):

12. Поскольку наступало воскресенье, письмо осталось у меня. Я имел время обдумать еще раз, не попросить ли разрешения отказаться от ответа, учитывая мои давние отношения с Хайдеггером. Но и ответ, и отказ от него в данном случае идут против моей натуры. В конечном счете, перевешивает требование официальной инстанции и прежде всего самого Хайдеггера. Таким образом, я отправляю письмо".

[342]

По поводу этого обстоятельства ср. предисловие Х. Занера к изданию: *Karl Jaspers, Notizen zu Martin Heidegger*, München/ Zürich 1978, S. 14 f., а также: Н. Oft, *Martin Heidegger als Rektor der Universität Freiburg i. Br. 1933/34. II. Die Zeit des Rektorats von Martin Heidegger...* (Zeitschrift des Breisgau-Geschichtsvereins ["Schau-ins-Land"], 103. Jahreshft/1984, S. 118 f.); Н. Oft, *Martin Heidegger. Unterwegs zu seiner Biographie*, Frankfurt a. M./New York 1988.

В 1935 г. от Марианны Вебер, родственницы Эдуарда Баумгартена, Ясперс получил копию отзыва Хайдеггера о Баумгартене, которую сделал сам Баумгартен. Тогда Ясперс не сделал для себя копии. В 1945 г. Баумгартен по памяти продиктовал Ясперсу содержание отзыва, и лишь много позднее, в 1961 г., он переслал Ясперсу копию отзыва, дословно переписанную из дневника 1935 г. По смыслу текст 1945 г. тождествен копии 1961 г., однако отличается в формулировках. Для Ясперса продиктованное ему в 1945 г. тоже было тождественно по смыслу той копии, которую он читал в 1935 г.

Еще одна рукописная копия найдена Х. Оттом в архиве Клеменса Бауэра

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
(Clemens Bauer), ср.: Martin Heidegger als Rektor..., а. а. О., S. 129.

То, что в 1935 г. в конторе фюрера союза доцентов д-ра Блуме (Blume) Баумгартену предъявили отзыв Хайдеггера, позднее подтвердила г-жа Грета Пакен (Greta Paquin), тогдашняя секретарша Блуме (письменное подтверждение в архиве Ясперса). – В этом деле Яс-перс положился на высказывания и копии Баумгартена, хотя никогда не видел оригинала, очевидно уничтоженного вместе со всеми документами национал-социалистского союза доцентов в Гёттингене. Отсюда можно заключить, что он считал такое поведение Хайдеггера вполне вероятным.

[343]

"Caute" (осторожно – лат.) было начертано на печатке Спинозы.

[344]

Ср.: Платон, Государство, 496 d.

[345]

В середине мая 1945 г. комиссариат городского управления внес дом Хайдеггера в "черный список", ь е. предназначил для конфискации. Кассационная жалоба об отмене данного решения была отклонена. Дом считался так называемым "партийным жильем", которое находилось в распоряжении французских оккупационных властей. Реквизиции подлежала и библиотека Хайдеггера. В конечном счете Хай-деггеру было разрешено остаться в доме, но в очень стесненных жилищных условиях – дополнительно там были размещены еще две семьи.

О долгих и сложных переговорах насчет статуса Хайдеггера в университете ср.: Oft J, Martin Heidegger und die Universität Freiburg nach 1945, а. а. О., S. 101 ff. – 19.1.1946 ученый совет Фрайбургского университета принял решение уволить Хайдеггера на пенсию, с запретом на преподавание, отказать в повторном рассмотрении дела по прошествии определенного срока, а кроме того, просить ректора сообщить Хайдеггеру, что впредь на общественных мероприятиях университета его, Хайдеггера, присутствие нежелательно. Французская военная администрация ужесточила решение в том смысле, что от-

казала Хайдеггеру в пенсии университетского профессора, предоставив только пенсию государственного служащего. 346. Поскольку эти устные рекомендации оставались безрезультатны, Яс-перс договорился в 1949 г. с ректором Фрайбургского университета, проф. Гердом Телленбахом (Gerd Teißenbach), что напишет ему письмо; этим письмом Ясперс хотел добиться восстановления Хайдегге-ра в правах пенсионера-профессора:

"Базель, 5 июня 1949 г.

Ректору Фрайбургского университета

Г-ну проф. д-ру Телленбаху

Ваше превосходительство!

Благодаря своим заслугам в философии г-н проф. Мартин Хай-деггер признан во всем мире как один из крупнейших философов современности. В Германии нет никого, кто бы его превосходил. Его философствование, почти сокровенное, связанное с глубочайшими вопросами, лишь косвенно распознаваемое в его трудах, делает его сегодня в философски скудном мире, пожалуй, единственной в своем роде фигурой.

Европа и Германия, признавая важность духовного уровня и духовных способностей, обязаны позаботиться, чтобы такой человек, как Хайдеггер, мог спокойно работать, продолжать свои исследования и публиковать их.

Это будет обеспечено, только если Хайдеггер как пенсионер получит статус ординарного профессора. Тем самым он обретет право (но не обязанность)

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org читать лекции. Таким образом, он вновь найдет себе применение как преподаватель. Я считаю это приемлемым и даже желательным. Правда, в своем отзыве 1945 г. я сформулировал принцип, что на время следует отойти от идеи университета, в соответствии с которой в высшей школе должно быть представлено все, что имеет духовный уровень, даже если оно и чуждо ее либеральности. Ведь задачи воспитания молодежи, ослабленной в своем критическом мышлении национал-социализмом, требовали не испытывать ее любой возможностью некритического мышления. Учитывая развитие Германии в последние годы, я больше не могу придерживаться этого принципа. Как и предусматривал мой тогдашний отзыв, по прошествии нескольких лет следовало проверить возможность восстановления Хайдеггера в прежней должности. Теперь, мне кажется, такое время пришло. На мой взгляд, немецкий университет не может более оставлять Хайдеггера в стороне.

Поэтому я горячо поддерживаю ходатайство восстановить Хайдеггера в правах пенсионированного профессора.

С глубочайшим уважением,

преданный Вам

Карл Ясперс"

[347]

Далее следует зачеркнутый пассаж: "Мое письмо на запрос о Вас из Фрайбурга – лишь одно из многочисленных частных и публичных высказываний, на которые я осмелился, движимый первым импульсом нравственного обновления. Я не уклонялся от ответа, когда меня спрашивали. Мне казалось, что ошибка при этом страшнее, чем когда-либо, как и для всякого немца, который говорит. А ошибка почти неизбежна. Поэтому я побаиваюсь. Ведь от истины зависит все. В ней – единственное, что при нашем бессилии еще возможно. Напускать туман не годится. Если через посредство моих ошибок хотя бы возникнет ясность, а ошибки смогут быть исправлены, надо решиться. В скором времени я уже не буду действовать так, но удалюсь, по крайней мере в основном, в чистую философию".

[348]

Jaspers K., Geleitwort // Die Wandlung. Eine Monatsschrift. Unter Mitwirkung von Karl Jaspers, Werner Krauss und Alfred Weber, hrsg. von Dolf Stemberger, Jg. I/1945–1946} Н. 1, S. 3–6.

Jaspers K., Erneuerung der Universität. Eine Rede, a. a. O., S. 66–74.

[349]

Копия в архиве Хайдеггера с пометкой рукою Ясперса "Копия рукописного письма"; оригинала нет; ср. следующее письмо Хайдеггера.

[350]

Ср. письмо [125] от 1.3.1948, прим. 35.

[351]

Ibid., прим. 343–344.

[352]

Ibid., прим. 345.

[353]

Подробности обстоятельств реконструировать не удалось.

[354]

Ibid., прим. 344.

[355]

В разгар преследований евреев Гертруде Ясперс, которая как еврейка находилась в опасности, время от времени приходилось прятаться. Общественные контакты были почти полностью оборваны в первую очередь с нею.

[356]

В марте 1933 г., ср. письмо [113] от 16.3.1933 Хайдеггера Ясперсу

[357]

Жан Валь (Jean Wahl; 1888–1974) – французский философ, с 1927 г. профессор Сорбонны; своими публикациями одним из первых сделал немецкую экзистенциальную философию известной во Франции. См.: Wahl J. *Etudes Kierkegaardianes*, Paris 1938; *Lapensee de l'existence*, Paris 1951.

[358]

Lettre de M. M. Heidegger. Reponse a M. J. Wahl (Societe française de Philosophie, seance du 4 decembre 1937. Subjectivite et transcendence.) – In: Bulletin de la Societe française de Philosophie, 37, Paris 1937, p. 193. Lettre de M. Karl Jaspers, a. a. O., p. 195–198. Также в качестве приложения к: Wahl J., *Existence humaine et transcendence*, Neuchatel 1944, p. 134 f.; 138–142.

[359]

В своем кратком письме Хайдеггер подчеркивал, что его философские усилия – хотя в "Бытии и времени" он говорит об "экзистенции" и Кьеркегоре – не могут быть названы "экзистенциальной философией". Он полностью согласен с Жаном Валем в том, что экзистенциальная философия находится в двойной опасности – подпасть под влияние либо теологии, либо абстракции. Его, Хайдеггера, занимает не вопрос об экзистенции человека, но вопрос о бытии в целом и как таковом. Вопрос, который ставится в "Бытии и време-

ни", до сих пор нигде не обсуждался – ни Кьеркегором, ни Ницше, и Ясперс совершенно его игнорирует.

В своем более пространным ответе от 30.1.1938 Ясперс отвечал: "Я нигде не говорю о знании обо всем бытии", "но лишь о знании о «способах всеохватывающего»". Каждый способ всеохватывающего наталкивается, по мысли Ясперса, на границу, ему принадлежащую, и тем самым приходит к точке, где "граница может быть прорвана, открыв другое пространство, пока, наконец, в трансценденции не станет возможен покой". Этот покой никоим образом не может быть знаем. Иной смысл имеет и целостность ("Ganzheit") – всякий раз только в связи со способом всеохватывающего. В противоположность Кьеркегору, он, Ясперс, отрицает "веру в трансценденцию, которая не обнаруживает себя в нашем мире, не удостоверяет и не выдерживает в нем испытания"; однако саму трансценденцию он не отрицает. Он склонен "отрицать всякую «подмену» вечности омирщенными мыслями, считая это заблуждением". – "Не стану отрицать, что в моей философии говорит ностальгия по утраченному, что в ней звучит эхо религии". Однако Ясперс считает, что эта ностальгия сквозит во всей философии, которая сродни Платону и Канту. – "Теория" экзистенции должна бы исключить экзистенцию. "Экзистенциализм – смерть экзистенциальной философии..." философия может только пробуждать. Тот, кто раскрывает себя в философии, "должен добиваться противоположности

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org диктаторского, почти исчезающая в мнимой гибкости и мягкости и благодаря тому открывая слушающему пространство, принадлежащее ему целиком". Конкретность психологизма "должна быть преодолена"; "философствование должно стремиться к такой абстрактности, которая своей формой способна влиять на глубочайшую действительность". "Конкретные" анализы его философии должны всякий раз преодолевать психологическое, чтобы стать интенсивным представлением возможной экзистенции. – "Невозможно... чтобы философия была экзистенци-

альной. Только человек в его временном бытии есть возможная экзистенция". "То, что Хайдеггера и меня называют рядом, словно мы делаем одно и то же, дает, как мне кажется, нам обоим повод почувствовать себя неправильно понятыми. Общим у нас были, возможно, критически-негативное отношение к традиционной университетской философии и зависимость от идей Кьеркегора. Но нас разделяли содержания, из которых мы философствуем".

[360]

См. прим. 73 к письму [22] от 18.6.1924.

[361]

22 июня 1949 г.

[362]

В 1928 г. Франк стал ординарным профессором в Марбурге.

[363]

Frank E., Die Philosophie von Jaspers // Theologische Rundschau, Neue Folge 5, Jg. 1933, n. 5, s. 301–318.

[364]

В архиве Ясперса, где, кроме того, находится фрагмент наброска, лишь частично вошедший в письмо.

[365]

Предки Ясперса с материнской стороны (линия Танценов) были в основном крестьянами в Бутьядингене и Еверланде, с отцовской стороны – крестьяне, торговцы и пасторы.

[366]

фрагмент наброска к письму содержит дополнительные разъяснения:

"Общего нравственного возрождения я так и не нашел, даже в зародыше. То, что со мной делали, не имело ничего общего с философией. Когда в начале 1946 г. я защищался от неумеренных славословий по моему адресу (радиообращение к немецкой молодежи): я, мол, дуб... и прочая бессмыслица, – то написал в

газетной заметке: я не герой и не хочу таковым считаться *. И вот солидная газета, напечатавшая то обращение, не опубликовала мое опровержение (оно не подходило к стилю, который был как раз недостаточно честным), и только малотиражные издания напечатали мою заметку, так что, кто ее видел, удивлялся и не понимал меня. Это лишь один из многих симптомов того, что меня не привлекало. Я уже видел знаки того, что во время визита в Гейдельберг меня начинают встречать как национального героя. Ложность моего положения едва не стала гротескной – впрочем, для немца оно в любом случае остается ложным. Здесь, в Базеле, мне хорошо среди чужих людей, умных,

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org образованных, человечных и здравомыслящих, – где каждый знает Я. Буркхардта и некоторые его, пожалуй, понимают, а один пишет о нем ценную биографию** с новым материалом. Молодежь со всего мира, визиты друзей и родственников, которым нельзя появиться в Гейдельберге, свобода от жизни при оккупационных властях, в случае ухода которых человек вроде меня был бы вдобавок опять-таки предоставлен неизвестности, – все это вместе с рядом других обстоятельств я воспринимаю как скромное, дарованное судьбою счастье. С тех пор как мы виделись, состояние моего здоровья лучше не стало. Однако условия здешней жизни привели меня за последний год в небывало хорошее физическое состояние (несмотря на многие периоды нездоровья). Я работаю с удовольствием и не делаю больше ничего".

* Имеется в виду заявление "Против ложной героизации" ("Gegen falsche Heroisierung"), которое Ясперс опубликовал в "Райн-Неккар-цайтунг" от 25.1.1946.

" Речь идет о семитомной биографии Буркхардта, принадлежащей перу базель-ского историка Вернера Кеги (Werner Kaegi), первый том которой вышел в Базеле в 1947 г.

Комментарии

[367]

Heidegger J., was ist Metaphysik? 5., durch Einleitung und Nachwort vermehrte Auflage, Frankfurt a. M. 1949; Vom Wesen der Wahrheit, Frankfurt a. M., 2. Aufl. 1949; Über den Humanismus, Frankfurt a. M. 1949.

[368]

Несколько лет Ясперс проводил летний отпуск в Санкт-Морице, в доме своего друга, гейдельбергского врача Ханса Вальца (Hans Waltz).

[369]

Heidegger M., Platons Lehre von der Wahrheit. Mit einem Brief über den "Humanismus", Bern 1947.

[370]

Über den Humanismus, ed. Frankfurt a. M., a. a. O., S. 15 ff.

[371]

Über den Humanismus, a. a. O., S. 5.

[372]

Unsere Zukunft und Goethe, Zurich 1948; Goethes Menschlichkeit, Basel 1949; Philosophie und Wissenschaft (Antrittsvorlesung an der Universität Basel) // Die Wandlung 3/1948, S. 721–733.

[373]

Курциус Эрнст Роберт (Curtius, Ernst Robert; 1886–1956) – романист в Марбурге, Гейдельберге и Бонне. Опубликовал в т. ч.: Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter, Bern 1948; Kritische Essays zur europäischen Literatur, Bern 1950. Пользовался большим авторитетом в кругах романистов. Намек Хайдеггера относится к трем памфлетам Курциуса, направленным против критики Гете Яс-персом: "Goethe oder Jaspers?" // Die Tat, 2.4.1949; "Darf man Jaspers angreifen?" // Rhein-Neckar-Zeitung, 17. 5.1949; "Goethe, Jaspers, Curtius" // Die Zeit, 2.7.1949.

Мартин Хайдеггер - Карл Ясперс. Переписка, 1920-1963 filosoff.org
[374]

Лукач Дьёрдь (Lukacs, Gyorgy; 1885-1971) – венгерский философ, марксист, профессор в Будапеште, активно участвовал в политике. Работы: *Geschichte und Klassenbewußtsein*, Berlin 1923; яростно критиковал Хайдеггера после войны в статье: *Heidegger redivivus // Sinn und Form*, Jg. 1, N. 3, 1949, S. 37-62.

[375]

Лессинг о ветряных мельницах: *Hamburger Dramaturgie*, 77. Stück (Bd. 5, S. 223 в издании: Petersen/Olshausen, Berlin, Leipzig, Wien u. Stuttgart

[1925]

: "И вольно господам ссориться; их воображение превращает ветряные мельницы в великанов".

[376]

Сяо Пауль Ши-и (Hsiao, Paul Shih-Yi; 1911-1986) – работал над Гердеровской энциклопедией и посещал лекции Хайдеггера 40-х гг.; с 1974 г. до своей смерти – профессор университета Фу-йен в Тайбэе.

[377]

GA Bd. 54: *Parmenides*. Hrsg. von Manfred S. Frings, Frankfurt a. M. 1982, а также: GA Bd. 55: *Heraklit*. Hrsg. von Manfred S. Frings, Frankfurt a. M., 2. durchges. Aufl. 1987.

[378]

Platons Lehre von der Wahrheit mit einem Brief über den "Humanismus", Bern 1974 (а также: GA Bd. 9: *Wegmaricen*. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1976, S. 203-238; 313-364.

[379]

Ср. письмо [129] от 5.7.1949 Хайдеггера Ясперсу.

[380]

В заключение своей критики Лукач упрекает Хайдеггера, что тот остается под властью "общей картины мира экзистенциализма", "из которого Сартр и его ученики судорожно ищут путь в социальную реальность, картины, в которую Ясперс в тщеславном самолюбании погружается" (*Georg Lukacs: Heidegger redivivus*, a. a. O., S. 61). – Более подробное сравнение отсутствует.

[381]

С. И. Тюльпанов возглавлял в 1945-1949 гг. информационное управление советской военной администрации в Германии. Его задачей было представлять интересы Советского Союза в политической жизни советской зоны оккупации. Его ведомство фактически осуществляло цензуру прессы, радио и культурной жизни. – Замечание о личных нападках, возможно, относится к Jvfe 7 (за июль 1949 г.) журнала "Айнхайд" ("Einheit" – "Теоретический журнал научного социализма", орган правления Социалистической единой партии), где (с. 664 сл.) опубликована заметка под заголовком "Идеологическое наступление" ("Ideologische Offensive"). Там есть, в частности, такие слова: "...инициативный комитет советских и немецких товарищей постановил по случаю 40-летия выхо-

да в свет работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» пригласить широкие круги общественности на пятидневную философскую дискуссию в Дом советской культуры... По сути своей это мероприятие было решительным наступлением диалектического материализма по всему фронту против одной из наиболее реакционных форм современного идеализма. После введения тов. проф. Тюльпанова, изложившего боевую программу конференции... тов. д-р Георг Менде и проф. Петер Штайнигер охарактеризовали экзистенциалистскую философию страха, свойственную утратившей почву мелкой буржуазии (первый – в ее немецких, второй – во французских разновидностях)..." – [Эта информация была получена издателем от д-ра Винсента фон Вроблевски (Vincent von Wroblewsky) из Восточного Берлина.]

[382]

Jaspers K., Die Idee der Universität, Berlin u. Heidelberg 1946 (Schriften der Universität Heidelberg, N. 1).

[383]

Речь, вероятно, идет о романисте Вернере Крауссе (род. 1900), соиздателя журнала "Вандлунг", который в 1947 г. обосновался в Лейпциге и Берлине.

[384]

По окончании нескольких докладов первого Женевского международного совещания (Rencontres Internationales de Geneve) в 1946 г. состоялась дискуссия между Лукачем и Ясперсом, и не одна. См.: Benda et al., L'Esprit Européen. Textes in-extenso des Conférences et des entretiens organisés par les Rencontres Internationales de Geneve Neuchâtel 1946, p. 198 ff., 249 ff., 325 ff.

[385]

Ср.: Jaspers K., Heidelberger Erinnerungen // Heidelberger Jahrbucher v. Hrsg. von der Universitäts-Gesellschaft Heidelberg, Berlin, Göttingen, Heidelberg 1961, S. 1-10, особенно S. 5.

[386]

Ср.: Heidegger M., Über den Humanismus, Frankfurt a. M. 1949, S. 22 ff.

[387]

Ср., в частности, гл. V в "Weltgeschichtliche Betrachtungen" Якоба Буркхардта, озаглавленную "Индивидуум и всеобщее. (Историческое величие)" – "Das Individuum und das Allgemeine. (Die historische Größe)".

[388]

Jaspers K., Vom europäischen Geist. Vortrag, gehalten bei den Rencontres Internationales de Geneve September 1946, München 1947.

[389]

Jaspers K., Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, Zürich (Artemis) 1949 und München (Pieper) 1949.

[390]

Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, ed. Zürich, S. 126 ff.

[391]

A.a.O.S. 108ff.

[392]

Имеется в виду Верхний Энгадин, где начиная с 1879 г. Ницше часто проводил летние месяцы.

[393]

Намек на книгу Франца Йозефа Брехта (Franz Josef Brecht), вышедшую в Германии в 1948 г., а год спустя – в Базеле ("Schicksal und Auftrag des Menschen. Philosophische Interpretationen zu Rainer Maria Rilkes Duineser Elegien"). Через базельское издательство Брехт послал экземпляр Ясперсу.

[394]

Bollnow O.F., Existenzphilosophie // Systematische Philosophie. Hrsg. von Nicolai Hartmann, Stuttgart u. Berlin 1942, S. 313–430, особенно S. 382.

[395]

Jaspers K. y Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, Zurich u. Munchen 1949; Vom europaischen Geist. Vortrag, gehalten bei den Rencontres Internationales de Geneve September 1946, Munchen 1947.

[396]

Мартину Хайдеггеру – Сердечно, К. Я.

[397]

Ср.: Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, Zurich u. Munchen 1949, S. 18 ff.

[398]

О "сущности техники" ср.: "Письмо о гуманизме" (Brief uber den Humanismus in: GA Bd. 9: Wegmarken. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M. 1976, S. 340 ff.

[399]

26.9.1949.

[400]

Кэте Викториус (Kathe Victorius), бывшей ученице Хайдеггера, Ясперс 26. 3. 1949 написал письмо о Хайдеггере, которое проясняет

его отношение к Хайдеггеру. Прочитываем следующий пассаж, касающийся Хайдеггера: "Предисловие * Хайдеггера я прочитал сразу. С печальным воспоминанием: все тот же порыв к решающему в философствовании, который я почувствовал в нем почти 30 лет тому назад. Однако сейчас читаешь это предисловие не без легкого неудовольствия, по крайней мере я не мог от этого отделаться. По сравнению с прежними годами два изменения: ранее он "обходил" "Бытие и время", не читая по нему лекции, теперь же эта работа рассматривается как каноническая книга, интерпретируется, защищается от

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org непонимания, – и тогда он более чем когда-либо рассыпается в "разговорах о...", которые так резко отвергал, – вместо того чтобы осуществлять это мышление. Это – пробуждение ожиданий, которые не сбываются. Юношеское обещание, которое человек все еще дает, хотя давно уже не юн. – Но главное сохраняется: он касается сущностного. На этом пути важно яснее очертить "представление" и "память" ("Andenken"), – слова, которыми он обозначает различие между "метафизикой" и подлинной философией. На сей счет давно уже высказаны куда более глубокие соображения – например, у Шеллинга. Я желал бы, чтобы Хайдеггер опубликовал свои более обширные рукописи – тогда стало бы ясно, в чем дело. Но и теперь, как прежде, я рад: есть человек, который знает нечто такое, о чем ныне догадываются лишь немногие или не догадывается вообще никто. При всех глубоких различиях, еюгрлрслвр всей причудливости его дикции, звучит для меня всшнедрлественно. Если он прав в том, что философствование такого рода "свершается", а не просто мыслится как "вещь" (eine Sache) – и в этом я целиком и полностью с ним согласен, – то оно должно проявляться также и в личных делах, и в поведении. Я не имею в виду давней чепухи вроде "жить согласно своему учению",

"Имеется в виду Введение к 5-му изданию (Frankfurt a. M. 1949) "что такое метафизика?" ("was ist Metaphysik?").

я говорю о соответствии уровню. Когда мы доказываем или опровергаем наше дело не научно убедительными аргументами, но самой нашей сущностью, тогда оно становится человеческим языком, неотделимым от живого философствования".

[401]

Прим. Ясперса к письму [136] от 23.11.1949: "ответил сразу, кроме того, написал Телленбаху".

[402]

Der Feldweg, Frankfurt a. M. 1949 (8, –1986)*.

[403]

Holzwege, Frankfurt a. M. 1950 (6, – 1980), а также в: GA Bd. 5. Hrsg. von F.-W. V. Herrmann, Frankfurt a. M. 1977.

[404]

Речь идет об "инициативе" Герда Телленбаха, ректора Фрайбургского университета, с целью восстановить Хайдеггера в должности. Яс-перс написал по этому поводу письмо, на которое ссылается в неотправленном письме от 1. 3.48 (прим. 349).

[405]

Экземпляр надписан: "С сердечным приветом Карлу Ясперсу. Мартин Хайдеггер. Ноябрь 1949".

[406]

Hühnerfeld P., Philosophen prägen das Bild der Zeit. Sartre und Jaspers in neuen Büchern (S. 9). В этой статье Хюнерфельд рецензировал работу Ясперса "Vom Ursprung und Ziel der Geschichte", одновременно опубликованную в Мюнхене и Цюрихе".

[407]

Речь идет о следующем фрагменте: "Вопрос об истории в целом, однако, еще ждет окончательного ответа. Но уже сам вопрос, а так-

' Русск. перев.: Проселок/Перев. Ал. В. Михайлова // Мартин Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. М., 1994.

" Русск. перев.: Истоки истории и ее цель / Перев. М. И. Левиной // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 28–286.

же попытки ответить на него помогают нам избежать скороспелых заключений мнимого знания, которое тотчас исчезает; склонности к схватыванию собственной эпохи, которую так легко оклеветать; объявлений о всеобщей несостоятельности, звучащих сегодня уже чуть ли не старомодно; претензий найти нечто совершенно новое, основополагающее, что непременно должно нас спасти и отныне противопоставляется всему развитию от Платона до Гегеля или Ницше. Значение собственного мышления при скудости содержания странным образом завышается (поддельваясь под экстремальную, но обоснованную позицию Ницше). Однако торжественное "Нет" и заклинание Ничто не суть самостоятельная действительность. На ощущении победы можно вести видимость духовной жизни лишь до тех пор, пока не будет растрочен весь капитал".

[408]

"Базель, 2 декабря 1949 г.

Глубокоуважаемая редакция!

В выпуске "Цайт" от 1 декабря 1949 г. Пауль Хюнерфельд рецензирует мою книгу "Истоки истории и ее цель". Он говорит о двух недостатках... "второй вызывает еще большие сомнения; он состоит в злобных нападках на Хайдеггера (без упоминания имени) и называет его мышление мышлением со скудным содержанием". Я заявляю, что в этой книге я нигде о Хайдеггере не говорю.

Но как стало возможным подобное – очевидно, искреннее – заблуждение? Мне было трудно отыскать приводимое место, поскольку цитировались лишь слова "мышление со скудным содержанием". Абзац, в котором они находятся, характеризует позицию "Нет" по отношению к эпохе, причем эта позиция сопряжена с повышенным сознанием новооснования. Такая характеристика основана на наблюдениях, дополняет их фантазией, отмечает то, что в нее не вписывается, и тогда становится по своему смыслу не категорией, в которую попадает человек, а идеальным типом, с которым можно со-

поставить отдельных людей и с которым каждый может сопоставить сам себя, выясняя, насколько он соответствует или не соответствует этому типу. Опытом, на который опирается такое схематизирование, были прежде всего феномены устной и письменной речи национал-социализма, но и так называемого экзистенциализма, в особенности эпигонов. Рецензент перепугал эту идеально-типическую схему с оценкой личности. Вопреки моему намерению, он отнес высказанное к Хайдеггеру.

Если я захочу вступить с Хайдеггером – о котором здесь не было и речи – в публичную полемику, я сделаю это открыто. Мое отношение к этому выдающемуся мыслителю – до сих пор и уже долгое время личное – не изменится от подобных выступлений. Но опровержение представляется мне необходимым, чтобы пресечь ложные слухи.

Карл Ясперс"

[409]

Критический пассаж в газете "Цайт" таков:

"Увлекательная книга обладает двумя недостатками: первый заключается в ее стиле, который, к сожалению, не свободен от ложных образов, а потому делает простые вещи трудно постижимыми и заставляет усомниться в верности суждений. Второй вызывает еще большие сомнения; он состоит в злобных нападках на Хайдеггера (без упоминания имени) и называет его мышление мышлением "со скудным содержанием". Подобное заблуждение, несомненно, столь же мало достойно мыслителя уровня Карла Ясперса, сколь и философии

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
фрайбургского мыслителя или же благородства подлинно философского
высказывания".

[410]

Письмо в газету "Цайт" было опубликовано 22. 12.1949 (S. 16) под заголовком
"О Хайдеггере речь не шла".

[411]

имеется в виду "Об истоке и цели истории" Ясперса.

[412]

Ортега-и-Гассет Хосе (Ortega y Gasset, Jose; 1883–1955) – испанский
философ, профессор в Мадриде. По отношению к возможности постижения истины
занимал позицию перспективизма. Опубликовал в частности: *La rebelion de las
masas*, Madrid 1929*. *Europaische Kultur und europaische volker*, Stuttgart
1954; *Vergangenheit und Zukunft im heutigen Menschen*, Stuttgart 1955.

[413]

Vom Wesen der Wahrheit, Frankfurt a. M. 1943 (7,1986), а также в: GA Bd. 9,
a. a. O., S. 177 ff.

[414]

"Einblick in das, was ist" был общим заголовком всех Бременских докладов:
"Das Ding", "Das Gestell", "Die Gefahr", "Die Kehre". Доклад "Das Ding"
опубликован в: *Vortrage und Aufsätze*, Pfullingen 1954, S. 163–185; "Das
Gestell" – в том же томе, под заголовком "Die Frage nach der Technik", S.
13–44; "Die Kehre" – в издании: *Die Technik und die Kehre*, Pfullingen 1962,
S. 37–47***.

[415]

Гюнтер Завацки (Gunther Sawatzki), родом из Данцига, в зимнем семестре
1927/28 г. учился у Ясперса. Защитил диссертацию на тему: "Проблема поэта
как мотив развития Сёрена Кьеркегора до 1841 г." – "Das Problem des
Dichters als Motiv in der Entwicklung Soren Kierkegaards bis 1841", Borna –
Leipzig 1935.

[416]

Ср. письмо [138] от 2.12.1949, прим. 413.

* Русск. перев.: Восстание масс. / Перев. А. М. Гелескула // Ортега-и-Гассет Х., Избранные труды. М., 1997. С. 43–163.

** Русск. перев.: "Вещь" / Перев. В. В. Биbihина // Историко-философский
ежегодник '89. М., 1989, а также в: Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и
выступления. Составлен., перев. В. В. Биbihина. М., 1993. С. 316–326.

*** Русск. перев.: "Поворот" / Перев. В.В. Биbihина // Хайдеггер М. Время и
бытие. С. 253–258. На языке оригинала все эти доклады опубликованы теперь
в: GAVd.79.

[417]

Вероятно, подразумевается описание ситуации в письме [136] от 23. 11. 1949.

[418]

Ср. письма [102] от 24. 5. 1930 и [1 10] от 24. 12. 1931.

[419]

Кларк Сэмюэль (Clarke, Samuel; 1675–1729) – английский философ-моралист, математик и теолог; с 1707 г. – священник в Лондоне. В 1715–1716 гг. Лейбниц обменялся с ним несколькими полемическими письмами. О содержании переписки и том, что послужило ее поводом, см.: Die Philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz. Hrsg. von C. J. Geihardt, Bd. 7, Berlin 1890, S. 347–351.

[420]

Экземпляр книги имел посвящение: "Карлу Ясперсу с сердечным приветом. Мартин Хайдеггер. 12. XII. 49".

[421]

Nietzsches Wort "Gott ist tot", S. 193–247.

[422]

Die Zeit des Weltbildes, S. 69–104.

[423]

Wozu Dichter, S. 248–295.

[424]

На этот счет на форзаце книги: "Примечательные совпадения со мной, без влияния, если Хайдеггер не дополнил эти рукописи после 1945 г., по прочтении моих. Последнее, однако, маловероятно".

[425]

В подаренном ему экземпляре книги "Неторные тропы", под Хайдеггером объяснением ее заглавия, Ясперс приписал: "«Лесовозными дорогами» («Holzwege») называют дороги для вывоза срубленных деревьев, а не проезжие дороги. Это вовсе не «лесные тропы»

[426]

Ясперс интенсивно читал "Неторные тропы" [за исключением "Происхождения произведения искусства" ("Der Ursprung des Kunstwerkes") и частично "Понятия опыта у Гегеля" ("Hegels Begriff der Erfahrung")] и испещрил книгу многочисленными замечаниями.

[427]

Относится к отмене запрета на преподавание и обещанию восстановления в статусе пенсионированного профессора.

[428]

В начале февраля 1950 г. Ханна Арендт приезжала во Фрайбург.

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
[429]

Ср. письмо [127] от 22. 6. 49.

[430]

Вильер Юлиус (Wilser, Julius; 1888–1949) – профессор во Фрайбурге, с 1934 г. – ординарный профессор палеонтологии в Гейдельберге. Во время ректорства Хайдеггера был канцлером университета.

[431]

СД (SD) – "Служба безопасности" (Sicherheitsdienst).

[432]

С.11. 1938 по март 1945 г. ректором был историк Пауль Шмиттхеннер (Paul Schmittenner), в 1940–1945 гг. занимавший также пост министра по делам культов и просвещения в Карлсруэ.

[433]

Die Idee der Universität, Berlin u. Heidelberg 1946; Nietzsche und das Christentum, Hameln o.J. (1946); Die Schuldfrage, Heidelberg u. Zurich 1946.

[434]

Немецкое издание расходилось очень медленно, тогда как швейцарское в течение года выдержало четыре издания.

[435]

Название лекции: "Духовная ситуация в Германии" ("Die geistige Situation in Deutschland").

[436]

Ср. прим. 436 к письму [143] от 25.3.1950. Замечание, вероятно, относится к работе Ясперса "Вопрос вины".

[437]

Мёллендорф Вильгельм фон (Möllendorff, Wilhelm von; 1887–1944) – профессор анатомии. См. также: Das Rektorat 1933/34. Tatsachen und Gedanken // Die Selbstbehauptung der deutschen Universität. Das Rektorat 1933/34. Hrsg. von Hermann Heidegger, Frankfurt a. M. 1983, S. 21 ff.

[438]

Прелат Йозеф Зауэр. Ср. письмо [114], прим. 302.

[439]

Гюнтер Пауль (Gunther, Paul; 1892–1969) – профессор физической химии и электрохимии. В 1949 г. был ректором Технического университета в Карлсруэ.

[440]

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org
Керн Эдуард (Kern, Eduard; 1887–1972) – юрист. В 1934 г. стал преемником
Хайдеггера на посту ректора. Уже в 1946 г. смог вновь занять свою кафедру в
Тюбингене.

[441]

Nietshes Wort "Gott ist tot" // Holzwege, Frankfurt a. M. 1950, S.
193–247, а также в: GA Bd. 5. Hrsg. von F.-W. v. Herrmann, Frankfurt a. M.
1977, S. 209–267.

[442]

Kant und das Problem der Metaphysik, Frankfurt a. M. 2, 1951; 4. erweiterte
Auflage 1973.

[443]

Jaspers K., Einführung in die Philosophie. Zwölf Radio-Vortage, Zurich
1950.

[444]

Вопрос к "Психологии мировоззрений": пограничная ситуация как центр
философии, а также вопрос о методе у Ясперса.

[445]

Сохранилось в архиве Ясперса в виде черновика с пометкой от июля 1952 г.:
"Я, наверное, отослал не это письмо, а более краткое". В архиве Хайдеггера
это письмо не найдено. Скорее всего, Ясперс послал только письмо [147].

[446]

Объединенный комитет студенческих корпораций (ASTA) Гейдельбергского
университета пригласил Ясперса прочитать три лекции, которые состоялись в
конце летнего семестра 1950 г. В тот же год они были опубликованы в Мюнхене
под общим названием "Vernunft und widervernunft in unserer Zeit".
Намечавшаяся встреча с Хайдеггером не состоялась.

[447]

Jaspers K., Von der Wahrheit, München 1947.

[448]

A. a. O., S. 834 ff.

[449]

Jaspers Kt Existenzzerhellung, Berlin 1932. S. 24 ff.

[450]

Для въезда в ФРГ.

[451]

Имеются в виду физик-ядерщик Вольфганг Гентнер (Wolfgang Gentner,
1906–1980) и его жена Алиса (урожд. Пфелер). В то время Гентнер был
ординарным профессором физики во Фрайбурге; в 1958 г. он был назначен

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963, filosoff.org
директором Института ядерной физики им. Макса Планка в Гейдельберге.

[452]

Ср. письмо [131] Ясперса Хайдеггеру от 6.8.1949, прим. 371.

[453]

С ранней юности Ясперс страдал бронхоэктазией, которая уже при малейших простудах могла привести к воспалению легких.

[454]

Ср. письмо [132] Хайдеггера Ясперсу от 12.8.1949.

[455]

Речь шла о слухе, будто Хайдеггер осенью 1949 г. сказал гейдельбергскому историку литературы Паулю Бёкману (Paul Bockmann), что Ясперс ранее занимался плагиатом его идей и потому он, Хайдеггер, в 1933 г. порвал с ним отношения, и буццо в ответ на это Ясперс в 1945 г. своим письмом во Фрайбургскую комиссию по денацификации сильно ему навредил [сообщено в письме Курта Россмана (Kurt Rossmann) Ясперсу от 29.3.1950].

[456]

Речь идет о Ханне Арендт, которая во время своих визитов в Европу всякий раз заезжала из Базеля также и к Хайдеггеру. Как именно она "пресекла" эту историю, неизвестно.

[457]

письмо [141] Хайдеггера Ясперсу от 7.3.1950.

[458]

Arendt Я., *The Origins of Totalitarianism*, New York 1951 [на немецком языке: *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft*, Frankfurt a. M. 1955*].

[459]

Heidegger М., *Über den Humanismus*, Frankfurt a. M. 1949, S. 27 f.:
"Поскольку Маркс, постигая смысл отчуждения, входит в сущностное измерение истории, – поэтому марксистское понимание истории (Geschichte) превосходит прочую историографию (Historie)... Можно по-разному относиться к учениям коммунизма и их обоснованиям, однако в аспекте истории бытия несомненно: в нем высказывает себя элементарный опыт всемирно-исторического".

[460]

письмо [122] Ясперса Хайдеггеру от 16.5.1936.

* Русск. перев.: Х. Арендт. Происхождение тоталитаризма. М., 1997.

[461]

Семидесятилетие Ясперса.

[462]

"Друзья и знакомые, студенты всех лет моей преподавательской деятельности, власти и организации одарили меня в день моего семидесятилетия дружескими чувствами. Я получил столько писем, телеграмм, цветов и подарков, что теперь в великой благодарности совершенно растерялся: каждому я хочу ответить как полагается и сердечно. Однако это физически невозможно. Потому я прошу Вас вновь проявить доброту и разрешить мне поблагодарить Вас в такой форме. Я принял каждый дошедший до меня знак уважения и симпатии и внутренне ответил на него в задумчивой тишине благодарной признательностью.

Карл Ясперс Базель, февраль 1953 г."

[463]

На этот счет ср.: DurrE., Jacob Burckhardt als politischer Publizist. Mit seinen Zeitungsberichten aus den Jahren 1844/45. Aus dem Nachla? E. Durrs hrsg. von Werner Kaegi, Zurich 1937 (в особенности фрагмент от 3 мая 1845 г., S. 115 ff).

[464]

Ср. в указанном выше соч. послесловие Вернера Кеги, особенно S. 178–182.

[465]

Много лет Ясперс планировал написать книгу о Германии, которую хотел назвать "Немецкое самосознание" ("Deutsches Selbstbewu?tsein").

[466]

Источник установить не удалось.

[467]

Имеется в виду книга "Великие философы", первый том которой вышел в 1957 г.

[468]

Сохранилось только в архиве Ясперса с пометкой "дубликат".

[469]

В то время Ясперс проводил свой отпуск в Канне, в доме врача д-ра Ханса Вальца (Hans Waltz), с которым был дружен.

[470]

26 сентября.

[471]

В "Заметках" ("Notizen", № 155) Ясперс обдумывает, что бы он мог написать, "вероятно, к 70-летию Хайдеггера":

"Для меня это желанная возможность вместе с добрыми пожеланиями высказать также и мое преклонение перед Вами. Среди современников я знал только одного, кто казался мне по-настоящему великим философом, – Макса Вебера. Но помимо его среди «коллег по специальности» я не вижу никого, кроме Вас, кто волновал бы меня не только своими ценными достижениями, но и сам по себе, т. е. как философ. Издавна Вы были для меня человеком, который знает, что такое философия. Когда-то Вы ободряли меня Вашим существованием в

Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка, 1920–1963 filosoff.org академическом мире. Я благодарю Вас за все, что мог бы высказать по отдельности. Но, вопреки моему изначальному ожиданию, Вы, как мне кажется, стали представителем силы, которую я, сомневаясь и никогда не определяясь относительно Вас окончательно, встречаю противоборством. Если судьбе будет угодно, я, согласно принципу Ницше (на кого нападаю, того уважаю), еще постараюсь развить мою критику против Вас. Это трудно, поскольку подобной полемике нечего взять за образец. Я иногда думал о том, какой бы она могла быть. Однако ее осуществление есть нечто иное, нежели знание принципов, которыми следовало бы при этом руководствоваться. Мне надо прочитать все Ваши работы, с которыми я знакомился лишь отрывочно, а затем откладывал в сторону, поскольку они меня не интересовывали. То, что Вы говорили мне при личном общении, не повторяется в напечатанных трудах.

После 1945 г. мы не виделись, и это, наверно, не случайно. Я не избегал встреч намеренно, но и не искал их. Что я с тех пор услышал и увидел, углубило для меня то, что я не мог не видеть в Вас как в национал-социалисте (и каком! – который одновременно им не был!), и прояснило неизбежное, публично пока анонимное проти-

воборство. Привести это противоборство к выражению философским образом, т. е. видя так называемое «дело» (Sache) и личную экзистенцию в единстве, для моих способностей, вероятно, задача невыполнимая.

Но если б я попытался, то имея при этом личный интерес в конце концов все же сделать возможной между нами связь, которой прежде не было или которая была лишь видимостью. Когда я писал об этом в своей автобиографии для шильповской книги, я понял, что так, как это написано в ту пору, не пойдет. В итоге я изъясил этот раздел и вообще не упомянул Вашего имени. Это молчание наверняка было заметно и ощутимо для читателя, пусть даже и поверхностно осведомленного.

Благодаря нашим именам, подобная полемика послужила бы – я считаю это возможным – философии, особенно если бы Вы ответили и между нами возникло согласие, которое мы в 1949 г. считали возможным".

[472]

23 февраля 1963 г.

[473]

Сохранилось только в архиве Ясперса в виде наброска с пометкой "не отправлено, вместо него более краткое письмо".

[474]

В наброске – несколько пометок касательно расшифровки и несколько исправлений, сделанных рукой Ханны Арендт, которая на восьмидесятилетие Ясперса была у него в Базеле, а затем до июля находилась в Европе.

[475]

Ср. письмо [111] от 8.12.1932: "Это наводит меня на мысль: теперь, наряду с «Философией», Вам надо написать работу под названием «Философы»".

[476]

Jaspers K., *Lebensfragen der deutschen Politik*, Munchen 1963.

[477]

30.10.1966 Ясперс записал следующие разъяснения и приложил их к своей переписке с Хайдеггером:

"Письма Хайдеггера

Во многом дополненные другими письмами, которые казались мне важными для памяти.

Упомянутая переписка едва ли вполне понятна без учета соответствующих фактических отношений и настроений между нами. Когда я перечитываю эти письма, у меня возникает впечатление, будто временами в них проскальзывает оттенок неискренности. С моей стороны, вероятно, от неоправданных ожиданий, у Хайдеггера тоже, но у него еще и от мысленной погруженности в те возможности, в которые он в тот момент сам верит.

Что из всего этого истинно, прояснить трудно. И это угнетает. Я не сомневаюсь, что временами в них есть подлинная серьезность.

Мне вспоминаются два поворотных момента. Зимой 1923/24 г. Хайдеггер был у нас. Через Левита и Афру Гайгер я прослышал, будто Хайдеггер весьма пренебрежительно отозвался о моей "Идее университета" и при этом сказал: "Мы не можем быть боевыми товарищами". Я рассказал об этом Хайдеггеру: при наших дружеских отношениях я ожидал, что подобное суждение будет высказано мне самому; любая жесткая критика желательна, но открыто между нами; говорить о наших отношениях с другими означает прекращение дружбы. – Хайдеггер: То, что Вам сказали, неправда, ничего подобного я не говорил. – Я: Тогда вопрос для меня исчерпан. Я Вам верю. – На что Хайдеггер, явно возбужденно (я до сих пор вижу это и чувствую): Такого со мной еще не бывало. – В этот-то миг мы будто и заключили дружбу. Я действительно верил ему! Но я ошибся. Впоследствии я уже не был так уверен.

Второй поворотный момент был в мае [30 июня. – Нем. издатель] 1933 г. Хайдеггер как национал-социалист был приглашен выступить в Гейдельберге. Перед речью фюрер национал-социалистского студенчества Шеель приветствовал его как "коллегу Хайдеггера". Хайдеггер, как всегда, остановился у нас. Когда он приехал и я поднялся наверх поздороваться с ним, я сказал: "Сегодня прямо как в 1914 году..." Я хотел продолжить: "...массовый психоз, который продолжался тогда максимум три месяца...". Но я этого не сказал, увидев, что Хайдеггер воодушевленно поддакивает, находясь в совершенно другом настроении. Вот тогда я вдруг почувствовал: я ему больше не верю, – и замолчал. Уже давно закравшееся недоверие к его характеру заставило меня сдаться. Я не объяснил ему, что за катастрофа наступила. Я был осторожен. Я, правда, заговорил с ним на следующий день о "еврейском вопросе". Он говорил стандартными штампами – об "Интернационале" и т. п., однако без внутреннего участия. "Антисемитом" он не был. Но из осторожности я не стал рисковать. Он знал, что я решительный противник. Но полемика не состоялась. Возможно, она уже тогда совсем его не интересовала. Это была последняя наша встреча".

В "Заметках о Мартине Хайдеггере" ("Notizen zu Martin Heidegger") много эпистолярных пассажей (ср. №№ 93, 95, 155) или прямых обращений (ср. №№ 61, 64, 65, 76, 99, 103, 158, 169, 247). По-видимому, Ясперс намеренно не включил эти фрагменты в папку с перепиской (например, как "неотправленные" письма). Некоторое время он думал написать свою критику Хайдеггера в форме писем, чтобы она выглядела более живо и, главное, коммуникативно. Поэтому форма данных фрагментов носит литературный, фиктивный характер, чего нельзя сказать о письмах, которые были особо помечены как "неотправленные". Итак, в нашем издании мы придерживались указания самого Ясперса: переписку и "Заметки" следует рассматривать как взаимодополняющие и взаимокорректирующие материалы.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!